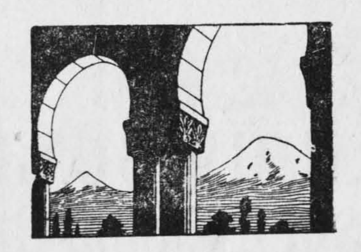
Н. М. ТОКАРСКИЙ

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ն. Մ. ՏՈԿԱՐՍԿԻ

ՀԻՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1946

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н. М. ТОКАРСКИЙ

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

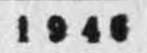

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

ЕРЕВАН 1946

*Печатается по распоряжению Президиума
Академии Наук Армянской ССР.
Президент академик И. А. ОРБЕЛИ*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Интерес к прошлому нашей родины очень велик. Памятники материальной культуры и в частности архитектуры занимают почетное место среди исторических материалов, которые должны стать достоянием каждого патриота, любящего родную старину, в которой он может не только найти ответы на интересующие его исторические вопросы, но и почерпнуть много полезного для сегодняшнего дня, для своей созидательной работы; памятники эти занимают по праву почетное место, ибо они не безмолвные свидетели, а правдивые летописцы, беспристрастно повествующие о делах давно минувших дней.

Армянский народ прошел большой и славный исторический путь. Несмотря на тяжелые испытания, не раз выпадавшие на его долю, несмотря на нависавшую временами угрозу физического уничтожения, он донес до нас свою многовековую культуру, нашедшую отражение и в многочисленных памятниках архитектуры, которые можно встретить среди домов и в садах селений, на изумрудных полянах, затерянных среди лесов, в угрюмых ущельях горных рек.

Количество их исчисляется многими сотнями. Одни стоят пощаженные временем, другие представляют живописные развалины; многие скрыты

под землей или грудами обломков. Только в пустынной ныне столице Багратуниев—Ани на протяжении ряда лет вел систематические раскопки и археологические разыскания Н. Я. Марр. „Имя его,—писали в 1915 г. В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов,—связалось с (развалинами Ани) вечною и неразрывною цепью, скованной из пятнадцатикратного пребывания там, из четырнадцати кампаний раскопок, из ряда научных докладов и лекций, посвященных Ани, из целой серии печатных трудов, из непрерывных археологических и исторических разысканий, из основания на самом городище двух музеев, из установления действительной охраны развалин, из предохранеиия многих памятников от грозившего им разрушения...“* И все же, когда „Арпачайская струя“ опять перестанет быть порубежной и исследователь сможет пройти по городищу, он увидит, сколько работы осталось на долю будущих продолжателей Анийского археологического дела. Раскопки, производившиеся в других местах—в Гарни, Двине, Анберде, являются только началом предстоящих археологических изысканий, которые должны дать много нового и для истории армянской архитектуры.

Материалы, собранные исследователями за многие годы работ, позволяют не только ознакомиться с отдельными древними сооружениями, но и сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить как на протяжении веков в раз-

---

* Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани. Отд. оттиск из Записок Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. XXIII. Петроград, 1916, стр. 9.

личных условиях работала и развивалась творческая мысль армянских зодчих и чем обменялись они со своими зарубежными собратьями по профессии в сложном процессе создания многообразных архитектурных форм. Нет необходимости утруждать внимание читателя, не занимающегося специально вопросами истории архитектуры, описаниями всех изученных памятников, тем более, что на отдельных этапах сходство архитектурного решения, форм, конструкций и приемов убранства объединяет древние постройки в группы, имеющие вполне определенный архитектурный облик. Поэтому здесь в качестве примеров приведены наиболее выдающиеся, характерные для этих групп памятники, даты и значение которых в большинстве случаев не вызывают разногласий. Это позволило значительно сократить ссылки на литературу, которые даны преимущественно в тех случаях, когда встречающиеся ошибочные мнения касаются сооружений, без которых ознакомление с архитектурой древней Армении не может быть полным.

Книга заканчивалась печатанием, когда представилась возможность ознакомиться с некоторыми работами, касающимися отмеченных в ней памятников.

В одном из недавно полученных трудов архиеп. Гарегина Овсепяна нашло подтверждение мое предположение об описке в строительской надписи большой церкви в Кечаруке. Автор также отмечает несовместимость даты 1033 г. с упоминанием царя Гагика I и католикоса Саркиса и полагает, что было ошибочно вырезано ՆՁԲ—482=1033 вместо ՆԾԲ—452=1003 (*Խաղբակեանք կամ Պռօշեանք հայոց պատմութեան մէջ, մասն երկրորդ. Երուսաղէմ, 1944*, стр. 6). Во втором труде обстоятельное исследование посвящено церкви в

Птгни. Автор устанавливает, что это селение имело церковь уже в VI в. Я полагаю, что речь может идти не о стоящей ныне в развалинах церкви, а о другой, построенной до нее и до нас не дошедшей. Существующая церковь настолько тесно связана по внешему решению объемов и орнаментации с памятниками тридцатых-сороковых годов VII в., что перенесение ее даты в VI в. представляется затруднительным *(Նյութեր և ուսումնասիրություններ հայ արվեստի և մշակույթի պատմության, պրակ գ. Նյու-Յորք, 1944).*

На юбилейной сессии Ереванского Госуд. Университета Я. А. Манандян сообщил о результатах исследования недавно обнаруженной в Гарни греческой надписи, которая, по его мнению, говорит о возобновлении (а не о построении) царем Тиридатом для своей сестры находящегося здесь языческого храма и относится ко времени Тиридата Великого после принятия им христианства, т. е. ко времени, когда, по сведениям древних историков, многие языческие культовые здания были разрушены в процессе энергичного насаждения христианства. Самый храм в Гарни Я. А. Манандян считает эллинистической постройкой III—II вв. до хр. эры. Для этого периода, по его мнению, характерна строительная техника, унаследованная армянами от урартов и заключающаяся в кладке из крупных камней, скрепленных железными скобами, залитыми свинцом. На самом деле для установления преемственности технических приемов недостаточно одного факта применения крупных блоков и железных скреп. Важно кроме того еще, в каких частях сооружения и как они применялись. Так в стенах металлические пластины, скреплявшие ряды камней, урарты ставили без заливки свинцом. В колоннах урартских построек каждый камень для соединения с соседними имел наверху углубление, а внизу выступ, благодаря чему строители обходились вовсе без металлических скреп. В Гарни же камни колонн соединены не по урартскому, а по греческому способу (заимствованному от греков и римлянами) при помощи металлических штырей, залитых свинцом, как и скрепы в стенах. Характерно, что в базах и капителях Гарнийского храма эти штыри расположены совершенно так же, как

показано на схеме Бенуа, составленной для греческих построек (Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры. Т. II. Москва—Ленинград, 1935, стр. 56, 57). Подобное сходство вполне естественно для здания, возведенного в I в. хр. эры местными зодчими эллинистической школы при участии римских мастеров. Когда будут открыты памятники, действительно относящиеся к раннему периоду эллинизма в Армении, в них мы, несомненно, встретимся опять с такими же греческими, а не урартскими, строительными приемами. Далее, для убедительности датировки храма в Гарни III—II вв. до хр. эры надо доказать неримское происхождение существенных архитектурных его особенностей. Главнейшие из них следующие: 1—Храм стоит не на ступенчатом стилобате, обычном для периптера, а на высоком подиуме, бока которого обработаны в виде пьедестала с базой и карнизом, выдающегося по сторонам лестницы на входном фасаде, как это сделано в большинстве римских храмов. 2—Анты, выступающие из стен целлы, имеются только в главном портике, благодаря чему целла сдвинута в глубину, что сближает храм в Гарни с малыми римскими (и этрусскими) храмами, где она занимает всю тыловую часть подиума за портиком. (К. К. Романов говорит в цитируемой далее статье, что храм Fortunae virilis в Риме не имел вообще открытых портиков. Автор, вероятно, пользовался материалами, относящимися к тому периоду, когда пространство между колоннами портика было заполнено поздними кладками. Сейчас они разобраны; нет их и на обмерах Палладио). 3—Отсутствие каннелюр на колоннах. Если это не результат того, что обработка колонн, производившаяся после установки их на место, не была окончена, то придется усмотреть здесь влияние римских форм, где ионические колонны нередко оставлялись гладкими. 4—Форма фриза, сближающая храм с памятниками так называемого римского барокко, пластичный характер его акантового орнамента (весьма сходного с орнаментом на фризе храма Maison carrée в далекой Галлии) и пропорции крутого фронтона, свидетельствующие о римской, а не греческой системе его построения.

Таким образом для принятия вновь предложенной даты Гарнийского храма пока еще нет оснований.

Армения расположена к югу от главного Кавказского хребта в горах, тянущихся с востока через Малую Азию в Европу. Перед путешественником, вступившим на армянскую землю, предстает величественная картина горных массивов, увенчанных белоснежными зубьями Арагаца и могучей главой Арарата — древнего Масиса; в глубоких ущельях, пенясь и шумя, играют горные реки, воды которых умелая рука трудолюбивого народа с древних времен направляет в оросительные системы, питающие плодородные земли.

На залитых солнцем равнинах, плато, террасах, огражденных подпорными стенками, золото нив чередуется с сочной зеленью виноградников и манящих к себе в знойный день тенистых садов. Высоко в горах природа щедро раскинула ковры пастбищ, по которым летом вольно кочует со своими стадами скотовод.

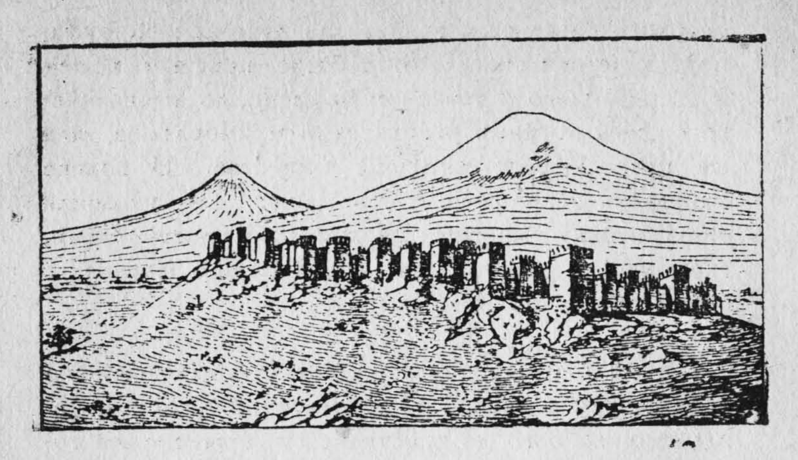
Недра страны богаты ископаемыми; среди них на первом месте стоят издавна разрабатываемые медные руды. Тысячелетиями исчисляется возраст многих замечательных изделий из бронзы, изготовленных искусными местными мастерами, украшающих ныне собрания мировых музеев. Столь же почетное место в этих собраниях занимает и утварь из местных глин — будь то карас, в который можно, как в восточной сказке об Али-Бабе, спрятать несколько человек, или тончайший фаянс, покрытый художественной росписью.

Особенной благосклонностью природы могут похвастаться армянские зодчие. Она предоставила им богатейший выбор строительного камня от

твердого базальта и гранита до лучезарного туфа, поддающегося вначале обработке простым ножем и твердеющего с течением времени, до пленяющего своими мягкими расцветками мрамора; она дала им превосходные вяжущие вещества. И зодчие мастерски использовали эти дары. Они украсили свою страну многими прекрасными постройками, гармонично сочетая их благородные формы с самой природой.

Было бы ошибкой отождествлять древнейшую архитектуру Армении с архитектурой урартов, создавших задолго до христианской эры первое государство в Закавказье. Но вполне возможно, что армянский народ, в состав которого наряду с основным ядром—арменами вошли и урарты, использовал в какой-то мере в своем строительстве опыт мастеров древнего государства, территорию которого он занял. Нужно, однако, отметить резкое отличие построек, возведенных значительно позднее армянскими зодчими, от сооружений урартов, строительная техника которых более близка к технике народов Месопотамии, в частности ассирийцев. Раскопки на Кармир-блуре (Красном холме) ниже Еревана по реке Занге, произведенные в 1939—41 гг. и в 1945 г., обнаружили дворец, принадлежавший в VII—VI вв. до христ. эры урартскому наместнику.* Здесь нет чистой тески камней в стенах; они сложены в нижней части из боль-

* В первые годы раскопки вели Армянский Филиал Академии Наук СССР и Государственный Эрмитаж, а в 1945 г.—Академия Наук Арм. ССР совместно с Эрмитажем.

Кармир-блур. Реконструкция Н. Токарского.

ших глыб неправильной формы, а наверху из сырцового кирпича, несмотря на наличие в окрестностях прекрасного строительного камня. И каменная и кирпичная кладки снаружи были покрыты слоем глиняной обмазки, замешанной с рубленной соломой, как это делалось в ассирийских постройках. Стены завершались зубцами, судя по тому, что они имеются на всех изображениях урартских крепостей и зданий во дворце Саргона. Так как при раскопках не было найдено никаких остатков зубцов—приходится предположить, что они тоже были сложены из сырцового кирпича и имели, вернее всего, ступенчатую форму, легко осуществимую в этом материале. Подобные зубцы видим на бронзовой пластинке с изображением урартского здания, хранящейся в Британском Музее. Перекрытия были плоские; деревянные балки поддерживали

настил, который сверху был покрыт слоем земли. Насколько была распространена у урартов балочная система потолков, можно судить по тому, что в одном из помещений, высеченных в скалах в Ване, потолок уже чисто декоративно имитирует деревянное покрытие. Возведение стен из необтесанного камня и кирпича нельзя объяснить неумением урартских мастеров обрабатывать камень; в нескольких комнатах кармир-блурского дворца обнаружены чисто отесанные каменные блоки, которые вероятно происходят из верхних частей здания, где из них мог быть сложен пояс, отделявший стену от зубцов. Стены храма на Топрах-кале (Ван), как показали раскопки, также были сложены из крупных хорошо отесанных камней. К сожалению о внешнем виде урартских храмов пока приходится судить только по изображению храма в Мусасире на ассирийских рельефах из Дур-Шаррукина, дворца Саргона (VIII в. до хр. э.). Здание это, вероятно прямоугольное в плане, воздвигнуто на высокой платформе; фасад обработан в виде портика на шести колоннах или столбах прямоугольного сечения без капителей и баз и завершается крутым фронтоном. Полагают, что оно было сооружено из камня, но некоторые детали, изображенные на рельефе, наталкивают на мысль, что здесь мог быть применен и кирпич. Дело в том, что на стенах и столбах портика показаны выступающие горизонтальные пояса, расположенные на равных расстояниях друг от друга. Весьма возможно, что это не просто декоративный мотив, а конструктивный прием кладки кирпичных стен и столбов, в

которых после нескольких рядов кирпичей прокладывался один ряд тесаных каменных плит. Отделка тимпана фронтона также больше похожа на штукатурную с насечкой в виде сетки из пересекающихся прямолинейных бороздок.

Свои постройки урарты украшали покрытой изображениями мраморной облицовкой, остатки которой были найдены И. А. Орбели при раскопках на Топрах-кале в 1911—12 гг. (см. Б. В. Фармаковский. Материалы по археологии России, 34) и инкрустацией, которая выполнялась не только из камня, но и из металла и составляла повидимому целые фигуры, а иногда и сцены; встречаются также инкрустированные полы. Излюбленным украшением стен служили большие бронзовые щиты; они известны не только по изображению мусасирского храма и ассирийским текстам,—обломки шести декоративных щитов были найдены в храме бога Халда на Топрах-кале,—а два, из которых один только с небольшим изъяном, были обнаружены при раскопках на Кармир-блуре.

Резьба по камню, являющаяся основным приемом убранства армянских построек, в архитектуре урартов играла незначительную роль.

Из сказанного явствует, насколько далеки друг от друга архитектурные памятники урартов и армян по общему решению, технике и отделке и с какой осторожностью нужно подходить к вопросу о преемственности, чтобы не впасть в ошибку.

(Об архитектуре и строительной технике урартов см. Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944. Гл. X, XIII).

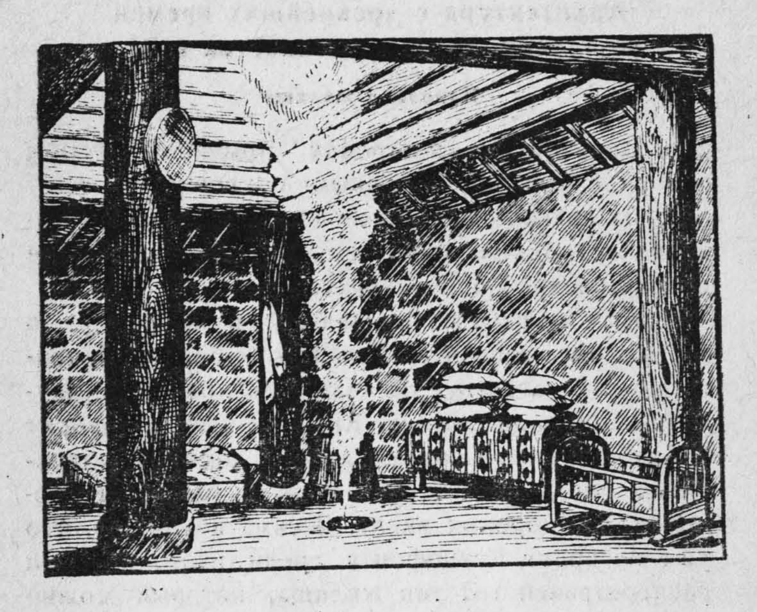
Архитектура с древнейших времен до утверждения христианства в IV в.

Народное жилище

Древнейшие постройки Армении скрыты еще под мощным земляным покровом и ждут заступа археолога. Только весьма скудные сведения историков позволяют составить некоторое представление об их характере.

Ксенофонт, прошедший в 401 году до хр. э. через западную Армению к берегу Черного моря с „десятью тысячами" греков после неудачных битв на стороне Кира Младшего, говорит в Анабасисе, что армяне жили в домах, находившихся под землей, со входом наподобие колодца, но широких внизу. Весьма возможно, что уже во время Ксенофонта среди населения был распространен тот тип жилища, который можно и сейчас встретить в армянских селах. Это — прямоугольное в плане помещение с четырьмя деревянными столбами посредине, поддерживающими кровлю, покрытую землей, центральная часть которой имеет вид усеченной пирамиды с отверстием наверху (рис. 1); через него солнце посылает обитателям свои лучи, через него же и уходит дым из врытаго в землю глиняного очага (тондира).

Подобные дома, расположенные террасами по косогору, с земляными кровлями, усеянными холмиками, из которых поутру вьются струйки голубого дыма, действительно могли производить впечатление подземелий.

1. Внутренний вид сельского дома.

Столь же седой стариной веет от домов с деревянной галереей вдоль фасада, знакомые контуры которой можно видеть и во дворце правителя и в скромном доме поселянина еще в далекое ахеменидское время. Деревянные формы галереи, обогащенные деталями, заимствованными из дворцовых построек, перенесены даже в виде барельефа на отвесно стесанную плоскость скалы

в гробницах Ахеменидов, высеченных в каменных массивах около двух с половиной тысяч лет назад. До наших дней дошла не только общая схема подобных построек. В деталях отделки фасадов также проявляется та преемственность, которой на протяжении многих веков отмечена творческая деятельность поколений мастеров. В галереях, например, была наиболее удобна продолговатая форма капителей, так как значительно сокращала пролет деревянных прогонов, несших перекрытие, увеличивала площадь основания у их сопряжения, а кроме того и подчеркивала ритм членения фасада колоннами. Эта форма, особенно подходящая для исполнения в дереве, дожила до нашего времени, сохранив в своих очертаниях много общего с капителями, распространенными в ахеменидское время. Превосходные образцы деревянных капителей, вывезенных из поздней пристройки у большой церкви Севанского монастыря, хранятся в Эрмитаже и Историческом Музее в Ереване (табл. 2). Они вытесаны из толстых брусьев и украшены с лицевой стороны тончайшей резьбой, сюжеты которой восходят к сассанидскому кругу памятников и позволяют датировать их VII—VIII вв. Эти нарядные навершия деревянных колонн, конечно, не могли предназначаться для того низкого, полутемного помещения с примитивно сложенными из рваного камня стенами, в котором их обнаружили, и попали в него из несуществующего ныне дома, принадлежавшего несомненно знатному обитателю острова или прибрежных селений.

„Десять тысяч" греков при своем отступлении через Армению не встретили ни одного настоящего города. Ксенофонт упоминает лишь деревни, замки и укрепленные селения. Даже резиденция сатрапа находилась в одной из деревень в особом замке. Эти сведения, не подкрепленные непосредственным изучением самих памятников, не позволяют высказать суждение о замковой архитектуре того времени, и ознакомление с ней придется начать в дальнейшем с построек, возведенных на много веков позднее.

После завоевания Персии Александром Македонским и в последующее селевкидское время, в связи с общим хозяйственным и культурным прогрессом, а также усилением торговой деятельности в странах Передней Азии, на территории Армении появляются первые города, прежде всего на юге, в расположенной бок-о-бок с основными областями эллинистического мира Софене. Древние историки называют здесь города Аршамошат и Каркатиокерт, положение которых пока точно не установлено. По Плинию Аршамошат находился неподалеку от Ефрата, а Каркатиокерт—около Тигра. По своему облику они, вероятно, были сходны с соседними эллинистическими городами и являлись не только поочередно столицами Софены, но и наиболее значительными торговыми центрами страны, так как стояли по-

близости от торговых путей Малой Азии и северной Месопотамии.

На левом берегу Аракса между его притоками Ахуряном и Касагом находилась древнейшая столица Армении—Армавир, основанная, по преданию, сообщаемому Моисеем Хоренским, Армансом, внуком Хайка. Сведения, которые приводит историк, не позволяют определить время, когда Армавир приобрел значение города. На основании одной из пятнадцати урартских клинообразных надписей, найденных в окрестностях Армавира, известно лишь, что в VIII в. до хр. эры урартский царь Аргишти построил здесь мощную крепость, названную Аргиштихинили. К тому же времени относится проведение канала в районе новой крепости, который орошал водами Аракса насажденные здесь сады и виноградники.*

В Армавире находились армянские языческие святыни и в их числе священная платановая роща, по шелесту листьев которой производились гадания. Крепость и город совершенно разрушены не без участия местных жителей, растаскивавших обработанный камень для своих построек. Среди обломков скал, лежащих на склонах и у основания холма, были найдены камни с иероглифической и греческими надписями. Последние позволили установить новые факты из истории Армении в эллинистический период.** В конце третьего или

* Б. Б. Пиотровский, Урарту, стр. 74.

** А. И. Болтунова, Греческие надписи Армавира. Изв. Армянск. Филиала Академии Наук СССР. № 1—2 (15—16). 1942.

в начале второго века до хр. эры царь Ерванд перенес свою резиденцию из Армавира во вновь основанный им город Ервандашат, так как с отходом Аракса от Армавирского холма жители в зимнее время стали испытывать недостаток в воде. Тогда же были перенесены статуи богов в новый религиозный центр—Багаран, расположенный на правом берегу Ахуряна. Все эти обстоятельства привели к утрате Армавиром его прежнего значения.*

Ервандашат был расположен на мысу слева от Ахуряна при впадении его в Аракс. Этот некогда „великий город“, как его именует историк Фауст Византийский, лежит ныне в развалинах под слоем земли. Описание некоторых сооружений, возведенных в нем, находим у Моисея Хоренского.

„Ерванд обводит холм (стенами) и во многих местах прорезывает скалы ниже фундамента стен до основания холма в уровень с рекой—дабы воды реки могли стекаться в вырытое углубление для продовольствия жителей. Укрепляет вышгород высокими стенами, в середине которых утверждает медные ворота и чугунную лестницу снизу до самой двери. Между ступенями последней устраивает какие-то потаенные западни, в которых мог бы быть пойман тайком пробирающийся по ним для покушения на жизнь

* Нами принята дата основания Ервандашата, установленная Я. А. Манандяном. См. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Эривань, 1930, стр. 96 и сл.

царя.—Говорят, что (эта лестница) была двойная: одна для дворцовых служителей и дневных сообщений, другая (ночная), чтобы скрыться от (покушения) злодеев" (перевод Н. О. Эмина).

Из этого весьма интересного отрывка видно, что город был обнесен стенами и имел на вершине холма цитадель, где находился царский дворец. К ее воротам поднимались по лестнице очень сложного устройства, описание которой историк дает с чужих слов. В этом рассказе мы склонны считать вымыслом то, что лестница была отлита из чугуна; все остальное вполне правдоподобно и могло быть легко осуществлено в камне, как сделано, например, в Анбердском замке, с которым читателю предстоит познакомиться. „Ночная", а вернее просто темная, лестница, вероятно, представляла очень крутой потайной ход, высеченный в виде глубокой траншеи в скале. Сверху она могла быть покрыта, как в Анберде, настилом из больших каменных плит, имевших форму ступеней, которые образовывали вторую, открытую лестницу для „дневных сообщений". Между этими ступенями было не трудно устроить „потаенные западни" в виде обыкновенных волчьих ям, через которые незваный гость проваливался вниз и по потайному ходу без огласки доставлялся царской охраной на допрос во дворец.

Одной из серьезных забот строителей замков и укрепленных поселений было надежное снабжение жителей питьевой водой как в мирное время, так и особенно в случае осады. В

Ервандашате, как видно из слов Хоренского, источником водоснабжения являлся Аракс, и тут строители нашли весьма целесообразный способ скрытно ввести воды реки в подземные городские цистерны. Для того чтобы неприятель не мог обнаружить устья тоннелей, было достаточно пробить их ниже уровня реки в мелководье, что вероятно и было сделано. Нужно надеяться, что в недалеком будущем археологические исследования на месте откроют остатки этих древних сооружений, в былом существовании которых нет оснований сомневаться.

Сообщения древних авторов указывают, что в окрестностях городов правители возводили загородные дворцы и устраивали специальные загоны, где насаждали деревья и разводили редкую дичь для охоты, после которой, вероятно, тут же и отдыхали и пировали в гротах, нарядно украшенных барельефными изображениями охотничьих сцен. Около Ервандашата тоже была построена вилла Ервандакерт и насаждена большая роща к северу от реки, обнесенная стенами, куда впустили „быстрых оленей, ланей, онагров и вепрей, которые, размножившись, наполнили рощу для царской забавы во время охоты" (М. Хоренский).

После поражения, нанесенного римлянами Селевкидам во II в. до хр. эры, Софена и Великая Армения становятся самостоятельными государствами и быстро разрастаются за счет своих соседей. Арташес I (189—ок. 160) основывает на Араксе столицу Великой Армении Арташат (Artaxata).

Страбон указывает, что „город этот расположен в углублении, похожем на полуостров, кругом его, исключая перешейка, тянется перед рекою стена; перешеек его обведен рвом и насыпью". Не расходится со Страбоном и Моисей Хоренский, который сообщает, что Арташат находился при впадении в Аракс его левого притока Мецамора. Оба свидетельства таким образом согласно показывают, что город стоял напротив Арарата на мысу при слиянии названных рек и во всяком случае не на месте нынешнего селения Арташара, где находятся развалины более позднего Двина.

До раскопок трудно что-либо сказать об архитектуре Арташата, но несомненно в нем было немало монументальных зданий, так как у римлян он считался крупным и весьма красивым, хорошо построенным городом—„Карфагеном Армении", как его называет Плутарх. Есть основания полагать, что здесь существовал театр, сооруженный вероятно по античному образцу, греческие актеры которого две тысячи лет назад играли трагедию Еврипида „Вакханки". До нас дошел полный драматизма рассказ, повествующий о событиях, в связи с которыми упоминается названное представление, данное на торжествах по случаю пребывания в Арташате парфянского царя Орода и его сына Пакора, вступившего в брак с сестрою армянского царя Артавазда. Это было во время войны Парфии и Армении с Римом. В 53 г. до хр. эры при Каррах римляне потерпели решительное поражение и потеряли

своего военачальника Красса. Его голову и правую руку доставили парфянскому царю в Арташат. Посланец прибыл в то время, когда весь двор смотрел трагедию „Вакханки"; он поднялся на подмостки и бросил перед царями страшные доказательства одержанной победы. Актер Ясон из Tралл, исполнявший роль Агавы, подхватил голову Красса и показал ее вместо головы растерзанного менадами Пенфея, как следовало по ходу действия, произнеся при этом стихи трагедии: „Мы приносим с гор рога оленя, только что убитого на нашей счастливой охоте". Гром рукоплесканий был ответом на слова находчивого актера. А это значит, что греческая речь была понятна заполнившим зал представителям армянской и парфянской знати.

Сообщения древних авторов показывают, что Арташат не остался в стороне от эллинистического влияния, которое должно было наложить соответствующий отпечаток на его архитектуру. Да иначе и не могло быть, так как Арташат, находясь на транзитном торговом пути с востока к Черному морю, являлся не только политическим, но и первостепенным торговым центром страны, поддерживавшим постоянные связи с крупными эллинистическими городами Понта. Помимо того влияние эллинизма могло проникать в северные области Армении из Софены и Месопотамии.

При Тигране II (95—56) Великая Армения на непродолжительное время стала могущественной державой, территория которой простиралась

от Каспийского до Средиземного моря. Арташат и крупнейшие города юга находились теперь на окраинах обширного государства, и Тигран предпринял постройку новой столицы—Тигранакерта, местоположение которой из-за противоречий в древних источниках вызывало разногласия среди ученых, примиренные повидимому после тщательных изысканий на месте. В настоящее время считают, что Тигранакерт стоял к северу от Тигра, там, где сейчас находится город Фаркин.

Строительство своей столицы Тигран вел с большим размахом при содействии знати и простых горожан, старавшихся этим угодить царю. Город был окружен стеной, имевшей высоту в 50 локтей, настолько толстой, что в ней уместились склады и конюшни. Внутри его находилась неприступная цитадель, а вне городских стен—сильно укрепленный замок и загородный дворец, вокруг которого раскинулись парки и рощи для прогулок и охоты с прудами, в которых разводили рыб. По свидетельству древних авторов в Тигранакерте было построено много прекрасных зданий, в том числе театр, к открытию которого прибыли специально приглашенные греческие актеры. Интересно отметить, что сын Тиграна Артавазд сам писал трагедии на греческом языке. На архитектурных формах всех этих построек, как и на общей планировке города здесь, сильнее чем в каком-либо другом центре Армении, должно было сказаться воздействие эллинизма, так как вся преобразовательная деятельность Тиграна была направлена на преодоление

отсталости страны и приобщение ее к эллинистической культуре, основным очагом которой на армянской земле должна была стать новая столица. Тигран окружил себя видными греческими учеными, писателями, художниками. Одним из советников царя был философ и политический деятель Метродор из Скепсиса, написавший его историю, утраченную еще в древности; сюда был приглашен известный писатель и ритор Амфикрат, изгнанный из Афин. В соответствии с намерениями Тиграна, весь уклад городской жизни должен был строиться по-новому, для чего он около 77 г. до хр. эры насильственно переселил в Тигранакерт жителей из разрушенных им городов Каппадокии и Киликии. О масштабах этого мероприятия можно судить, учтя конечно преувеличения, по сообщениям Аппиана, называющего цифру в 300000 чел., и Страбона, который говорит, что Тигран поселил у себя в столице „жителей двенадцати эллинских городов“.

В октябре 69 г. до хр. эры Лукулл нанес решительное поражение армянским войскам под Тигранакертом, а затем после пятимесячной осады взял и разгромил город. Эта катастрофа привела к окончательному распаду державы Тиграна. Эллинизм, сыгравший значительную, прогрессивную роль во всех областях жизни страны, не исключая и искусства, потерял благоприятную почву для распространения своего влияния и должен был уступить место Риму. В дальнейшем, уже в первые века христианства в архитектуре

можно встретить лишь отзвуки эллинистических и римских форм—волюту на капители, зубец и модульон на карнизе, сильно переработанный акант. Армянские зодчие нашли собственные пути, с которых ни разу не свернули, хотя на протяжении веков и встречали немало опасных перекрестков.

Оживленное строительство городов развернулось в правление первых царей из династии Аршакидов (63—429). На протяжении немногим более полувека были осуществлены три значительные стройки. Начало положил Трдат I, при котором в 66 г. римские архитекторы и мастера, вывезенные им из Италии, заново отстроили Арташат, разрушенный незадолго до того (в 59 г.) римским военачальником Корбулоном. В конце первого или в самом начале второго века Санатруком был основан около Ефрата—Арацания город Мцурн, уже не существовавший в V в. Сын Санатрука Вагарш построил в первой половине II в. на левом берегу Касага в нижнем его течении город Вагаршапат, объявленный в 163 г. столицей, где после утверждения в Армении христианства был сооружен собор Эчмиадзин и основан монастырь, ставший впоследствии главным духовным и административным центром армянской церкви. *

---

* Сведения о древнейших городах Армении заимствованы из сочинений древних авторов и работ Я. А. Манандяна: О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван. 1930 и Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943.

Архитектура этих городов нам неизвестна, так как на их территории археологические работы не производились. Но если мы вспомним своеобразные отношения, сложившиеся в это время между Арменией и Римом, которые то состояли в союзе, то сталкивались на полях сражений, а также сообщения о том, что здесь наряду с местными архитекторами работали римские мастера, то не придется удивляться в случае обнаружения остатков построек, в которых будут не только отражены римские формы, а и, возможно, полностью воспроизведены римские образцы. Правдоподобность такого предположения подтверждают великолепные развалины языческого храма в Гарни—летней резиденции Аршакидов.

Языческий храм в Гарни

Сведения об языческих храмах Армении, как и о гражданских постройках рассматриваемого периода, весьма скудны. В сочинениях древних авторов можно найти лишь названия городов и селений, где находились чтимые святилища, да весьма приукрашенные рассказы об их богатствах. Нет также археологических материалов, которые могли бы дать наиболее верное представление об их архитектуре. В отмеченное интенсивным строительством царствование Тиграна II на формах новых культовых построек должно было сказаться влияние эллинизма, захватившего все стороны жизни страны, не исключая и религии армян. В это время началось отождествление национальных божеств с богами Олимпа,

и когда Тигран вывез из завоеванных им городов многочисленные греческие статуи, он разместил их в наиболее видных армянских храмах. Римские формы, начавшие проникать в Армению, после крушения державы Тиграна нашли здесь уже подготовленную почву для своего распространения и потому вполне вероятно, что именно Трдат I, вернувшийся с италийскими мастерами из поездки к Нерону, одновременно с восстановлением Арташата предпринял сооружение единственного известного нам языческого храма, развалины которого обычно называют „дворцом Трдата".

Раскопки, произведенные здесь в 1909—10 гг. Н. Я. Марром при участии Я. И. Смирнова, дали настолько полный материал, что несмотря на разрушение здания до основания стен и колонн, реконструкция его не представила особенных трудностей. Все камни нашли свое место, кроме плохо сохранившегося фрагмента, украшенного акантовой пальметой, который был обнаружен с южной стороны развалин. Участвовавший в экспедиции К. К. Романов считал возможным лишь предположительно определить его как акротерий, венчавший фронтон. Неясным остался вопрос о виде перекрытия и убранства внутри здания. * Реконструкция показывает, что это было не светское здание, а храм, построенный по эллинистическо-римскому образцу, сход-

* К. К. Романов, Развалины храма римского типа в Баш-Гарни. Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокапятилетию научной деятельности Н. Я. Марра. Москва—Ленинград, 1933, стр. 649.

ный в известной мере как с провинциальными постройками римлян на востоке (напр. в Каменистой Аравии) и на западе (Ним в Галлии), так и с некоторыми зданиями в самом Риме.

Храм стоял в неприступной крепости, живописно расположенной на скалистом мысу высоко над рекой Азат, поэтичным рассказом о которой известный армянский романист и драматург Мурацан начинает свой исторический роман „Георг Марзпетуни". Он был построен по типу периптера, т. е. здания, окруженного со всех сторон портиком на колоннах. Поверхность скалы имеет уклон к реке и потому была выравнена под постройкой при помощи бетонного основания, отсутствующего в северной части и постепенно утолщающегося к югу. На этом основании возведен высокий постамент, образующий платформу длиной около 15 *м* и шириной около 11 *м*, на которой стояли разрушенные ныне стены центрального помещения (целлы) и 24 колонны портика. С северной стороны к входу подымается широкая лестница из девяти мощных ступеней. Две нижние ступени окаймляют со всех сторон постамент, образуя цоколь; следующие шесть врезаются в него, а верхняя, девятая, совпадающая с уровнем пола портика, продолжается в виде плинта над карнизом постамента. Между цокольными плитами и стенками постамента уложен ряд профилированных камней. Выступающие по сторонам лестницы массивы заканчивались плитами, украшенными барельефными изображениями атлантов с воздетыми

руками, стоящих на одном колене. Пол целлы был приподнят над полом портика на один ряд камней, образовывавший у двери ступень и выступавший из-под кладки стен в виде профилированного плинта, отвечавшего базам колонн.

В главной (северной) части портика продольные стены целлы сильно выдавались вперед в виде антов, образуя открытый, без колонн, вестибюль с дверью в глубине. Анты, как и южные углы стен здания, были обработаны пилястрами.

Колонны стояли по всему периметру платформы, причем вторые от углов приходились напротив пилястр целлы, что определяло расстояние между ними, равное ширине портика. На главном и тыловом, коротких фасадах было по шести колонн, на боковых—по восьми. Базы их по своим обломам близки к так называемой аттической форме. Ионические капители с энергично прорезанными спиралями волют и иониками украшены лиственным орнаментом, покрывающим и балюстры, где изваяны акантовые и лавровые листья (табл. 1). Особенно тонко, ажурно исполнены веточки, ниспадающие из завитков волют на ионики. В капителях угловых колонн наружная угловая волюта расположена по диагонали, а внутренняя составлена из двух половинок простых волют, сходящихся под прямым углом. Пилястры антов и южных углов имели плоские ионические капители того же вида, что и колонны с диагонально отвернутыми волютами. Капителям пилястр на стенах здания отвечал орнаментированный иониками и бусами пояс.

Архитрав антаблемента имел разные профили с внешней и внутренней сторон. Снаружи он был разделен бусами и свернутыми в жгут лентами на три ступени и имел карнизик с резным каблучком. Внутренний профиль архитрава завершал стены целлы, выходившие в портик. Нижнюю поверхность архитравных камней между колоннами украшали небольшие орнаментированные полосы в резных рамках, внутри которых помещены премущественно вьющиеся ветви с листьями аканта и плюща, виноградом и „бобами". Выпуклый фриз заполнял акантовый орнамент с ветвями и листьями, плавно переходящими из одной спирали в другую; над акантами—украшенный иониками валик и полочка. Венчающий карниз состоял из пояса сухариков, покрытого резьбой каблучка, слезника и гуська с львиными головками и пальметами. Над антаблементами северного и южного фасадов высились довольно крутые фронтоны, отвечавшие двускатной кровле здания.

Плафон портика был составлен из больших плит, уложенных на архитравы антаблемента колоннады и стен. Его резной наряд имел вид ромбических и восьмиугольных орнаментированных кессонов, обрамленных иониками и заключенных в прямоугольники, между которыми напротив колонн шли поперечные полоски такого же вида, как и на нижней плоскости архитрава.

Единственная дверь здания была нарядно убрана резными наличником и сложным сандри-

ком в виде антаблемента, в котором архитравом служила верхняя горизонтальная часть наличника. Порядок, форма и убранство обломов сандрика почти те же, что и на антаблементе портика, но здесь они пропорционально меньше по размерам.

Вся постройка возведена из базальта. Крупные каменные блоки в свое время были связаны железными и бронзовыми штырями и скобами, залитыми через специальные канальцы свинцом. Этот прием применялся и в дальнейшем и вышел из употребления только в конце VII в. Превосходно выполненные теска и резьба показывают высокую технику местных мастеров, которые только и могли успешно справиться с такой тонкой обработкой твердого базальта, совершенно непосильной для пришлых римлян, обычно имевших дело с податливым мрамором. С появлением огнестрельного оружия местные жители начали выбивать и выламывать свинец, что привело к ослаблению связи между камнями и преждевременной гибели памятника. Наиболее вероятной датой его обрушения К. К. Романов считал среду 15 июня 1679 г., когда в Армении произошло сильное землетрясение.*

Время сооружения храма в Гарни точно не известно. Не помогает его определению и свидетельство Моисея Хоренского, который говорит, что царь Трдат, сын Хосрова, построил в Гарни крепостные стены и летние палаты для своей

* Ук. соч., стр. 649.

сестры Хосровидухт, украшенные колоннами и барельефами, и начертал на них в память себе надпись греческими буквами. Летом 1945 г. на кладбище в селении Гарни М. С. Сарьяном и Ц. Давтяном был обнаружен большой камень, использованный как надгробие, на боковой стороне которого вырезана греческая надпись. Чтение ее еще не закончено; не установлено также—занимала ли она один найденный камень или имела продолжение на соседнем. Можно лишь отметить, что в ней говорится, как сообщил мне Л. А. Калантар, о построении Трдатом, правителем Великой Армении, какого-то здания, может быть для сестры,—хотя это слово полностью не читается и восстанавливается предположительно. Не исключена возможность, что найдена именно та надпись, которая в свое время послужила Моисею Хоренскому источником для его сообщения о строительстве в Гарни.*

Трдат (III), сын Хосрова, царствовал, по Моисею Хоренскому, 56 лет с середины III в., что определяет примерную дату сооружения дворца, остатки которого, по нашему мне-

---

* В связи с обнаружением этой надписи необходимо просмотреть черновые записи Я. И. Смирнова о Гарни, так как он на докладе К. К. Романова в Обществе Архитекторов в 1911 г. отметил: „В здании имеется надпись с именем царя Трдата... правдоподобнее всего отнести надпись к Трдату III (около 315 г.)". См. К. К. Романов, Ук. соч., стр. 650.

Весьма важно установить—действительно ли в 1909—10 гг. среди фрагментов здания Я. И. Смирнов видел надпись или он имел в виду сообщение М. Хоренского.

нию, скрыты еще под землой, так как, не имея оснований сомневаться в правдивости свидетельства нашего автора, мы не можем допустить, чтобы он спутал храм с дворцом, тем более, что сам указывает и лицо, для которого последний был построен.

Таким образом ни сообщение историка, ни вновь открытая надпись не дают ответа на вопрос о дате храма в Гарни. К. К. Романов в своих докладах после раскопок относил здание к концу первого—началу второго веков, „т. е. ко времени не позже Адриана (118—138 гг.)", но в дальнейшем „на основании формального анализа и общего положения страны" отодвинул дату ко времени Трдата III. * Сравнивая храм в Гарни с малыми римскими храмами Fortunae virilis в Риме и Maison carrée в Ниме, он усматривал в нем черты отсталости, сказавшиеся прежде всего в устройстве по эллинистическому образцу открытого портика, окружающего целлу, в то время как в Ниме на боковых фасадах стоят прислоненные к стенам трехчетвертные колонны и портик имеется только со стороны входа, а в Fortunae virilis открытых портиков вообще нет. По нашему мнению, это обстоятельство не может служить доводом в пользу поздней датировки; наоборот, оно указывает на более раннее время, вернее всего I в. хр. эры, когда еще были сильны эллинистические традиции, унаследованные от отмеченной интенсивным строительством эпо-

* Ук. соч., стр. 649—654.

хи Тиграна II, и римское влияние не успело пустить глубокие корни на армянской почве, в частности в архитектуре. При общем решении темы храма по эллинистическому образцу не являются архаизмом, как считал К. К. Романов, ни плоские потолки, ни греческая форма угловых капителей и „аттический“ профиль баз. Их наличие здесь вполне закономерно. Некоторые особенности в разработке деталей, напр. ионик на тягах, вырезанных довольно плоско и местами с заменой стрелок ромбами, указывают на местную тенденцию к „двухплоскостной“ резьбе с симметричным расположением сюжета относительно продольной оси орнаментированной полосы, нашедшую позднее законченное выражение в обрамлениях окон армянских церквей. Все эти черты указывают на ту значительную творческую (а не только исполнительскую) роль, которую играли местные армянские мастера эллинистической школы в создании храма в Гарни.

С конца II в. до правления императора Диоклетиана (284—305) Римская империя переживала тяжелый политический и хозяйственный кризис. Государство потрясали непрекращавшиеся волнения рабов и бедноты, восстания в армии, повсеместные разбой и пиратство, борьба претендентов на трон и вторжения германцев. В довершение всего Риму пришлось вести новые войны на востоке, на этот раз с сасанидской Персией. Кризис отразился на положении связанных с империей стран. В Армении, опять оказавшейся участницей римско-персидских воо-

руженных столкновений, значительно сократилась транзитная торговля; ничего не слышно и о возникновении новых городов. Эти обстоятельства, конечно, не могли благоприятствовать осуществлению значительных строительных предприятий, даже силами пребывавших здесь во II—III вв. римских легионеров, которым М. И. Ростовцев приписывал решающую роль в постройке гарнийского храма.

Таким образом архитектурный анализ форм памятника и ознакомление с положением в стране в I—IV вв. указывают скорее на Трдата I, как на строителя храма в Гарни, который мог быть сооружен в то время, когда восстанавливался Арташат, находившийся всего в трех десятках километров от этого загородного поместья правителей. В связи с вопросом о строителе храма небезынтересно вспомнить сообщение Тацита о том, что Трдат I носил сан верховного жреца.

Храм в Гарни единственное известное пока монументальное сооружение времени аршакидской династии. Другие светские и культовые здания лежат под землей в развалинах и поэтому до вскрытия их раскопками не представляется возможным иметь суждение о национальной дохристианской архитектуре аршакидской Армении.

Архитектура V—VII вв.

Замки

Изменения в структуре общества, происшедшие в результате разложения родового строя и развития феодальных отношений поставили перед строителями новые, более сложные задачи не только в городах, но и в провинции, во владениях виднейших княжеских родов. Значительное усиление военно-земледельческой знати произошло в царствование Тиграна II, завоевания которого принесли увеличение земельных владений и богатств участникам его походов. Основав Тигранакерт, Тигран переселил в него не только жителей покоренных городов, но и многих представителей армянской знати, которые были принуждены подчиниться из боязни конфискации имущества. Надо думать, что здесь они быстро освоились с условиями привольной жизни победителей при великолепном дворе могущественного монарха. Обладая крупными состояниями, они имели возможность одновременно с участием, в угоду царю, в созидании новой блестящей столицы заняться строительством на широкую ногу и в собственных провинциальных владениях, подражая в украшении своих резиденций город-

ским образцам. С крушением державы Тиграна армянские земли стали театром военных действий сначала между Римом и Парфией, а затем между Византией и сасанидской Персией. Это злосчастное буферное положение страны, вынужденной быть постоянным участником кровавых столкновений, диктовало государству и отдельным владетельным князьям необходимость быть наготове ко всяким случайностям, всемерно укреплять города и селения, сооружать замки, убежища, форты и сторожевые посты.

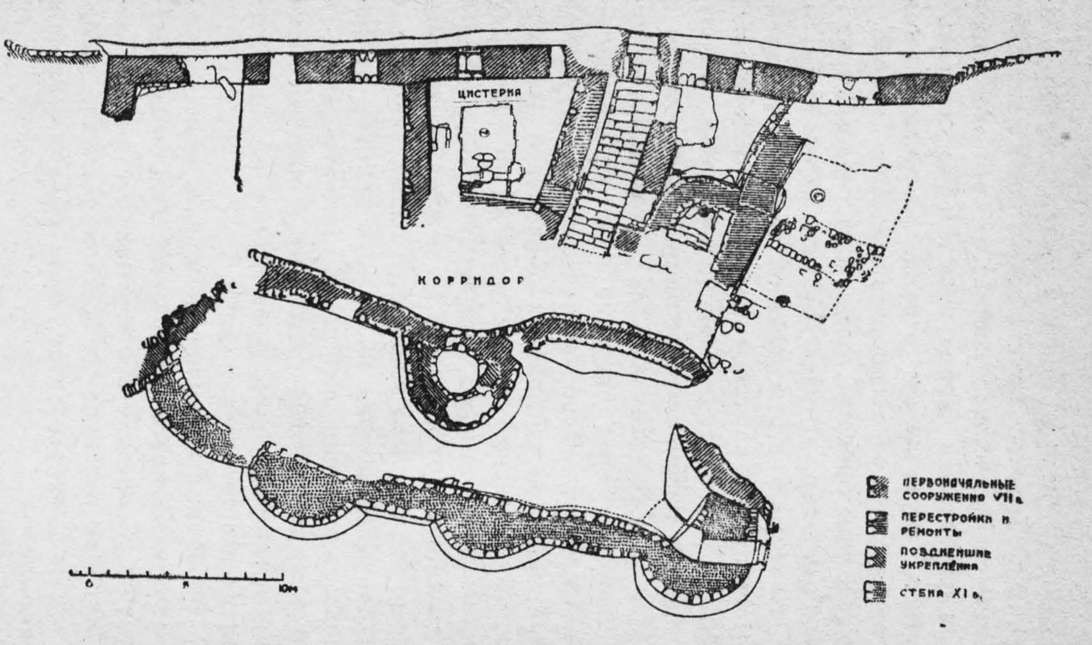
Феодалы строили себе замки, используя естественную защиту. Они обычно выбирали либо скалистый мыс при слиянии горных речек, либо неприступный утес, соединенный с основным массивом гор узкой полоской земли, где строителям не было надобности возводить сплошное кольцо укреплений, а можно было ограничиться только стенами на уязвимых перешейках, да в разрывах скал. Владетельные князья иногда строились высоко в горах, куда неприятелю было труднее добираться. Кроме того они прекрасно понимали, что в стране, где орошение определяет благосостояние земледельца и садовода, выгодно держать в руках истоки оросительных систем. Так поступили, например, строители замка в Анберде на южном склоне Арагаца, вершина которого была охвачена кольцом плотин, удерживавших воду в водохранилищах после таяния снегов. Водосборные сооружения на Арагаце повидимому относятся к глубокой древ-

ности, так как при них выше Анберда были обнаружены вишапы—каменные изваяния громадных рыб, покровителей орошения, которые обычно встречаются около древних, ныне забытых, искусственных водохранилищ.

На утесе между горными речками Анбердом и Архашяном около VII в. хр. эры был построен многоэтажный замок-дворец, за которым на скалистом мысу при слиянии речек было расположено небольшое поселение, где обитала замковая челядь. Дворец на протяжении последующих шести—семи веков несколько раз обстраивался и укреплялся, а на мысу для защиты разросшегося поселения были возведены новые стены.

Первоначально дворец представлял вытянутое поперек водораздела здание, внешняя сторона которого была укреплена башнями (рис. 2). Внутри здание делилось продольной стеной на две половины: одна—примыкавшая к стене с башнями, служила коридором, а в другой, как показали раскопки 1936—37 гг.,* в двух нижних этажах было по пяти помещений, расположенных в ряд; вероятно такой же план имел и верхний, ныне разрушенный этаж. Перекрытия были плоские, о чем свидетельствуют найденные при раскопках обуглившиеся остатки балок (катастрофа, постигшая в XIII в. дворец, сопровождалась пожаром). Со стороны селения в здание вела дверь, надежно запиравшаяся каменной плитой, кото-

* Работы производились экспедицией Государственного Эрмитажа и Армянского Филиала Академии Наук СССР под руководством И. А. Орбели.

2. Замок Анберд. План дворца.

рую можно было вращать в каменных же подпятниках. Толстые брусья удерживали плиту при натиске непрошенных гостей; от них же защищали обитателей дворца решетки из железных прутьев, вставленные в окна. С нападающими расправлялись через прорезанные над входом в толще стены бойницы, осыпая их градом стрел и каменных ядер, обливая кипящим варом (табл. 5).

Знатный гость подымался по широкой каменной лестнице в парадные покои верхних этажей (табл. 6); здесь среди тканей и ковров, покрывавших по издавна заведенному обычаю стены и пол, он мог отдохнуть после утомительного пути, любуясь через широкие окна седым красавцем Араратом, здесьон мог освежитьсяь студеной водой, которую из далеких родников в расположенную в нижнем этаже сводчатую цистерну приносил водопровод, мастерски сооруженный из глиняных труб. Когда же в небе загорались первые звезды, колеблющееся пламя бронзовых светильников прорезало сумрак покоев, из фигурных курильниц струились ароматы смол, в драгоценные кубки и расписные фаянсовые чаши лилось янтарное вино, привезенное из аштаракских и вагаршапатских садов.

Бронзовые светильники, курильницы и ступки, обломки фаянсовой посуды, туалетных флаконов из расписанного египетского стекла и даже кусочек разбитой селадоновой чаши, завезенной из далекого Китая, были обнаружены при раскопках.

Поселение сначала занимало часть мыса,

прилегающую ко дворцу; оно было ограждено каменными стенами с полукруглыми башнями-контрфорсами и воротами под дворцом со стороны Анберлской речки. Весьма возможно, что обитатели замка имели здесь свою церковь. В 1936 г. около ворот была найдена капитель, которая вполне могла венчать один из четырех пилонов, поддерживавших церковный купол; по своему характеру капитель может быть отнесена к VII в., времени, отмеченному весьма оживленным церковным строительством.

В начале XI в., когда жители заняли остальную часть мыса, владевшими тогда Анбердом князьями Пахлавуни вдоль речки Архашяна и в других незащищенных природой местах возводятся новые каменные укрепления, а самый дворец с внешней стороны усиливается внушительной стеной с тремя башнями и калиткой (табл. 4). В XIII в. при князьях Долгоруких на подступах ко дворцу из Анберлского ущелья вырастает каменная преграда, угловая башня которой охраняет новые ворота на древней дороге; прорвавшийся через них неприятель попадал в каменный мешок, где ему грозило уничтожение.

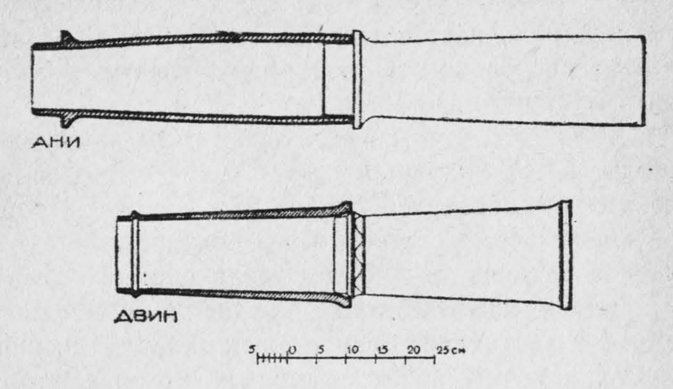
В 1026 г. прославленный армянский военачальник Вахрам Пахлавуни сооружает в новой части анберлского поселения одну из лучших по своему благородному изяществу церквей Армении, стоящую и поныне; к этому же времени наверное относится и небольшая баня, сохранившая в развалинах неподалеку от дворца.

Читателю предстоит в дальнейшем особо остановиться на этих двух постройках.

Удовлетворение потребности жителей в воде было, как уже сказано, одной из важнейших задач, стоявших перед строителями. В зависимости от местных условий они изыскивали самые разнообразные способы водоснабжения. Как показали раскопки и обследования в Ани, Двине, Анберде и других пунктах, для подачи воды чаще всего строились водопроводные магистрали, которые разводили воду по территории поселения, беря начало далеко за его пределами у источников с хорошей питьевой водой. Для устройства водопроводов применялись обычно гончарные трубы, составлявшиеся из отдельных звеньев, входивших одно в раструб другого (рис. 3).* Длина звеньев и их диаметр были различны и несомненно подбирались с учетом потребного расхода воды. Обычные фасонные водопроводные части (угольники и тройники) из глины видимо не выделывались; поэтому при крутых поворотах под углом применялись глиняные сосуды, которые в некоторых случаях могли играть роль отстойников и смотровых колодцев. Такой колодец, правда в раздавленном виде, был открыт в Анберде у крепостной стены снаружи, в том месте, где водопроводная труба круто поворачивала на территорию поселения. В Дманиси (Грузия) для той

* Так как обмеры анберского водопровода, хранящиеся в Ленинграде, были временно недоступны, нам приходится ограничиться чертежами водопроводных труб из Ани и Двина.

же цели даже на прямых участках применялись небольшие сосуды со специальными горловинами, в которые входили трубы. У дворцовой цистерны и бани в Анберде поворот был осущест-

3. Водопроводные трубы.

влен с помощью небольших каменных ящиков, сложенных на растворе и покрытых водонепроницаемой штукатуркой (табл. 50). Железные внутридомовые водопроводы, известные уже в XI в., также составлялись из отдельных коротких звеньев, которые соединялись между собой или по способу гончарных труб (Ани), или при помощи муфт (Анберд).

Анбердский водопровод удалось проследить вне замка на протяжении свыше 4 км. Начало его точно не установлено, также как и место, где магистраль разветвлялась на две линии, из которых одна уходила во дворец, а другая направлялась вдоль стены на архашянском склоне к известному уже колодцу. Эта линия, обслужи-

вавшая жителей поселения, была открыта только в пределах раскопа у бани и потому пока неизвестно, куда она направлялась далее и где заканчивалась. На раскопанном участке труба имела под землей ограждение из небольших плоских камней, поставленных на ребро. От нее шло к бане несколько ответвлений, набранных из звеньев меньшего диаметра.

Для того чтобы иметь запас воды на случай осады, когда водопровод мог быть обнаружен и испорчен неприятелем, в крепостях и замках строились цистерны, углубленные в большинстве случаев в материк. В Анберде такая цистерна была открыта в нижнем этаже дворца в помещении рядом с лестницей. Ее покрывал цилиндрический свод с круглым лазом, каменная крышка которого была найдена при раскопках на полу, куда она упала в момент обрушения свода. Вода поступала сверху, что видно из того, что рядом с крышкой оказались аккуратно уложенные каменные плиты, защищавшие штукатурку пола от ударов падавшей струи. Для предотвращения подъема воды выше пят свода на их уровне была устроена сливная труба, которая могла одновременно служить для подачи воды в соседние помещения нижнего этажа.

В Анберде, кроме скрытого во дворце водохранилища, было второе—наземное, представляющее из себя продолговатую, изолированную постройку, покрытую разрушенным ныне сводом, без окон и дверей, сплошь оштукатуренную внутри. Тщательное обследование показало, что в

стенах не было отверстий для ввода труб и потому остается предположить, что наполнение водой производилось тоже через свод, к которому она подводилась по трубе, проложенной из дворца, стоящего несколько выше.

Конечно запасов воды в цистернах надолго хватить не могло даже при сугубо экономном расходовании и приходилось подумать о снабжении водой иными способами. С этой целью строились подземные и потайные входы, по которым было можно добираться незамеченным до протекавших около поселений речек. Подземные ходы пробивались целиком в материке в виде тоннелей, а потайные имели искусственное покрытие. В Анберде потайной ход шел к Анбердской речке по косогору под скалами. Он представлял из себя галерею, покрытую громадными плитами, которые одним концом были уложены на отвесно стесанную скалу, а другим—на специальную стенку, засыпанную снаружи землей. Такой ход снаружи производил впечатление дороги, вымощенной камнем на косогоре; вполне вероятно, что в мирное время этот каменный настил действительно использовался как вьючная тропа. К сожалению обвалившаяся скала разрушила и засыпала обломками ход в том месте, где он выходил к реке, и нам не удалось выяснить, что здесь было устроено для тайного набора воды.

Предательство иногда делало эти ходы невольными пособниками врага. Из рассказа Фауста Византийского известен полный трагизма финал героической обороны неприступного Артагерса,

защитники которого во главе с мужественной царицей Парандзем четырнадцать месяцев противостояли натиску персов.

Анбердский замок, изученный лучше других, взят в качестве примера, так как в нем имеются налицо все характерные черты феодального гнезда: выбор места, защищенного самой природой, ряд наслоений в системе укреплений, забота о снабжении обитателей водой как в мирное время, так и при осаде. Архитектура замка-дворца проста, сурова и подчинена основному требованию—надежно обеспечивать безопасность владельца и его челяди. При разработке плана строитель строго ограничен контуром наружных стен здания, продиктованным как рельефом места, так и необходимостью максимально сократить протяжение оборонительной линии. Крупные каменные блоки, из которых сложена облицовка стен, должны принимать на себя удары вражеских метательных снарядов и стенобитных орудий, а потому и не нуждаются в чистой теске. Украшений никаких нет,—только красочные пятна фаянсовых тарелок, вделанных в кладку под зубцами башен, поражают по поверию дурной глаз.

Здесь нам придется отступить от соблюдения хронологической последовательности и познакомиться с несколькими памятниками, построенными позднее. Это позволит составить более цельное представление о средневековых замках и других военных сооружениях Армении, которое в дальнейшем еще пополнится описанием замеча-

тельных укреплений багратидской столицы — Ани.

В Быджни, что на Занге, из амфитеатра гор справа от реки выступает большая столообразная скала, уготованная самой природой для укрепления, господствующего над тропами, идущими по узкой долине. Она с трех сторон защищена крутыми обрывами и только в месте примыкания к горному массиву, да кое-где на западном склоне в промоинах между камнями гарнизон нужно было оградить от неприятеля стенами. Основные укрепления с полукруглыми башнями были возведены вероятно в XI в., когда здешними местами владел род князей Пахлавуни. На плоской, пустынной теперь вершине быджнийской горы видны остатки древних построек. На одном из холмиков лежат обломки арок, несших вероятно в свое время перекрытия замковой церкви, развалины которой еще скрыты под землей. В другом месте высятся стены небольшой полуразрушенной постройки со сводом на подпружных арках, назначение которой пока неясно; во всяком случае она не служила церковью, так как в ней нет необходимой для алтаря абсиды. В южной части замковой территории в толще скалы скрыта прямоугольная подземная цистерна, облицованная тесаным камнем и покрытая сводом с гуртами. Вода в нее поступала из водопровода, имевшего, по рассказам местных жителей, протяжение 10—15 км. Разрозненные звенья глиняных труб были найдены мною в одном из дворов селения, расположенного у подножия горы. Непри-

ятель мог отыскать и перерезать водопровод; на случай его порчи для доставки воды из реки в скале был пробит подземный ход, отдельные участки которого прослеживаются на западном склоне несколько выше селения.

Судя по тому, что на уединенном утесе к востоку от крепости стоит крошечная крестообразная церковка св. Саркиса—постройка VII в.—селение и замок существовали здесь значительно ранее перехода в руки Пахлавуниев.

Наряду с укреплениями, опоясывавшими непосредственно самые поселения и княжеские резиденции, оборонительные сооружения нередко возводились в виде фортов, защищавших подступы к важным пунктам, а также тропы и проходы по долинам. Так, например, вход в боковое ущелье от реки Дебеда, по которому идет дорога к знаменитому ахпатскому монастырю, был надежно заперт крепостью-фортом Каянберд,* о которой говорят историки и надписи XIII в.; в дни, когда монастырю грозила опасность, сюда переносили на хранение рукописи и монастырские ценности; здесь же укрывалось и население Ахпата. Крепость занимает вершину сильно выступающего между речками мыса с крутыми склонами. Две небольшие площадки были ограждены хорошо сложенными стенами с полукруглыми башнями и воротами, остатки которых видны и сейчас среди густых зарослей. Небольшая церковка со строительской надписью 1233 г. на сте-

* Другой Каянберд находится в Иджеванском районе Армянской ССР.

нах прилепилась на краю обрыва и кажется издали башней, роль которой она, вероятно, не раз исполняла при натиске врага. Постройки на крепостном дворе разрушены и только после раскопок можно будет иметь суждение о внутреннем устройстве этого очень интересного памятника военной архитектуры.

Крепостные сооружения иногда приходилось строить в сравнительно ровных местах, где неприятель не встречал существенных естественных помех. В этих случаях стены образовывали замкнутое оборонительное кольцо и вся постройка приобретала компактную, собранную в единый массив форму, производя издали впечатление пучка башен. Таков, например, замок Тигнис, построенный, возможно, при Багратидах в IX—X вв. для защиты северных подступов к их до-анийской столице в Ширакаване (Еразгаворе) на Ахуряне. Он расположен у крутого обрыва, которым заканчивается высокое плато, простирающееся к северу от Ани по правому берегу Ахуряна, и представляет из себя внушительную прямоугольную постройку, высокие стены которой усилены в углах и посредине каждой стороны полукруглыми башнями с помещениями и нависавшими некогда бойницами (табл. 3). Вокруг видны остатки стен, образовывавших вторую (наружную) линию обороны замка. Прорвавшийся через нее противник попадал в узкое пространство между стенами под удары гарнизона цитадели. Кроме того наружные стены являлись серьезным препятствием для применения против цитадели сте-

нобитных орудий, передвижных башен и т. п.

С Тигнисом сходна по своей структуре крепость Магасберд, защищавшая Ани с юга. В ней за сравнительно невысокими внешними стенами стоит грозный массив цитадели с сильно выступающими полукруглыми башнями. Возможно, однако, что внешние стены Магасберда сооружены позднее, так как, насколько можно судить по фотографии, они отличаются по своей кладке от центрального укрепления и сходны со стенами, построенными в Анберде при Долгоруких. Как и там, они сложены из мелкого камня довольно грубой тески без пригонки в швах, промазанных раствором.

Для наблюдения за передвижением неприятельских сил и сигнализации, в удобных для того местах, защищенных главным образом природными условиями, устраивались специальные сторожевые посты. Такое сооружение можно видеть неподалеку от Каянберда в Ахтале, где невысокими стенками ограждены неприступные скалистые пики над входом в долину. Размеры их плащадок столь малы, что гарнизон едва ли мог превышать несколько десятков человек и оказывать существенное влияние на ход военных операций у реки, тем более, что находился на головокружительной высоте. Но за то отсюда долина реки Дебеда в обе стороны была видна как на ладони и никакое подозрительное движение не ускользало от внимания наблюдателей. Такое орлиное гнездо могло в трудную минуту послужить и убежищем для знатных обитателей

ниже расположенных селений, вынужденных укрыться со своими ценностями. Регулярное снабжение этого поста около Ахталы водой из реки или имевшихся внизу родников при осаде исключалось, и строителям пришлось прибегнуть к сооружению открытых цементированных баков, вырубленных в скале, в которые собиралась дождевая вода. О таких цистернах имеются сведения и у историков, отмечающих случаи, когда защитникам крепостей с подобным водоснабжением приходилось сдаваться из-за длительного отсутствия дождей.

Двин

Вероятно в V в., после раздела Армении в 387 г. между сассанидской Персией и Византией, столицей Восточной Армении стал Двин, куда, по свидетельству Моисея Хоренского, лет за сто до того начали выселяться жители находившегося у его южной окраины Арташата. Как сообщают древние авторы, здесь, кроме палат в цитадели, имелся также и загородный дворец, возвышавшийся над дубовой рощей, искусственно насажденной в долине реки Азата по приказу царя Хосрова II (330—339), в которой он забавлялся охотой. Возможно, что остатки этого дворца, погребенные под развалинами более поздних построек, будут обнаружены при раскопках на утесе Кыз-кала, находящегося примерно в 3-х км к северу от главного двинского холма.

Двин по сравнению с названными древними

городами оказался в лучшем положении. Его неоднократно посещали путешественники и ученые. В цитадели Н. Я. Марр вел разведочные раскопки.* Х. Дадьян частично очистил от земли развалины собора св. Григория. В 1937—39 гг. Армянским Филиалом Академии Наук СССР здесь были проведены большие раскопочные работы, которые, не дав ожидавшихся материалов по аршакидскому времени, осветили, однако, некоторые весьма важные стороны жизни города в VI—XIII вв., не исключая и казавшегося спорным вопроса о том, когда Двин прекратил свое существование и пришел в запустение.

Равнинное положение города, позволявшее населению строиться во всех направлениях от цитадели, определяет своеобразие его планировки. В центре, расположенном между нынешними селениями Арташар и Топрах-кала, возвышается холм, который в свое время был занят цитаделью с дворцом, образованной двумя кольцами стен, от которых на поверхности не сохранилось ничего кроме едва заметных валов на месте внешнего кольца. Разведочные раскопки на вершине холма не дали существенных результатов, возможно потому, что раскоп мог случайно оказаться на месте древнего двора. С севера к цитадели примыкал небольшой квартал неправильной формы, защищенный высокими толстыми

* Краткий отчет Н. Я. Марра опубликован в Отчетах Археологической Комиссии за 1899 г. Сведения древних историков о Двине собраны и изданы Ас. Шахназаряном (Двин. Историко-географический очерк. Ереван, 1940).

стенами с башнями в углах, выложенными из сырцового кирпича, которые от времени оплыли и обратились в валы. Первоначально здесь наверное были размещены правительственные учреждения; впоследствии с утратой Двином его административного значения этот квартал могли занять под жилые постройки богатые горожане, о чем свидетельствуют остатки жилого дома XIII в., вскрытые раскопками на северном склоне холма.

К западу от цитадели расположен второй холм меньшей высоты, отделенный от нее широким рвом. Возможно, что он был тоже укреплен, так как со стороны рва при раскопках были обнаружены остатки каменного сооружения, более всего похожего на основание ворот, которые могли быть построены и просто в конце улицы между домами. Здесь в наиболее возвышенной восточной части, где производились основные археологические работы, были обнаружены остатки больших монументальных построек, относящихся ко времени пребывания в Двине главы армянской церкви—католикоса. К северу от большого собора Григория (VII в.) стояли покои католикоса, а к востоку от них более ранняя церковь разиличного типа. Несколько поодаль от этой группы построек, к северо-западу, на поверхности земли намечаются контуры какого-то здания, имевшего, по нашему мнению, довольно обширный двор; может быть здесь были гостиница или караван-сарай, где находили пристанище богомольцы и представители духо-

венства, приезжавшие по делам к католикосу. Ремесленники, торговцы и прочий городской люд заселяли обширную территорию, охватывавшую центр и тоже огражденную стенами. Остатки их можно видеть к югу и западу от цитадели в садах Арташара и на землях Айгестана—селений, расположившихся на месте древнего города.

На протяжении почти тысячелетней жизни Двина его укрепления, наверное, не раз обновлялись и усиливались. Положение и конфигурация центральных кварталов, а следовательно и ограждавших их стен при этом вряд ли менялись, так как они были связаны с холмом, на котором стояла цитадель, и заключали в себе главнейшие общественные здания города. Изменения могли происходить лишь на окраинах в зависимости от колебаний в численности их населения. Так как в стенах Двина нигде не обнаружено признаков правильной кладки из камня, приходится придти к выводу, что с самого начала (IV—V вв.) они были кирпичные, как и большинство построек города. Только городские ворота, судя по развалинам у собора, и ряд выдающихся зданий доарабского времени были возведены из камня. Развалины некоторых из них уже открыты,—другие еще находятся под землей, и археологам предстоит установить, откуда происходят архитектурные фрагменты, собранные с разных концов двинской территории. Из этих случайных находок обращают на себя внимание датируемые VI—VII вв. капители, в которых над массивным валом, украшенным плетеным орнаментом, по-

мещены своеобразные волюты с плетеными „розетками“ вместо обычных спиралей, и великолепный обломок архитрава церковной двери с крестом и мастерски скомпанованной сценой сбора винограда (табл. 8). Позднее камень был совершенно вытеснен кирпичем. Так, когда в патриаршем дворце стали производить переделки, вероятно в связи с обращением его в мечеть, то применили уже кирпич, скрывший, например, в новых пилонах первоначальные каменные колонны. Найденные при раскопках остатки богатой отделки стен—поливные кирпичи, разные глиняные плиты, резной и литой алебастр и фигурные изразцы также свидетельствуют, что после X в. основным строительным материалом был кирпич, которым даже выстилались полы.

Дворцы в Двине и Вагаршапате

Мастера, строившие в VII в. дворцы в Двине и Вагаршапате, открытые раскопками, были в более выгодном положении, чем анбердский архитектор. Их сооружения не служили оборонным целям, и они могли свободно разрабатывать свои композиции: ровные площадки, отведенные для этих построек, находились под надежной защитой укреплений.

В центральной части Двина рядом с собором Григория (VII в.), строительство которого в непосредственной близости от крепостного холма вызвало в свое время беспокойство персидского начальника крепости, стояло большое здание, где,

вероятно, были размещены покои главы армянской церкви—католикоса. Привратника, некогда охранявшего вход в палаты, давным давно нет и сюда можно свободно войти. Перед глазами картина полного разрушения: от стен остались только фундаменты, да кое-где нижний ряд чистотесанной облицовки, от колонн несколько баз, наполовину скрытых под более поздним кирпичным полом, и одиноко лежащая огромная капитель, украшенная с лицевой стороны резьбой (табл. 7). Посредине ее, как бы вырастая из ствола колонны, подымаются два пальмовых листа с отогнутыми в стороны концами; по бокам два таких же листа свернуты в кольца и образуют своеобразные волюты; абака покрыта резным узором, который увидим на оконной бровке церкви VII в. в Айгешате (Таргманчац-ванк), что вполне понятно, так как двинские палаты построены не позднее первой четверти VII в., когда здесь при католикосе Комитасе был закончен собор Григория.

Тринадцать веков назад здесь высились монументальные колоннады парадного двора патриарших палат. Архитектурная композиция весьма проста: по сторонам двора, имевшего в длину 21 м и ширину 6,5 м, друг против друга стояли два одинаковых здания с галереями, соединенными по концам крытыми переходами (табл. 7).* Кровли галерей поддерживали массивные каменные

* На схематической реконструкции окна и двери в продольной стене размещены произвольно, так как никаких данных о них в развалинах найти нельзя. Высота колонн,

колонны (по четыре с каждой стороны); форма капителей и неглубокий желоб наверху позволяют полагать, что на них лежали толстые деревянные брусья, возможно украшенные резьбой, в которые были врублены стропила, опиравшиеся другим концом на стены. За галереями в каждом доме было расположено в ряд по пяти комнат. Напрашивавшееся на первых порах предположение, что в центре здания помещался трехнефный базиличный зал, при ближайшем ознакомлении отпадает, так как, во-первых, было конструктивно нецелесообразно основывать продольные стены среднего нефа на деревянных брусьях, принимая во внимание значительную величину пролета между колоннами (6,5 м) и, во-вторых, в случае базиличной формы центрального помещения, формы хорошо разработанной к этому времени армянскими зодчими, расстояние между торцовыми стенами и крайними колоннами было бы таким же, как и между колоннами, т. е. 6,5 м; на самом деле оно примерно равно расстоянию до продольных стен (1,70—1,75 м). Нет также здесь и обязательных для трехнефных базилик пилястр у торцовых стен, отвечающих рядам колонн.*

исходя из расстояний между их осями, принята равной 7—8 м; при такой высоте, как видно из рисунка, здание могло быть двухэтажным и тогда наверху должен был бы расположиться второй ряд окон.

* Можно дать и другую реконструкцию здания, предположив, что здесь был не дворик, а зал, имевший наподобие сельского дома деревянное покрытие из трех бревенчатых шатров между колоннами со световыми отверстиями наверху, как это стали делать в камне в XIII в. в мона-

Много видели на своем веку эти палаты. Здесь в VII в. знаменитый католикос Нерсес Строитель из Тайка принимал византийского императора Константина, остановившегося, по свидетельству современника событий историка Себеоса, в патриаршем доме; сюда сходились нити оживленной религиозной борьбы между монофизитами и халкидонитами, которая после многих превратностей принесла католикосу-халкидониту временный успех; здесь Нерсес увещевал колебавшихся и творил суд и расправу над упорствовавшими религиозными противниками; здесь, вероятно, обсуждал он с архитекторами проекты своего прославленного Вагаршапатского храма (Звартноца), справедливо считающегося одним из самых замечательных творений армянских зодчих, с которым читатель познакомится при описании памятников церковной архитектуры.

Нерсес, уроженец халкидонитской армянской области Тайка, получивший образование в Византии, лелеял мечту о соединении армянской и греческой церквей. Он предвидел, что его намерения встретят в Двине сильное сопротивление со стороны влиятельных противников халкидонитства и поэтому, заняв патриарший престол, приступил к созданию нового церковного центра

стырских трапезных (Агарцин, Ахпат). В этом случае, как и при базиличной форме зала, все покои должны были освещаться окнами, выходившими на городские улицы и площади, что едва ли возможно, так как с юга напротив окон стоял собор, а с востока довольно большая церковь, привлекавшие шумные толпы богомольцев.

в Вагаршапате около почитаемых древних святынь, привлекавших богомольцев.

Новая резиденция католикоса коренным образом отличается от прежней, двинской. Там—городской дворец, в основу архитектурной композиции которого положена имевшая многовековую давность несложная схема переднеазиатского дома, здесь—обширное поместье духовного феодала с вновь насажденными на каменистом месте садами, орошаемыми проведенной из реки водой, постройки которого представляют комплекс зал, жилых и подсобных помещений, обнесенный вместе с новым храмом „великолепно устроенной", как говорит Себеос, стеной.

Дворец католикоса состоял из двух крыльев, расположенных под прямым углом к западу и югу от Звартноца. Западное крыло заключало в себе два больших зала, из которых один разделялся колоннадами на три нефа, а также жилье и службы. В южном крыле, отделенном от западного коридором, были расположены в три ряда комнаты, с примыкавшей к ним в восточной части баней, сходной по своему устройству с анийской и анбердской. Со стороны, обращенной к храму, это крыло имело длинную галерею, столбы которой были соединены между собой, а возможно и со стеной здания арками, поддерживавшими кровлю; основанием для такого предположения служит крестообразная форма сечения этих столбов, обычная для опор арочных конструкций.

К сожалению от постройки сохранились лишь нижние части стен высотою около 2,5 *м* и

поэтому трудно что-либо сказать об ее первоначальном виде и убранстве. Небольшие размеры помещений южного крыла позволяют думать, что они имели плоские деревянные перекрытия. Такое же перекрытие мог иметь и трехнефный зал. Второй зал западного крыла был перекрыт сводом, остатки которого видны и сейчас.

В юго-восточном углу южной части патриарших палат сохранилась абсида небольшой церкви, которая в реконструкции архитектора Т. Тораманяна представлена как трехнефная базилика. На самом деле здесь, вероятно, была небольшая однонефная часовня, на развалины которой позднее наслоились Нерсесовы постройки.

Христианские храмы

Проникновение христианства в Армению в основном шло с юга, из Сирии. Первые переводы богослужебных книг были сделаны с сирийского текста, что нашло отражение и в вещественных памятниках, как это можно видеть на каменном барельефе в нише южной стены анийской дворцовой церкви, где в полном соответствии с сирийской версией библии изображена известная сцена жертвоприношения Авраама.

В IV в. христианство стало государственной религией в Армении, и архитекторам пришлось заняться строительством церквей. Возможно, что на первых порах для богослужения приспосабливались существовавшие уже постройки, но, конечно, такое решение могло носить только вре-

менный характер и довольно скоро начали появляться специально построенные здания.

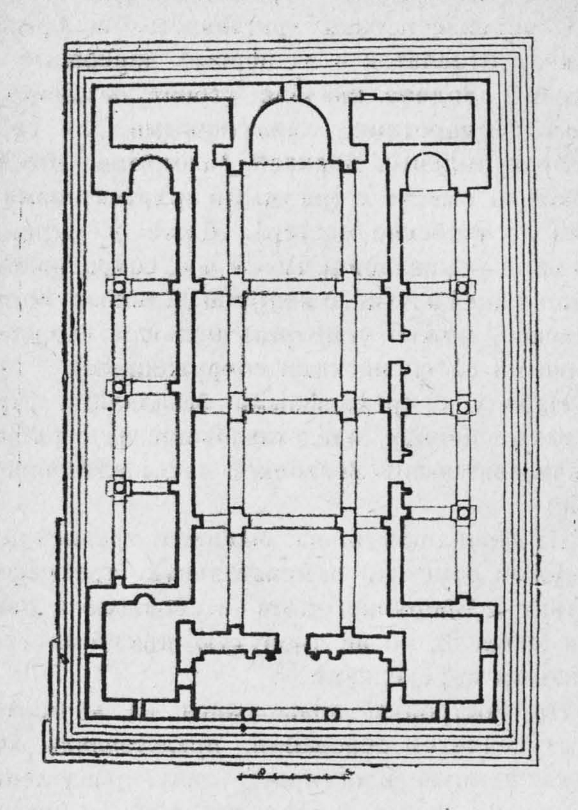
Сирийские истоки христианства в Армении наложили отпечаток и на первые церковные сооружения. Зодчие вначале строят базилики со всеми особенностями, характерными для сирийских безкупольных церквей. Возможно, что первоначально вместе с местными архитекторами работали и сирийские мастера. Даже в скромной подземной усыпальнице IV—V вв., сохранившейся до наших дней в Ахце, о которой упоминает Моисей Хоренский, можно усмотреть большое сходство с подобными ей сирийскими сооружениями.

Наряду с трехнефными базиликами строились также церкви, представлявшие из себя залу, заканчивавшуюся в восточной части алтарной абсидой.

Из дошедших до нас наиболее древних церквей нужно отметить замечательную трехнефную базилику в Ереруйке, хотя и стоящую в развалинах (табл. 9), но не тронутую никакими существенными переделками.

Эта постройка, возведенная на внушительном ступенчатом основании, представляла хорошо освещенную просторную залу, разделенную на три нефа двумя рядами столбов Т-образного сечения (рис. 4). Средний неф в три раза шире боковых и, судя по уцелевшему углу в средней части западной стены, который можно видеть и на рисунке, до разрушения возвышался над

их кровлями.* Продольные стены этого нефа были возведены на арках, переброшенных между

4. Ереруйк. План базилики.

* Здесь необходимо отметить допущенную Г. Н. Чубинашвили ошибку в вопросе о внешнем виде Ереруйской базилики. Несмотря на явные признаки возвышения среднего нефа над боковыми, он считает, что все три нефа были скрыты под общей кровлей. (Болнисский Сион. Изв. Инстит. языка, истории и материальной культ. Груз. Филиала Академии Наук СССР. IX. Тбилиси, 1940, стр. 149).

столбами. Возможно, что в них имелись также окна. Главный неф заканчивался в восточной части алтарной абсидой, помещенной между двумя сводчатыми приделами, сильно выступающими на южном и северном фасадах. В западной части базилики этим выступам отвечают две разрушенные в верхних частях пристройки, имевшие, вероятно, в свое время вид двухэтажных башен, как это можно наблюдать на сирийских памятниках (Турманин и др.), с которыми ереруйская базилика имеет сходство. Центральная зала была окружена с трех сторон портиками, заключенными между башнями и восточными выступами. В настоящее время они совершенно разрушены и об их первоначальном виде можно только высказывать предположения. На плане, составленном Т. Тораманяном (рис. 4), показаны арки, которыми колонны портиков соединились между собой и с пилястрами стен; существование фасадных арок не вызывает сомнений, так как остатки одной сохранились в восточном конце южного портика, около абсиды, которой он (также как и северный) здесь заканчивается; что же касается поперечных арок, то едва ли они вообще были, так как не только не видно никаких следов сопряжения их со стенами, но над самыми пилястрами проходит сплошной поясок, украшенный зубчиками. Стропила односкатных черепичных кровель боковых галерей опирались одним концом, вероятно, на стены здания выше этого пояска, а другим—на стенки, возведенные над фасадными арками. Стропила кровли западного портика мог-

ли опираться не на стену, а на пилястры. Позднее здесь возвели новый портик, остатки свода которого видны и сейчас (табл. 9); при этой перестройке был уничтожен фронтон западной двери. Портики базилики, построенной в V в., предназначались для тех, кто готовился к переходу в христианство и не мог быть допущен в храм; об этом убедительно свидетельствует купель (бассейн для крещения), помещенная в абсиде южной галереи.

Вопрос о характере перекрытия ереруйской базилики вызывает разногласия среди исследователей; существует мнение, что она была сводчатой; однако этому противоречат как свидетельства древних армянских историков, из описаний которых видно, что на первых церквах в Армении были деревянные кровли, так и самый вид постройки, позволяющий не только сравнивать ее с теми сирийскими образцами, в которых своды не нашли применения, но и, основываясь на этом сравнении, высказать предположения о конструкции перекрытия. Сечение столбов в виде буквы Т и расположенные против них пилястры наружных продольных стен (рис. 4) говорят о том, что здесь поперек здания во всех трех нефах были переброшены арки; на них так же, как и в сирийских постройках, могли быть возведены поперечные стены, заканчивавшиеся щипцами в средней части и полущипцами по бокам, которые наряду с системой стропил поддерживали обрешетку черепичной кровли. Конечно, подобное предположение не исключает возможности применения в

церковном строительстве одновременно и сводов, вообще весьма скоро вытеснивших здесь дерево из перекрытий.

Архитектурный наряд здания скромен: вокруг окон с циркульным верхом идут тяги, отгибающиеся, как и на сирийских памятниках, в стороны у основания проема, в которых можно усмотреть первоисточник классической армянской бровки, ставшей к VI—VII в. излюбленным завершением окон в армянском зодчестве; центральное окно западной стены—тройное, с двумя колонками между проемами. Дверные проемы перекрыты архитравно, большими каменными плитами, над которыми в кладке стен сделаны разгрузные прорези; по бокам проемов—пилястры с трехчетвертными колоннами, между которыми переброшены профилированные подковообразные арки, прорезающие фронтоны; базы состоят из плинта, вала и выкружки, капители украшены резными остролистными пальметами. Равноконечный „сирийский" крест, в большинстве случаев вписанный в круг и сопровождаемый либо шестилопастными розетками по бокам, либо растительными побегами, виден всюду: на архитравах дверей, капителях и базах пилястр, между арками западного тройного окна. Сухарики оживляют подковы триумфальных арок абсид, карнизы дверных фронтонов и обрамления нескольких окон.

К тому же времени обычно приурочивают и постройку собора в Текоре (Дигоре). Это сооружение на своем веку претерпело немало различных трансформаций; в конце концов неумелая

рука увенчала его неуклюжим куполом, ныне разрушенным (табл. 10). Весьма вероятно, что до возведения купола текорский памятник был базиликой, сходной с ереруйской. Здесь зал короче, нефы разделялись всего двумя парами столбов, но также, как в Ереруйке, абсида заключена между сильно выступающими на южном и северном фасадах приделами. Древние стены усилены в нижней части новой кладкой, из которой выступают пилястры и полуколонны, свидетельствующие о том, что, вероятно, при этой перестройке храм окружили с трех сторон портиками; к сожалению, они совершенно разрушены и при реконструкции остается только ограничиться более или менее правдоподобными предположениями.

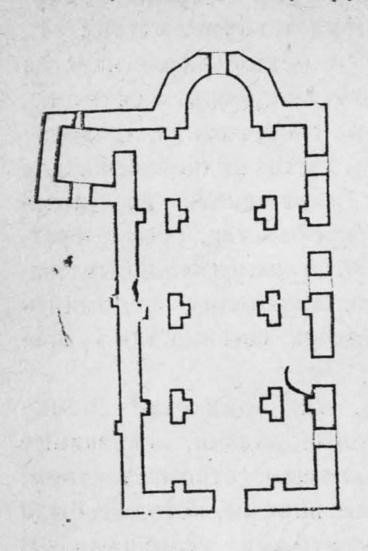
Большою популярностью среди современных архитекторов Армении пользуются элементы убранства дверей текорского храма, разработанного и выполненного с большим мастерством. По бокам проема из стены выступают приземистые пилястры, лицевые стороны которых имеют по две колонны, объединенные массивными капителями, поддерживающими мощную декоративную арку. Кружевной узор из поставленных в ряд пальмет покрывает поверхность капителей; искусная резьба украшает также широкую раму, окаймляющую дверной проем. Орнамент ее, в несколько упрощенном виде, в первой половине VII в. становится настолько характерным для церковного зодчества, что его присутствие на здании в большинстве случаев разрешает всякие сомнения относительно даты (рис. 24, 25).

В сел. Аравус Сисианского района сохранился в развалинах прекрасный образец однонефной церковной постройки без купола (табл. 14), относящийся к первым векам христианства (V—VI в.). В пользу такой датировки памятника, известного под названием Танаат-ванка, говорят как формы здания (в частности подковообразная арка алтарной абсиды, украшенная изящными зубцами), так и характер убранства, среди фрагментов которого выделяются замечательные капители, с орнаментом, заставляющим вспомнить ткани и изделия из серебра сасанидского времени.

Не прошло и века, как армянские зодчие стали решать архитектурные задачи, связанные с развернувшимся церковным строительством, применяя те строительные приемы, которые были выработаны в связи с местными условиями. В стране, изобилующей прекрасным строительным камнем, издавна славящейся своими каменщиками, они естественно должны были отказаться от покрытия деревом и перейти на своды, которые, несомненно, не являлись для них новинкой.

Церкви в Аштараке и Касаге, ныне Апаране (рис. 5), которые были построены не позднее VI в., тоже разбиты тремя парами столбов Т-образного сечения на три нефа, но были перекрыты сводами с подпружными арками, отвечающими пилястрам столбов и стен. Возвышение среднего нефа над боковыми снаружи не было подчеркнуто, так как над всеми сводами располагалась общая двускатная кровля, что видно по остаткам карни-

за с зубцами на восточной стене в Аштараке. Обе церкви сильно разрушены. В Аштараке вся постройка внутри завалена камнями; от столбов и сводов сохранился на месте небольшой фрагмент в юго-западном углу. Для предотвращения падения наружных стен три из них, кроме восточной, снаружи одеты новыми стенами, снабженными бойницами, что показывает, что церковью в дни военных невзгод пользовались как укреплением. Поэтому трудно что либо сказать о первоначальной отделке фасадов; изнутри видно только западное двойное окно с колонкой посредине. В Касаге столбы и арки сохранились,— обвалились только своды, замененные сейчас простым деревянным перекрытием. Обрамление окон выполнено грубовато и напоминает наличники в ереруйской базилике; на архитравных камнях дверей вырезаны барельефы. Обследование и разведочная расчистка земли показали, что у продольных стен снаружи были открытые при-

5. Касаг. План церкви.

стройки, время сооружения которых еще предстоит установить.

По иному выглядит большая церковь в Егварте. Она значительно сильнее вытянута с запада на восток ввиду того, что имеет не три, а четыре пары столбов, разделяющих ее на три нефа. Столбы поставлены чаще, чем в Аштараке и Касаге. Их форма и пилястры у продольных стен показывают, что своды имели подпружные арки. Средний неф почти в три раза шире боковых и заканчивается в алтарной части бэмой и абсидой, которая, как в Касаге, выступала пятью гранями наружу. Теперь она без особой надобности срезана при проведении новой улицы. Боковые нефы в восточной части также заканчиваются абсидами, которые скрыты в углах здания. Вся верхняя часть больше чем наполовину разрушена и потому нельзя сказать, каковы были обрамления окон, карнизы и кровля. Частично сохранилась лишь отделка одной из южных дверей и надпись большими красивыми буквами в одну строку, идущая по южной стене. Две значительно выступающие по сторонам проема пилястры с простыми капителями, через которые проходит надпись, несут широкую арку, украшенную тягами, зубчиками и бусинами. На архитраве над проемом прорезаны четыре желобка, загибающиеся книзу, а над ними помещена резная круглая розетка, сходная с изображенной на концовке предыдущей главы. Характер убранства двери сближает церковь с памятниками в Ереруйке и Аване и позволяет датировать ее V—VI вв.

Армянские зодчие не останавливаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трехнефную сводчатую церковь—залу. Они блестяще разрешают и задачу создания церковного здания, увенчанного куполом.

Едва ли купольная форма постройки была выработана только в связи с церковным строительством; надо полагать, что техника возведения куполов была хорошо известна архитекторам значительно раньше. То обстоятельство, что в Армении пока не обнаружено купольных зданий, построенных ранее VI в., не может служить доказательством противного, ибо трудно предположить, чтобы в стране, тесно связанной с сасанидской Персией (и не только в порядке временного подчинения ей), не знали о замечательных дворцовых сооружениях, возведенных по повелению сасанидских властителей, которые и до сих пор способны восхищать самых требовательных ценителей искусства. Еще не выяснено, где (в Персии или Армении) была раньше применена та своеобразная форма сводчатого перехода к куполу в виде полуконуса, известная в архитектуре под названием конического паруса или тромпа (табл. 17), которая только в середине VII в. была решительно вытеснена пришлым с запада сферическим парусом. Трудно также предположить, чтобы зодчие, встречавшие на домах в каждой деревушке шатровую деревянную кровлю, поддерживаемую столбами, не пришли к мысли о куполе.

Интересно, что значительно позднее, в

XII—XIII вв., когда купол в церковном зодчестве имел уже семивековую давность, архитекторы, создавая последнюю новинку—притвор, обращаются все к тому же сельскому дому, воспроизводя в камне шатровое покрытие с световым отверстием, основанное на колоннах.

Развитие купольных церковных сооружений в Армении пошло по двум самостоятельным направлениям. С одной стороны зодчие венчают куполом базиличные здания, с другой—разрабатывают различные типы центрально-купольных сооружений, основой которых является квадратное помещение, завершенное куполом. Древнейших купольных церквей исходного вида пока не обнаружено. Но уже за несколько десятков лет до того, как были построены первые известные нам купольные базилики и однонефные купольные залы, в Аване, около Еревана, стояла большая центрально-купольная церковь значительно усложненной формы, сооруженная католикосом Иоанном не позднее 608/9 г.

Нужно, однако, отметить, что существует мнение, основанное на работах архитектора Т. Тораманяна, что собор Эчмиадзин, построенный по преданию вскоре после утверждения христианства в Армении, с самого начала имел купол.*

* Т. Тораманян. О древнейших формах Эчмиадзинского храма. Отд. оттиск из Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. О-ва. Том XIX. СПБ. 1909. Н. Марр. По поводу работы архитектора Т. Тораманяна: „О древнейших формах Эчмиадзинского храма". Отд. оттиск из Зап. Вост. Отд Имп. Русск. Арх. О-ва. Том XIX. СПБ. 1909.

Разбираясь в перестройках, произведенных здесь в VII в. католикосом Комитасом, Т. Тораманян опирается на соответственные свидетельства древних историков, из которых католикос Иоанн (X в.) говорит, что Комитас, сняв перекрытый деревом купол св. Собора в Вагаршапате, построил его из тесаных камней, а Себеос, живший в VII в., сообщает только о замене деревянного перекрытия каменным, что потребовало укрепления стен, и совершенно не упоминает о куполе. Исходя из плана и форм пятикупольной церкви Апостолов в Ани, построенной при Багратидах, Т. Тораманян предполагает, что до VII в. план Эчмиадзина, послужившего образцом для анийской церкви, также представлял крест из четырех абсид с приделами в углах, заключенный в прямоугольный наружный контур. В VII в. внутренние абсиды были, по мнению автора, сломаны и вынесены наружу, а купол получил новое основание в виде четырех пилонов. Одно из главных вещественных доказательств того, что древний Эчмиадзин имел также пять куполов и был скопирован в Ани, усматривается в наличии на угловых частях выступающих из-под новой кладки остатков карнизов щипцов, над которыми высились малые купола. Такое предположение вполне правдоподобно, но послужить образцом для церкви Апостолов Эчмиадзин мог только в том случае, если он и в X в. стоял в первоначальном виде. Если же в это время он уже был снабжен выступающими абсидами, то анийские архитекторы, любовно изучавшие и точно воспроизводившие древние

образцы, наверное сделали бы такие же абсиды и в церкви Апостолов. Сопоставляя сведения древних историков (Лазарь Парпский, Себеос) о первых церквах Армении и в частности об Эчмиадзине с наличными остатками церковных построек первых веков христианства, мы приходим к выводу, что до VII в. Эчмиадзин был обычной для того времени базиликой с деревянной кровлей и только при капитальной перестройке, произведенной Комитасом, получил один, а может быть и пять куполов. Выступающих абсид в это время у него еще не было. Они появились вернее всего при восстановлении собора, лежавшего уже в XIII в. в развалинах, по возвращении сюда в XV в. католикосского престола из Киликии.

В связи с предположением о первоначальной базиличной форме Эчмиадзина можно указать, что в церковном песнопении „гандз“е некоего Атома в честь Эчмиадзина он называется Сионом,—а как установил И. А. Джавахов, в грузинском языке это наименование всегда обозначает базилику (напр. Болнисский Сион).* До церковного разрыва, да и столетия спустя после того, религиозные предания и обычаи армян и грузин совпадали и потому вполне вероятно, что термин Сион, обозначающий базилику, имел хождение и у армян. Это обстоятельство приобретает особый интерес ввиду того, что существо-

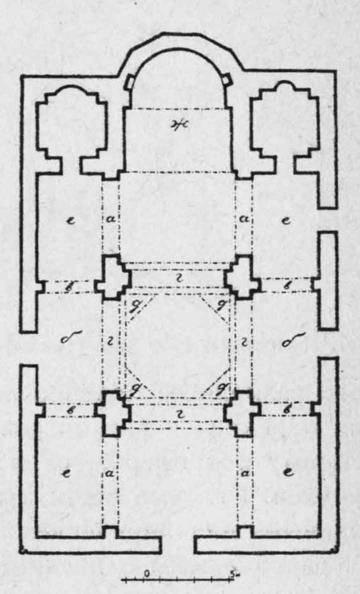
* И. Джавахов. Термины искусств и главнейшие сведения о памятниках исскуства и материальной культуры в древнегрузинской литературе. Христ. Вост., том III, вып. I. Петроград, 1914, стр. 22.

вание купола на Эчмиадзине до перестроек Комитаса может быть усмотрено в показаниях историков лишь в случае придания слову կաթողիկէ значения храма с куполом.

Восточная базилика в противоположность западной, где нефы разделялись рядами часто поставленных колонн, могла быть увенчана куполом без каких-либо органических изменений в конструкции. Если в западной базилике нельзя этого сделать без введения дополнительных опор, то в восточной было вполне достаточно, увеличив сечения столбов, расставить их с таким расчетом, чтобы средний неф оказался разбитым на квадраты. Подобную расстановку столбов можно видеть в церквах в Ереруйке, Аштараке, Касаге, хотя они и не имеют еще купола. Армянские зодчие в полной мере учли это обстоятельство и создали в первой половине VII в. ряд прекрасных купольных базилик.

Одним из характерных образцов этого типа является величественный собор в Мрене (табл. 11), строительство которого закончил в 639 или 640 г. князь Давид Сааруни. Здесь вытянутый с запада на восток прямоугольный зал разделен на три нефа двумя парами стройных пилонов, по форме и расположению напоминающих скорее столбы базилики, чем опоры купольного здания (рис. 6); в этом не трудно убедиться, сравнив их сечение с сечением столбов любой из приведенных здесь базилик; налицо совершенно логичное развитие Т-образной формы. Нельзя поэтому согласиться

с мнением Т. Тораманяна, который, разбирая вопрос о перестройках в Текоре, усмотрел и в Мрене перестройку базилики в купольное сооружение, для обоснования чего ему пришлось проделать на чертеже сложную, но конструктивно неосуществимую операцию над пилонами собора, не подтверждаемую, кстати, и нашими наблюдениями на месте.*

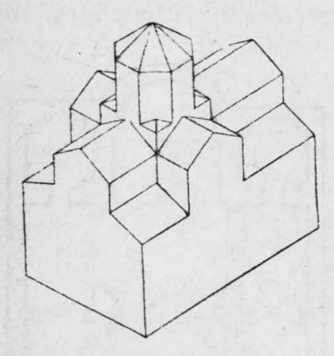

6.Мрен. План собора.

Средний неф значительно выше боковых; его продольные стены, возвышающиеся над односкатными кровлями боковых нефов, возведены на арках (а), перекинутых от пилонов к пилястрам западной и восточной стен зала. Все три нефа перерезаны посредине трансептом (б) такой же высоты, как и средний продольный неф; его стены в свою очередь основаны на арках (в), идущих от пилонов к пилястрам северной и южной стен. Средний продольный неф и трансепт, покрытые по цилиндрическим сводам двускатными кровля-

* Торос Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван. MCMXLII (на арм. яз.), рис. 121.

ми, образуют верхнюю крестообразную часть здания с куполом в центре, вырастающую из основного прямоугольника. Так в купольных базиликах VII в. создается форма крестовокупольного храма, столь характерная в последующие века для церковного зодчества Закавказья (рис. 7).

7. Купольная базилика (сехма).

Арки (г) между пилонами образуют подкупольный квадрат, в углах которого размещены конические паруса (д), служащие для перехода к восьмигранному барабану, увенчанному полусферой, скрытой под пирамидальной кровлей. Угловые части храма (е) перекрыты продольными цилиндрическими сводами, над которыми расположены односкатные кровли. Это также показывает, что архитектор, проектируя свою постройку, взял за основу базилику, в которой для установки купола все нефы пришлось пересечь трансептом.

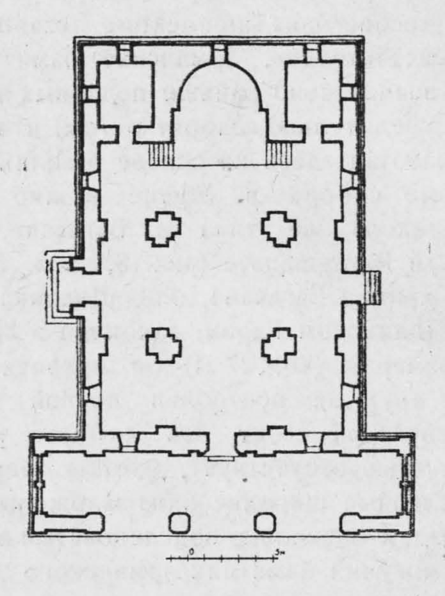
Бэма (ж), выступающая (пятигранная снаружи) абсида и два придела по бокам их удлиняют здание в восточной части, вследствие чего при наблюдении с юга или севера купол, находящийся во всех постройках этого типа в центре помещения для молящихся, кажется сдвинутым к западу. G. Millet, давая описание византийских памятников,

приводит примеры подобных церквей в Византии, которые он называет, по плану, „сложным крестом“. У автора вопрос о возникновении подобного плана не освещен, но имеется указание, что такие же сооружения встречаются и в Армении (L'école grecque dans l'architekture byzantine. Paris. 1916). Действительно, армянские памятники, созданные значительно раньше подобных им византийских, убедительно говорят о том, что этот тип был разработан здесь на основе базилики.

Кроме собора в Мрене нужно отметить церкви такого же типа в Багаване, Одзуне (табл. 12) и Вагаршапате (рис. 8, табл. 13). Грандиозный храм в Багаване, близ Диадина, построенный католикосом Езром, закончен в 639 г.* По своим размерам (46×27 м) он превосходит все наиболее крупные постройки первой половины VII в. Сейчас он стоит без купола, убранство входов частью отсутствует, частью переделано, многочисленные широкие окна заложены, что придает фасадам несколько подслеповатый вид; и все же этот могучий памятник армянского зодчества производит исключительно сильное впечатление. Превосходно разработана восточная часть с тремя многогранными выступающими абсидами, завершенными монументальным карнизом с крупными зубцами. Точная дата сооружения церкви

* Строитель и дата установлены И. А. Орбели, исследовавшим дефектную строительскую надпись (Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII века. Христ. Вост. Том II, вып. 1. С. Петербург, 1913, стр. 106 и сл.)

в Одзуне (ныне Узунларе) неизвестна, но характер архитектурных форм и убранства позволяет вполне уверенно отнести этот памятник ко времени не позднее первой половины VII в. Здесь

8. Вагаршапат. План церкви Гаяне.

сохранена примечательная деталь, присущая древним армянским базиликам: вдоль южной и северной стен идут открытые галереи с приземистыми столбами, соединенными арками. В западной части они упираются в глухую паперть с входом посредине стены, а в восточной—заканчиваются маленькими часовенками. Из элементов весьма скромного убранства обращают на себя внимание

играющий на солнце светом и тенью арочный карниз, барельефы по сторонам арок оконных проемов и наличник западной двери, украшенный резной, очень хорошо прорисованной виноградной лозой. Церковь Гаяне в Вагаршапате, капитально перестроенная католикосом Езром в 630 г., повторяет формы купольных базилик: купол находится в центре помещения для молящихся, алтарная часть с двумя приделами и снаружи имеет вид более низкой пристройки, удлиняющей восточную половину здания (табл. 13). Однако сравнение пилонов вагаршапатской церкви с мренскими показывает, что архитектор трактовал свою постройку как центрально-купольную: здесь профилированные стороны их обращены не в средний неф, как в Мрене, а в купольную часть (рис. 8). Открытая паперть с западной стороны пристроена позднее, в 1683 г.

Церковь в Мугни, около Аштарака, можно также включить в группу купольных базилик, так как купол, покоящийся на четырех пилонах, возвышается в центре помещения для молящихся. Она была заново отстроена в XVII в., но вероятно сохранила план разрушенной постройки VII в.

Алтарная абсида и абсиды боковых приделов в церквах этой группы иногда выступают из основного массива здания, имея снаружи многогранную форму (Мрен, Багаван), что можно объяснить их близостью к древним базиликам Армении, где также встречаются выступающие наружу абсиды (Касаг, Егварт).

В дальнейшем зодчие начинают ставить ку-

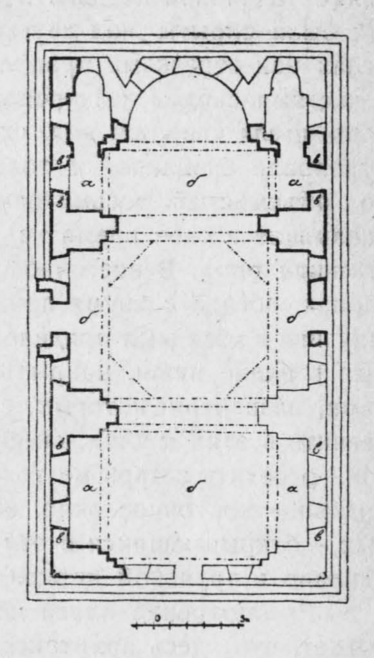
пол в центре всей постройки. Они достигают равновесия между западной и восточной половинами без изменения схемы купольной базилики тем, что приближают алтарную абсиду и расположенные по бокам приделы к восточной паре пилонов. Так поступил, например, как увидим ниже, знаменитый строитель собора в Ани, архитектор Трдат, работавший на рубеже X и XI вв. (рис. 53). В этих постройках алтарная абсида снаружи больше не появляется; ее скрывают внутри между приделами.

Армянские зодчие могли прекрасно обходиться без промежуточных опор, так как их мастерски возведенные своды перекрывали значительные пролеты. И действительно, в первой половине VII в. появляется разработанный ими тип однопролетной церкви-залы, завершенной куполом, известный в научной литературе под названием „купольной залы". Первоначально купол ставился, вероятно, так же, как и в купольных базиликах, над серединой помещения для молящихся, вследствие чего восточная половина, заключающая алтарь и приделы, была длиннее западной, что, например, можно видеть в церкви Шогакат в Вагаршапате, постройке 1694 г., сохранившей, по нашему мнению, план VII в.

Одним из памятников этого типа, счастливо избежавшим позднейших перестроек и переделок, нужно считать полуразрушенную церковь первой половины VII в. в сел. Птгни около Еревана, описание и чертежи которой впервые были из-

даны мной в 1925 г.* Она представляла из себя большую залу с двумя парами пилонов, сильно выступающих из толщи продольных стен, ярко освещенную многочисленными широкими окнами (рис. 9, табл. 15—18).

Между пилонами были переброшены арки с тромпами в углах образованного ими подкупольного квадрата, на которых покоился разрушенный ныне восьмигранный барабан; вдоль северной и южной стен от пилонов к широким пилястрам западной и восточной стен этой залы шли своды (похожие более на широкие арки), на которых были возведены продольные стены верхней крестообразной в плане части постройки (а); стены такой же высоты были выложены и на пилонах, являясь их продолжением. Таким образом верхняя часть здания

9. Птгни. План церкви.

* Предварительный отчет о поездке в Армению осенью 1923 г. Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры. IV. Ленинград, 1924, стр. 325 и сл.

с куполом в центре и в постройках этого типа получает крестообразную форму. Три крыла этого креста перекрывали цилиндрические своды (б), а четвертое, восточное—заканчивалось конхой алтарной абсиды. Все своды верхней части были скрыты под двускатными кровлями. В углах над отрезками продольных стен (в) вместе с частями сводов (а) кровли односкатные. Церковь имела снаружи вид, сходный с трехнефной купольной базиликой и только широкий щипец, до объемистый восьмигранный барабан купола указывали в свое время на отсутствие отдельно стоящих опор. В восточной части находится алтарная абсида с двумя приделами по бокам; между ней и абсидами приделов помещены треугольные в плане ниши, покрытые коническими сводами, назначение которых, с одной стороны,—облегчить в этих местах каменный массив и с другой—осветить алтарь не только через одно центральное восточное окно, но и через два боковых,—открывающихся в эти ниши, как, например сделано в аручской церкви (табл. 19).

Рассмотрение плана церкви в Птгни показывает, что здесь архитектор старался достигнуть равенства восточной и западной половин здания, для чего пространство между алтарем и восточной парой пилонов им было сделано короче западной части церкви.

Около полувека спустя известный армянский деятель Григорий Мамиконян (ум. в 681 г.), поставленный арабами наместником страны, строит в своей резиденции в Аруче (ныне Талише) гран

диозный храм того же типа, что и в Птгни (табл. 19). При подходе к Талишу с юга со стороны Коша, где тоже сохранились развалины крестообразной церкви VII в., с высот на расстоянии 3—4 км открывается панорама предгорья, на котором расположилось селение. Отсюда особенно хорошо видны масштабы мамиконяновской постройки. Она не имеет купола, вросла на протяжении веков почти на два метра в землю и все же господствует и над домами жителей и над кущами садов. Аручский храм сохранился несравненно лучше памятника в Птгни. Разрушен только купол, да зияют две большие бреши в южной стене, что однако не мешает оценить достоинства композиции величественного интерьера без свободностоящих пилонов с мощным сводом, разработанной с незаурядным мастерством, хотя в отделке деталей (капителей, внутренних карнизов) аручский мастер несколько уступает своему предшественнику в Птгни (табл. 20). Однако, взяв в Птгни новую идею пространственного решения церковного здания, мастер не пошел по пути простого копирования; он внимательно присматривался к тому, что делалось в архитектуре в его дни, и не боялся заимствовать новинки. В это время был только что закончен или заканчивался Звартноц, произведший, надо полагать, потрясающее впечатление на современников, так же, как и в наши дни даже в развалинах поражает всех, кто его осматривает. Несомненно оказывается под влиянием Нерсесовой постройки и аручский архитектор. Он ставит свой купол не на повсемест-

но распространенные до того тромпы, а на паруса, которые, по нашему мнению, впервые в армянской церковной архитектуре были применены в Звартноце. Привычный арочный или зубчатый карниз он заменяет карнизом, явно взятым оттуда же. Даже в орнаментации бровок наряду с наиболее распространенными сюжетами 30-х годов VII в. появляются ланцетки с бусинами и условные листья, трактованные совершенно так же (вплоть до профиля), как в Звартноце. Здесь они вырезаны на полосе, имеющей небольшую выпуклость,—в то время как обычно на памятниках первой половины VII в. орнаментированная часть бровки бывает плоской. Отмечая особенности аручского памятника, необходимо указать на стремление зодчего подчеркнуть (как и в церкви Гаяне), что центром сооружения, около которого организуется основной объем, является купол: в Птгни пилоны по своему сечению напоминают сильно выступающие пилястры сводчатой безкупольной залы,—здесь же в их состав под парусами включены трехчетвертные колонки, обращенные в подкупольную часть.

Разрушенный ныне купол аручского храма был украшен полуколонками, соединенными между собой арочками. Подобная реконструкция обосновывается тем, что среди могильных плит около северной стены храма обнаружены угловые камни с полуколонками, вполне подходящие по своей конфигурации для облицовки многогранного барабана.

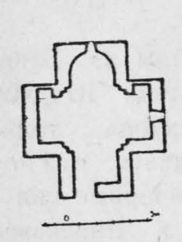
В каменной ограде к югу от храма заложе-

на огромная капитель круглой толстой колонны, сходная по своему строению с капителью из двинских палат; только здесь вместо волют из пальмовых листьев в кругах вырезаны шестилопастные розетки такого вида, как изображенная на концовке первой главы, а на абаке—ланцетки. В храме нет места для этой капители, и надо полагать, что она венчала колонну в постройке, подобной двинской, вероятно во дворце самого Григория Мамиконяна.

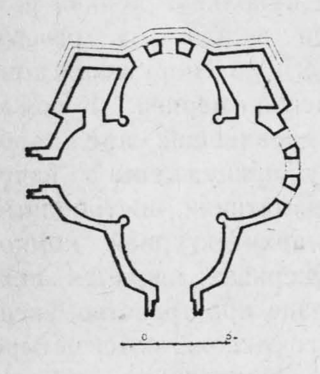
В конце IX в. царем Смбатом из Багратидской династии в тогдашней столице Ширакаване (Еразгаворе) была построена церковь, сходная с аручской. Как будет показано далее, нужно признать ошибочным мнение, что впервые тип „купольной залы" появился в IX в. в Ширакаване, а постройки в Птгни и Аруче являются поздними повторениями столичного образца.

Идея крестообразной купольной церкви разрабатывалась армянскими зодчими в разных вариантах, вероятно, задолго до сооружения композиционно сложной аванской церкви. К сожалению мы пока не знаем древнейших представителей этого типа и потому принуждены в качестве примеров приводить памятники, построенные не ранее VII в. Основой архитектурной композиции в крестообразных церквах является центральное, квадратное в плане пространство, увенчанное куполом. Около него располагаются четыре крыла, образующие крест. Поперечные размеры крыльев чаще всего равны стороне подкупольного

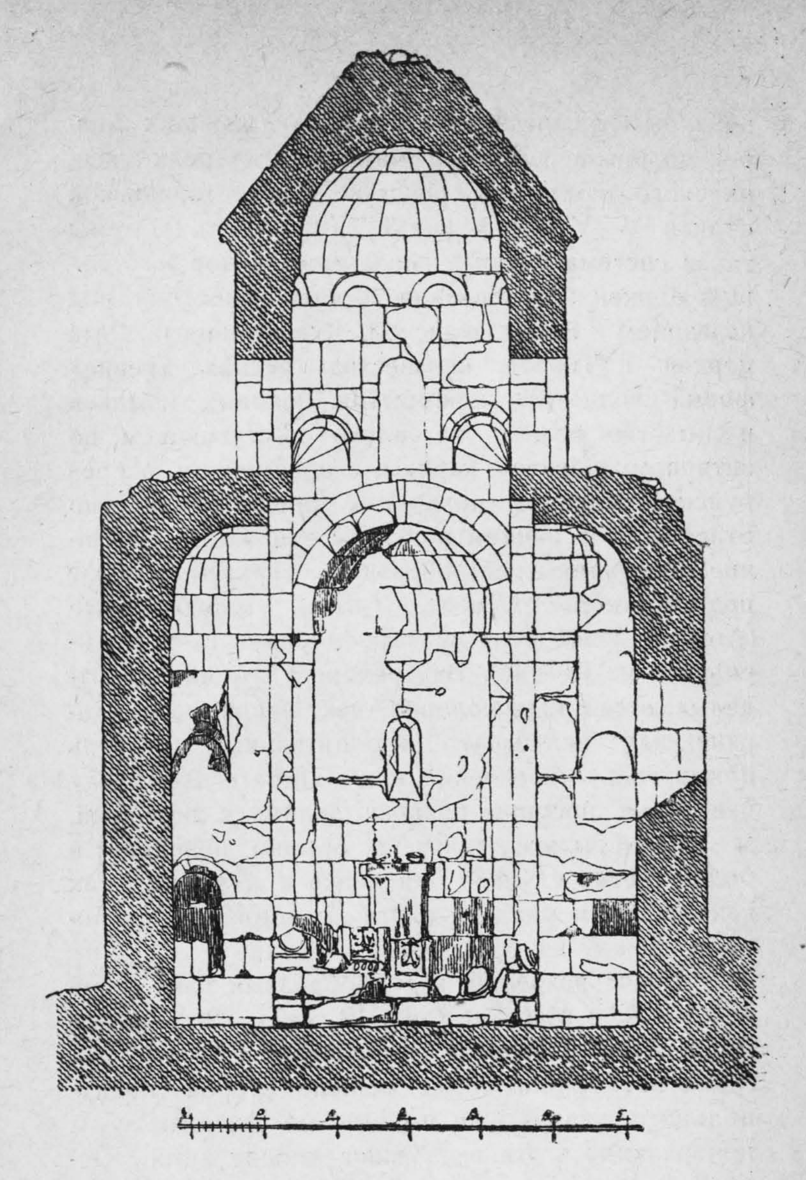
квадрата, благодаря чему они примыкают друг к другу, образуя углы, на которые опираются четыре арки, несущие вместе с коническими парусами восьмигранный барабан купола. Внутренний контур крыльев бывает различный. В Лмбате, около Артика, три крыла прямоугольны в плане, а четвертое, восточное, заключает в себе алтарную абсиду (рис. 10 а. и б., табл 21); в малой церкви в Талине, построенной князем Нерсехом Камсараканом, наоборот, прямоугольно лишь несколько вытянутое западное крыло, а в трех других скрыты абсиды; в Агараке, к западу от Ахуряна, все четыре крыла имеют форму абсид (рис. 11). Прямоугольные крылья обычно покрывались цилиндрическим сводом, а абсиды—конхой. Очень интересное исключение представляет стройная церковка св. Стефана в Лмбате. Здесь южное и северное крылья несут не цилиндрические своды, а конхи, переход к которым получен с помощью двух рядов конических парусов; так же

10 а. Лмбат. План церкви.

11. Агарак. План церкви.

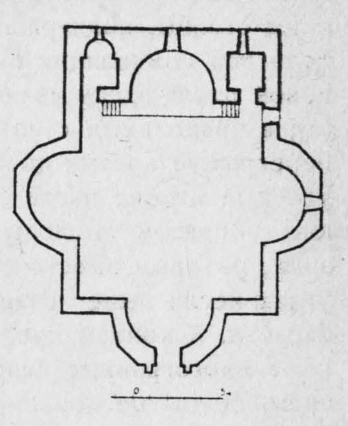
10 б. Лмбат. Поперечный разрез церкви.

перекрыты два нефа из четырех, окружающих дворик дворца в Аммане и ниши в галереях сасанидского дворца в Сервистане и в несторианской церкви IV—V в. в Керкуке (Курдистан). В Грузии такая система позднее нашла применение в большой церкви близ селения Шрома, известной под названием Вачнадзианской Квелацминды. Дата церкви в Лмбате неизвестна; весьма древняя форма сводчатого перекрытия боковых крыльев и сходство резьбы на сильно выступающем по античному образцу карнизе с орнаментом в ереруйской базилике позволяют предположительно отнести ее к ранним образцам этого типа. Внешние очертания крестообразных церквей бывают прямоугольные (Лмбат, Талин), многогранные (Агарак), реже полукруглые (церковь IX в. в Айриванке на Севане). Внутренние углы иногда отделываются в виде колонок, как, например, в Агараке, или включают дополнительный профиль прямоугольного сечения, как в Лмбате. В этихслучаях арки, несущие барабан, делаются двойными.

Размеры этих построек обычно невелики; в большинстве случаев они легки и стройны, так как мастерам удалось найти гармоничное равновесие между их составными частями.

Иначе разрешен крестообразный план церквей VII в. в Мастаре (рис. 12, табл. 22), Артике (табл. 23) и позднее в Воскепаре и Карсе (X в.). Здесь поперечник абсид меньше сторон подкупольного квадрата и потому на фасадах углы центральной части выступают между ними. Основной массив, увенчанный объемистым куполом,

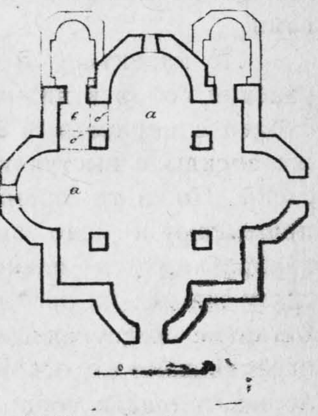
высится над остальными более низкими частями здания — многогранными снаружи абсидами и приделами. Абсиды завершены конхами; в Мастаре углы подкупольной части покрыты коническими сводами (тромпами), а барабан покоится на восьми арках, окаймляющих конхи и устья тромпов.

12. Мастара. План церкви.

В Артике, построенном во второй половине VII в., подъем центрального объема над абсидами особенно значителен, и когда здесь стоял многогранный купол, украшенный декоративными полуколонками и арочками, памятник имел устремленный ввысь, стройный вид.

В 20-х числах апреля 631 г. была закончена постройка собора в Багаране на берегу р. Ахуряна (рис. 13, табл. 24),* в котором талантливым зодчим был избегнут основной недостаток Мастары и Артика — некоторая грузность централь-

13. Багаран. План церкви.

* Дата устанавливается на основании строительской надписи (И Орбели. Багаванская надпись 639 г., стр. 126 и сл.).

ной части. При сравнении планов церквей в Багаране и Мастаре может показаться, что вся разница заключается в том, что в Багаране добавлены столбы, поддерживающие купол. На самом деле вся композиция была задумана иначе. Основой плана здесь является не квадрат, а крест (а); в продольных стенах его рукавов прорезаны перекрытые арками проемы (б), которые ведут в угловые низкие части собора (в); полученные таким образом пилоны поддерживают четыре арки, которые вместе с коническими парусами в углах несли ныне разрушенный восьмигранный барабан. К концам крестообразной части примыкают многогранные снаружи, круглые внутри абсиды, покрытые конхами, на арках которых покоятся торцовые стены крыльев креста, заканчивающиеся наверху щипцами с небольшими окнами.

По характеру и расположению масс багаранский собор в нижних частях на первый взгляд сходен с церковью в Мастаре: здесь видим те же абсиды и выступающие под прямым углом стены. Но в то время как в Мастаре абсиды примыкают к ясно выраженному центральному, квадратному в плане объему, переходящему сразу же над их кровлями в барабан купола, в Багаране выступающие между абсидами стены ограничивают не основную, а второстепенные угловые площади собора за пилонами, что подчеркнуто на фасадах их высотой: она меньше высоты абсид. Основной крестообразный массив, покрытый двускатными кровлями по цилиндриче-

ским сводам, высится над нижними частями здания, создавая ступенчатый переход к стройному куполу, венчающему этот прекрасно задуманный и выполненный памятник армянского зодчества.

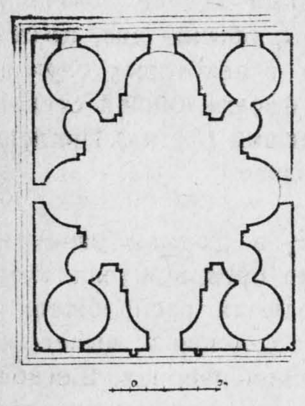
В углах между абсидами зодчие помещали небольшие часовни-приделы, обычно два, по сторонам алтаря, объединяя в некоторых случаях эти три части восточного фасада общей стеной, прорезанной глубокими нишами (Артик). Приделы иногда пристраивались позднее.

Особое место по типу и формам занимает группа памятников, лучшие представители которой уже в VI—VII вв. украшали расположенные неподалеку друг от друга селения в нынешних Котайкском и Вагаршапатском районах. В основе они также имеют купол на квадрате, у всех сторон которого размещены абсиды; но в противоположность постройкам в Мастаре и Артике углы центрального квадрата здесь разработаны внутри в виде трехчетвертных ниш, через которые можно попасть в размещенные между абсидами приделы (рис. 14).

Древнейший из известных армянских памятников этого типа—церковь в Аване в 6 км от Еревана построена католикосом Иоанном, о чем свидетельствуют и историки (Себеос) и обнаруженная в 1941 г. при реставрационных работах надпись с его именем.

Католикос был похоронен в аванской церкви, и, следовательно, она была построена до его смерти, последовавшей около 609 г.

Аванская церковь в плане крестообразна (рис. 14); она также, как и другие постройки этого типа, несколько вытянута с запада на восток, что достигнуто помещением небольших прямоугольных площадок между центральной подкупольной частью и восточной и западной абсидами; южная и северная абсиды, наоборот, примыкают непосредственно к ней. В углах расположены трехчетвертные ниши, отделенные от абсид сильно выступающими пилястрами, поддерживавшими их триумфальные арки и ступенчатые арочки над устьями ниш, с помощью которых был осуществлен переход к барабану. О первоначальном виде купола трудно что-либо сказать, так как он совершенно разрушен; возможно, что он был несколько неправильной формы и грани его, расположенные над угловыми нишами, имели меньшую ширину, чем остальные. В углах церкви помещены четыре круглых в плане придела, покрытые полусферами с гуртами, высеченными в камнях, из которых выложены своды; мнение, что аванская церковь имела пять куполов—ошибочно, так как на самом деле своды приделов были скрыты под кровлями угловых частей здания.

14. Аван. План церкви.

Наружный контур церкви—прямоугольный; здесь еще нет ниш, прорезающих каменные массивы между абсидами и приделами, которые в последующих постройках этого типа расчленяют фасады в соответствии с внутренней структурой здания. Какой вид имела снаружи верхняя часть церкви,—была ли она крестообразна, как в соседнем Арамусе и других постройках,—до производства подробных обмеров и тщательного исследования сказать трудно. Судя по остаткам горизонтального карниза в средней части западной стены, здесь мог быть в случае крестообразного верха не щипец, а фронтон. Может быть этот карниз шел по всему периметру, и тогда нужно предположить, что церковь имела общую четырехскатную кровлю, из которой вырастал купол.

Лучше других сохранившаяся западная стена позволяет судить о том, как зодчим были решены фасады. Здесь нет ничего лишнего. Спокойная гладь чисто тесанной облицовки испещрена более поздними, чрезвычайно важными для истории памятника надписями. В центре—главный вход; так же, как и в ереруйской базилике,—по бокам проема стоят трехчетвертные колонны, несущие переброшенную между ними профилированную подковообразную арку, врезающуюся во фронтон (табл. 25). Два широких окна с циркульным верхом освещают расположенные в углах приделы. На арке входа и бровках окон играют светом и тенью сухарики.

Предвестником сюжетов, которые через два

десятка лет станут распространенным украшением оконных бровок, являются свернутые в кольца листья, заполняющие резную раму вокруг дверного проема (рис. 46).

В свое время резьба украшала и капители колонн, но во время какого то очень давнего ремонта их перевернули, заделав орнаментированную сторону в кладку стены, что было обнаружено при реставрационных работах 1941 г.

На южном и северном фасадах было всего по одному окну (из абсид), а на восточном—три окна: из абсиды и приделов. Судя по сохранившейся на северной стене бровке и найденным в земле фрагментам, убранство всех окон было одинаково и весьма близко к ереруйской базилике, несмотря на то, что здесь бровки и не доходят до низа проема.

Церковь очень сильно пострадала от времени. Для предотвращения окончательного разрушения сохранившихся частей за последние годы были проведены большие работы по их укреплению (изображенный на табл. 25 западный фасад сфотографирован после реставрационных работ 1941 г.).

В 10—12 км к востоку от Авана, в сел. Арамус стоят развалины церкви, подобной аванской. Вся разница между ними заключается в том, что здесь приделы в плане не круглые, а прямоугольные. Так же, как и в Аване, в Арамусе еще нет наружных ниш между абсидами и приделами. Единственная сохранившаяся бровка на совершенно лишенной облицовки восточной стене не-

сколько богаче аванских: сухарики на ней идут в два ряда непосредственно один под другим и расположены в шахматном порядке. Имеется фотография ныне утраченного фрагмента еще одной бровки, украшенной резьбой в полном соответствии с вкусами мастеров VII в.; в ней два орнаментированных пояса: верхний заполнен вьющейся виноградной лозой, до мелочей сходной с орнаментом на одной из бровок в Багаране, нижний — сердечками. При реставрационных работах 1943 г. обнаружены обломки бровки, на которых вырезаны „цветы", сходные с изображенными на рис. 43; только здесь они стоят не поперек бровки, а положены вдоль в завитках волнообразного стебля, как в виноградной лозе. Далее будет показано, насколько эти сюжеты характерны для построек VII в.

Сходство в общей композиции и деталях убранства позволяют думать, что оба памятника могли быть построены в одно время и даже одним архитектором. Правда, древние, но несовременные событию, авторы сообщают, что церковь в Арамусе была построена католикосом Давидом (728—741), но, как полагает И. А. Орбели, глагол շինել употребляется в надписях не только в значении строить, сооружать, но и отстраивать, возобновлять, вероятно в случае больших починок или исправлений.* А в таковых несомненно должны были нуждаться постройки в

* И. Орбели. Шесть армянских надписей VII—X вв. Христ. Вост., том III, вып. I, стр. 87.

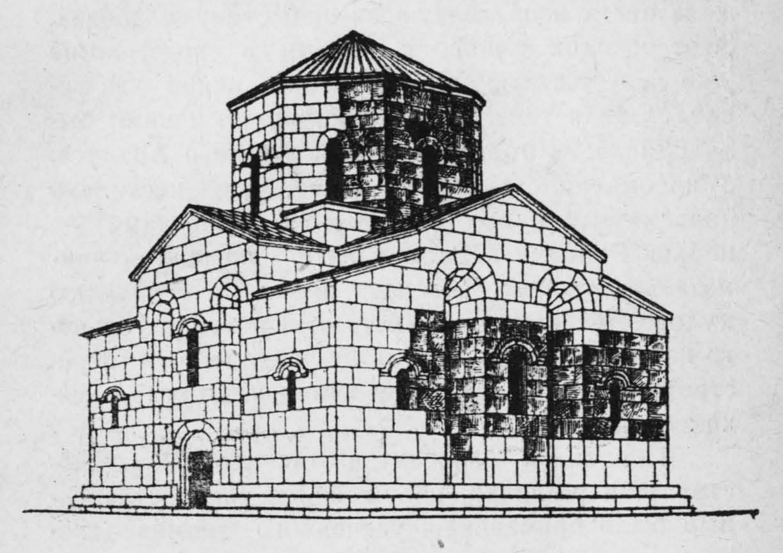
стране, совсем еще недавно перенесшей бурю арабского нашествия.

К сожалению, южная, западная и половина северной стен настолько разрушены, что под землей и обломками здания скрыты их основания и нижние ряды кладки и поэтому до производства раскопок не представляется возможным установить, в какой мере было сходно между собой оформление входов в обоих постройках.

Все перекрытия уцелевших частей отсутствуют, от сводов остались только насчитываемые единицами камни; но несмотря на все эти разрушения, в северо-восточном углу над расположенным здесь приделом сохранился один ряд облицовки верхней части церкви, который рассеивает все сомнения относительно внешнего вида памятников этого типа. В Арамусе, возможно в Аване, в Таргманчац-ванке так же, как и в других сходных с ними постройках, в которых сохранились перекрытия и купола, верхняя часть была в плане крестообразна и выступала из основного прямоугольного массива, заканчиваясь на фасадах щипцами или фронтонами.

В Вагаршапатском районе в сел. Айгешат сохранились развалины церкви, сходной с только что отмеченными, известной под названием Таргманчац-ванка. Ничем не отличаясь от них по своей основной схеме, она в некоторых частностях примыкает к памятникам, построенным на один-два десятка лет позже. В ней мы уже видим трапецоидальные в плане, глубокие ниши, прорезающие массивы между абсидами и прямо-

угольными угловыми приделами, которыми архитектор мастерски расчленил фасады в соответствии с внутренним строением. Автор постройки в убранстве отходит от художественной традиции первых веков христианства; повторяющиеся на всех фасадах сухарики он заменяет сю-

15. Таргманчац-ванк (Айгешат). Схематическая реконструкция.

жетами, без которых нельзя представить себе монументальные сооружения 30-х годов VII в. Интересно, что орнамент, известный уже нам по капители двинских палат (табл. 7, рис. 34), видим не только здесь, но и на церкви именно того же типа в Сисиане. Сохранилась редкая фотография, снятая еще тогда, когда памятник в Айгешате

стоял с остатками купола, позволяющая дать его схематическую реконструкцию (рис 15).* С каким подлинно инженерным чутьем и знанием свойств камня и растворов нужно было сконструировать и возвести эту постройку, чтобы одинокая арка после разрушения почти всей системы продолжала нести возведенную на ней стену барабана. Этот осколок купола с гуртами в своде, ныне уже несуществующий, особенно ценен для исследователя тем, что он показывает, какими были купола на постройках типа Авана и Арамуса, с несомненностью показывает, что несколько приземистый купол с четырьмя башенками на церкви Рипсиме в Вагаршапате, дающий невнимательным искусствоведам повод к отрицанию художественных достоинств этого замечательного памятника, есть результат позднейшей перестройки, что по существу видно и помимо всяких сравнений.

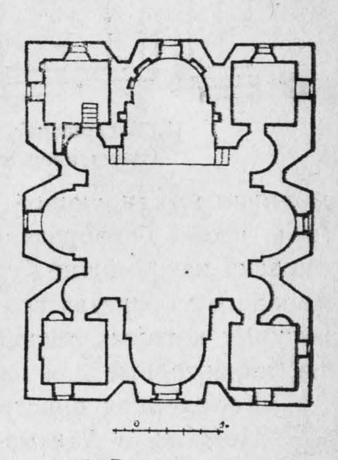
Переход к барабану в этих церквах осуществляется различно, но наиболее распространенным было применение усеченного тромпа (сводика в виде части усеченного конуса), располагавшегося между арками абсид на некоторой высоте над проемом трехчетвертной ниши. О конструкции перехода в Арамусе до раскопок нельзя

---

* На реконструкции, исполненной архит. А. Еремян, штрихами помечена облицовка тех частей памятника, которые сохранились к моменту фотографирования. Нижние части облицовки выломаны и всю тяжесть несет забутка. Арка, на которой стоят уцелевшие грани купола, на рисунке скрыта реконструированным верхом восточной части здания.

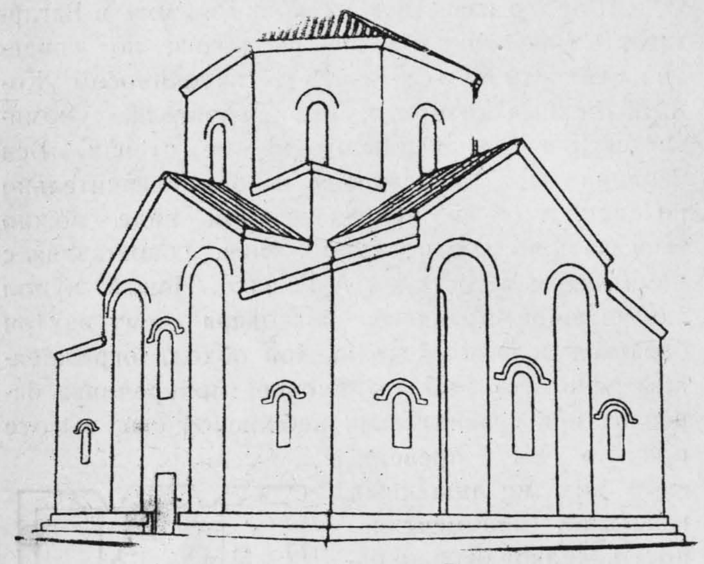
ничего сказать, а в Таргманчац-ванке был применен конический свод, остатки которого видны под барабаном.

Широко известная церковь Рипсиме в Вагаршапате (рис. 16, табл. 26) построена, по свидетельству Себеоса, в 618 г. католикосом Комитасом, имя которого, как строителя, упоминается и в двух надписях на ее стенах. Вся верхняя часть надстроена заново значительно позднее и об ее первоначальном виде можно высказать только предположение, сопоставляя с памятником в соседнем Айгешате. Новый купол сделан шире древнего, благодаря чему внутри барабана получился кольцевой обход, огражденный решеткой. Это увеличение поперечника барабана при сравнительно небольшой его высоте придало ему приземистый вид, не лишенный известной монументальности. Первоначально барабан, вероятно, был восьмигранный, нормальной высоты и вся церковь имела стройный, весьма изящный вид. Нами с архит. А. Еремян сделана схематическая реконструкция этого выдающегося памятника армянского зодчества, которая показывает, насколько он потерял в стройности от возобновления верхней

16. Вагаршапат.
План церкви Рипсиме.

части в новых менее удачных пропорциях (рис. 17). Внутри прекрасная облицовка стен скрыта под назойливо-беспокойной масляной окраской, при-

17. Вагаршапат. Церковь Рипсиме. Схематическая реконструкция.

митивно имитирующей мрамор. Остается пожелать, чтобы безобразящая прекрасный интерьер окраска как можно скорее была счищена. Из древнего убранства сохранились оконные бровки, рисунок которых весьма строг и содержит сюжеты, характерные для ранних построек VII в.

Колокольня пристроена в 1790 г.

Церковь в Адиамане на Арагаце сохранилась сравнительно хорошо. По схеме и формам она тесно примыкает к рассматриваемой группе

церквей, но основная архитектурная идея этого типа не была достаточно уяснена строителем, мастером средней руки, и в результате его постиг ряд неудач, усугубленных нагромождением ненужных деталей. Основной, крупнейший недостаток композиции выразился в неправильном решении центрального объема с куполом. Здесь угловые трехчетвертные ниши отвернуты с диагонали в сторону, к югу и северу и потому выпали из центрального объема как его составная неотъемлемая часть, обратившись в проходы, ведущие в приделы. Поэтому арки их не входят, как обычно, в систему, несущую барабан купола, и архитектору пришлось прибегнуть к весьма искусственному решению перехода от центрального объема к куполу с помощью четырех самостоятельных конических парусов в углах.

В фасадах архитектором введены ненужные новшества, нарушившие строгую простоту, выгодно отличающую рассмотренные ранее памятники. Наружные углы барабана срезаны треугольными нишами. На четырех главных гранях окна сделаны двойные. Ниши на фасадах имеют в плане форму трапеций с парными полуколонками в глубине, над которыми дополнительно врезаны в толщу стены циркульные нишки. Но и это не удовлетворило автора, и он разместил совсем лишние ниши в щипцах фасадов. В убранстве бровок и карнизов преобладают распространенные в VII в. сюжеты (арочки с бусинами и др.), что наряду с другими признаками позволяет датировать памятник первой половиной VII в.

В церкви в Сисиане обращает на себя внимание странная форма щипцов со срезанным верхом (табл. 27). Нет оснований думать, чтобы безусловно даровитый зодчий, явно стремившийся повторить в своем произведении уже разработанную и осуществленную в других постройках схему (ср. с ц. Рипсиме) и очень последовательно использовавший в убранстве мотивы своего времени, отказался от обычного крестообразного верха и придумал столь нелепое завершение стен; это несомненно результат позднейшей переделки, выполненной неумелой рукой, о чем свидетельствует также и отсутствие карнизов, обязательных для щипцов.

Церковь отличается формой и отделкой своего купола. Он имеет двенадцать граней, украшенных парными полуколонками, соединенными сильно выступающими арочками и завершен карнизом с большим свесом. Такой же карниз окаймляет квадратное основание барабана и частично сохранился на неперестроенных частях основных стен. Как уже было сказано при ознакомлении с аручским памятником, эти формы купола и карниза появились только во второй половине VII в., к какому времени и должно быть отнесено окончание строительства сисианской церкви. Убранство окон позволяет датировать нижние части церкви тридцатыми годами VII в., так как в нем можно встретить большинство декоративных мотивов этого времени. Интересно, что капители пилястр между абсидами и нишами разработаны совершенно так же, как в Птгни в виде волют

с листьями и гроздями винограда между ними. Возможно, что в строительстве, начатом до появления арабов, был перерыв, вызванный их набегами.

Здесь уместно остановиться на одном из памятников рассматриваемого типа, находящихся в Грузии, церкви Креста над Мцхетой („Джвари“), прежде всего в связи с опубликованным в специальной литературе утверждением, что именно здесь (в мцхетской постройке) была впервые разработана эта архитектурная тема и что армянские памятники, начиная с Авана, представляют заимствования и перепевы, немогущие идти ни в какое сравнение с мцхетским образцом.* Но, во-первых хорошо известно, что, кроме построек, стоящих на поверхности, в Армении и Грузии под землей скрыто немало развалин монументальных сооружений, среди которых могут оказаться и церкви интересующего нас типа, построенные раньше и Авана и Мцхеты; во-вторых, утверждение, что церковь Креста построена между 590 и 604/5 годами (стр. 56), не только не подтверждается историческими сообщениями, но, наоборот, находится в резком противоречии с ними, так как грузинские хроники говорят, что церковь Креста не была еще окончена во время походов императора Ираклия, который и на престол то вступил только в 610 г. Как будет показано дальше, армянские зодчие, работавшие в 30-х годах VII в., особенно любили украшать кар-

* Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северов. Пути грузинской архитектуры. Проблемы архитектуры, том 1, книга 1, стр. 57.

низы арочным мотивом, который можно видеть на десятках построек этого времени. Не отстал от своих армянских собратий и зодчий церкви Креста: он отдал дань моде 30-х годов и окаймил купол своего творения типичным армянским карнизом. Факт этот не может вызывать недоумения, так как в Грузии имеется церковь, известная под названием „Атенского Сиона", очень сходная с мцхетской, которую построил архитектор армянин, оставивший свое имя и сообщение о постройке в армянской надписи на стене. Таким образом об окончании постройки в Мцхете до 604/5 г. не может быть и речи; свидетельства хроник и характер убранства позволяют отодвинуть дату ее окончания к тридцатым годам VII в. и отвернуть, как необоснованное, утверждение, что памятник в Аване, представляющий прямое заимствование, произведенное рядовым архитектором, обнаруживает непонимание художественного замысла Джвари*.

На самом деле художественные замыслы зодчих Армении и Грузии, поставивших перед собой тему крестообразного центрально-купольного храма, осуществлялись, несмотря на тесное творческое общение, вполне самостоятельно, в соответствии с особенностями задания, что хорошо видно как раз на памятниках рассматриваемого типа.

И там и здесь за основу взят крестообразный план, в котором крылья образованы абси-

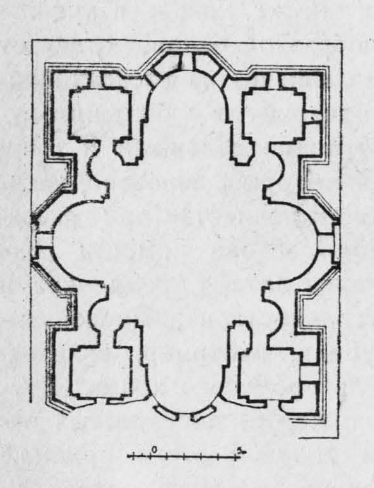
---

* Пути грузинской архитектуры, стр. 59.

дами, а углы подкупольного квадрата обработаны в виде трехчетвертных ниш. В Армении во всех известных постройках этого типа (кроме более позднего Ахтамара) в углах помещены приделы и весь комплекс помещений снаружи обведен прямоугольным контуром стен. Фасады задуманы и разрешены так же, как и в купольных базиликах. Крестообразной основе отвечает верхняя часть, заканчивающаяся на фасадах щипцами; наличие абсид подчеркнуто с большим художественным тактом трапецоидальными и треугольными нишами, идея которых, вероятно, впервые возникла в церковном зодчестве при разработке восточных фасадов, где они помогли разрешить задачу освещения алтаря тремя окнами без нарушения прямоугольности наружного контура здания. Так поступили, например, архитектор в Птгни и строитель цромского храма (Грузия), который, кстати, тоже без достаточных оснований, провозглашен творцом этого приема.* Только всилу ошибочной поздней датировки памятника в Птгни могло появиться это утверждение. На самом деле такие ниши мы видим в ранних памятниках и грузинских и армянских. Да иначе и не могло быть, так как мастера обеих стран (сколько бы ни старались доказать обратное) несомненно поддерживали между собой тесные связи, о чем свидетельствует одновременное появление там и здесь сходных типов построек и сюжетов в убранстве.

* Пути грузинской архитектуры, стр. 65.

Мцхетская церковь Креста, наоборот, первоначально была задумана и выполнена без угловых помещений, пристроенных позднее, как убедительно показали разыскания архитектора М. А. Чхиквадзе,* и по своему наружному виду имела (в массах) большое сходство с церковью в Мастаре. При достройке перед архитектором встала задача связать новые части со старыми; для этого под самым карнизом он перебросил арочки от углов новых помещений к абсидам, получив на фасадах нечто вроде ниш неправильной формы (рис. 18). Таким образом перед строителями церкви Креста и армянских памятников сходного типа стояли разные задачи, потребовавшие от них соответственно и разных решений.

18. Мцхета. План церкви Креста.

Церковная жизнь в Армении в VI—VII вв. характеризуется оживленной борьбой между двумя течениями в христианстве, восточным—монофизитством и западным—халкидонитством, борьбой, которая выходила далеко за пределы богослов-

* М. А. Чхиквадзе, Архитектура Джвари. Москва. 1940.

ских споров, тесно переплетаясь с политикой. В ней участвовали широкие слои населения, и временами было даже трудно определить, на чьей стороне был численный перевес. В это время на патриаршем престоле можно было встретить представителей обоих течений. И несомненно в непосредственной связи с этой борьбой стоит появление в Армении совершенно исключительного типа церковного сооружения, повторенного тремя веками позднее в Грузии, необычного по своим формам и смелого до дерзости по конструкции.

После неудачного для персов завершения длительной войны с Византией значительная часть персидской Армении оказалась в сфере византийского влияния. Византийцы, прекрасно оценивавшие роль церкви в государственных делах, неоднократно предпринимали меры к тому, чтобы распространить свое влияние и на нее. Для этого нужно было прежде всего подыскать подходящих кандидатов на патриарший престол. В конце 630 г. или начале 631 г. его занимает Езр, строитель багаванского храма, халкидонит; в 641 г. Езра сменяет знаменитый Нерсес III, получивший прозвище Строителя, из Ишхана, селения в древней армянской халкидонитской области Тайке, начавшей очень медленно огрузиниваться после появления здесь грузинских переселенцев в IX в.

Нерсес был активным сторонником воссоединения армянской церкви со вселенской (принявшей постановления Халкидонского собора); но едва

ли только догматические вопросы привлекали его на сторону греков: широко образованный, талантливый, он с прозорливостью государственного мужа должен был понимать, что блестящая сасанидская монархия отжила свой век, что перед лицом грозной опасности, надвигавшейся из далекой Аравии, нужно было сделать попытку опереться на единоверную, в случае воссоединения церквей, империю.

По свидетельству своего современника, историка Себеоса, Нерсес „был родом из земли тайской, из деревни Ишхан. Он с мололетства воспитывался в Греции, изучил язык и науку греков и странствовал по разным землям, занимаясь военной службой". Приняв монашество, он достигает епископского сана и занимает кафедру в родном селении Ишхан, где строит соборную церковь. Эти сведения о Нерсесе черпаем из ряда древних источников, дополняющих без всяких противоречий друг друга. Армянский историк X—XI вв. Степан Таронский, по прозванию Асогик, называет Нерсеса Строителя епископом тайкским. В трактате об отделении армянской церкви от грузинской католикоса Арсения Мцхетского Нерсес назван ишхнелем (т. е. епископом ишханским). В изданном Н. Я. Марром произведении Георгия Мерчула „Житие св. Григория Хандзтийского", посвященном жизни и деятельности известного грузинского подвижника XI в., говорится, что Григорий, прибыв с учениками в окрестности Ишхана, узнал о былой его славе и находившихся в нем

церквах и далее „Куропалат (Баграт) прибыл в Ишхан, и с ним вместе блаженные мужи отец Григорий и отец Сава. Куропалат очень полюбил ту местность, но к чему затягивать речь? Божьею волею Сава сделался епископом в Ишхане, построенном блаженным Нерсесом, в соборной церкви и на кафедре его, которая многие годы была во вдовстве."

Ишханская постройка Нерсеса, возведенная им до 641 г., не сохранилась; на ее месте ныне стоит на редкость стройная церковь, которую соорудил во второй половине X в. выдающийся тайкский правитель куропалат Давид. Но в ней имеется одна композиционная деталь, которая при учете всех имеющихся в распоряжении исследователя фактов позволяет высказать соображения о форме Нерсесовой соборной церкви. Дело в том, что здесь алтарная абсида весьма необычна по своему виду: она не глухая, как это всегда делается, а имеет в нижней части колоннаду, несущую арки, на которых покоится расположенная выше стена и конха (табл. 28—31). Так же устроены абсиды и в другом Нерсесовом храме—грандиозном Звартноце, возведенном им в Вагаршапате после вступления на армянский патриарший престол (табл. 32, 33). Это, конечно, не случайное совпадение. Все исследователи единодушно и вполне справедливо сходятся на том, что в алтаре существующей церкви X в. сохранена колоннада древней абсиды, уцелевшая при разрушении постройки Нерсеса, которая по типу была сходна с Звартноцем. Имеется кроме того

еще один факт, косвенно подтверждающий правильность подобной реконструкции древнего Ишхана.

В начале X в., как свидетельствуют грузинские хроники, грузинский царь Адарнасе построил в соседней тайкской епархии в селении Бана (ныне Пеняк) храм, в основном сходный по схеме и принципу наружного убранства со Звартноцем, а, следовательно, по устройству абсид и с Ишханом. Напрашивается вопрос—почему была выбрана именно схема круглого храма с четырьмя абсидами, прорезанными внизу колоннадами. Не потому ли, что Адарнасе, подобно армянскому царю Гагику, повторившему в начале XI в. Звартноц в Ани, надумал воскресить в своем сооружении величественные формы древнего ишханского собора, к тому времени настолько разрушенного, что его реставрация была сложнее нового строительства. Появление подобной постройки в Бане в ближайшем соседстве с Ишханом, по нашему мнению, свидетельствует о том, что не в далеком Вагаршапате, а у себя в Тайке нашел Адарнасе тот образец, которому решил следовать. На первый взгляд может показаться, что в таких деталях, как капители колонн, храм в Бане примыкает к Звартноцу; но эта близость может быть усмотрена только в наличии на них и там и здесь корзиночной плетенки. По форме же капители Баны нужно поставить рядом с теми двумя капителями в ишханской абсиде, которые венчают вторые от ее концов колонны (табл. 30, 31). Таким образом имеются все

основания считать, что уже в Ишхане были заложены основы новой дерзновенной композиции, повторенной на один-два десятка лет позднее в Звартноце, честь создания которой неоспоримо принадлежит армянским зодчим, работавшим у Нерсеса.

Как уже сказано, в 641 г. Нерсес вступает на патриарший престол в Армении. По свидетельству Себеоса, он до поры до времени скрывал свои халкидонитские взгляды и только по прибытии к нему в Двин византийского императора Константа открыто о них объчвил и стал весьма решительными мерами обращать в халкидонитство свою паству.

Несомненно и церковное строительство Нерсеса должно было служить делу пропаганды его догматических воззрений. Эта точка зрения ясно изложена И. А. Орбели: „Время основания Багаванского храма совпадает со временем знаменательного признания Езром Халкидонского собора. Весьма возможно, что сооружение величественного храма на месте, освященном преданием, должно было служить к утверждению халкидонитского течения, в противовес настроениям Двинской кафедры, выразителем чувств которой был, видимо, Иоанн Майрагомский. В таком случае при основании Багаванского храма должны были проявиться те же побуждения, которые сказались в сооружении другим, более талантливым и деятельным католикосом — халкидонитом, Нерсесом III Строителем, храма Бдящих Сил в другом месте, также освященном

преданием, близ места мученичества свв. дев Рипсимии и ее сподвижниц*.

Постройки Нерсеса должны были своей грандиозностью, необычностью вида и великолепием отделки затмить все выстроенное до него и помочь достигнуть того, что не всегда может быть удавалось сделать проповедью. А что пастыри прибегали к таким способам воздействия на паству, видно из рассказа Степана Таронского о католикосе Иоанне (VIII в.).

Иоанн отличался красивой внешностью, одевался в блестящие одежды и даже вдувал золотой порошок в свою курчавую бороду. Халиф, наслышанный о нем и пожелавший видеть его во всем великолепии, на приеме спросил,—почему католикос так блестяще одевается вопреки заветам Христа. Иоанн на это ответил, что Христос и его ученики умели творить чудеса, а современные пастыри лишены этого дара и принуждены воздействовать на паству своим видом, подобно тому как поступают светские властители в отношении подданных.

Нерсес перенес свою резиденцию из Двина в окрестности Вагаршапата, где он построил палаты и храм, известный под названием Звартноца.** Перенос был вызван вероятно отчасти тем обстоятельством, что в Двине имелась недоволь-

---

* И. Орбели. Багаванская надпись 639 г., стр. 115.

** Эти сооружения были вскрыты раскопками в начале настоящего столетия. Подробное описание результатов работ опубликовано Месропом Тер-Мовсесяном в 7 выпуске Из-

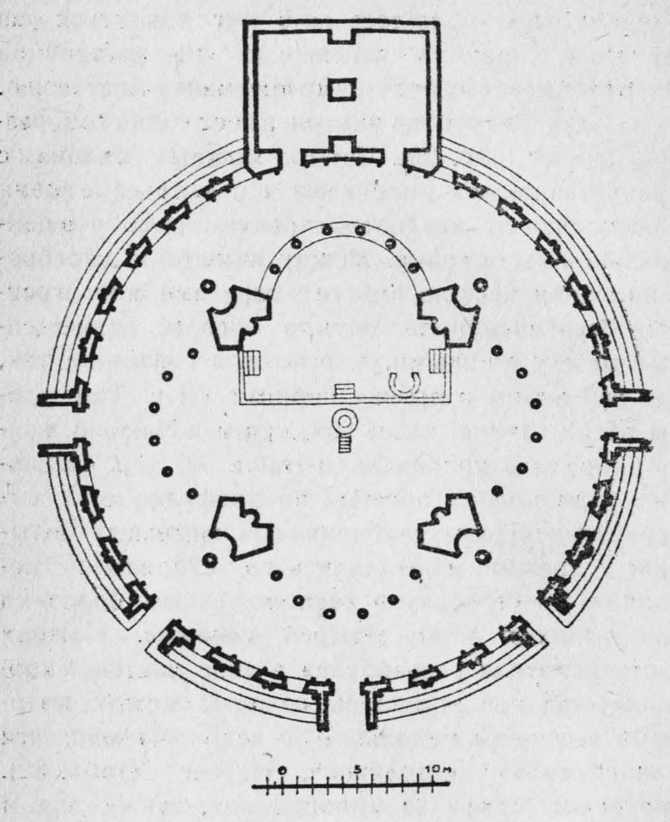
ная его отступничеством партия князей во главе с Теодоросом Рштуни. При этом временами положение для Нерсеса настолько осложнялось, что ему даже пришлось на 6 лет удалиться из Армении, поручив наблюдение за постройкой Звартноца своему будущему преемнику Анастасию.

План Звартноца внутри имеет крестообразную форму (рис. 20). Четыре мощных пилона с трехчетвертными колоннами в углах в свое время вздымались на двадцатиметровую высоту в центральной части храма. Между ними были переброшены арки, несшие вместе с парусами многогранный барабан купола. Четыре абсиды, размещенные между пилонами, разработаны совсем не так, как это видим в других церквах VII в. Там стены абсид глухие, здесь они, как и в Ишхане, внизу прорезаны колоннадами (табл. 32, 33). Массивные базы колонн просты по профилю; они сохранили наверху углубления для железных штырей, которыми скреплялись со стержнями колонн, и крестообразно расположенные бороздки для заливки этих штырей свинцом. Нижняя часть капители разработана в виде плетеной корзинки; над ней помещены волюты, между которыми высечены медальоны с ясно читающимися монограммами „католикос“, „Нерсес“ (табл. 32). Греческий шрифт на монограммах, также как и

вестий императорской археологической комиссии, СПБ, 1903. В настоящем очерке описание конструкции и размещения различных деталей дается на основании исследования покойного архитектора Т. Тораманяна (Материалы по истории армянской архитектуры, стр. 236 и сл.).

обнаруженная здесь греческая надпись, лишний раз подтверждают правдивость сообщения Себеоса о грекофильстве Нерсеса. В алтарной ча-

19. Звартноц. План.

сти, ввиду того, что пол ее был приподнят над полом храма, колонны (не сохранившиеся) были короче и установлены на стенке, обнаруженной

при раскопках. Это дало повод к предположению, безусловно неправильному, что алтарная абсида вообще не имела колонн. За пилонами против ниш в их тыловой части стояли четыре одинокие колонны, увенчанные в свое время капителями с изображением орлов с распростертыми крыльями (табл. 33). Форма этих капителей, вполне соответствующая основаниям, на которых стоят колонны и лиственный орнамент, идущий вокруг всей капители, решительно отвергают предположение о том, что они венчали трехчетвертные колонны пилонов, расположенные под парусами. Между одинокими колоннами и серединами абсид с наружной их стороны были переброшены арки, образовывавшие в плане полный круг, которые поддерживали кольцевидную стену второго (среднего) яруса. Это было самое уязвимое место конструкции; не даром в анийском храме Гагика, построенном по образцу Звартноца, вскоре после окончания постройки пришлось возвести дополнительные кладки между средними колоннами абсид и за пилонами вокруг одиноких колонн. Здесь наверное и появились катастрофические деформации, приведшие оба памятника к гибели. За колоннадами абсид шла двухэтажная галерея, ограниченная стеной, расположенной по кругу. Купол венчала островерхая пирамида, а средний и нижний ярусы были покрыты односкатными кровлями. Таким образом храм имел вид трехъярусной многогранной снаружи башни, как справедливо показал на своей реконструкции Т. Тораманян. В восточной ча-

сти, за алтарем, сохранился подвал пристройки, которая в свое время, возможно, служила ризницей; под алтарем был также довольно глубокий подвал, в который вели узкие, крутые лестницы, помещенные около восточных пилонов. Снаружи стены первого яруса были декорированы парными полуколоннами на стыках граней, между которыми наверху были переброшены декоративные арки, украшенные превосходно вырезанным и в камне вьющимися виноградными лозами с листьями и гроздями. Между арками у их основания были помещены поясные изображения мастеров, несомненно принадлежавших к монашескому званию, с инструментами в руках; около одного из этих барельефов вырезана скромная армянская надпись, сохранившая нам имя (Иоанн) изображенного на нем мастера. Выше этих барельефов шел орнаментированный пояс из ветвей гранатов с плодами из виноградных лоз (табл. 34). Под арками было размещено 32 продолговатых окна нижней галереи первого яруса. Выше гранатового пояса помещались 32 круглых окна второго этажа, имевшие обрамление в виде венков из листьев и ланцеток. Карнизы с большим выносом украшала прямолинейная плетенка и розетки на верхней полке (рис. 22 Е). В храм вели пять дверей с обрамлением в виде портиков, основанных на парных полуколонках по бокам проемов, между которыми были переброшены арки, врезавшиеся во фронтоны. При раскопках были обнаружены фрагменты мозаики, остатки штукатурки с росписью, прекрасная черепица. Все эти

предметы в настоящее время хранятся в специально построенном при памятнике музее.

По своим формам Звартноц являет резкий контраст с расположенными поблизости памятниками Вагаршапата, что несомненно должно было производить (в полном соответствии с замыслом Нерсеса) большое впечатление на современников. Примечательна одна деталь, которая может оказаться полезной при анализе форм Звартноца. В центре сооружения, в полу помещен круглый бассейн с лесенкой, который в свое время служил купелью для совершения обряда крещения;* это показывает, что Звартноц мог быть не только патриаршим собором, но и баптистерием, для которого круглая форма наиболее подходяща.

Вопрос о происхождении форм Звартноца интересует многих исследователей, но едва ли справедливы предположения, что здесь имеется заимствование с Запада из равеннского храма Виталия. Много странствовавший Нерсес бывал в Константинополе, где ему могли запомниться формы юстинианова храма; достаточно сравнить колоннады второго этажа экседр Софии Константинопольской с колоннадами абсид Звартноца, чтобы убедиться, что такое предположение не лишено основания. Во всяком случае, если в Звартноце и есть заимствования из Византии, что вполне естественно для много странствовавшего по византийским городам Нер-

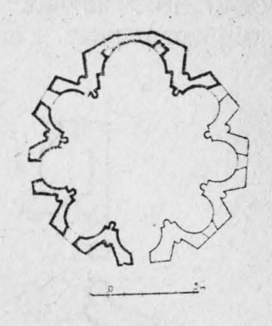
* Возвышение с каменной кафедрой у самой купели— сооружение более позднее.

сеса, то, надо отдать справедливость, заимствованные черты вплетены в армянскую структуру здания с исключительным мастерством.

В X в., как свидетельствуют грузинские хроники, грузинским царем Адарнасе в Бане (ныне Пеняк) был построен храм, в основном повторяющий схему Звартноца. Здесь строитель сделал попытку усилить всю конструкцию тем, что вместо пилонов возвел четыре полых башни; но такая замена не могла дать достаточного эффекта, так как самая ненадежная часть—колоннады абсид (кроме алтарной) были даже ослаблены уменьшением числа колонн. В XI веке в городе Ани царь Гагик I сооружает величественный храм точно по образцу Звартноца, со всеми его конструктивными недостатками. И это сооружение, вскоре потребовавшее укрепления дополнительными кладками, обезобразившими его, оказалось также недолговечным и разрушилось сравнительно внезапно, судя по тому, что под его обломками при раскопках была обнаружена церковная люстра.

В седьмом же веке армянскими зодчими создается многоабсидная центрально-купольная форма. Около сел. Егварт известный уже нам Григорий Мамиконян строит изящную восьмиабсидную церковь, имеющую снаружи вид восемнадцатигранника с глубокими треугольными нишами, чередующимися с широкими окнами (рис. 20, табл. 35). Внутри между абсидами восемь стройных трехчетвертных колонн поддерживают арки,

которые вместе с арками абсид несут просторный купол. Стоявшая перед зодчим задача решена им просто и ясно, без всякой вычурности. Мастерски использованы ниши, которые, глубоко врезаясь в каменный массив, придают сооружению живописный вид и изящную стройность, не теряющуюся, несмотря на то, что земля и обломки скрадывают значительную часть высоты.

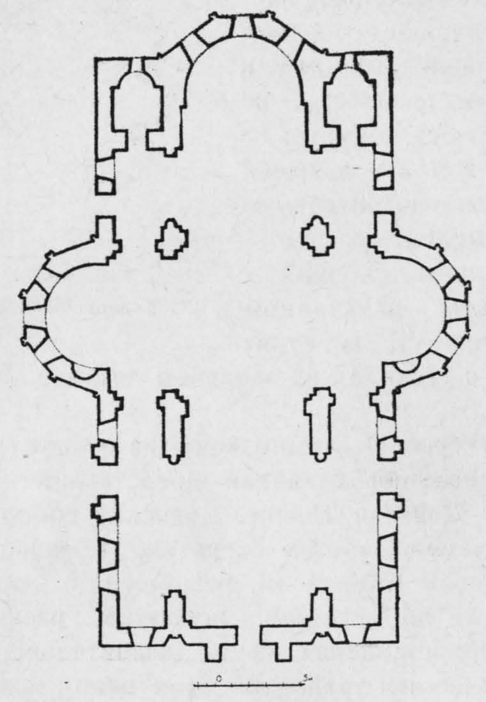
20. Егварт. План церкви.

Развалины сходной с егвартским памятником постройки VII в. стоят также в Иринде на западном склоне Арагаца (Алагеза).

Интересную композицию на основе трехнефной купольной базилики представляют соборы VII в. в Двине и Талине. Двинский собор Григория, начатый Смбатом Багратуни и законченный католикосом Комитасом, разрушен до основания; но все же по остаткам, вскрытым раскопками, путем сопоставления их со значительно лучше сохранившимся талинским памятником можно составить представление об его первоначальном виде.

Обе постройки в плане представляют из себя вытянутый с запада на восток прямоугольник с четырьмя свободностоящими пилонами, поддерживавшими купол; верхняя часть, как можно

видеть в Талине, возвышалась над прямоугольником и имела обычную крестообразную форму с щипцами на фасадах. В концах трансепта помещены выступающие абсиды, полукруглые внутри, многогранные снаружи; выступает наружу

21. Талин. План собора.

также и алтарная абсида, благодаря чему планы зданий приобретают крестообразный характер (рис. 21, табл. 36).

Соборы в Двине и Талине иногда сопоставляются с знаменитым кутаисским собором XI в.

Едва ли к этому имеются основания, так как, несмотря на кажущееся сходство планов, храм Баграта в Кутаисе представляет развитие иного крестообразного типа, созданного в Тао-Кларджете (Чорохский бассейн) первоклассными мастерами, работавшими при куропалате Давиде в X в. (Ошк).

Небольшая церковь Анании в Аламне, построенная в 637 г., принципиально разработана так же, как памятники в Двине и Талине. Только здесь за основу взята однонефная сводчатая зала с выступающей многогранной абсидой, перед которой возведен купол; по бокам подкупольной части помещены абсиды, придающие плану вид креста с удлиненным западным рукавом. Абсиды ниже основного массива, и это обстоятельство позволяет считать, что зодчий при разработке темы исходил не из крестообразной формы, где все крылья обычно имеют одинаковую высоту, а предпочел композицию, представляющую сочетание купольной залы с выступающими на фасадах абсидами.

Характерные черты памятников архитектуры V—VII вв.

Почти все рассмотренные памятники являются церковными сооружениями. Гражданские монументальные постройки исчисляются единицами и дошли до нас в столь разрушенном виде, что по существу исследователь может иметь суждение только об их плане. Видимо в годины военных потрясений иноземцы, вторгавшиеся в

страну, прежде всего подвергали разграблению и разрушению жилые постройки, где можно было найти богатую добычу и которые с большим упорством защищались населением. В церквах завоеватели, вероятно, ограничивались грабежом и не производили больших разрушений. Как показали раскопки в Ани, жители часто не восстанавливали разгромленных домов и на развалинах, сравненных с землею, городские кварталы обстраивались заново, нередко по новому плану. Пострадавшие же церкви возобновлялись, о чем говорят историки, надписи и самые стены памятников. Таким образом основной материал, которым в своих разысканиях располагает исследователь, занимающийся историей армянской архитектуры, для рассматриваемого периода, катастрофически завершаемого в VII в. вторжением арабов, представляют церкви. Однако, несмотря на всю свою специфичность, церковные сооружения позволяют составить весьма полное представление о развитии архитектурной мысли в Армении в первые века христианства.

Не будучи стесненными какими-либо канонами в отношении формы площадки, на которой совершался церковный ритуал (если не считать обязательной алтарной абсиды), зодчие дают пространственные решения на планах различного вида. В базилике со стороны западного входа в первый момент внимание привлекают ряды столбов с уходящими ввысь арками. Они как бы подводят взор вошедшего к самому главному—святилищу, алтарю, кажущемуся столь далеким. Чтобы

приблизиться к нему, нужно пройти неф; по пути уже ничто не отвлекает, не рассеивает: второй столб похож на первый, третий—на второй; внимание приковано только к происходящему там впереди. Многие не имели доступа в эти первые храмы, и для них устраивались паперти, открытые галереи, где их и крестили; только после совершения обряда перед ними раскрывались церковные двери. Интересно, что когда уже перестали строить эти специальные портики, в некоторых церквах пережиточно появляются ниши, то снаружи в восточной части южной стены (Дворцовая церковь в Ани), то в юго-восточном приделе под окном (Арамус), напоминающие об абсиде с купелью. В Таргманчац-ванке эта ниша уже обратилась в абсиду с окном.

Зодчие, издавна знакомые с куполом, разрабатывая идею центрально-купольного храма, приходят к мысли увенчать им базилику. Для этого нужно по-новому организовать основное пространство, так, чтобы оно тяготело к этому новому центру. И решение найдено, решение ясное, логичное. Здание пересекли поперечным нефом и на скрещении его с средним нефом базилики воздвигли купол; площадь боковых нефов значительно сократилась: остались только их отрезки в углах, скрытые к тому же в значительной степени мощными, стремящимися вверх пилонами, которым уступили свое место легкие столбы базилики. Основное пространство, получившее крестообразную в плане форму, доминирует над остальными частями здания. Не

нужно подымать головы, чтобы почувствовать, что венцом храма является купол: о нем говорит солнечный луч, падающий откуда-то сверху из-за сводов.

Новая религия, совсем недавно еще получившая официальное признание, для привлечения широких масс населения нуждалась в средствах, оказывавших сильное воздействие. Великолепие церковных построек и ритуала играло в этом деле, конечно, не последнюю роль. Ярко освещенное помещение, увенчанное в вышине сводами, напоминающими далекий небосклон, дымки фимиамов, подымающиеся из кадил, огненные блики, играющие на великолепных облачениях и драгоценной утвари, умело произнесенная проповедь—все это должно было полонить сердце и ум вновь обращенного прихожанина.

А какова была утварь, хранившаяся в церковных ризницах, можно, пожалуй, составить представление по изваяниям на карнизе западной половины северной стены церкви в Птгни, где мастер разместил в ряд кувшины различного вида (табл. 18); это не просто условный декоративный мотив,—здесь со всеми подробностями, „портретно", изображена реальная утварь, замечательные образцы которой можно видеть в богатейшем собрании серебра и бронзы сасанидского времени в Государственном Эрмитаже.

Купольная базилика, созданная армянскими зодчими, несмотря на свои высокие художественные достоинства, в известной степени не соответствовала условиям, способствовавшим утвер-

ждению новой религии. Великолепное зрелище богослужения в заполненном людьми храме, которое должно было волновать и даже потрясать, воздействовать на чувства, дробилось стоящими посредине пилонами; с некоторых мест вообще ничего не было видно; арки и своды скрывали купол от значительного числа зрителей, каковыми в то время несомненно являлись многие из посетителей храмов. Нужно было устранить эти помехи. И их устранили, взяв за основу сводчатую залу, свободную от промежуточных опор, которую, как уже было показано, с большим мастерством увенчали куполом. К этой же идее могли придти и от схемы купольной базилики, отодвинув пилоны к самым стенам; оттого, может быть, фасады „купольной залы“ принципиально решены так же, как и в купольной базилике.

Новая композиция захватывает своим простором; пространство едино, не раздроблено и смело завершено на громадной высоте могучим куполом, видным из дальних уголков храма; через многочисленные широкие окна льются потоки солнечных лучей; здесь все способствует появлению светлого, торжественного настроения.

Не даром и сейчас вызывают восхищение величественные развалины в Птгни с их одинокой аркой, прорезающей синеву южного неба и просторный залитый светом храм в Аруче.

Наибольшей выразительности достигает идея пространственного единства в центрально-купольных постройках, будь то исполинский Звартноц, восьмиабсидная егвартская церковь или скромная

крестообразная часовня на утесе у сел. Быджни. Абсиды неразрывно, органически связаны с центральной частью: циркульные в плане, ограниченные сверху конхами их объемы как бы вливаются в основной объем, уходящий ввысь к полусфере купола. Ни в одной точке не ощущается разобщенности с остальными частями здания: все собрано, едино.

Монументальные постройки рассматриваемого периода отличаются величавой простотой. Конструкция и форма в них всегда гармонично увязаны между собой. Творческая выдумка мастеров в поисках все новых схем и форм не уклоняется в сторону внешней красивости. Прекрасно зная свойства своих материалов и условия работы каждой части сооружения, строители не нуждались в излишних запасах прочности и счастливо избегли перегрузки зданий ненужными массами материала. Их своды, арки и опоры предельно легки, но прочны и могут служить образцами даже для искушенного в статических расчетах современного конструктора.

Верную стилистическую характеристику памятников изучаемого периода нельзя дать, не зная достаточно точно времени их сооружения; более того,—ошибки в датировке нередко приводят к тому, что целые школы и направления в архитектуре оказываются сдвинутыми на несколько веков со своего настоящего места.

К сожалению только несколько церквей из всех перечисленных здесь построек сохранили на своих стенах надписи, из которых мы узнаем,

кто и когда их построил. Время построения остальных приходится определять путем сравнения их с датированными либо надписями, либо свидетельствами древних историков, которые, кстати сказать, уделяют в своих сочинениях весьма мало внимания современным им сооружениям.

Из дошедших до нас надписей видно, что собор в Мрене был закончен князем Давидом Сааруни в 639—640 г., церковь в Багаване заложена в 631 г. и закончена в 639 г., церковь в Багаране заложена в 624 г. и закончена в 631 г., надпись на аламнском памятнике имеет дату—637 г. Две строительские надписи князей Камсараканов в Нахчаване и Талине, хотя и не имеют дат, позволяют, однако, определить время построения церквей. Надпись на малой церкви а Талине составлена от имени строителя Нерсеха (Камсаракана), тэра Ширака и Аршаруниев; эти же имя и титул читаем в Нахчаване, а также в датированных мренской и аламнской надписях. И. А. Орбели, посвятивший строительским надписям VII в. ряд работ,* полагает, что во всех этих эпиграфических документах упомянуто одно и то же лицо; а отсюда следует, что памятники в Нахчаване и Талине, с которыми придется сравнивать сооружения, не имеющие строительских надписей, воздвигнуты в первой половине VII в.

Надпись на церкви в Аруче совершенно ясно, в полном соответствии со свидетельствами историков, называет строителем известного

---

* Христианский Восток, Т. II, вып. 1, стр. 105—142. Т. III, вып. 1, стр. 72—91 и вып. III, стр. 297—306.

деятеля второй половины VII в. Григория Мамиконяна (ум. в 681 г.) и поэтому невыясненный вопрос о дате, начертанной в надписи, не может служить основанием для утверждения, что церковь эта построена не в VII в., а на несколько столетий позже.

Некоторые из памятников, не имеющие датирующих надписей, как, например, собор в Днине, церковь Гаяне, церковь в Егварте, упоминаются у древних историков.

Об остальных прямых свидетельств не имеется и при их датировке приходится прибегнуть к сравнению, установив предварительно характерные особенности архитектурных сооружений рассматриваемого периода, особенности, с которыми в последующее время исследователь уже больше не встречается (если не считать редких исключений). При этом следует опираться в первую очередь на те из них, которые встречаются не изолированно, а обязательно сопутствуют друг другу. Эти комплексы характерных черт наблюдаются во всех памятниках, с которыми читатель ознакомился, и, следовательно, можно считать вполне обоснованным отнесение их, даже при отсутствии надписей, ко времени, заканчивающемуся установлением арабского владычества. По внешнему обличию они столь близки друг к другу, что иногда начинает казаться, что это дело рук одного человека. На самом деле, вероятно, в первой четверти VII в. в областях Армении, принадлежавших роду князей Камсараканов, под их покровительством, создалась ар-

хитектурная школа, крепко спаявшая выпестованных ею даровитых зодчих. Судя по датам в приведенных строительских надписях, деятельность этих мастеров была особенно плодотворна в 30-х годах, но к сожалению ее прервали вторгшиеся в страну арабы.

Сооружение Звартноца явилось своеобразным рубежом, за которым новые постройки, сохранив многое из архитектуры первой половины VII в., обогатились новыми формами, явно навеянными творчеством мастеров, работавших у католикоса Нерсеса. Но все эти новшества не дают основания переносить их на два-три века позднее, так как ни формы, ни элементы убранства, характерные для них, не встречаются в твердо датированных памятниках, построенных после возрождения армянских государств в IX—X вв.

В ранних постройках арки и своды имеют подковообразную форму, утрачиваемую в последующее время. Небольшие квадратные помещения (напр. приделы) иногда перекрываются крестовыми сводами, не встречаемыми позднее. Купола, как правило, основываются на конических парусах (тромпах), что и определяет обязательную восьмигранную форму барабана, стены которого покоятся на четырех арках между пилонами и четырех арках, окаймляющих тромпы. Переход восьмигранника над основнымх тромпами к кругу купола очень часто осуществляется с помощью второго ряда неглубоких полуконусов, вырезанных в целых камнях. В сводах куполов встречаем гурты (Таргманчац-ванк), которые в

некоторых памятниках (напр. в Мрене) принимают характер декоративной детали и заканчиваются у основания круглыми бляшками.

Стены возводятся на ступенчатом основании, которое в дальнейшем обращается в цоколь. Такое основание настолько характерно для ранних построек, что когда производились реставрационные работы в Арамусе, никто из участников экспедиции не сомневался в том, что ступени будут открыты при очистке развалин от земли и предположения строились лишь относительно их количества и размеров. Поверхность стен совершенно гладкая, ничем не расчленена и ее оживляют только большие широкие окна с циркульным верхом и ⌒-образной бровкой, украшенной мулюрами или резным орнаментом. Треугольные ниши, которые в девятом и последующих веках зодчие размещают на трех или всех четырех фасадах, как элемент убранства, в VII в. можно встретить только в восточной стене, где они глубоко врезаются в толщу кладки между абсидой и приделами. Это было сделано для освещения алтаря тремя окнами в тех случаях, когда абсида не выступает наружу, как в Мрене и Багаване. В отношении количества ниш и их размещения исключение составляют памятники группы Рипсиме, да многоабсидные постройки в Егварте и Ириндe.

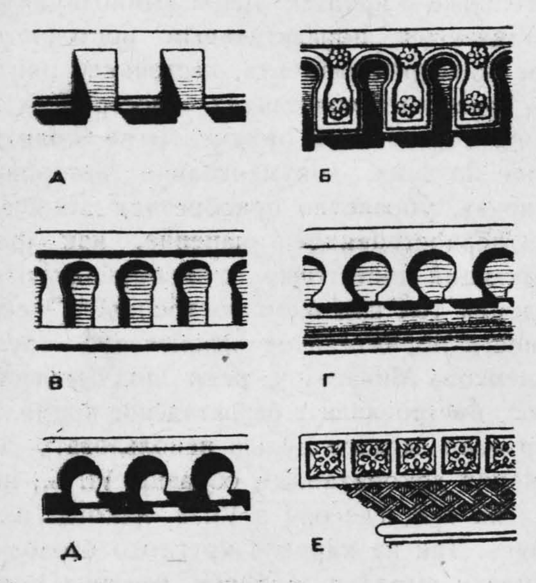
В первой половине VII в. окончательно определяется основной, ставший классическим тип церковного фасада (рис. 7). Выработанный вероятно в купольной базилике, он повторяется в

„купольной зале“, живет преимущественно в ней на протяжении многих веков и остается после XI в. в полном одиночестве, растеряв на своем историческом пути самых разнообразных спутников.

В убранстве зодчие проявляют крайнюю скупость: полоска карниза, обрамление двери, иногда барельеф на ее тимпане или архитраве, покрытая резьбой бровка над окном,—вот все, что украшает гладкую поверхность стены. Изобретательные в архитектурной композиции мастера отличаются поразительным постоянством в выборе сюжетов орнамента, настойчиво повторяемых в различных сочетаниях в постройках этого времени. Так как эти орнаменты не появляются на более поздних, документально датированных памятниках, убранство приобретает для исследователя первостепенное значение, как фактор, позволяющий достаточно точно определять время возведения той или иной постройки. Очень интересное и поучительное исключение представляет церковь Минаса у реки под монастырем Оромос, построенная в багратидское время. Здесь мастер явно задался целью использовать для ее украшения декоративные образцы VII в., но поместил их там, где они в VII в. никогда не применялись. Так на карнизе круглого барабана он не к месту вырезал ланцетки, заменив ими корзиночное плетение, и окаймил верх треугольных ниш двумя рядами арочек, продолжив их концы в сводах в виде ребер. Сразу бросается в глаза резкое отличие в характере резьбы; все испол-

нено четко и аккуратно, как в тетради чистописания хорошого ученика, добросовестно, по заданному образцу выведшего ряды красивых, но лишенных внутренней живости букв.

В обрамлении дверей преобладают формы, знакомые по Ереруйку и Текору. Это—либо портик с врезающейся во фронтон аркой (Аван, Багаван, Птгни, Аруч), либо повторенное в более скромном виде убранство текорских дверей: по бокам входа—парные колонки под общими капителями, поддерживающие сильно выступающую арку. Над дверным архитравом—разгрузная щель, уменьшающая приходящуюся на него нагрузку.

22. Схемы карнизов VI—VII вв.

Основной вид карниза, получивший в VII в. широкое распространение в Армении—это ряд следующих одна за другой подковообразных арочек, поддерживающих свес кровельных плит или черепицы. Основываясь на имеющихся материалах, можно высказать некоторые соображения о происхождении этой формы. На ряде церквей VI—VII вв. (Аштарак, Багаван, Багаран и др.) карниз украшен зубцами, которые либо поддерживают верхнюю полку, напоминая иногда модульоны (Таргманчац), либо врезаются в скос карнизного камня (рис. 22 А). Зодчему естественно могла придти мысль сочетать зубцы с арками. И действительно над входом одной из пещерных церквей в Малой Азии высечен в скале фриз из зубцов, соединенных подковообразными арочками (рис. 22 В). Подобную же комбинацию видим на фрагменте карниза из церкви в сел. Гарбани на Военно-Грузинской дороге (рис. 22 Б), обнаруженного в 1935 г. А. Кругловым, павшим в бою при обороне Ленинграда.

В Птгни на карнизе в восточной части южной стены уже наблюдается атрофирование зубцов, от которых здесь осталась лишь узкая прямоугольная полоска под арочками (рис. 22 Г). Как правило же в арочных карнизах армянских памятников VII в. (Мрен, Аламн, Агарак, Одзун, Мастара и др.), прямоугольные зубцы исчезают вовсе и остаются только арочки, которые придают им опять таки своеобразный зубчатый характер. Арочки обычно имеют значительную толщину и, выступая из стены, образуют свес карниза, от-

брасывающий на солнце глубокую причудливо изрезанную тень (рис. 22 Д). Лицевая поверхность между арочками обычно бывает пройдена резцом. В Мрене, Агараке и Мастаре прорезаны концентрические бороздки; в Одзуне, несмотря на сильное выветривание камня, видны розетки; в Аламне и Мазарджуке—углубления (рис. 26), причем в Аламне с северной стороны в них помещены бусы. В Махмуджуке и Адиамане на карнизах вырезаны часто встречающиеся на оконных бровках арочки из трилистников с двумя бусами под основанием (рис. 32).

Арочный карниз является характерным для памятников первой половины VII в. и в сочетании с другими признаками позволяет безошибочно определять время их построения.

На церквах VII в. видим и карнизы, тяготеющие к античной форме, с большим выносом, образованным горизонтальной плитой. Весьма интересно, что подобные карнизы обычно венчают небольшие крестообразные церкви (Лмбат, Кош, Махмуджук, Быджни, Хурсалу в Спитакском районе). В Айгешате плиту карниза поддерживают модульоны. В Лмбате на лицевой стороне плиты вырезаны полушария в кольцах (рис. 51); в Коше—орнамент, в общем сходный с лмбатским и имеющийся на одной из брозок в Талине (рис. 50). В Быджни и Хурсалу карнизная плита украшена плоскими декоративными арочками, в Махмуджуке—арочками из трилистников с бусами. Других сюжетов орнамента на карнизах такого вида мы не наблюдали.

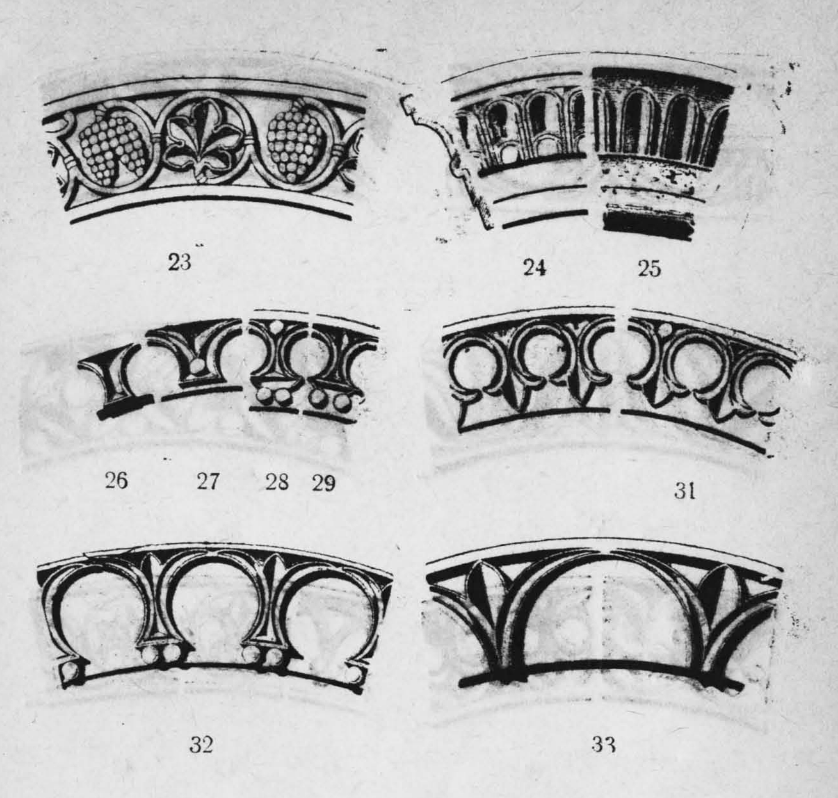
Не менее надежным критерием при установлении дат служит орнамент оконных бровок. В начале VII в. окончательно устанавливается их классическая форма, не сходящая в дальнейшем со стен армянских церквей (табл. 18). Над циркульной аркой, завершающей оконный проем, бровка идет по дуге; у основания концы ее отгибаются горизонтально в стороны; верхняя часть, окаймленная двумя бортиками, заполнена резным узором, нижняя содержит несколько обломов, создающих плавный переход к плоскости стены. Эта нижняя, поддерживающая часть бровки в памятниках первой четверти VII в. часто отсутствует или несложна по профилю; с 30-х же годов она усложняется и, раз выработанная, повторяется в одном и том же профиле на многочисленных постройках до конца века. Иногда встречаются бровки без орнамента, состоящие только из мулюр.

На рисунках 23—52 представлены основные сюжеты резного орнамента VII в. Их нужно рассматривать как схемы, допускающие для отдельных памятников некоторые отклонения в деталях. Так, например, виноградная лоза дана в острой, декоративной интерпретации, известной по Птгни, Звартноцу, Сисиану (рис 23). В некоторых памятниках при той же схеме, основанной на непрерывной волнообразной ветви, детали лозы трактованы иначе, от условного, напоминающего чекан по металлу рисунка в Багаране до исполненного мягкой пластичности узора в Мрене и Одзуне.

Арочный орнамент (рис. 26—33) неизменно украшает в постройках VII в. бровки окон, а иногда и арки дверных обрамлений (Багаванский храм, малая церковь в Талине) и никогда не встречается в более поздних памятниках. Большое распространение получил вариант из трилистников с бусами, который переносили даже на карнизы.

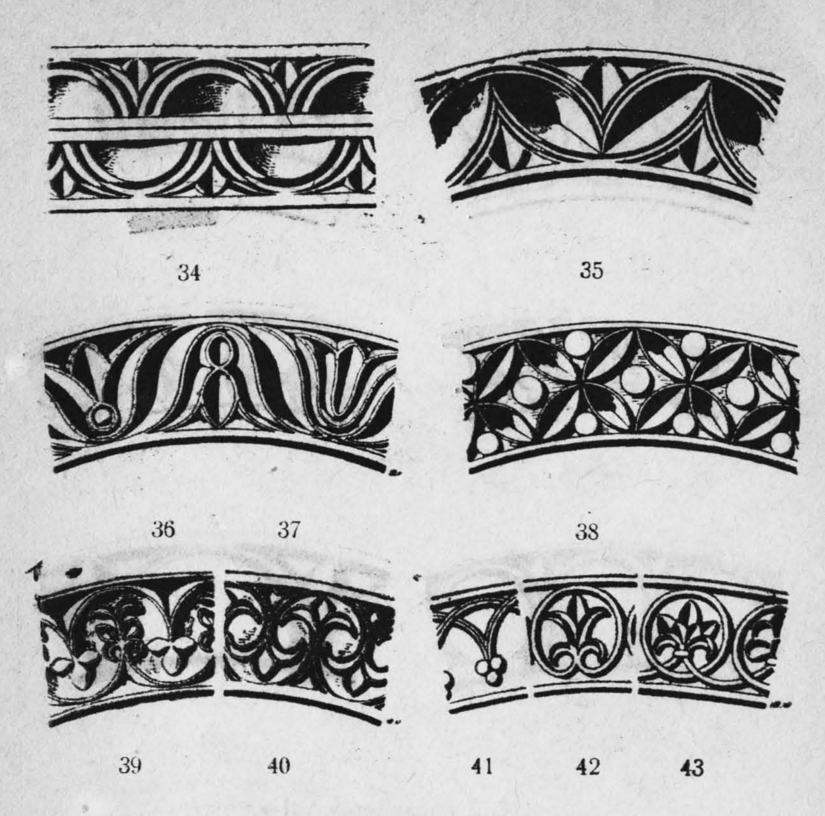
Интересным образцом комбинации трех сюжетов, самостоятельно представленных на трех разных постройках, является бровка в Сисиане (рис. 49), на которой в круги с бусами, заплетенные по схеме Таргманчац-ванка (рис. 47), помещены розетки, сходные с аручскими (рис. 45) и свернутые в кольца листья, украшающие дверь в Аване (рис. 46) и окно церкви Рипсиме. На этой бровке одна розетка исполнена подобно талинским (рис. 44), с бороздкой у наружного контура.

Варианты орнамента, вырезанного над окнами в Махмуджуке (рис. 39) и Лмбате (рис. 40) встречаются и на других постройках. На фрагменте бровки из несуществующей ныне церкви в окрестностях сел. Джрвеж, по рисунку сходной с лмбатской, видна посредине лента, идущая концентрично краям. В некоторых случаях дуги, заканчивающиеся пальметками, располагаются только у верхнего или нижнего бортика (Егварт). В Птгни у верхнего края помещены два ряда пересекающихся дуг, оканчивающихся внизу тремя бусинами (рис. 41), а в Аруче—бусинами, чередующимися с трилистниками.

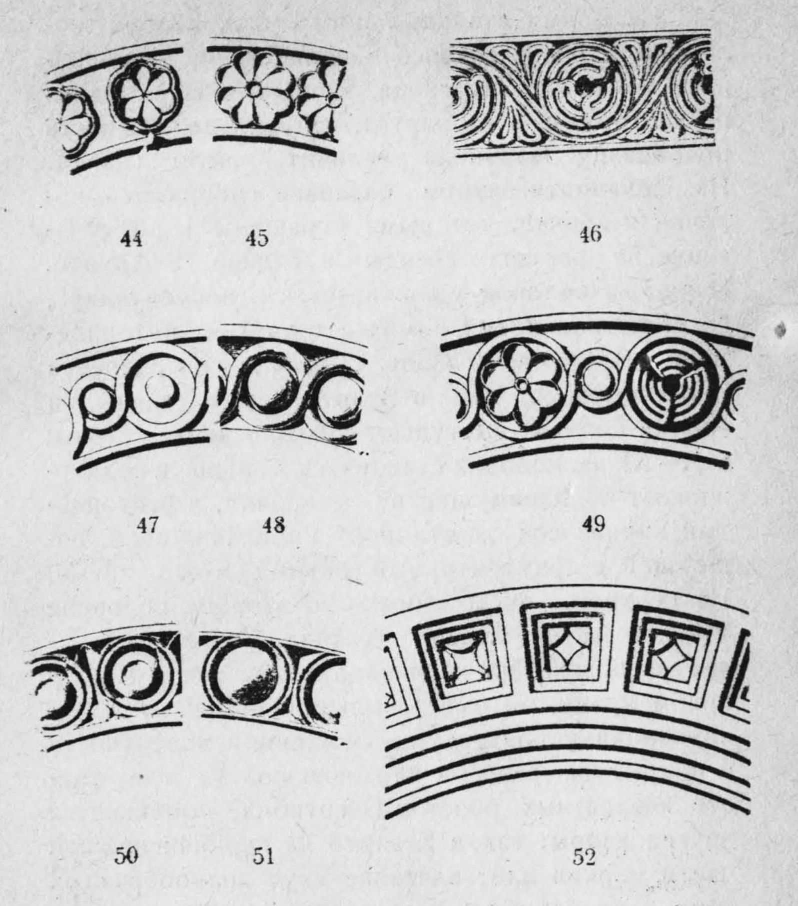

Схемы орнаментов VII в.

23—Птгни, Звартноц, Джрвеж, Аруч, Сисиан. 24—Текор. 25—Мрен, Двин, Агарак, Мазарджук, Мастара, Талин, Артик, Адиаман на Арагаце. 26—Аламн, Мазарджук. 27—Церковь Рипсиме. 28—Артик. 29—Нахчаван (вместо листьев—бусы), Талин. 30—Талин. 31—Махмуджук, Артик (только с бусами). 32—Птгни, Кош, Багаван, Махмуджук, Адиаман на Арагаце. 33—Церковь Рипсиме.

Схемы орнаментов VII в.

34—Двин, Таргманчац-ванк, Джрвеж, Сисиан. 35—Аруч. 36—Аруч. 37—Птгни, Сисиан. 38—Звартноц, Аруч, Сисиан. 39—Махмуджук. 40—Лмбат, Джрвеж (с лентой посредине). 41—Птгни, Аруч (бусы чередуются с трилистниками). 42—Птгни, Сисиан. 43—Сисиан.

Схемы орнаментов VII в.

44—Талин, Сисиан. 45—Аруч. 46—Аван, церковь Рипсиме, Талин (разв. малой церкви). 47—Таргманчац-ванк. 48–Мастара. 49—Сисиан. 50—Талин, Кош (с раздвоенными листиками). 51—Лмбат, капитель из Ереруйка (с бусами между кругами). 52—Церковь Рипсиме, Птгни, Аруч.

На монументальных постройках второй половины VII в. сказалось влияние форм законченного тогда же Звартноца. Купола начали ставить не на тромпы, а на паруса, что дало возможность по образцу Звартноца увеличить число граней. На двенадцатигранном барабане появились колонки и арочки, которыми украшены и выступающие на фасадах абсиды в Талине и Артике. Наряд из колонок удерживается в последующее, багратидское время, но уже в другой интерпретации. В Аруче, Талине, Сисиане и позднее в Карсе колонки, как в Звартноце, массивны, а арочки сильно выступают из плоскости стены; в X—XI вв. колонки становятся тоньше и поддерживают по преимуществу не арочки, а фестончатый карниз под „зонтичной" кровлей купола, вошедшей в архитектурный обиход в это время. На церквах, построенных во второй половине VII в. в Аруче, Егварте, Талине, Сисиане, появляется новый вид карниза; так же, как в Нерсесовом храме, он имеет большой вынос, прямую корзиночную плетенку на скошенной поверхности и покрытую резьбой верхнюю полку, где вместо квадратных розеток Звартноца помещаются другие узоры; так, в Егварте на карнизе нижней части церкви идет плетение двух волнообразных лент, а на барабане—лоза с листьями и плодами граната, в Аруче—плетенка, подобная егвартской. Обе постройки возведены Григорием Мамиконяном во второй половине VII в., следовательно, в то время, когда строительство Звартноца во всяком случае было накануне завершения, карниз

стоял уже на месте и ему было можно подражать так же, как это было отмечено в отношении тромпов и парусов. Арочный карниз в Птгни уступает место новой форме в сходной аручской церкви и уступает окончательно,—он больше не появляется ни в багратидское, ни в еще более позднее время.* Наоборот, карниз Звартноца становится классическим образцом, которому на протяжении веков следуют армянские зодчие. Претерпев некоторые изменения, он надолго входит в их творческий обиход.

Орнаментация бровок остается неизменной и одни и те же мотивы украшают стены церквей на протяжении всего VII в.

Рассмотрение перечня памятников, на которых встречаются представленные на нашей схеме орнаменты, показывает, что в него входят все датированные надписями или свидетельствами историков постройки VII в. В то же время ни один из этих мотивов не появляется в убранстве бесспорных памятников багратидского времени. Не появляется так же, как и другие характерные для архитектуры VII в. черты, из которых сюжеты убранства, тромповый переход к барабану в первой половине века, форма барабана, как и форма карниза не разделимы и неизменно сопутствуют друг другу в твердо установившихся сочетаниях, характерных для начала и конца века.

---

* Известен только один случай арочного карниза на постройке X в.—это на основании барабана ахтамарского храма.

Поэтому перенесение в багратидское время многих из названных здесь памятников (Птгни, Аруч, Мастара, Артик, Сисиан, Адиаман, Талин и др.) на основании игнорирующего эти моменты „архитектурно-художественного анализа“ оказывается совершенно неоправданным и приводит к полному искажению истинного хода развития армянского зодчества.*

Сказанное можно пояснить следующим примером.

Г. Н. Чубинашвили считает, что тип храма, известный под названием „купольной залы“, впервые появился в конце IX в. в Ширакаване, бывшем в то время резиденцией багратидских царей, и, следовательно, Птгни и Аруч, как повторения этого образца, не могли быть построены раньше.

Но почему же, спрашивается, зодчие, подражая „новой значительной, представительной“ ширакаванской композиции, в убранстве так настойчиво обращаются к старым мотивам, из которых на бровках Ширакавана только один (рис. 25) нашел себе место, да и то второстепенное, заменив мулюры нижней части.

На стенах церквей в Птгни и Аруче видим: кессончики (рис. 52), известные по церкви Рипсиме, геометризованные листья (рис. 36, 37), украшающие также одну бровку церкви Гаяне,

* Г. Н. Чубинашвили. Армянское искусство с конца IX и до начала XI в. Сасунский Давид. Сборник под редакцией Меликсет-Бека. Тбилиси, 1939.

где „колокольчики“ заменены тремя бусами, излюбленный виноградный побег (рис. 23).

Одна бровка северной стены в Птгни с пальметами на идущем посредине стебле имеет соответствие в церкви Гаяне, другая, чешуйчатая — в Мренском соборе, и, наконец, сдвоенная (табл. 18) с арочками из трилистников и бусами — на многих постройках VII в., не исключая и твердо датированных (Аламн, Багаван и др.).

Ясно, что если бы зодчие, работавшие в Птгни и Аруче, следовали новейшему столичному ширакаванскому образцу, они не стали бы совершать археологическое путешествие по провинции для собирания старинных сюжетов убранства, а постарались бы и в нем дать все новое, модное. В свое время они так и поступили; но было это не в девятом, а в седьмом веке. Потому вполне закономерно присутствие в Птгни не только перечисленных мотивов, но и арочного карниза и конических парусов (тромпов), обязательных для купольных построек до арабского времени.

Чрезвычайно показательными в этом отношении оказались результаты обследования развалин в окрестностях сел. Джрвеж. Здесь в остатках стен не очень старой часовни были в 1942 г. обнаружены куски оконных бровок из древней, совершенно разрушенной церкви и капитель полупилястры или угла абсиды. Резьба, украшавшая эти бровки, без каких-либо исключений, имеет своих двойников в наших таблицах

орнамента VII в. (рис. 23, 34, 40). Виноградные побеги трактованы так же, как в Звартноце, Птгни и Сисиане; орнамент, показанный на рис. 34, знаком уже по двинским палатам и однотипным церквам в Айгешате и Сисиане. Но этим в следовании образцам своего времени зодчий не ограничивается; он высекает из камня капитель так же, как это было сделано в Птгни и Сисиане (табл. 17): на лицевой стороне—волюта, из спирали которой сбоку свешивается кисть винограда, на боковой—лиственная полубалюстра. Таким образом, даже не зная какого вида была церковь в Джрвеже, можно, без риска впасть о ошибку, основываясь на характере убранства, считать ее постройкой VII в.

Примеры эти показывают, к каким неправильным выводам можно придти в результате недооценки типичных черт архитектуры рассматриваемого периода, к концу которого (I полов. VII в.) уже представляется возможным говорить о вполне сложившейея армянской классике, на которой, несмотря на многие превратности, зиждется творчество всех последующих поколений армянских зодчих.

Стенная роспись и мозаика, судя по находкам в Звартноце, применялись в церковном зодчестве, но только в халкидонитских постройках. Обычно же стены церквей не имели штукатурки, и их внутренняя поверхность облицовывалась чисто тесанными плитами. Резьба по камню встречается внутри только на капителях и

иногда в ранних памятниках на арках абсид в виде сухариков (Ереруйк) и зубцов (Танаат). Скульптура не нашла широкого применения в церковном зодчестве. Рельефные изображения святых и ктиторов (строителей) обычно помещались над дверьми, но иногда высекались и около окон (Одзун, Птгни).

Архитектура IX—XI вв.

В сороковых годах VII в. в Армении появились арабские войска. Систематические грабежи, разорение, увод населения в плен привели к тому, что правители страны на условиях сохранения феодально-нахарарской системы признали власть халифата. Широко развернувшееся до того строительство, связанное в ряде областей с княжеским родом Камсараканов, на первых порах не прекращалось. Звартноц продолжали строить. Григорий Мамиконян во второй половине VII в. обогатил армянскую архитектуру двумя прекрасными постройками в Аруче и в Егварте. В это же время были сооружены церкви в Талине и в Артике. Но к концу VII в. строительство свернулось и замерло в конце концов на долгие годы. Строительные работы сводились теперь к посильному восстановлению разрушенного завоевателями или пришедшего в запустение. Армянский народ, знавший лучшие времена, должен был переключить все свои силы и средства на борьбу с поработителями. В отдельных схватках с ненавистными врагами выковывалась решимость к восстановлению утраченной независимости.

К X веку на территории Армении появляются, как результат объединения распыленных национальных сил, царства, пользовавшиеся самостоятельностью, отмеченной признанием со стороны халифата титула армянских царей. Знаменательно, что именно к этому времени оформился величественный народный эпос, повествующий о борьбе свободолюбивого армянского народа с иноземными захватчиками, повествующий о его легендарном народном герое, могучем Давиде Сасунском.

С давних пор в Армении пользовался влиянием княжеский род Багратидов (Багратуниев), многочисленные члены которого отличались энергией и организаторскими способностями. После неудачного восстания против арабов в 775 году, когда армянский феодализм переживал критический момент, Багратиды ушли в западные районы Армении, расположенные в Чорохском бассейне. Отсюда они наблюдали за происходившими событиями. Воспользовавшись внутренними и внешними осложнениями халифата при Гарун-ар-Рашиде (785—809), Ашот Мясоед подчиняет ряд армянских областей (Тайк, Ширак, Аршаруник, Ашоцк). Особо примечательно то обстоятельство, что это удается ему сделать не только силой оружия, но и путем покупки родового удела князей Камсараканов, известных своей строительной деятельностью в VII в.

Одновременно с усилением ширакских Баг-

ратидов, возложивших на себя во второй половине IX века царскую корону, идет расширение владений артануджской ветви этого рода в сторону Грузии, где они положили начало династии, правившей до конца существования грузинского царства в начале XIX в.

Овладев новой территорией, ширакские Багратиды устраивают сначала свою резиденцию в Багаране на правом берегу Ахуряна неподалеку от впадения в Аракс, а затем переносят ее в Еразгавор (Ширакаван), расположенный севернее на той же реке. Здесь в конце IX в. Смбат I (890—914) построил большую церковь Спасителя „с высоким куполом и со стенами из тесанного камня" (Асогик), о которой было говорено при ознакомлении с церквами в Птгни и Аруче. Правление его мужественного сына Ашота II Железо (914—928) прошло в смутах и борьбе с двинским эмиром. Воспоминание о непрерывных походах Ашота сохранено народом в многочисленных легендах, связывающих с его именем построение крепостей в разных концах армянской земли. На самом деле едва ли он имел время заниматься строительной деятельностью, и потому то, надо думать, мы не находим у древних историков упоминаний о постройках этого времени. Ашоту наследовал брат Абас, обосновавшийся в своем удельном городе Карсе, где построил соборную церковь „из больших гранитных сталью тесанных камней, (церковь законченную) великолепным куполом, расписанным на подобие небесного свода"

(Асогик). Карсский собор по плану и общим формам сходен с церковью VII в. в Мастаре с той только разницей, что купол на нем украшен полуколонками с арочками, как на соборе в Талине и других памятниках второй половины VII в.

Ани при Багратидах

Городские стены, церкви, дворец в Вышгороде; благоустройство города

После Абаса престол занял его сын Ашот III (953—977), прозванный Милостивым за заботу о больных, калеках и бедноте, для которых строил приюты и странноприимные дома. При нем начинается возвышение малоизвестного до того Ани, впервые упоминаемого историками в V в. хр. э. в качестве крепости, которой в дальнейшем было суждено войти своими остатками в состав цитадели одного из замечательных средневековых городов Передней Азии, лежащего ныне в развалинах.

Систематическим изучением памятников Ани наука обязана Н. Я. Марру, проведшему здесь первые археологические работы в 1892 и 1893 гг. После длительного перерыва раскопки были возобновлены и, начиная с 1904 г., производились ежегодно. Одновременно с раскопками и изучением памятников Н. Я. Марр из года в год вел работы по укреплению древних зданий, которым грозила опасность разрушения. В анийских археологических кампаниях и разработке добытых материалов принимали участие видные ис-

следователи и ученики Н. Я. Марра, проходившие здесь практическую археологическую школу*.

Ани расположен на мысу при слиянии Ахуряна и Аладжинского ручья, протекающего в ущелье, называемом Цветниковым (Цагкоцадзор). Две боковых ложбины—Игадзор и Гайладзор, впадающие в Ахурян и Цагкоцадзор, отсекают от мыса „треугольник“, на котором высятся многочисленные развалины городских строений. Территория Ани с двух сторон защищена самой природой и только с третьей—у основания этого треугольника понадобились крепостные сооружения. Над городом господствовал холм—сначала только крепость, а затем Вышгород—кремль новой столицы. К северу от Вышгорода около середины X в. вырос небольшой городок, о защите которого пришлось позаботиться Ашоту III. На узком перешейке между Ахуряном и Цагкоцадзором в 964 г. он построил стены с башнями, которые, по выражению историка Вардана (Великого), „обратил в церкви“. Остатки этих стен были открыты Н. Я. Марром при раскопках в 1893 и 1904 гг. Они возведены из камней, имеющих форму усеченных четырехгранных пирамид, уложенных довольно грубо тесаными основаниями наружу. Около стен на склоне, падающем к Ахуряну, высится монументальное здание с рядами массивных колонн внутри, построенное, возможно, в какой то связи с линией ашотовых укреплений. Позднее, после капитальной перестройки, начи-

* Н. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Москва—Ленинград. 1934.

ная с капителей колонн, оно было обращено в мечеть, известную в научной литературе под названием мечети Мануче (табл. 37).

В центре этой старой части города, или Нижней крепости, как ее именует историк XI в. Аристакес Ластивертский, во время раскопок в 1912 г. были открыты развалины церкви, окруженной жилыми домами. В отчете об XI анийской археологической кампании Н. Я. Марр высказал предположение, что она первоначально не имела купола, надстроенного позднее, и уже стояла в то время, когда Ашот III строил свои крепостные стены. Рассмотрение плана и сохранившихся частей памятника, однако, показывает его композиционную цельность. Церковь была задумана зодчим как „купольная зала“; западные пилоны не встроены позднее, а с самого начала вместе с углами алтарной части несли купол. Перестройку можно усмотреть только в западной части, где появился необычный контрфорс с тремя нишами внутри, возведенный для ее усиления. Снаружи стены и восьмигранный барабан церкви были богато убраны полуколонками и декоративными арочками, покрытыми тонкой резьбой. Кроме того на стенах и барабане под карнизом, покрытым прямолинейным корзиночным плетением, пробегал резной пояс с розетками в кругах, сплетенных из рубчатых лент. На трех сторонах, кроме западной, толщу стен прорезали парные треугольные ниши обычной формы. Плиты пирамидальной кровли купо-

ла были также орнаментированы цветами лилий. Характер и сюжеты убранства не препятствуют отнесению этой церкви к X в., и потому, в согласии с мнением Н. Я. Марра, можно высказать предположение, что она была построена Ашотом III для первых обитателей формировавшегося города, возможно, не имевшего еще и епископской кафедры. Резиденция католикосов в это время находилась в нескольких километрах от Ани в городке Аргине, на берегу Ахуряна. Здесь в царствование Ашота III католикос Хачик возобновил патриарший дворец и начал строить „кафедральную церковь из тесанного камня, связанного железом, с куполом, расписанным на подобие неба, с тремя другими церквами подобной же дивно-красивой архитектуры" (Асогик). Постройка была закончена в 990 г. Это—единственное упоминание современника событий о церковном строительстве в районе Ани при Ашоте. Собор в Аргине, построенный выдающимся архитектором X—XI вв. Трдатом по схеме „купольной залы", стоит в развалинах и поныне; сохранившаяся северная половина памятника дает возможность судить об его формах и величине.

Бурный рост молодого города уже в 989 г. заставил преемника Ашота Милостивого, Смбата II Миродержца (977—989) выстроить новые стены, известные под названием Смбатовых, на значительном расстоянии от старых, там, где анийский треугольник прорезается двумя поперечными ущельями—Гайладзором и Игадзором (табл. 38—

40).* Историк XII в. Матвей Эдесский образно сообщает, что новые стены были построены на расстоянии „одного выстрела стрелы" от старых. В дальнейшем эту линию укреплений все правители постоянно обновляли и усиливали. Стены утолщали новыми облицовками, которые образовывали в некоторых местах три и даже четыре слоя, что можно видеть в разрушенных пряслах, увеличивали число башен. Почти на всем протяжении был возведен второй ряд стен. В этих работах принимали участие своими средствами и частные лица, не исключая и женщин: из надписей известны Мамхатуна и Шануша, построившие каждая по башне. Строительство укреплений производилось по общему плану, а так называемые строители право именоваться в надписях строителями просто покупали, оплачивая стоимость уже готового сооружения.

Все башни за исключением крайних в Цагкоцадзоре и Гайладзоре, квадратных в плане, имеют с внешней стороны округлую форму; одни из них служили контрфорсами, другие заключали в себе помещения в двух и трех этажах, соединенные между собою каменными лестницами, откуда бойцы поражали врага через многочисленные бойницы. В город вели несколько калиток и ворот, защищенных внушительными башнями (табл. 39); в тех местах, где стены идут двойным

* К этому времени огражденный стенами город занимал площадь свыше 150 десятин, не считая поселения вне этих стен.

кольцом, оси ворот не совпадают, а несколько сдвинуты с таким расчетом, чтобы проход во внутреннем кольце приходился против стены или башни наружного. Таким образом противник, которому удавалось прорваться через первую линию стен, не попадал сразу же к воротам второй; здесь в узком проходе его опять встречали стрелы, каменные ядра и кипящая смола. (В 1910 г. у Ашотовых стен был обнаружен костяк воина, облитого варом, с раздробленным черепом, в котором засело каменное ядро).

Стены изранены таранами, метательными снарядами и стрелами; здесь в свое время кипели бои, в которых участвовали и стар и млад; под этими стенами бился на девятом десятке жизни во главе своей рати, защищая родной город от иноземцев, прославленный полководец Вахрам Пахлавуни; бились в 1126 г. и участвовавшие в обороне Ани женщины во главе с героической девушкой Айцямн. Несмотря на многочисленные изъяны, обращают на себя внимание превосходная теска прямоугольных камней и тщательность кладки. К сожалению верхние части стен разрушены; но заканчивались они вероятно зубцами, остатки которых видны на Цагкоцадзорских башнях (в Цветниковом ущелии).

На стенах сохранились разнообразные украшения. Кроме основного желтого камня в облицовке применены красный и черный, из которых выложены пояса на башнях и различные фигуры, чаще кресты; над воротами, условно называемыми „шахматными“, стена облицована

черным и красным камнем в виде шахматной доски. В разных местах в кладку вделаны барельефы, часто носящие геральдический характер, изображающие орла, драконов, бычьи головы, а также цветные фаянсовые полушарья. Особо необходимо отметить находящийся около Главных ворот (табл. 39) барельеф бегущего тигра, над которым выложен крест из черных квадратов, поставленных углом; возможно, что это городской герб XIII в.

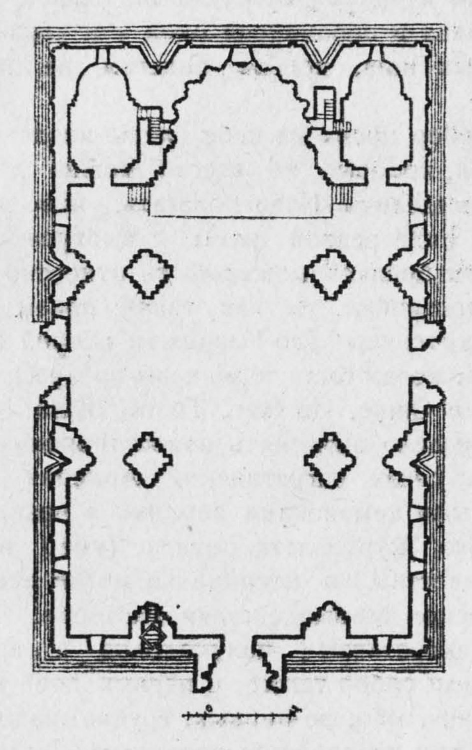
При раскопках у западных (Карсских) ворот обнаружены остатки деревянных створок, которые были сделаны из толстых досок и покрыты толстым листовым железом, прикрепленным густо рассеянными по всей поверхности гвоздями с большими шляпками. Ворота запирались толстыми бревнами, окованными на концах обручами. Эти находки подтвердили правдивость описания Асогика, который говорит, что ворота были сделаны из кедрового дерева и укреплены толстыми железными гвоздями.

Перед самой смертью Смбат II приступил к сооружению кафедрального собора Богородицы в новой части Ани, огражденной им к тому времени новыми надежными стенами. Архитектор Трдат уже заканчивал работы в Аргине, и новая постройка была поручена ему. После смерти Смбата заботы о строительстве этого величественного сооружения, привлекающего к себе внимание и поныне, несмотря на отсутствие купола, обрушившегося, по преданию, во время землетрясения 1319 г., взяла на себя Катрамида, супруга царя

Гакика (989—1020), закончившая его в 1001 г. У Степана Таронского имеется свидетельство, из которого видно, что одновременно со строительными работами в Армении Трдат успел принять участие в возобновлении юстинианова храма в Константинополе, пострадавшего от землетрясения 989 г. (по византийским источникам 986 г.). Историк пишет: „В царственном городе Константинополе обрушивались богато-блестящие украшения дивных колонн и икон, бывших в обширных церквах: и сама святая София, т. е. собор, сверху донизу дала трещину. Много хлопотали искусные греческие архитекторы о ее возобновлении. Случился там (в то время) армянский архитектор—каменщик Тердат, который с удивительным соображением составил план, приготовил модель здания, по которой приступлено было к работе, и собор по возобновлении явился в изящнейшем чем прежде виде". К сожалению этим и ограничиваются наши сведения о жизни и работах этого выдающегося зодчего.

Анийский собор представляет из себя прямоугольное в плане здание с крестообразным верхом, покрытым двускатными кровлями (табл. 41). Купол его покоился на легких, изящных арках, перекинутых между четырьмя отдельно стоящими пилонами, и парусах. Величественные стройные пилоны сложного сечения вздымаются на громадную высоту. Они поставлены близко к стенам, благодаря чему средний неф приобрел значительную ширину за счет сильно суженных боковых (рис. 53). Алтарная часть (абсида и два

придела по бокам ее) приближена к восточной паре пилонов с таким расчетом, чтобы получилось равенство западной и восточной половин собора. Трехнефная купольная базилика с куполом в центре помещения для молящихся (Мрен)

53. Ани. План собора.

обращена Трдатом в крестовокупольное здание с куполом в центре всего здания. Здесь нашла свое завершение без каких-либо влияний извне

идея переработки трехнефной сводчатой базилики в центральнокупольную постройку, идея, которой руководствовались строители и мренского собора и вагаршапатской церкви Гаяне.

Снаружи стены здания украшены полуколонками и арками между ними. Резьба по камню применена в обрамлении окон и в убранстве треугольных ниш, весьма богатом на восточном фасаде.

Собор носит на себе следы позднейших переделок, которые не всегда можно достаточно точно выделить. Надо полагать, что убранство окон в виде резной рамы с выступающей над проемом бровкой может быть отнесено ко времени постройки, так как такой прием известен и в архитектуре Тао-Кларджии второй половины X века, когда были возведены прекрасные сооружения в Ошке, Ишхане, Тбете. Было бы ошибкой все дело объяснять односторонним заимствованием: связи багратидской Армении с этими исконными армянскими землями в правление знаменитого куропалата Давида (умер в 1001 г.) общеизвестны и несомненно могли сказаться в творческом взаимодействии мастеров.

Декоративные полуколонки и арки стен украшали собор также с первых дней его существования, ибо, во-первых, трудно предположить, чтобы при позднейших переделках была сменена целиком вся наружная облицовка, и, во-вторых, этот прием, хорошо известный еще в VII в., во второй половине X в. получает распространение

как в Армении, так и в несколько ином виде в смежных западных областях (Ошк, Ишхан и др.).

В свое время с собором соперничал своими размерами и оригинальностью формы круглый, башнеобразный храм, построенный царем Гагиком I в 1001—1015 гг. и раскопанный Н. Я. Марром в 1905—1906 гг. (табл. 43).* У Степана Таронского, жившего в царствование Гагика, имеется прямое указание, что это здание возведено по образцу Звартноца; действительно план и вся структура его вполне совпадают с Нерсесовым сооружением. Снаружи на стене храма была помещена найденная при раскопках статуя Гагика в халате и чалме высотою около 2,25 м с моделью храма в руках, вид которой подтверждает основные положения архитектурного анализа и реконструкций этих памятников, выполненных покойным архитектором Т. Тораманяном, много потрудившимся над изучением древнего армянского зодчества.

Раскопки Гагикова храма показали, что разрушение произошло не внезапно, а сначала появились деформации, с которыми пытались бороться. Это особенно ценное открытие, так как оно дает возможность установить наиболее уязвимые места смелой, но к сожалению мало надежной конструкции. Раскопки обнаружили дополнительные поздние кладки, которыми были

* Н. Марр. О раскопках и работах в Ани летом 1906 года. (Предварительный отчет). Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. X. С.-Петербург, 1907.

укреплены опоры и арки, несшие средний ярус; были заложены средние проемы в колоннадах абсид, а также усилена юго-западная одинокая колонна за пилоном, кладкой, облегавшей как стержень, так и капитель. Все же катастрофа произошла, несмотря на принятые меры.

Многочисленные фрагменты этой некогда величественной постройки, найденные при раскопках, позволяют судить об ее убранстве. Капители колонн, поддерживавших верхние части абсид, разработаны по той же схеме, что и в Звартноце, но значительно разнятся в деталях. Нижняя часть их имеет форму слегка сплюснутого, срезанного сверху и снизу шара с гладкой поверхностью, без плетения; над ним волюты с гладкими балюстрами, между которыми помещены круглые бляшки и медальоны с розетками; абака—в виде плиты, скошенной снизу.

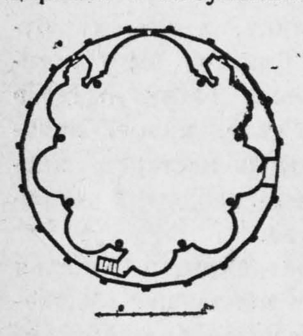
Стены всех трех ярусов, по мнению Т. Тораманяна, были вертикально расчленены парными полуколонками, соединенными между собой арками. Судя по сохранившимся нижним рядам облицовки, в нижнем ярусе было 36 пар колонок, базы которых стояли на третьей (верхней) ступени цоколя. На внутренней поверхности стены первого яруса также сохранились нижние части полуколонок, но уже одиночных. Резным орнаментом были украшены арки наружных стен, обрамления дверей, наличники окон. Храм снаружи был охвачен несколькими орнаментированными поясами. В деталях убранства дверей наблюдаются переживания античных обломов: аканты,

зубцы, бусы. Обращает на себя внимание громоздкость обрамления по сравнению с размерами проемов дверей.

В украшении молодого города монументальными зданиями наряду с правителями принимали деятельное участие представители знатных княжеских родов, о чем свидетельствуют многочисленные церкви разных размеров и форм, стоящие на поверхности земли и открытые раскопками. Была здесь повторена и древняя идея многоабсидной церкви, осуществленная еще в VII в. По плану и внутренней структуре эти памятники, стоящие в Ани и его окрестностях, теснейшим образом связаны с постройками в Егварте и Иринде. Одни из них не отступают от древних образцов и по внешнему облику, в других, относящихся к XI в., решение фасадов явно навеяно могучими формами храма Гагика I. Но в каждой из них есть и нечто свое, новое, показывающее, что творческая мысль мастеров неустанно работала, делая новые вклады в сокровищницу армянского искусства.

На краю обрыва у Цветникового ущелья в конце X в. была построена небольшая башнеобразная церковь, принадлежавшая роду Абугамренц (табл. 44). Она имеет шесть абсид, расположенных вокруг центральной подкупольной части. Между абсидами из стен выступают полуколонки, на которые опираются арки, несущие купол вместе с арками абсид. Снаружи нижняя часть церкви имеет вид многогранной призмы, массив которой облегчен треугольными нишами, вреза-

ющимися в стены между абсидами. По бокам алтаря помещены два крохотных придела, для устройства которых пришлось сделать снаружи прямоугольные выступы, также имеющие ниши на лицевой стороне. Круглый барабан вертикально расчленен парными валиками вроде полуколонок, переходящими без капителей в декоративные арочки. Такими же валиками обрамлены небольшие окна, помещенные у самого основания купола. Убранство окон нижней части позволяет отнести церковь Абугамренц к первым постройкам, в которых мастера отошли от классической формы обрамления окна, сочетав бровку, вливающуюся здесь в общую тягу, опоясывающую церковь с полуколонками по сторонам проема.

54. Ани. План церкви Спасителя.

Восьмиабсидная церковь Спасителя была построена Абулгарибом Пахлавуни в 1036 г. и возобновлена в купольной части в XIII—XIV вв. Снаружи она имеет многогранную форму и украшена аркатурами на парных полуколонках (рис. 54, табл. 45) Треугольных ниш снаружи нет, так как при сравнительно неглубоких абсидах не было необходимости в облегчении массивов между ними. Мастер, строивший этот памятник, разрешив план по образцам VII в., в наружной отделке несомненно ока-

зался под влиянием форм Гагиковой постройки, так же как и зодчий, с неменьшим мастерством спроектировавший превосходную башнеобразную церковь в монастыре Хцконке, живописно расположенном в одном из суровых ущелий неподалеку от Ани (табл. 47). По свидетельству Самуила Анийского, этот монастырь был обстроен честолюбивым Вестом Саркисом в 1029 г. Церковь, о которой мы говорим, внутри в плане представляет крест, образованный четырьмя абсидами, примыкающими к подкупольной квадратной части; между рукавами этого креста размещены четыре тесных придела, и весь комплекс помещений оконтурен снаружи многогранником. Подобно церкви Спасителя она украшена полуколонками с переброшенными между ними арками. На капителях колонок идут в ряд бляшки, получающие в это время распространение, возможно под влиянием капителей в храме Гагика. Мотив этот можно видеть на церквах в Анберде (табл. 49), Мармашене, Кечаруке и в других постройках, не исключая и анийского собора. Так же, как в Анберде и Мармашене, купол церкви в Хцконке покрыт разработанной в начале XI в. зонтичной кровлей из каменных плит, придающей постройкам чрезвычайно нарядный вид. Грани барабана заканчиваются щипцами, окаймленными довольно сложным карнизом, опирающимся у основания на одну, две или пучок колонок; плиты каждой двускатной секции уложены между каменными гуртами, идущими от верха и основания

щипца к навершию „зонта", несшему в свое время крест. Возможно, что авторами этой тонко задуманной и блестяще осуществленной формы были зодчие, работавшие у князя Вахрама Пахлавуни, строителя анбердской церкви и мармашенской обители. Надо думать, что и купол анийской церкви Спасителя до замены новым имел такой же нарядный вид.

За новыми стенами, в пригороде Ани стоит, словно стройная башенка, небольшая церковь, известная под названием Пастушьей. Она сильно пострадала от времени и рук хищников, выламывавших большую часть прекрасно обработанной облицовки. Купол, некогда покрытый островерхой кровлей, свалился. Несмотря на разрушения, Т. Тораманяну удалось дать реконструкцию этого несколько вычурного, но изящного по контурам памятника. Церковка состоит из трех ярусов, уменьшающихся по мере подъема в поперечнике. Нижний, многогранный ярус изрезан следующими одна за другой нишами, в которых игра света и тени создает живописное чередование красочных пятен. Он заключает в себе помещение первого этажа, в плане имеющее вид шестилучевой звезды. Шесть арок, опирающихся одним концом на внутренние углы стен, сходятся в висячей опоре в центре перекрытия. Собранные в пучки полуколонки отвечают стремлению всей композиции вверх и помогают автору убедить зрителя в том, что помещение имеет бо́льшую чем в действительности высоту. Второй этаж, заключенный в двух верхних ярусах, пред-

ставляет многогранную часовенку, увенчанную куполом с круглым барабаном, вырастающим из зубцов зонтичной кровли средней части постройки.

К северо-западу от собора, за разрушенной мечетью Абу-л-Маамрана, минарет которой по высоте превосходил минарет при мечети Мануче, стоят развалины одной из виднейших построек города багратидского времени—большой церкви Апостолов, обстроенной в XII—XIII вв. притворами (табл. 42). Это—пока единственная известная в армянском церковном зодчестве бесспорно пятиглавая постройка.

Четыре абсиды образуют в плане крест, крылья которого примыкают друг к другу; он несколько вытянут с запада на восток, так как перед западной и восточной абсидами расположены прямоугольные площадки. Арки, опиравшиеся на внутренние углы этого креста, вместе с парусами поддерживали несуществующий ныне купол. Между крыльями в углах здания помещены четыре придела, из которых каждый представляет миниатюрную купольную церковку. Весь комплекс из пяти церквей заключен в прямоугольный наружный контур, прерываемый треугольными нишами между абсидами и приделами. Основной массив, судя по остаткам стен и карнизов, возвышался над угловымн частями, образуя крестообразный верх церкви с двускатными кровлями, куполом в центре и щипцами на фасадах. Из-за разрушений трудно сказать, каковы были кровли над углами, но несомненно, что все че-

тыре церковки имели купола. Они представляли из себя небольшие „купольные залы", в которых купол, помещенный перед самым алтарем, поддерживался арками и парусами, основанными на двух пилонах у продольных стен и углах абсиды. В юго-восточной церковке (табл. 42) отчетливо видны арки, парус и часть карниза, идущего по кругу, над которым был возведен барабан. В восточные приделы входы вели из южной и северной абсид главной церкви, в западные – из западной абсиды, через циркульные ниши в северной и южной стенах приделов. По бокам главной алтарной абсиды в толще стен были скрыты две крохотные часовенки, соединенные дверьми с восточными угловыми помещениями.

Снаружи стены были вертикально расчленены полуколонками, соединенными арками, с шаровидными базами и капителями. В орнаментации, как и на других постройках X--XI вв., наблюдается некоторый архаизм: так обрамления южной и северной дверей украшены превосходно исполненными акантами. Необычна отделка конусообразной кровли купола, обычно оставлявшейся без украшений. На ней были вырезаны рельефные виноградные грозди и гранаты, свешивавшиеся на длинных стеблях от вершины.

Церковь Апостолов, судя по надписям, была связана с родом Пахлавуниев, из которого происходили анийские архиепископы, и играла заметную роль в жизни города; возможно, что она некоторое время служила патриаршей церковью. Точная дата ее неизвестна. Наиболее

ранняя надпись на уцелевших стенах относится к 1031 г. и сообщает лишь о вкладе, сделанном Абугамром, сыном Вахрама Пахлавуни. Прямых свидетельств о построении церкви Апостолов нет и у древних историков, и даже правдивый Степан Таронский, точно, с подробностями перечисляющий выдающиеся постройки, возведенные как в Ани, так и за его пределами, тоже не сообщает о сооружении этого редкого по своим формам и безусловно достойного упоминания наряду с собором и храмом Гагика памятника. Оставляя пока в стороне вопрос о причинах молчания историка, посмотрим, могла ли церковь Апостолов быть построена ранее начала XI в. При Ашоте Милостивом новая часть города, где находится церковь, еще не была защищена стенами, и потому трудно предположить, чтобы здесь на открытом месте было предпринято такое крупное строительство; ведь не случайно, например, основание анийского собора совпало с завершением постройки смбатовых стен. Кроме того нужно учесть, что при Ашоте было начато сооружение патриаршей церкви в Аргине, а как показывают приведенные выше даты, все выдающиеся церкви этого времени в Ани и его пригородах возводились в строгой последовательности одна за другой. По этой же причине представляется затруднительным отнести основание церкви Апостолов на последнее десятилетие X в., когда строился собор. В 992 г. патриарший престол занял католикос Саркис. У Вардана (Великого) есть упоминание, что „он (Саркис) по-

строил церковь в честь спутниц святой Рипсиме, близь анийского собора, куда с большим торжеством перенес мощи их и установил в этот день большой праздник". В рукописном сборнике песнопений 1690 г. помещен „Плач о городе Ани епископа Моисея", в котором имеются следующие строфы:

12. Ангелоподобный владыка Саркис, католикос, у святого Собора построил усыпальницу Рипсимии.

13. Отправился он в святой Эчмиадзин, открыл могилу Рипсимии и подруг и, взяв от святых их мощей, принес и бережно уложил под кровом.

14. Многолюдный собор он устроил там, определил большую енкению и, будучи еще жив, рукоположил владыку Петра.*

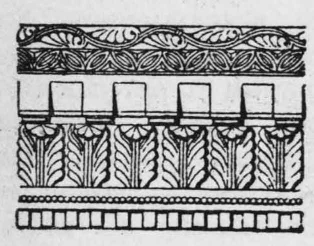
Если предположить, что эти свидетельства относятся к церкви Апостолов, то и в таком случае она все же не могла быть основана ранее 1004 г, когда Степан Таронский завершил свою Историю. Дело в том, что труд его, как он сам говорит в Послесловии, был составлен по приказанию именно католикоса Саркиса, и если бы церковь, упоминаемая Варданом, была заложена между 992 и 1004 гг., то об этом автор наверное бы сообщил, тем более что Саркису он посвящает отдельную главу. Таким образом 1004 г. может быть наиболее ранней датой основания церкви Апостолов, если, конеч-

* Армянский текст, открытый и подготовленный к изданию архим. Тирайром, с русским переводом Н. Я. Марра. Христ. Вост, том III, вып. I, стр. 3.

но, мы допустим, что католикос Саркис строил ее одновременно с грандиозным храмом Гагика. Начав же строительство после 1015 г., Саркис не мог бы его закончить до своей смерти в 1019 г., так как, при тогдашних темпах строительных работ, 4 года—срок явно недостаточный. Если церковь Апостолов начали строить после храма Гагика, то наиболее вероятным строителем ее, по нашему мнению, мог быть Вахрам Пахлавуни, располагавший для того достаточными материальными возможностями и услугами первоклассных мастеров, судя по превосходным постройкам, которые почти одновременно были возведены в Мармашене и Анберде. Вполне естественно, что прославленный военачальник мог пожелать увековечить свое имя монументальным сооружением в родной столице, где и не столь видные представители его рода возвели несколько церквей.

Предположение, что церковь Апостолов была сооружена в первой четверти XI в., находит убедительное подтверждение в убранстве ее дверей, которое разработано так же, как и в других значительных памятниках первой половины XI в., например храме Гагика и церкви в Мармашене; сходный наряд кроме того видим в небольшой церкви XI в. в анийском Вышгороде. Дверной проем обрамлен широким ступенчатым наличником, увенчанным богато убранным сандриком. В нижней его части идут узкая полоска с сухариками и поясок с бусинами, а выше ряд „акантовых" пальмет, над которым из скошенного венчающего карниза выступают довольно крупные зубцы,

сливающиеся наверху с широкой полкой, украшенной ланцетками и волнообразной арабеской (рис. 55). Убранство этой двери особенно близко к обрамлению западной двери большой церкви в Мармашене, законченной постройкой, согласно надписи, в 1029 г. (табл. 48). Там нет только нижнего ряда сухариков и бусин и орнамента на верхней полке.

55. Ани. Сандрик над дверью ц. Апостолов.

Гражданские постройки багратидского времени в Ани были открыты при больших раскопках 1907—8 гг., произведенных Н. Я. Марром в анийской цитадели, известной под названием Вышгорода.

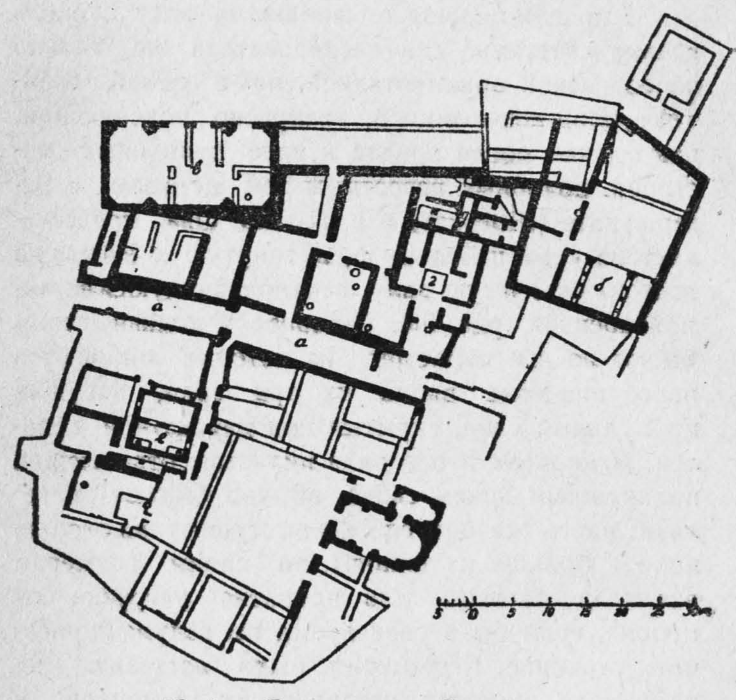
Холм, на котором расположен Вышгород, имел естественную защиту и потому не было надобности в стенах над Ахуряном и Цветниковым ущельем; со стороны же города еще при Камсараканах были возведены укрепления из громадных грубо обработанных блоков, скрепленных железными скобами; часть этой древнейшей стены (V в.), местами переложенной, обнаружена при раскопках со стороны Цветникового ущелья. Вершину холма занимал царский дворец, в котором обитали члены багратидской династии, а после ее падения сидевшие в Ани правители. Дворцовые постройки имеют ряд наслоений, которые не поддаются точной датировке. Даже

вопрос о времени построения базиличной Дворцовой церкви, относящейся несомненно к добагратидскому периоду и сохранившей в своей орнаментации очень древние черты, вызывал первоначально различные сомнения.

Эта простенькая по внешнему виду церковь весьма интересна для исследователя не только своеобразной орнаментацией, но и самой архитектурной композицией, прекрасно поясняющей, как зодчие могли придти к идее купольных построек, подобных известным нам церквам в Вагаршапате (Шогакат) и в Пигни. Она представляет из себя небольшую, вытянутую с запада на восток, сводчатую залу, заканчивающуюся алтарной абсидой (рис. 56). Северная и южная стены имеют по две пилястры, на которые опираются переброшенные вдоль их три арки, несущие циркульный свод, скрытый под двускатной кровлей. В церквах этого вида пилястры, отвечающие подпружным аркам свода, обычно бывают невелики; здесь же они сильно выступают из стен и, походя больше на пилоны, по своим размерам вполне достаточны для принятия нагрузки от купола, если бы в свое время им вздумали увенчать строение. Его можно было поставить, не производя никаких органических изменений в схеме постройки; достаточно было только раздвинуть пилястры с таким расчетом, чтобы в средней части получился квадрат, как это сделано в ранних „купольных залах".

Во дворец попадали через вход со стороны Цветникового ущелья, за которым шел длинный

коррилор (а), деливший здание на две части (рис. 56). Все помещения были скрыты под толстым слоем земли и только после очистки от нее представилось возможным составить известное представление о первоначальном виде покоев,

56. Ани. План дворца в Вышгороде.
а—Коррилор. б—Базиличный зал· в—Северо-западный зал. г—Крестовый зал. д—Баня. е—Цистерна.

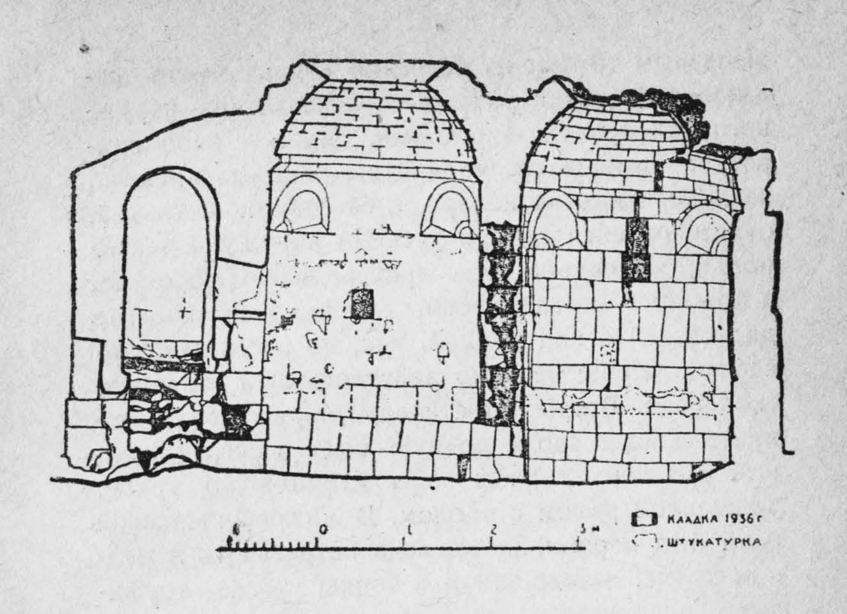
погибших от большого пожара. К северу от коридора комнаты располагались частью в один, частью в два этажа, причем второй этаж зани-

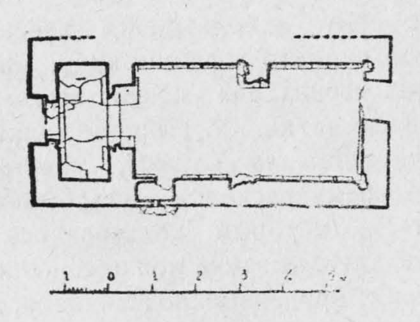
мали парадные залы. Один из них, восточный— базиличной формы (б); он разделялся на три нефа деревянными столбами с деревянными же арками между ними и был богато украшен резьбой и росписью на дереве, росписью по штукатурке и гипсовыми украшениями, покрытыми частично позолотой. Следующий, северо-восточный зал свалился вниз в сторону города, но раскопки в помещении нижнего этажа дали большое количество гипсовых плиток, из которых вероятно составлялись украшения погибшего покоя; Н. Я. Марр оба помещения относил ко времени Багратидов. Однако некоторые литые гипсовые украшения, как, например, с изображением звериного гона, к этому времени относить нельзя; они появились на стенах дворца не ранее второй половины XIII в., когда его новые хозяева произвели очередное возобновление, пользуясь услугами оборотистых предпринимателей, предлагавших заказчику все самое модное и, главное, по сходной цене. Северо-западный зал (в), от которого сохранился угол стены с началом арки (табл. 46), отличался строгой простотой; в нем не было ни росписи, ни лепки; стены, пилястры, арки—все было сложено из чисто тесаного камня, не покрытого никакими украшениями. Только этот зал, да коридор за главным входом и имели чистую каменную облицовку; все остальные помещения строились с расчетом на штукатурку и ткани и потому теперь их стены обращают на себя внимание грубостью кладки. Здесь же, как исключение, было применено сводчатое покрытие; все остальные

покои были покрыты плоско, по деревянным балкам, от которых кое-где сохранились небольшие обгоревшие куски.

В одноэтажной части северной половины дворца, рядом с базиличным залом, был расположен крестообразный в плане зал (г) с небольшими возвышениями для сидения в крыльях, окруженный комнатами-службами; тут же находилась и дворцовая баня (д), в которой сохранились чрезвычайно характерные детали, позволяющие разобраться в устройстве этих сооружений. Так же, как и другая—находящаяся на территории анбердского замка и построенная, возможно, по образцу анийской, дворцовая баня имела обогреваемый снизу пол, для чего горячий дым из топки, согревавшей воду в котле, пропускался в подполье, в котором стояли столбики, поддерживавшие плиты пола. В стены были заделаны глиняные трубы для разводки холодной и горячей воды; под полом шла более толстая труба для грязной воды; по такой же трубе подводилась и чистая вода. Стены были оштукатурены и раскрашены. Каменный сводчатый потолок не сохранился, так же как и верхние части стен.

Несколько позднее построенная баня в Анберде сохранилась лучше. Она состояла из двух комнаток, увенчанных куполами без барабанов на тромпах со световым отверстием наверху (рис. 57, табл. 50). Каменные плиты пола были уложены на выступы стен и каменные столбики; горячий дым из топки поступал в подполье, обогревал пол, а затем и стены, уходя наружу по

57. Анберд. План и продольный разрез бани.

дымоходам из глиняных труб, заделанных в кладку в углах (рис. 57). В стене второй комнатки была устроена ниша с водоемом, куда по

железным трубам из бассейна для подогрева подавалась горячая вода, а из ответвления наружного водопровода—холодная. Рядом с этой комнаткой помещалась сводчатая, оштукатуренная, наглухо закрытая камера с бассейном и топкой, открывавшейся своими устьями наружу и в подполье; согревание воды производилось, вероятно, с помощью металлического листа, заделанного в дно бассейна над топкой, как, по рассказам, это сделано в еще недавно действовавшей ахалцихской бане. Второе ответвление наружного водопровода подавало холодную воду в нагревательный бассейн. Сточные воды уходили по трубе, уложенной рядом с входом. В жизни анбердской бани был период, когда вода нагревалась в медном котле, помещенном в топке; тогда то, видимо, и пришлось пробить в стене отверстие, прорезавшее арку находившейся здесь ниши, через которое черпали горячую воду. На стенах видны остатки нескольких слоев штукатурки с росписью в виде сетки. Со стороны топки к бане примыкала двухэтажная служба, уничтоженная пожаром. Во время раскопок здесь был обнаружен инвентарь, которым пользовались много веков назад владетели замка при посещении своей дворцовой бани: бронзовые подсвечники, курильницы, ступки для растирания различных косметических снадобий, употреблявшихся при мытье.

Сравнение помещения в восточной части патриаршего дворца при Звартноце, где также имеются заделанные в стены гончарные дымоходы и топочный проем, с только что описанными

постройками в Ани и Анберде, подтверждает предположение, что и в Нерсесовом дворце имеем дело с баней, в которой уже в VII в. был применен способ обогревания пола и стен горячим дымом из топки.

В Ани было обнаружено несколько систем гончарных водопроводов, отличавшихся друг от друга как формой труб, так и способом укладки их в грунт. Здесь были трубы обычного вида (рис. 3), которые можно встретить в любом древнем поселении, имевшем водопровод, бочковидные с тремя глиняными обручами—в линии перед гостиницей, овальные приплюснутые—у церкви Апостолов. Трубы составлялись из отдельных звеньев, входивших одно в раструб другого, и укладывались либо просто в землю, либо в канавку, укрепленную каменными плитами. Около церкви Апостолов труба шла по хорошо вытесанному каменному желобу, рядом с которым была устроена обложенная камнем подземная „галерея", достаточная по размерам для проползания человека. Вода доставлялась из-за города: одна из анийских линий протяжением около 13 км шла от родника в селении Согутлю. Для запаса воды на случай осады в анийском Вышгороде было выложено из кирпича двойное сводчатое водохранилище, находившееся под большим залом в южной части дворца; стены и пол его были оштукатурены известковой штукатуркой; между сводом и полом зала шли две водопроводные трубы—железная и глиняная. Имелись и подзем-

ные ходы, по которым было можно спуститься к рекам. Один из них, сохранившийся почти наполовину в нижней части, выходившей в Цветниковое ущелье, представлял довольно широкий туннель, круто подымавшийся под землей в город.

Говоря о благоустройстве городов и селений, необходимо отметить, что в таких центрах, как Ани, главные улицы и площади имели мостовые из каменных плит или хорошо утрамбованного щебня, устроенные по типу шоссе; для предотвращения порчи углов зданий на перекрестках, как показали анийские раскопки, к ним прислонялись массивные каменные тумбы, на которых кое-где видны следы, оставленные осями проезжавших здесь некогда повозок.

Княжеские поместья, монастыри, селения

В строительстве не отставали от столицы и владения виднейших княжеских родов, где к работам привлекались также лучшие архитекторы своего времени. Примером могут служить церкви, сооруженные Вахрамом Пахлавуни в Мармашене (ныне сел. Ганлиджа) и Анберде. Первая имеет пространную надпись на южной стене, из которой видно, что мармашенская обитель (не церковь) была основана в 988 г. и закончена строительством в 1029 г. Трудно предположить, чтобы постройка только одной церкви тянулась 41 год, в то время как на более значительные сооружения, как анийский собор и храм Гагика, понадобилось 12 и 15 лет. Вероятно сначала бы-

ла построена малая северная церковь, которая по плану, формам и убранству не отличается от большой и могла послужить образцом при дальнейшем расширении обители. Ее вполне могли построить за 6 лет и закончить в 994 г., как сообщает Самуил Анийский. Большую же церковь Вахрам Пахлавуни вероятно строил одновременно с анбердской и закончил в 1029 г., сообщив об этом в начертанной на ней надписи. Время построения (окончания) церкви в Анберде в надписи над северной дверью помечено 1026 годом. Сравнение деталей убранства (капители колонок, карнизы), формы и отделки куполов, на которых, возможно, впервые в Армении появляются зонтичные кровли, позволяет с большой уверенностью полагать, что обе они — дело рук одного мастера, придворного архитектора прославленного военачальника. Находятся они в разных природных условиях. Мармашенский монастырь расположен на террасе в долине реки, ниже основного плато; в свое время он несомненно был окружен садами, с ажуром которых так хорошо должен был гармонировать изысканный рисунок украшенных полуколонками, арками и нишами стен (табл. 48). Анбердская церковь вырастает из сурового утеса и здесь не к месту дробление стен тонкими деталями; автор ограничился лишь тем, что оживил гладь стен обрамлением южной двери, выполненным в крупных формах (табл. 49). В полном соответствии с размерами церкви и ее положением он и в обработке купола оказался скупее: вместо пучка

из трех колонок, ограничивающего грани барабана в Мармашене (и Хцконке), он ставит здесь только по две колонки. В этих памятниках все продумано, все взвешено и говорит о художественном чутье зодчего, проявившего и в разработке их планов, как будет показано дальше, большое мастерство.

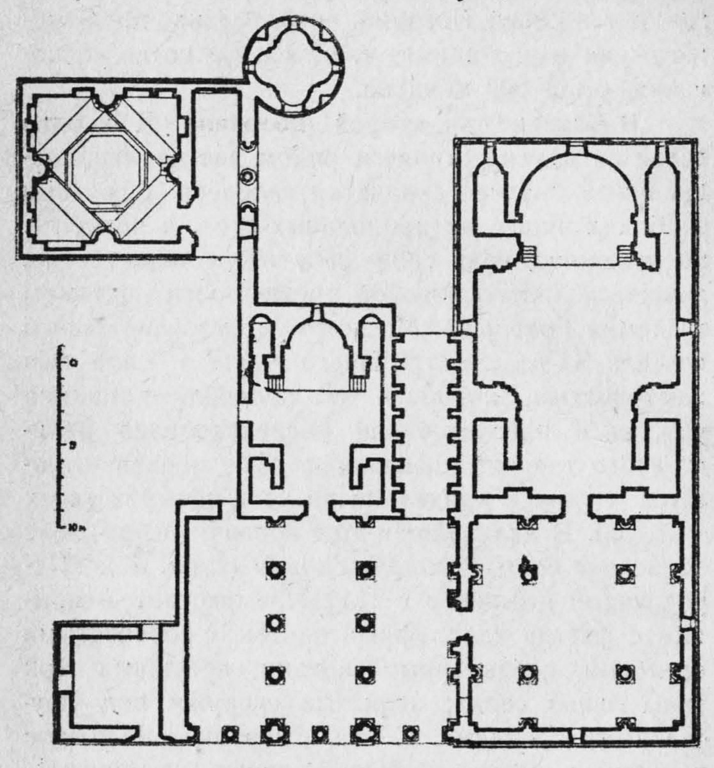
Общее оживление в стране, последовавшее за освобождением от иноземной зависимости, не могло не сказаться и на жизни армянской церкви. Начинается формирование крупных, хозяйственно сильных монастырей-феодалов, к которым переходят обширные земельные владения и различные предприятия. Значительное число селений мало-по-малу оказывается в зависимости от них, что еще более укрепляет их экономику и влияние. Монашество численно растет, выделяя из своей среды на протяжении X—XIV вв. способных, известных своей образованностью историков, философов, писателей и проповедников. Начав в багратидское время усиленно обстраиваться, монастыри к концу XIII в. вырастают в сложные архитектурные комплексы, в составе которых, кроме церквей и просторных притворов при них, можно встретить трапезные, библиотеки, колокольни и даже гостиницы. Нередко вновь создаваемый монастырь вел строительство при стоявшей в этом месте древней церкви.

Прибывшие в X в. из Византии армянские монахи основывают на Ахуряне неподалеку от Ани монастырь Оромос (Хошаванк) и севернее,

на высоком плато правого берега р. Дебеда—знаменитый Санаинский монастырь. В том же веке по соседству с Санаином создается не менее известный монастырь в Ахпате. Степан Таронский говорит в своей Истории, что в этих двух монастырях в его время, т. е. вскоре после основания, было 500 монахов.

В Санаине во второй половине X в. одна вслед за другой строятся рядом две церкви, соединенные позднее сводчатой галереей с рядами глубоких ниш у их продольных стен, в которых, по преданию, вели свои занятия совершенствовавшиеся в богословской премудрости питомцы академии Григория Магистра, образованнейшего деятеля XI в., запятнавшего однако свое имя жестокостью, которую он проявил, принимая участие в преследовании последователей религиозного течения павликиан. Обе церкви относятся к типу с приделами во всех четырех углах (рис. 58). В дальнейшем этот первичный комплекс обрастает новыми сооружениями (табл. 52). Перед малой церковью в 1211 г. вырастает открытый с фасада трехнефный нартекс с коренастыми столбами, соединенными арками, несущими три продольных свода, скрытых снаружи под двускатными кровлями. С юга к нартексу вплотную примыкает притвор большой церкви—прямоугольное здание с четырьмя великолепно разработанными стройными колоннами—опорами сводчатого перекрытия с куполом в центре (табл. 53), вершина которого срезана и представляет окно, как в сельском доме. Подобные постройки, среди

которых санаинская, возведенная в 1181 г., является одной из ранних, получили повсеместное распространение в Армении в XIII в., и с ними мы подробно познакомимся в очерке, посвященном

58. Санаин. План монастыря.

архитектуре XII—XIV вв. Несколько поодаль стоит круглая церковь, имеющая внутри четырехабсидный крестообразный план, и библиотека. Церковь—тоже багратидского времени—перестро-

ена, так как новым карнизом срезаны вершины арок между полуколонками, украшающими ее стену, как в Хцконке. Библиотека—квадратная в плане, небольшая зала со сводчатым покрытием, основанным на четырех арках, переброшенных между выступающими из середины стен сложными пилястрами, слишком щедро изукрашенными прекрасной самой по себе резьбой. При монастыре была гостиница, о существовании которой узнаем из надписи на одном из крестных камней. Над главами монастырских построек и кущами тенистых деревьев господствует ротонда башнеобразной колокольни, пристроенной в XIII в. к северо-западному углу нартекса.

Ахпатский монастырь не так собран в единый архитектурный массив. Постройки, группирующиеся около главной церкви, не примыкают вплотную друг к другу, а соединены различными переходами и галереями; некоторые—церкви, колокольня, трапезная стоят совсем отдельно (табл. 54). Главная церковь, построенная в X в., представляет из себя обычную „купольную залу" значительных размеров. Внутри ее кое-где сохранились остатки росписи на двух слоях штукатурки, покрывавшей чисто тесаную облицовку стен, что показывает, что монастырь довольно продолжительное время был в руках халкидонитов. На южной стене особый интерес представляет редчайший фресковый портрет в рост светского лица, парона Хутлу-буги, отец которого амир-спасалар (генералиссимус) парон Садун сделал много для Ахпата, где ему еще при жизни

в 1273 г. был поставлен великолепный крестный камень „в долгоденствие". Остальные наиболее крупные постройки Ахпата относятся уже к XIII веку. С запада к церкви примыкает большой притвор, нарядные узорчатые своды и купол которого основаны на перекрещивающихся арках, опирающихся кроме стен на две превосходные колонны. С севера стоят небольшая церковь и здание Амазаспа, связанное с главной церковью крытым переходом, ведущим со двора в другие помещения. Назначение этого здания не совсем ясно. Его мастерски разработанный интерьер (табл. 55) ни по общему виду, ни по деталям не отличается от четырехколонных притворов XIII в., которые никогда не выполняли функций церквей и обычно не стояли отдельно, а пристраивались к ним; здесь же с востока в него открывается лишь небольшая часовня, производящяя впечатление алтаря. Наиболее правдоподобным будет предположение, что эта пристройка предназначалась для молебствий, сопровождавших какие-то собрания, которые происходили в основном помещении. Через проход между зданием Амазаспа и церковью, скрывающий небольшую часовенку и скульптурно исполненный крестный камень с распятием, а также по галерее, идущей вдоль восточной стены церкви, можно попасть в сравнительно небольшое квадратное помещение со сводчатым перекрытием на перекрещивающихся арках, переброшенных между выступающими из стен пилястрами, освещаемое через отверстие в центральном шатре с гранямн из целых плит.

Сведений о его назначении не имеется, но вероятно, что здесь, как и в Санаине, помещалось монастырское книгохранилище. К северу за зданием Амазаспа одиноко стоит просторная трапезная XIII в. Она невзрачна снаружи,—кровля, лишенная каменного покрова, поросла бурьяном и только войдя вовнутрь можно оценить ее архитектурные достоинства и большое мастерство строителя, обратившего все свое внимание, в соответствии со вкусами времени, на разработку интерьера. Она состоит из двух больших зал, соединенных проходами между колоннами, поддерживающими внутреннюю поперечную стену. Каждая из зал самостоятельно перекрыта сводами на двух парах перекрещивающихся арок, опертых на пилястры стен и колонны, и завершается в центре куполом со световым отверстием в вершине. Из остальных монастырских построек нужно отметить стройную колокольню (табл. 54) и портик с водоемом (табл. 90), описание которых читатель найдет в конце книги. Таким образом в этих монастырях от X в. до нас дошли лишь церкви. Остальные монастырские постройки относятся к более позднему времени—XII или XIII вв. Такое же положение можно наблюдать и в других многочисленных обителях Армении, описание которых заполнило бы целую книгу.

В живописной лесистой долине справа от Занги, между Ереваном и озером Севан расположено сел. Цахкадзор (Дарачичаг)—излюбленное место отдыха и загородных прогулок ереванцев в летний зной. У его северо-западной окраины на

небольшой террасе над ручьем стоят вряд три церкви древнего монастыря Кечарук (табл. 57), а несколько поодаль от них небольшая одинокая церковка Воскресения с открытым притвором. Первой была построена самая большая церковь Просветителя, крайняя от ручья. На тимпане южной двери вырезана хорошо сохранившаяся строительская надпись Григория Магистра с датой 1033 г. (482 г. арм. эры), вызывающей сомнения в ее правильности. Дело в том, что в надписи сообщается, что церковь построена в царствование Гагика и патриаршество Саркиса, из которых первый умер в 1020 г., а второй—в 1019 г. Следовательно, для приведения в соответствие даты с временем, когда жили оба названные лица, приходится предположить, что в начертание букв, означающих цифры, вкралась какая то ошибка, и сооружение церкви отнести к первой четверти XI в., не позднее 1020 г. Церковь Просветителя представляет из себя просторную сводчатую залу, увенчанную куполом, с алтарной абсидой, по бокам которой помещены, как обычно, приделы в двух этажах. Объемистый купол покоился на двух сильно выступающих из продольных стен пилонах и соответственно обработанных углах алтарной части. Соотношение пролета сводов и высоты сооружения придает в общем хорошо разработанному интерьеру несколько развалистый, недостаточно стройный вид, что особенно чувствуется из-за отсутствия в настоящее время купола, от которого сохранилась лишь незначительная часть круглого барабана. Архитектора можно

также упрекнуть в нагромождении лишних обломов в капителях, особенно в западной части, и неудачном подчеркивании свисающих подпружных арок, вследствие чего продольные своды кажутся затиснутыми в узкие щели между ними. Наружное убранство весьма скромно. Порталы входов состоят из сильно выступающих пучков колонок, между которыми переброшены арки; капители украшены бляшками, как на анийском соборе и постройках Вахрама Пахлавуни. Резной орнамент имеется лишь на фризе, опоясывающем барабан купола, и архивольтах над глубокими нишами восточной стены, куда по древнему образцу открываются боковые алтарные окна.

С запада к церкви пристроен большой притвор, своды которого поддерживаются четырьмя колоннами, как в Санаине. Судя по тому, что центральная часть покрыта восьмигранным сомкнутым сводом с окном в вершине, а остальные своды имеют простую цилиндрическую форму, этот притвор, не имеющий документально установленной даты, нужно причислить к памятникам конца двенадцатого-начала тринадцатого столетий, когда еще не получили широкого распространения сталактитовые своды. Такой датировке не противоречит строгая форма превосходно разработанного и выполненного портала единственной западной двери (рис. 66).

К югу от церкви Просветителя за несколькими крестными камнями, перед которыми видны остатки каких-то построек, стоит миниатюрная церковка Сурб Ншан, построенная также в пер-

вой половине XI в., что устанавливается по отделке западной двери, сходной с убранством двери церкви Григория Магистра. Она имеет один неф с двумя пилонами у стен и увенчана куполом с высоким круглым барабаном, своеобразно разбитым на шесть частей парными полуколонками.

От малой церкви узким проходом отделена церковь, называемая в надписи соборной. У нее нет точной даты, но характер убранства стен, состоящего из декоративных ниш, арочек и подымающихся ступенями тяг, позволяет уже по внешнему виду считать ее постройкой XII—XIII вв. По своему крестообразному плану с приделами во всех четырех углах церковь сходна с анберд-ской, только здесь в западные приделы второго этажа можно подняться по каменным консольным лестницам, чего нет в Анберде. Она весьма стройна, хорошо отделана и, даже лишенная ныне купола, приковывает к себе внимание многочисленных посетителей Цахкадзора.

Церковка Воскресения находится у опушки леса в стороне от основных монастырских построек. Из надписи видно, что она сооружена в 1220 г. Несколько позднее к церкви был пристроен небольшой притвор без купола. В нем нет наружной двери; вместо нее в западной стене устроены два прохода, разделенные колонной, поддерживающей арки, что придает фасаду весьма нарядный вид.

На высоте 1915 м из лазоревых вод красы Армении—озера Севана выступает небольшой

скалистый остров, на котором уже в IX в. существовал монастырь, что видно из строительской надписи 874 г. и свидетельств древних авторов.* В настоящее время стоят только две церкви IX в., а третья у вершины острова, построенная позднее, разрушена до основания и в зарослях с трудом прослеживается лишь ее план.** Сохранившиеся церкви сходны между собой и имеют план в виде „свободного" креста с тремя абсидами и прямоугольным западным крылом (табл. 51). Первой была, вероятно, построена малая церковь, так как в ней наблюдаются еще черты, характерные для памятников до-арабского времени, как например, конические паруса под куполом, которые в восточных областях страны удержались до IX—X вв. Большая церковь отличается от малой характером кладки стен, выполненной из чисто тесаных и хорошо пригнанных в швах камней. Кроме того в ней тромпы под куполом заменены парусами.

В горах к северу от Дилижана на изумрудной поляне, затерянной среди лесов, тесно прижавшись друг к другу, стоят монастырские здания Агарцина (табл. 56). Почти все они возведены в XII—XIII вв. Большая церковь Богородицы, согласно надписи над южной дверью, сооружена в 1281, а не в 1071 г., как до сих пор считали.***

---

* Л. Меликсет-Беков. Новооткрытая надпись на Севане от 874 г. Сборник памяти академика Н. Я. Марра.

** Н. Токарский. Предварительный отчет, стр. 335 и сл.

*** Исторические памятники Дилижанского района Армянской ССР. Ереван. 1937, стр. 27.

В левом углу ее дверного портала вырезано Ի ՉԼ, в правом—ԹՎ ՇԻ. Последним двум буквам и придавалось цифровое значение—520 (арм. эры), хотя на самом деле ясно читается *ի ՉԼ թվին շինեցաւ* (в лето 730 построено). Такую дату подтверждает побудивший нас заняться надписью характер убранства: сталактитовые сводики наружных ниш, обрамление и арка прямоугольного портала, составленные из нависающих подобно сталактитам рядов трилистников, фигурные, крестообразного вида наличники окон. Просторная, смело перекрытая сводами на перекрещивающихся арках трапезная построена в 1248 г. Несколькими десятками лет ранее появился четырехстолпный притвор при небольшой церкви, формы которой (восьмигранный барабан купола и пр.) дают основание полагать, что этот уединенный монастырь, в начале скромный по своим размерам и характеру строений, был основан задолго до падения царства Багратидов.

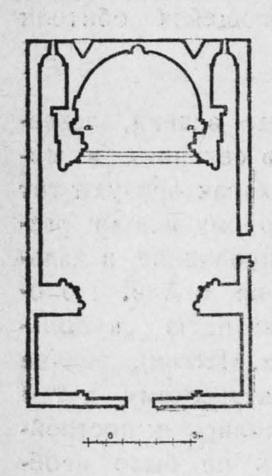
В некоторых монастырях первоначальные постройки разрушились и от них не осталось и следа. Только в древних источниках, и то не всегда, можно найти указания, что они существовали уже в багратидское время. Таковы, например, суровый Татев в скалах Зангезура и незабываемый полуподземный Гегард (Айриванк) в верховьях реки Азат около Гарни, в настоящее время представляющий архитектурный комплекс XIII в. Между тем есть свидетельство историка IX—X вв. католикоса Иоанна, из которого видно, что в его время мужественной братии Гегарда

пришлось претерпеть жестокие испытания при разгроме монастыря двинскими эмирами. В дальнейшем мы подробнее ознакомимся с замечательными сооруженями этой выдающейся обители древней Армении.

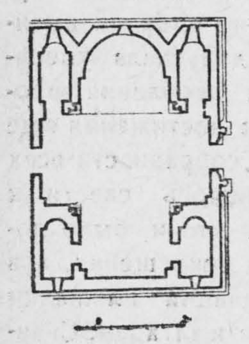
Многочисленные церковные здания, возведенные в багратидское время в селениях и монастырях Армении, прекрасно характеризуют тот прямой и ясный путь, по которому пошло развитие церковного зодчества в провинции, в дальнейшем не оставившее в стороне и Ани. Положив в основу новой композиции идею „купольной залы", восходящую к VII в. (Птгни), зодчие должны были приспособить эту схему к тем требованиям, которые предъявлялись к постройкам в рядовых селениях. Здесь не было необходимости в больших сооружениях и потому повсюду можно видеть сокращение размеров церквей (за исключением некоторых монастырских построек). Возможно, зодчие выбрали именно эту схему потому, что она допускала уменьшение размеров без опасности дробления пространства на мелкие части. Для достижения еще большего внутреннего единства, собранности всех элементов, архитекторам пришлось свести к минимуму внутреннее членение, что и было достигнуто в результате сначала сокращения, а в конце концов и полной ликвидации площадки между восточной парой пилонов и алтарем. Сравняв при этом размеры западной и восточной

(алтарной) частей, строители получили совершенно симметричные боковые фасады, на которых щипцы и купол располагались посредине.

Если сопоставить, например, планы церквей в Птгни и Мармашене, то сразу можно заметить, что в Мармашене восточная предалтарная часть доведена уже до размеров узких (50—60 см) проходов к дверям приделов. Дальнейшая трансформация плана приводит к тому, что восточные пилоны соединяются с абсидой, обращаясь в стенки, отделяющие приделы от помещения для молящихся (рис. 60). Строению западных пилонов в этом случае отвечает соответственная обработка углов абсиды. В церквах без восточных пилонов приделы начинают устраивать в двух этажах, с выходами из верхних помещений в алтарь.

59. Быджни. План церкви.

60. Амберд. План церкви.

Очень интересен, как промежуточный, план церкви Аствацацин в Быджни (рис. 59); здесь сечение всех пилонов одинаково; восточная пара наглухо соединена стенкой с

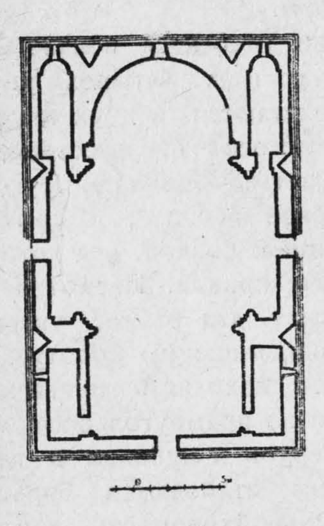
абсидой, но как воспоминание о проходах к приделам, сразу же за пилонами помещены две узкие, неглубокие, но очень высокие ниши (а). Для сообщения храма с приделами в толще пилонов пробиты корридоры.

К тому же времени относится появление и церквей с приделами во всех четырех углах, которые также располагаются в двух этажах. Схема эта весьма проста: основное пространство имеет в плане форму креста с тремя прямоугольными рукавами и алтарной абсидой, покрытого цилиндрическими сводами и конхой, над которыми возведены двускатные кровли. Несмотря на то, что приделы занимают два этажа, угловые части имеют, как обычно, меньшую высоту и наружный вид продолжает сохранять привычную форму с выступающими из прямоугольного массива крестообразным верхом и куполом в центре. Церкви этого типа отличаются большей стройностью, так как необходимость придать приделам достаточную ширину приводит к соответственному сокращению ширины рукавов основной части и уменьшению поперечника барабана. Превосходным образцом подобных построек может служить замковая церковь в Анберде, построенная в 1026 г. (рис. 60).

Расположение входов в восточные приделы сохраняется то же самое: в нижние—из боковых крыльев, в верхние—из алтаря; в западные приделы двери ведут из западного крыла, причем для подъема во второй этаж в некоторых па-

мятниках бывают устроены легкие консольные лестницы из фигурных каменных ступеней.

В некоторых случаях (наприм. церковь 1217 г. в Ованнаванке, рис. 61) постройки с приделами во всех четырех углах можно рассматривать как усложненный вариант „купольной залы“, в котором для получения западных приделов возведены стенки между пилонами и западной стеной церкви. В Ованнаванке на плане в дверных проемах видны даже пилястры западной стены, которые при отсутствии приделов должны были бы поддерживать арки, переброшенные к ним от пилонов. Подобную трактовку этого плана подтверждает, наконец, и соотношение пролетов главного нефа и отделенных от него стенками комнаток; оно совсем иное, чем в анбердском памятнике и продиктовано исключительно нормальными для „купольной залы“ размерами пилонов.

61. Ованнаванк. План церкви.

Характерные черты памятников архитектуры IX—XI вв.

Характерной особенностью работы армянских зодчих X—XI вв. в Ани и владениях видных феодалов, тесно связанных с жизнью столицы, является стремление преемственно возродить в освобожденной от иноземных поработителей стране во вновь возводимых постройках славные архитектурные традиции до-арабского времени. Зодчество в столице багратидской Армении развивается на основе разработанных в первые века христианства схем, как вышедших из базилики, так и центрических. Архитекторы тщательно, любовно изучают родную старину и отталкиваясь от нее продолжают развивать в своих творениях те мысли, которые из-за арабского нашествия не успели осуществить их предшественники; как уже было показано, ими была, например, завершена переработка купольной базилики в крестово-купольную форму (собор). Они—не наивно, беспомощно и подчас неудачно ищущие новички в архитектуре, как считает Г. Н. Чубинащвили,* а зрелые, вдумчивые мастера, умеющие превосходно сочетать подлинную исследовательскую работу с творческим порывом. Не только мечущийся в муках исканий, едва-едва становящийся на ноги представитель молодого архитектурного поколения, а и зрелый, опытный мастер не мог бы воссоздать в Ани Нерсесов храм без кропотливой подготовительной работы, требовавшей

* Сборник, стр. 44, 45.

незаурядных способностей и большой эрудиции. Автор анийского повторения Звартноца до приступа к постройке должен был сделать его реконструкцию после тщательного изучения и анализа развалин, сопровождавшегося, надо полагать, подробным обмером. У нас нет прямых указаний на участие Трдата в сооружении Гагикова храма, но едва ли строитель только что законченного величественного собора мог остаться в стороне от столь ответственного предприятия, начатого в том же 1001 г. Эта последовательность в возведении одной постройки за другой и дала основание пытливому Т. Тораманяну к чрезвычайно правдоподобному предположению, что Гагик ждал освобождения Трдата от забот по строительству собора. В таком случае отмеченный историей зодчий мог быть обязан приглашением для работы в Константинопольской Софии именно своей учености и реставраторскому опыту.

Говоря об авторе храма Гагика, необходимо отметить, что он не пошел по легкому пути простого копирования своего образца в Вагаршапате, а, точно выполнив основные требования необычного задания, проявил большую самостоятельность в разработке деталей, показав себя мастером с хорошим художественным вкусом.

В монастырях, известных своими прекрасными постройками, и в многочисленных селениях страны архитекторы в меру своих способностей и мастерства разрабатывали в церковном зодчестве на протяжении X—XIV вв. одну и ту

же архитектурную тему, осуществленную впервые в Птгни, Аруче и Ширакаване, выполняя наряду с новыми постройками заказы по перестройке существующих безкупольных церквей. В некоторых случаях это делалось настолько наспех, что игнорировались элементарные эстетические и конструктивные требования. Так в одной из небольших анийских церквей после перестройки ее в купольную рядом с новыми пилонами были оставлены и первоначальные пилястры, на которые опиралась подпружная арка цилиндрического свода. В Норадузе (на берегу Севана) примерно в расстоянии километра к югу от селения находится церковь Просветителя, которая также перестроена из однонефной сводчатой часовни; здесь пилоны явно более позднего происхождения, так как не связаны со стенами, а просто приложены к ним и в настоящее время грозят падением.

Перемещение алтаря непосредственно к центральной подкупольной части и соответственное укорочение западной площадки при уменьшении общих размеров коренным образом изменило первоначальный облик композиции. Центральный объем, завершенный куполом, господствует над остальными, былой простор пропадает, все сооружение как бы тянется вверх, приобретая иногда (в малых постройках) колодцеобразный характер. Создается ощущение замкнутости, ограниченности, усиливаемое к тому же царящим постоянно полумраком, который не успевает рассеять прорывающийся на короткое время одинокий солнечный луч. Здесь

и количество и размеры окон уже не те, что в Птгни и Аруче. Обычно их всего только восемь (не считая приделов),—четыре в барабане и по одному под щипцом в каждой стене; они малы, узки и похожи больше на бойницы, чем на окна. В это время во многих древних церквах большие широкие окна частью совсем закладываются, частью значительно уменьшаются кладкой в размерах. Мистический полумрак помогает держать паству в необходимом отдалении. Церковь, чувствующая под собой твердую почву, не подпускает к своим „тайнам“ непосвященных. Участь павликиан и тондракцев* ожидает всех, кто попробует проявить религиозное вольнодумство и вмешаться в ее дела.

Духовенство видимо не терпело новшеств со стороны архитекторов. Только в Ани, да немногих владениях видных княжеских родов, судя по разнообразию церковных построек, им была предоставлена свобода при разработке своих проектов. В монастырях, в провинции все церкви похожи одна на другую, точно строили их по какому-то заданному канону, от которого было нельзя отступать. И потому наряду с постройками, обладающими бесспорными художественными достоинствами, можно видеть большое количество церквей, добросовестно выполненных вероятно не архитекторами, а мастерами-практиками. После подъема, стимулированного анийским приме-

* Религиозные секты.

ром, церковное зодчество пошло по пути шаблона, неизбежно ведущему к упадку.

В наружном виде церквей обоих рассмотренных типов не происходит принципиальных изменений; только в разработке отдельных частей архитекторы отходят от древних образцов. Они окончательно отказываются от связанного с тромпами восьмигранного барабана и, увеличивая на отдельных памятниках число граней до двенадцати и даже до шестнадцати, очень скоро останавливаются на унылой круглой форме. Многогранные барабаны появляются опять только на рубеже XII—XIII вв., в условиях по-новому складывавшейся городской жизни. Уже в Ширакаване треугольные ниши расчленяли все фасады, кроме западного; в дальнейшем архитекторы охотно пользуются ими, помещая и на четвертом, западном фасаде; при этом ниши теряют глубину, утрачивают свое первоначальное конструктивное значение и обращаются в широко применяемый декоративный мотив.

В архитектурном наряде мастера обращаются также к родной старине. Но заимствуя из нее приемы убранства, они используют их поразному в зависимости от условий, в которых приходилось работать. Анийские и связанные со столицей зодчие оказываются даже щедрее своих предшественников, так как не просто переносят те или иные элементы, а создают из них различные комбинации, обогащенные собственной творческой выдумкой. Провинциальный строитель, часто мастер-практик, наоборот, в убранстве так

и застрял на заимствованной из классики бровке, которую теперь даже нельзя было украсить узором из-за крохотных размеров окон. Понадобилась жестокая коренная ломка всего уклада, связанная с появлением сельджуков, чтобы столетием позже вывести широкие круги мастеров из творческого тупика.

Энергичная династия не жалела средств на достойное украшение молодой столицы многочисленными монументальными постройками, над которыми, естественно, должны были работать лучшие мастера страны. Строгая гладь стен, характерная для классической до-арабской архитектуры Армении, могла показаться бедной для царской резиденции; свет и тень, игравшие при солнце в нишах, которыми стали прорезать стены, тоже не решали задачи. Вот тут-то возможно и помогла зодчим предпринятая царем Гагиком реконструкция Звартноца на территории Ани. Дело в том, что изучение его развалин по времени совпадало со строительством собора, на стенах которого появляются декоративные полуколонки с арками дотоле неизвестные на церквах крестово-купольного типа.

Значит вполне возможно, что этот эффектный наряд был заимствован из Звартноца, правда, без резьбы между архивольтами. Такое предположение тем более вероятно, что нижняя часть абсиды собора обработана тоже по образцу Звартноца в виде колоннады с арками, образующей в стене ряд ниш. На стенах колонки расставляются не на равных расстояниях, как в Нер-

сесовом храме, а в соответствии с общим рисунком фасада. В Мармашене, например, вся система убранства южного фасада завязывается в центральной части, выделенной нишами и завершенной щипцом; здесь колонки расставлены широко, средняя арка вздымается выше остальных, в центре всей композиции—единственное богато убранное окно (табл.48). В следующих панелях—ниши, циркульному верху которых соответствуют переброшенные между колонками архивольты; далее в обе стороны ритм членения стены остается неизменным до углов здания. Колонки и арки трактуются не как накладное украшение стены; они составляют ее неотъемлемую часть и несут на себе несколько выступающую облицовку верхней части храма. Ребра граненых барабанов отделываются также полуколонками, парными или собранными иногда в пучки (Мармашен): они как бы поддерживают массивный карниз „зонтичной" кровли купола, который на самом деле только касается капителей.

В обрамлении окон бровка сохраняет свое место, но теперь она часто появляется в комбинации с другими элементами убранства. Ее поддерживают иногда полуколонки (напр. в церкви Абугамренц, табл. 44), выступающие из стены по сторонам проема. У некоторых окон в анийском соборе она сочетается с вырезанной в облицовке орнаментированной „рамой". В большинстве случаев сама бровка резного узора не имеет и представляет из себя комбинацию тяг, прямолинейного и округлого профилей. Даже как исключение, в убранстве окон нельзя найти ни

одного из мотивов VII в., хотя бы столь популярных в свое время как арочки из трилистников или виноградный побег. Без последнего обошелся и строитель храма Гагика, вырезавший на арках стен орнамент совсем другого содержания, чем в Звартноце. В отделке центральных окон мастера часто вообще отказываются от бровки и заключают проем в прямоугольную рельефную раму, либо составленную из тяг различных профилей, либо украшенную резным орнаментом.

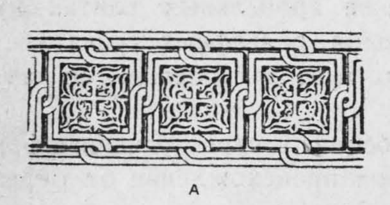
Входы чаще всего имеют вид порталов, состоящих из пучков колонок по сторонам проема и переброшенной между ними арки, под которой на тимпане из одного камня, перекрывающем дверь, часто вырезывается надпись. Архитравное перекрытие иногда занимает только внешнюю половину толщины стены, а изнутри над проемом выкладывается арка (Анберд). Кроме того дверное отверстие бывает окаймлено наличником. Базы и капители колонок у дверей, окон, на стенах и барабане обычно одинаковы по форме и состоят из прямоугольной абаки (на базе — плинта), вала, похожего на сплюснутый шар, и полочки. В первой половине XI в. в церквах Ани и окрестных селений украшение входа часто составляется из широкого прямоугольного, профилированного плоскими ступенями наличника и сложного сандрика наверху с рядами геометризованных акантовых пальмет и зубцов (храм Гагика, церковь Апостолов, крепостная церковь в Вышгороде, большая церковь в Мармашене). В анийской церкви Спасителя сандрик украшен

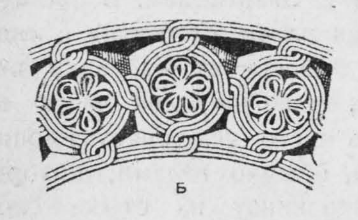
только зубцами (табл. 45). В Хцконке над энергично прорезанным ступенчатым наличником выступает сандрик с рядом арочек, внутри которых свешиваются гранаты. Это между прочим показывает, что наличие на кровельных плитах купола церкви Апостолов рельефных гранатов и винограда не препятствует датированию ее началом XI в.

Основная, наиболее распространенная форма карниза ведет свое происхождение от образцов середины VII в., которые в первой части книги мы связывали с Звартноцем. В простейшем виде это широкая плита, отесанная с лицевой стороны в двух плоскостях,—наверху вертикально, а в нижней, более широкой части наклонно. Этот профиль часто усложняется дополнительными обломами, обычно валами, которые помещают либо только внизу на стыке скоса карниза со стеной, либо и внизу и вверху у перехода наклонной плоскости карниза в вертикальную; в этом случае верхняя часть принимает вид полки. В резьбе, покрывающей на многих памятниках наклонный пояс карниза, мастера остаются верными образцам второй половины VII в., ограничиваясь повторением прямолинейного ленточного плетения корзинкой. Встречаются карнизы и более сложного профиля, составленные из валиков и полочек от основания доверху и украшенные иногда зубчиками (Анберд и др.).

В орнаментации можно отметить полный отход от сюжетов предшествующего классического периода, которые уже больше не появля-

ются на постройках. Преобладает несложное плетение, либо покрывающее геометрическим узором всю архитектурную деталь, либо образующее элементарные геометрические фигуры, свободное поле которых заполняется растительными мотивами, появляющимися иногда и самостоятельно в весьма условной трактовке, как например „каштановые" листья, явно ведущие свое происхождение от орнамента в обрамлениях круглых окон Звартноца (рис. 62). Встречаются, наконец, и сюжеты, отмеченные известным архаизмом: зубцы разных размеров, бусы, геометризованные аканты, поставленные в ряд в виде пальмет.

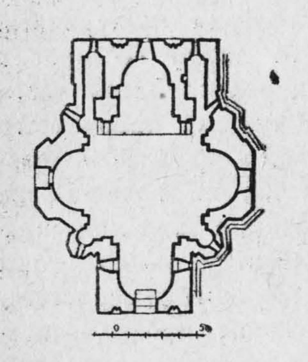
62. Схемы орнаментов X—XI вв.
А, Б, Г—Ани. В—Звартноц (VII в.)

Возрождение архитектуры в стряхнувшей с себя арабское иго стране шло, таким образом, разными путями в зависимости от условий, в которых приходилось

работать зодчим. В быстро растущей столице и находившихся в ее орбите владениях видных феодалов в церковной архитектуре наблюдается большое разнообразие типов построек и богатство в убранстве. Как не похожи друг на друга собор, церкви—Апостолов, рода Абугамренц, Шушаны Пахлавуни, храм Гагика, произведения архитектора, выполнявшего заказы Пахлавуниев в Мармашене и Анберде. Несмотря на сходство в разработке формы купола и в приемах убранства, последние две церкви показывают, что талантливый мастер при решении каждой темы боялся грубых повторений, шаблона, старательно избегал их и успевал в этом, проявляя незаурядный художественный вкус. Не то видим во многих рядовых провинциальных церквах. Здесь часто хозяйничает ремесленник, чуждый творческого порыва, боящийся исканий, весь во власти шаблона, скупой в убранстве, так не похожий на своих предшественников, которые даже скромную часовню в небольшой деревеньке умели своим талантом поднять до высот подлинного искусства. И, наконец, некоторые районы просто отстают от своего времени, хотя в них и работают даровитые зодчие, строющие не хуже своих соотечественников из соседних областей. Так, к примеру, в церквах, возведенных в конце IX в. в районе Севанского озера в селениях Алучалу, Айри-ванк, да и на самом острове, где расположен древний монастырь, был попрежнему применен тромп, повсеместно вытесненный к тому времени сферическим парусом.

Ахтамар

В другом конце армянской земли, в Васпураканском царстве, на одном из островов Ванского озера архитектор Мануэль в первой половине X в. строит по заказу царя Гагика Арцруни знаменитый Ахтамарский храм (рис. 68, табл. 58). Он обращается также к старым образцам, именно к теоретически исходному варианту крестообразного храма с внутренними нишами между абсидами, без угловых помещений. И хотя в связи с богослужебными требованиями ему пришлось по бокам алтаря спроектировать по приделу, идея крестообразности при разрешении фасадов нашла вполне четкое выражение. Выступающие между крыльями объемы, в которых заключены внутренние угловые ниши, обработаны не прямоугольно, как это было сделано, например, в мцхетской церкви Креста до пристройки угловых комнат, а в виде многогранников.*

68. Ахтамар. План церкви.

* Г. Н. Чубинашвили (Сборник, стр. 24) считает, что план Ахтамарского храма представляет упрощение типа мцхетской церкви Креста, заключающееся в откидывании угловых комнат. Выше было отмечено, что тщательное исследование архит. М. А. Чхиквадзе на месте показало, что сама-то мцхетская церковь первоначально не имела этих комнат. Значит отпадает, как лишенное основания, утвер-

Западное крыло имеет прямоугольный наружный контур, прорезанный на фасаде нишами, помещенными по бокам абсиды. Все рукава креста завершены щипцами, что привело на боковых многогранных рукавах к усложнению конфигурации кровель. Шестнадцатигранный барабан в настоящее время покрыт пирамидальной кровлей, но первоначально она имела сферическую форму, как это видно на модели в ктиторской группе на западной стене.*

Стены памятника снизу доверху покрыты вырезанными в камне рельефами. Нижний ряд, окаймленный у основания орнаментированным поясом, состоит из изображений на библейские темы, фигур животных, медальонов с изображениями святых; здесь же на западном фасаде помещена группа, включающая царя Гагика с моделью храма в руках, Христа и двух ангелов между ними. Затем идет ряд сильно выступающих голов животных. Выше храм опоясывает „виноградный фриз", в котором между виноградными побегами вырезаны фигуры людей, зверей и птиц (табл. 59). Под карнизами нижней части храма и барабана рельефы изображают звериный гон, столь излюбленный в более позднее время (XII—XIII вв.), который можно видеть на керами-

---

ждение Г. Н. Чубинашвили (там же, стр. 24), что строение (Ахтамар) лишено „архитектурной цельности, связности, продуманности и взаимной необходимости частей".

* И. А. Орбели. О первоначальной форме купола Ахтамарского храма. Записки Восточного Отдел. Русск. Археологическ. Общества, том XXV, 1921, стр. 293 и сл.

ке, металле и в резном дереве Кавказа и Ирана. Широко распространенный в до-арабское время и незаслуженно забытый к X в. арочный карниз в последний раз нашел свое место в Ахтамаре, где архитектор окаймил им основание барабана.

Ахтамарские рельефы X в., тяготеющие к образцам сасанидского круга, созданным разноплеменными мастерами, работавшими в обширной монархии Сасанидов, показывают, что эти образцы для армян были не менее родными, чем для иранцев, ибо в свое время их сородичи тоже сделали свой вклад „в то сложное историческое явление, которое называется „сасанидским искусством".*

Историк X в. Фома Арцруни сообщает, что в Ахтамаре был сооружен не только храм, но и многочисленные светские здания, из которых он особое внимание уделяет царскому дворцу. Эта постройка не сохранилась, но об ее былом великолепии можно составить представление по рассказу названного автора, которого едва ли можно заподозрить в излишних преувеличениях, так как в описании ахтамарского храма, даже в подробностях, он весьма точен и правдив.

„...Одному из них, зодчему, мужу мудрому и высокоодаренному, приказывает царь построить дворец четырехугольный, в 40 „кангунов" по длине и ширине, и столько же по высоте (*կանգուն*—локоть). Пространство между облицовоч-

* И. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII—XIII вв. Памятники эпохи Руставели, Ленинград, 1938, стр. 324.

ными камнями стен (*պարզուածք* —букв. зазор) имело в ширину три „больших шага" (*մեծ քայլ*) и было заполнено массой из извести и камня, наподобие сплава из свинца и меди. Все здание дворца, с основания и до вершины, сооружено без столбов и стоит словно навесу, что поистине достойно удивления и непостижимо. Имеются в здании и „хораны, связанные камарами" (*խորան* —небольшое помещение, в церквах—придел; *կամար*—свод, пояс) и „анкюны" (*անկիւն*—угол, небольшая ниша в стене), и „шурджапаты" (*շրջապատ*—букв. круглая стена), красивоукрашенные, которые ни умом не счесть, ни глазом не распознать. Имеются (в здании) и купола поднебесные, золотом украшенные и светозарные, на которые если кто взглянуть вознамерится, то придется сначала,—наподобие того, как воздают честь царю,—снять с головы шапку, а затем, напрягая шею, еле-еле различить разнообразные и красивые изображения".

Далее автор рассказывает о росписи (или, что менее вероятно, о барельефах) и богато изукрашенных дверях здания.

„...Есть там золотом украшенный трон, на котором восседает царь в изящной пышности, окруженный юными красавцами—служителями веселья, тут же и сонм „гусанов" (певцов) и хоровод девушек, достойный удивления. Там же и отряды с мечами на-голо, и схватки борцов. Там и стаи львов и иных зверей, также и птиц, затейливо и разнообразно разукрашенные..."

„...Поставлены там двери мозаичные (инкру-

стированные?), в мельчайших сочетаниях и в чудесном узоре. При раскрытии они оказываются двустворчатыми, а когда же створки накрепко сомкнуты, то являют собой единое изображение..."

В конце автор сообщает, что на постройку дворца пошло 200 тысяч литров железа (литр= 326 гр), и перечисляет другие постройки Гагика: крепостные стены, арсенал, казначейство, склады и амбары (книга 4-я, глава 8-я).

Приведенный отрывок, даже при наличии неясностей в архитектурной терминологии, позволяет сделать набросок общего вида резиденции Гагика Арцруни.

На площадке, огражденной крепостными стенами, стоял дворец, окруженный административными и хозяйственными постройками. Принимая величину локтя равной около 52 см, как определил ее А. В. Сивков,* и величину шага по моему определению около 1м** можно считать, что высота стен ахтамарского дворца достигала 20 м, а толщина их (вероятно у основания) равнялась 3 м. При таких размерах стен дворец одновременно служил и цитаделью и имел, так же как в Анберде, несколько этажей, на что указывают слова историка о наличии хоранов, разделенных сводами (несомненно по высоте). Стены были

* Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении. Изв. Акад. Наук Арм. ССР №1—2. Ереван, 1944.

** Об основной армянской линейной мере. Изв. Российск. Академии Истории Материальн. Культ., т. III, Ленинград, 1924.

сложены по обычному способу: два ряда облицовки (наружная и внутренняя) и между ними забутка из рваного камня и известкового раствора. В отличие от Анберда перекрытия здесь были сводчатые, хотя и не исключена возможность частичного применения дерева. Парадные залы, имевшие наибольший пролет, были перекрыты без столбов или колонн и, следовательно, скорее всего походили на залы сасанидских дворцов. Они, вероятно, имели квадратную форму и перекрытие в виде купола, помещенного на значительной высоте (по меньшей мере двух этажей). Название „светозарные", по нашему мнению, показывает, что купола имели окно в вершине, как это по образцу сельских домов стали делать позднее в притворах при церквах. Стены и купола украшала роспись, изображавшая военные, охотничьи и пиршественные сцены. Ниши и, вероятно, абсиды („круглые стены") прорезали толщу стен, создавая уютные уголки и декоративные вместилища для богатой утвари. Пышность убранства парадных покоев дополняли широкие двустворчатые двери, полотна которых были набраны из разных пород дерева и, возможно, украшены инкрустацией костью и серебром.

Тайкская архитектурная школа X в.

Западные армянские области в бассейне реки Чороха, бывшие некогда уделом известных княжеских родов, в которых во время арабского нашествия отсиживались Багратиды, во второй половине X в. входили в состав самостоятельного государственного образования, во главе которого стоял умный, энергичный тайкский куропалат Давид. Он никогда не носил царского титула, но с ним считались правители Армении и Грузии и византийский император Василий II, которому Давид оказал ряд услуг во время неурядиц в восточных провинциях империи. Начало объединения грузинского государства (Карталиния и Абхазия) было положено при самом деятельном участии Давида, завещавшего даже первоначально свои владения Баграту III; правда, это завещание перед смертью было изменено в пользу императора Василия. Такое независимое положение тайкского феодала определялось особыми причинами, препятствовавшими ему объединиться с соседними Грузией или Арменией. Основную массу населения составляли армяне, бывшие здесь исконными приверженцами халкидонитства (отсюда вышел в VII в. знаменитый католикос Нерсес

Строитель). Это, конечно, не могло содействовать их вхождению в возрожденное армянское царство. Они чувствовали себя гораздо ближе к единоверной Грузии и, живя бок-о-бок с грузинскими переселенцами, появившимися в IX в. в опустошенном арабами и эпидемиями крае, стали медленно денационализироваться. Объединение с Грузией грозило усилением и ускорением этого процесса. Потому-то, возможно, Давид и отказался от первоначального намерения передать свои земли Баграту III. Особое положение тайкского куропалата нашло даже отражение в его монетах, один из редких экземпляров которых имеется в Ленинграде в Государственном Эрмитаже. В то время как монеты Баграта III подражают имевшим хождение в Грузии дирхемам, воспроизводя даже арабские легенды, на монетах Давида лицевая сторона имеет надпись „Христе, помилуй Давида", а оборотная—изображение креста с буквами между его ветвями, которые читаются как слово „куропалат".

Правление Давида не было омрачено какими-либо серьезными военными потрясениями. Его современник Степан Таронский пишет: „Кротостью и миролюбивым нравом он (Давид) превосходил всех государей, живущих в наше время. Он был виновником мира и благоустройства всех восточных стран, в особенности же Армении и Иверии". Подобная ситуация несомненно содействовала благоустройству и развитию строительства и в его собственных владениях Хотя сведения древних авторов и надписи на памятниках, за ис-

ключением ошкской, не дают прямого ответа на вопрос, что же именно было им построено, сопоставление косвенных данных с несомненностью устанавливает, что наиболее выдающиеся постройки были возведены в правление Давида и, следовательно, по его заказу. К числу их нужно отнести прекрасные церкви в Хахуле, Ошке, Ишхане и Тбете. Поразительное сходство этих памятников в оригинальной разработке темы, в формах и убранстве дает основание утверждать, что под покровительством знаменитого тайкского куропалата в его владениях в X в. создалась самостоятельная архитектурная школа, давшая видных зодчих, творчество которых оказало несомненное воздействие на их собратий в Грузии и Армении. Да иначе и не могло быть, поскольку эти области были столь тесно связаны со своими соседями. Роль их исчерпывающе охарактеризована Н. Я. Марром, который говорит: „Это не окраина, не периферия, а центр, и в нем узел внутренних кавказских межнациональных отношений. Это центральное ядро, откуда есть пошла культурная жизнь Кавказа, сначала на основах местной языческой культуры, а впоследствии в рамках двух кавказских христианских цивилизаций, национально называемых армянскою и грузинскою".* Нельзя поэтому при изучении архитектуры Армении и Грузии ни игнорировать памятников интересующих нас областей, ни от-

* Н. Марр. Батум, Ардаган, Карс исторический узел межнациональных отношений Кавказа. Петроград. 1922, стр. 8

носить их только по факту государственной принадлежности к архитектуре одной из этих стран, как неправильно поступает В. Беридзе в отношении искусства Юго-Осетии и Свании, на том лишь основании, что они являются составными частями Грузии.* Сказанное можно пояснить примером. Здесь в Ишхане в VII в. в армянской среде зародилась и впервые была осуществлена идея Звартноца, одного из лучших творений армянских зодчих. Здесь же между 958 и 961 гг. был закончен величественный храм в Ошке, схема и формы которого легли в основу творческого замысла зодчего, создавшего знаменитый памятник грузинской архитектуры—собор в Кутаиси.

Наиболее ранней постройкой, в которой крестообразный тип церкви с удлиненным западным крылом получил новое решение, характерное для архитектурной школы времени Давида, является превосходный храм в Ошке. В плане он имеет форму креста. Западное прямоугольное крыло сильно вытянуто; в трех остальных помещены абсиды, по бокам которых находятся небольшие приделы. Напротив концов абсид и стен западного крыла на небольшом расстоянии от них стоят четыре пилона, образующие квадрат, увенчанный куполом с круглым барабаном, покоящимся на двойных арках и парусах. Внутренние стены приделов со-

* Грузинское искусство в специальной литературе последних 25-ти лет. Известия ИЯИМК Академии Наук Грузии, т. XIV, Тбилиси, 1944, стр. 201.

здают в плане второй квадрат, охватывающий центральную подкупольную часть; углы его на фасадах имеют вид пристроек, возвышающихся над кровлями приделов между крыльями главного массива. Восточные пилоны многогранные, а западные в сечении имеют форму сложного креста. От пилонов к пилястрам у абсид и западного крыла переброшены двойные арки, поддерживающие стены крестообразного верха храма и своды, которыми перекрыты пространства между подкупольным квадратом, абсидами и западным крылом. Абсиды увенчаны конхами, а западная часть сводом с двойными подпружными арками, опирающимися на пилястры продольных стен. Арки и своды имеют слабый излом в замке. Барабан, прорезанный двенадцатью окнами, завершается полусферой под конической кровлей. Снаружи массы сооружения вполне отвечают его внутренней структуре, которая ясно читается и в отделке фасадов, о которой будет обобщенно сказано после ознакомления со всеми главнейшими памятниками этого круга. Западное крыло и средние части трех остальных, заключающие абсиды, имеют одинаковую высоту и образуют основной крестообразный массив, покрытый двускатными кровлями, с куполом в центре. Боковые части, в которых скрыты приделы,—ниже и имеют односкатные кровли. На фасадах между абсидами и приделами помещены глубокие треугольные ниши, увенчанные ребристыми тромпами. Западное крыло с трех сторон охвачено более низкой пристройкой, открывавшейся на-

ружу на южном фасаде четырьмя проемами, перекрытыми арками.

Входящий в храм с запада из паперти (притвора) попадает в длинный, высокий неф с абсидой в глубине, напоминающий своими формами средний неф базилик, которые не были забыты и строились в крае примерно в это же время (Пархал и Дорт-килисе в горах на противоположном берегу Чороха). Их столбы вместе с продольными арками как бы врастают здесь в стены в виде сложных пилястр, поддерживающих одновременно и подпружные арки, пробегающие под сводом от стены к стене. Четыре стройные пилона, стоящие перед алтарем, обозначают центр сооружения, увенчанный куполом, от которого в стороны расходятся рукава трансепта, заканчивающиеся абсидами. Лишенные света обходы за пилонами позволяют только догадываться о существовании часовен, не участвующих в общем действии и предназначенных, вероятно, для индивидуальных молений, хотя именно эти часовни и обусловили появление ошкской композиции; из-за них купол пришлось основать на пилонах, а не на внутренних углах креста. Сыграв свою роль, они отошли на второй план, не нарушив единства, собранности основного объема.

Собор в Ишхане, построенный в VII в. армянским католикосом Нерсесом Строителем до призвания его на армянский патриарший престол, первый раз был возобновлен в IX в. учеником чтимого грузинского подвижника Григория Хандзтийского—Савой (Сабаном). Усматривать в меро-

приятиях Савы коренную перестройку, в результате которой круглый храм был обращен в сохранившийся до наших дней крестообразный—нет основания, так как край только что начал оправляться при куропалате Ашоте (ум. в 826 г.) от разгрома, учиненного арабами. При Саве строительные работы в Ишхане имели целью лишь приведение собора в состояние, позволявшее совершать в нем богослужение. К середине X в. Нерсесова постройка была уже разрушена настолько, что ее не было смысла восстанавливать, и при Давиде на ее месте был построен новый собор, подробно обследованный мной в 1915 г., в алтарь которого вошла уцелевшая колоннада древней абсиды, дополненная, возможно, еще двумя крайними колоннами. В плане он представляет также крест с удлиненным западным крылом. Купол покоится на арках и парусах, опирающихся не на внутренние углы креста, как это обычно делалось, а на четыре пилона, которые стоят не в центре, а несколько сдвинуты к западу, что дало зодчему возможность в восточной части северного и южного крыльев поместить во втором этаже хоры, открывающиеся в них парными проемами с колонками посредине. Благодаря такому расположению пилонов барабан купола оказывается тоже сдвинутым к западу относительно северного и южного щипцов, что снаружи, правда, почти незаметно. Абсида начинается за восточной парой пилонов; проход за ее колоннадой с восточной стороны помещен в одноэтажной пристройке, которая охватывает восточное крыло с

трех сторон и вмещает в себе кроме того два придела.

В форме, отделке и расстановке пилонов наблюдается разительное сходство с Ошком. Как и там, в Ишхане восточные пилоны многогранные, а западные—крестообразного сечения. Это—тем более не случайное совпадение, что и весьма сложные пьедесталы, на которых они основаны, в обоих постройках тоже одинаковы по своему виду. В Ишхане даже повторена у основания западных пилонов гирлянда из соединенных наверху арочками „гроздей", напоминающих своим контуром античные амфоры. Подражал, конечно, ишханский мастер. В Ошке постановка купола на четырех пилонах была оправдана присутствием приделов, к которым нужно было устроить проход; здесь их нет и потому выступающие наружу пристройки в углах за западными пилонами искусственны и по существу никому не нужны. Это конечно не умаляет достоинств ишханского зодчего, который не просто удачно справился с поставленной перед ним трудной задачей,—построить новый храм на основе ошкского типа, сохранив в то же время древнюю абсиду,—но превзошел автора своего образца мастерской разработкой фасадов и тонкостью убранства.

Одновременно с Ишханом подверглась коренной перестройке кресгообразная церковь в Тбете. При этих работах в центральной части были возведены четыре многогранных пилона с

новым куполом и несомненно удлинены, как отметил Н. Я. Марр, боковые крылья. Если в памятниках Ишхана и Ошка, несмотря на их сходство, все же видны две разных руки в отделке фасадов и резном убранстве, то в Тбете, по нашему мнению, несомненно отразилось самое деятельное участие ишханского архитектора в перестройке старой церкви. В обоих памятниках решение фасадов настолько одинаково, что первоначально, когда еще не был сменен купол, имевший, судя по сохранившимся основаниям парных полуколонок, наряд, сходный с ишханским, их, вероятно, было трудно отличить друг от друга. Работа одного мастера видна и во внутренней отделке; так, например, пьедесталы восточных пилонов похожи на ишханские не только по форме, но и в деталях их резных украшений.

Во всех трех постройках фасады расчленены пилястрами, между которыми перекинуты арки, но применен в них этот прием по-разному. В Ошке три фасада, кроме западного, разделены на пять частей каждый в соответствии с внутренним содержанием здания: средняя панель подымается настолько высоко, что ограничивающая ее арка вписывается в щипец, соседние панели заключают в себе ниши и крайние, наиболее низкие отвечают приделам. Подобный же рисунок пилястр и арок можно видеть на фасадах базилик в Пархале и Дорт-килисе, а несколькими десятками лет позднее в кутаисском соборе. В Ошке плоские пилястры с полуколонкой посредине и арки

такого же сечения просто выступают из плоскости стены и выглядят как накладное украшение. В Ишхане и Тбете пилястры значительно сложнее по профилю, мощнее и поддерживают арки, несущие облицовку верхней части стены; таким образом здесь фасад оказывается разбитым на три плоских ниши, из коих средняя выше боковых. Автор этих построек поступил принципиально так же, как это было сделано в Мармашене, Хцконке и в анийской церкви Спасителя, но применил прием значительно острее, дав на фасадах более интенсивную игру теней.

Поверхность круглого купола не оставляется гладкой, без наряда, как это часто делают зодчие багратидской Армении, начавшие заменять в это время восьмигранный барабан VI—VII вв. круглым. Излюбленным украшением служат парные полуколонки, соединенные арочками. Даже в тех постройках, где была применена заимствованная у авторов Мармашена и Хцконка „зонтичная“ кровля,—в Опизе и Порте (Шатберде), возведенных вероятно уж после смерти Давида (1001 г.), место пучков колонок занимают опять-таки парные полуколонки с арочками. В Ошке, Ишхане, Хахуле колонки витые с резными капителями; они расставлены близко друг от друга, благодаря чему ограниченные ими поля вытянуты по высоте.

В убранстве окон, где главным образом и применялся резной орнамент, сохранилась плоская, покрытая резьбой бровка. Она или одна окаймляет

сверху арку оконного проема или же входит вместе с другими элементами в следующие наиболее ходкие, выработанные здесь комбинации, которые все можно видеть на стенах ишханского собора:

1. Бровка с орнаментированной полосой под ней на арке окна, вырезанной в плоскости стены; (орнаментированная полоса на арке иногда встречается и без бровки).

2. Бровка с орнаментированной широкой рамой вокруг окна, вырезанной в плоскости стены.

3. Предыдущая комбинация с витыми полуколонками по бокам рамы, опирающимися на кронштейны и поддерживающими своими капителями „плечики" бровки.

Там, где в распоряжении зодчих оказывалась гладкая поверхность стены, не ограниченная пилястрами, они значительно увеличивали радиус бровки, заполняя весьма часто пространство между ней и перекрывающим окно циркульным камнем лучеобразной выкладкой из узких длинных клиньев. В Хахуле чередуются клинья двух цветов. Этот прием, видимо, произвел такой эффект, что в некоторых уже существовавших постройках арки из разноцветных клиньев над окнами были воспроизведены краской по обычной горизонтальной облицовке (Ошк, Пархал). Наличие подобной имитации в Ошке на богато убранном окне западного фасада, композиционно одинаковым с южным окном церкви в Хахуле, показывает, что

последняя была построена несколько позднее, но мастерами той же школы. Окна эти двойные; в Ошке циркульный верх обоих проемов ограничен покрытыми резьбой арочками, общая пята которых опирается на капитель граненой полуколонки, стоящей на кронштейне между окнами; по бокам их парные витые полуколонки поддерживают другие, крайние концы арок; между арками, над капителью—плоский постамент с рельефной поясной фигурой человека с воздетыми руками („столпника"); вся композиция охвачена сверху громадной „подковой", покрытой резьбой. В Хахуле вместо „столпника" помещен барельеф, изображающий орла, держащего в лапах лань, и пространство между окнами и „подковой" заполнено лучами из камня двух цветов.

Храм в Хахуле стоит особняком среди рассмотренных здесь памятников. Он также крестообразен, но купол основан в нем не на отдельно стоящих пилонах, а на внутренних углах стен, образующих крест. Западное крыло удлинено и открывается тремя проемами в продольных стенах в боковые более низкие нефы, которым по сторонам алтаря отвечают приделы. Проемы, отделенные друг от друга массивными колоннами, перекрыты двойными арками, поддерживающими верхнюю часть стен. Из боковых нефов в южное и северное крыло ведут узкие высокие проходы. Своеобразна обработка алтарной абсиды, полукружие которой по сторонам от центрального окна имеет по четыре вытянутых цир-

кульных ниши, идущих как каннелюры одна за другой. Перекрытие сводчатое с небольшим изломом в замке; арки, переброшенные между внутренними углами стен, вместе с парусами поддерживают круглый барабан, освещенный 8-ю окнами. Фасады отличаются простотой. Резные украшения сведены до минимума. Только безукоризненно скомпанованные окна красочными пятнами оживляют гладь стен; парные витые полуколонки, соединенные арочками, разбивают барабан на 16 частей; над его окнами по две концентрических бровки; одна—резная, вторая из более темного камня без резьбы.

При сравнении церквей в Хахуле, Ошке и Ишхане обращает на себя внимание различие в отделке внутренних поверхностей стен, хотя все они исполнены мастерами, работавшими в тесном сотрудничестве. В Хахуле стены одеты чисто тесаными плитами и поэтому, хотя на них и видны следы штукатурки с росписью, ясно, что она более поздняя и первоначально церковь штукатурить не предполагалось. В Ошке и Ишхане внутри чисто отесаны только пилоны, пилястры, арки, а остальная кладка выполнена с расчетом на штукатурку и фрески без чистой тески и пригонки камней. Напрашивается вопрос,—не была ли хахульская церковь построена первоначально для армян-антихалкидонитов, не признававших икон, а следовательно и росписи, подобно тому, как в Армении строились халкидонитские церкви.

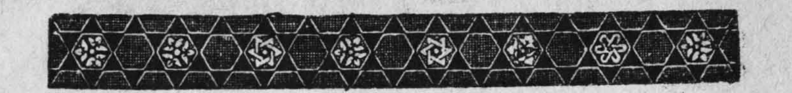
Из приведенных описаний главнейших па-

мятников видно, что основные направления, по которым шло развитие архитектурной мысли в тяготевших к Грузии владениях Давида и багратидском царстве, совпадали; мастера их, вероятно, работали дружно, рука об руку. В убранстве стен и куполов главную роль играют полуколонки и пилястры с арками, ведущие свою историю еще от построек Нерсеса. Одинаковы и приемы украшения окон: в церкви Абугамренц полуколонки поддерживают „плечики" бровки,— в анийском соборе наряду с бровкой резная рама окаймляет проем. Одновременно появляется своеобразная отделка парусов, которые начинают разбивать по высоте на две части арочкой или гуртом, помещая внизу округлый „тромп", украшенный в тайкских постройках веером „каннелюр"; подобные „каннелюры" можно, между прочим, видеть на фрагментах парусов храма Гагика и анийской церкви из раскопок 1911 г., построенной в начале XI в.

Тайкская архитектурная школа второй половины X в. создалась в условиях, когда большая группа армянского населения по указанным причинам окончательно выделилась в самостоятельный государственный организм. И хотя он в силу происходившего огрузинивания коренного населения уже тяготел к формировавшемуся объединенному грузинскому государству, основная масса населения, несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со своими сородичами. Для того чтобы правильно понять пу-

ти развития архитектурных форм в Закавказье на рубеже X и XI вв., нужно любовно, без предвзятой установки проследить все те драгоценные нити, из которых сплелся в Чорохском бассейне „неразвязываемый узел общих кавказских интересов“ (Марр).

Архитектура XII—XIV вв.

В конце XI в. в Закавказье опять вторглись иноземцы, на этот раз из степей Средней Азии. Туркменские племена, кочевавшие в степях, граничивших с Хорасаном, уже в первой половине XI в. начали добиваться у газневидских правителей получения пограничных хорасанских земель для ведения полукочевого, полуземледельческого хозяйства. Частично их домогательства были удовлетворены султаном Махмудом Газневи около 1025 г. Однако полученных земель оказалось недостаточно, и волнения среди туркменских племен не прекращались, что заставило и Махмуда и его сына Масуда вести с ними вооруженную борьбу, не всегда удачную для Масуда, которому в 1035 г. пришлось также пойти на земельные уступки. Газневидская династия к этому времени уже окончательно утратила свой авторитет у населения, ожесточенного непосильными поборами и беззакониями, чинимыми правителями областей, что привело после очередного поражения газневидских войск у Серакса к сдаче горожанами без сопротивления в 1037 г. одной из столиц Хорасана—Нишапура туркменам, предводительствуемым представителями сельджукско-

го дома. В 1040 г. Масуд предпринял новый и последний поход против туркмен, закончившийся для него жестоким поражением при Денданакане, между Мервом и Сераксом, вскоре после чего весь Иран подпал под власть сельджуков, которые затем распространили свои завоевания на Малую Азию и отчасти на Закавказье.*

Первые набеги сельджуков на армянские земли относятся к 1048 г., когда они опустошили области, лежащие к северу от Ванского озера. В 1065 г. сельджукский султан Алп-Арслан взял и разгромил Ани, которым после падения багратидской династии управляли византийские наместники, старавшиеся поддержать состояние города на прежней высоте. С появлением в Армении сельджуков справедливо связывают сложение новых форм в армянской архитектуре XII—XIV вв., но при этом часто впадают в ошибку, объясняя все дело тем, что коренное население просто заимствовало их у пришельцев. Спрашивается, что можно было перенять для применения в каменном зодчестве у кочевников, живших в своих степях в палатках или кибитках и вышедших из этих степей на первых порах в стремлении к полуоседлому образу жизни, как видно из приведенного перечня событий, предшествовавших образованию обширного сельджукского государства. Более того, сельджуки были

* Сведения о сельджукском движении в XI в. нами заимствованы из работы А. Якубовского „Сельджукское движение и туркмены в XI в.", Изв. Академии Наук № 4 1937 г.

совершенно равнодушны к судьбе туркменского народа и очень быстро постарались избавиться от тех племен, с помощью которых пришли к власти. Низам ал-Мульк, знаменитый везир Алп-Арслана и Мелик-Шаха прямо говорил, что туркмен нужно держать подальше от Ирана, ибо с ними не оберешься хлопот. Невероятно также, чтобы завоеватели, попав в новую обстановку, внезапно оказались строителями, способными произвести переворот в имевшей многовековую историю армянской архитектуре.*

Рассматриваемое время характеризуется развитием городской жизни в странах Передней Азии. Пестрое по национальному составу население городов жило общей жизнью и не национальные или вероисповедные различия определяли появление в это время тех или иных форм, а, как показывают сами вещественные памятники, в первую очередь прогрессировавшее социальное расслоение различных групп населения. Армянская и туркменская знать, купцы, ростовщики пьют и едят из одинаковой роскошной посуды; армянский князь по лично им сделанному проекту строит себе в Мрене дворец (XIII в.), повторяющий формы одной из конийских мечетей. Одни и те же мастера возводят для князей, богатеев и духовенства дворцы, гостиницы, мечети и церковные притворы, впервые появляющиеся в это время. Показательный факт был установ-

* И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. III Международный Конгресс по Иранскому Искусству и Археологии. Доклады Москва-Ленинград, 1939, стр. 150 и сл.

лен при раскопках в Анберде; на одной из бронзовых ступок, найденных у бани, богато украшенной чеканом и гравировкой, мастер поместил пояс, в котором шесть раз подряд повторил превосходными арабскими буквами полтора слова благопожелательной надписи; он, армянин, явно не знал языка и использовал буквы как декоративный мотив, не опасаясь при этом осложнений с заказчиком, который, может быть, сам требовал подобного украшения. В свою очередь сами завоеватели производили заимствования у местных мастеров. Разве не напомнают мусульманские мавзолеи Хлата (Ахлата), Эрзерума и Нахичевани перенесенные на землю островерхие купола армянских и грузинских церквей и разве не под влиянием армянских крестных камней—хачкаров создались типичные сельджукские надгробия в виде вертикально поставленной плиты, покрытой кружевной резьбой.*

Сидевшие в разных городах сельджукские правители завоеванных областей, связанные родством, неизбежно должны были способствовать усилению и укреплению сношений как между самими областями, так и отдельными крупными центрами. Оживленная караванная торговля, обмен мастерами вели к появлению форм, сюжетов и технических приемов в искусстве, носящих скорее признаки скрещения, чем заимствования.

---

* И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства, стр. 152.

Bachmann. Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913.

Процесс был сложный, понадобилось около столетия для того, чтобы результаты выкристаллизовались в новые четкие художественные формы, фиксируемые в памятниках того времени, когда сельджуков уже не было и в помине и Армения вступила в новую стадию развития под почти номинальным покровительством Грузии, осуществлявшимся представителями молодого армянского княжеского рода, братьями Иване и Захарией Долгорукими, занимавшими высшие государственные должности в грузинском царстве.

„Сельджукское" искусство не есть нечто внесенное в законченном, готовом виде из степей Туркмении в Иран, Малую Азию и Закавказье, а представляет явление, возникшее и оформившееся в самих этих странах в процессе их более тесного чем в предшествующее время общения между собой и усилившегося расслоения отдельных групп населения в крупных центрах, чему в сильной степени содействовали социальные сдвиги, вызванные сельджукским нашествием. „Сельджукское" искусство — плод художественной деятельности мастеров этих стран, отмеченной единством творческих принципов, продиктованным специфичностью вкусов заказчиков, что однако не мешало внесению национальных черт во вновь создаваемые формы. Армянская архитектура никогда не развивалась обособленно и потому не могла остаться вне этого „сельджукского" круга; формы, пропорции, орнаментация, строительные приемы претерпевают коренные изменения; создается совершенно но-

вый стиль уже на базе гражданской, а не церковной архитектуры, настолько самостоятельный, что влияние его прослеживается на новых анийских зданиях мусульманского культа. Армянская архитектура и на новом этапе развития сумела сохранить самостоятельное почетное место в искусстве народов Передней Азии.

После вторжения турок страна пережила много превратностей; разгромленный Ани несколько десятилетий не мог придти в себя; разрушенные постройки заносило землей, образовавшей такой слой, что начавшие возвращаться после успокоения края жители даже не расчищали их, а строились прямо на насыпи, сравнивая иногда остатки зданий с ее поверхностью. Не сразу занялись строительством и новые владетели; так, например, анийский собор некоторое время служил мечетью; может быть тогда же было обращено в мечеть и здание у Ашотовых стен („мечеть Мануче"). С переходом Ани в руки курдской по происхождению династии Шеддадидов город оживает, возобновляется торговля. Мануче, сын двинского эмира Абу-л Сувара, купившего в 1072 г. Ани у Алп-Арслана, производит капитальные обновления крепостных стен, что засвидетельствовано надписями. Ани развивается как торговый город, выгодно расположенный на караванных путях, защищенный самой природой; растет число ремесленников, усиливается торговый класс и к началу XIII в., когда он в 1199 г. перешел во владение князей Долго-

руких, здесь можно было встретить таких видных представителей торгового мира, как известный Тигран Оненц, которые, по мнению Н. Я. Марра, личным стяжанием наживали крупные состояния и завоевывали видное положение. Они не стеснялись открыто говорить о средствах, к которым прибегали в своей деятельности, что видно, например, из составленной самим Оненцем надписи о вкладах в монастырь Григория, построенный им в Ани в 1215 г. Тут перечисляются имения, сады, разные угодья, гостиницы, лавки, мельницы, а также, что особенно показательно, и земли, находившиеся у него в закладе. Значит, щедрый жертвователь к тому же еще был и ростовщиком.

В это время армянские земли пользовались возможностью самостоятельно устраивать свои внутренние дела. Ани управлялся советом старейшин, и когда грузинский католикос Епифаний, приехавший сюда для урегулирования споров об оплате за требы, обратился в 1218 г. в обширной грузинской надписи на стенах церкви к грузинскому духовенству и проживавшим в Ани грузинам и армянам халкидонитам, он должен был поставить на ней скрепу армянского архиепископа Григория и эмира города Вахрама. Подобные условия, естественно, содействовали росту строительства после векового перерыва с конца XI в., недостаточно выявленные причины которого нельзя объяснять только нашествием сельджуков, сыгравших, наоборот, немаловажную роль в сложении новых национальных форм в

армянском искусстве. Вероятно этот перерыв был связан со сложным процессом перегруппировки жизнеспособных, творческих сил страны, потребовавшим несомненно значительного времени. Причины, вызвавшие этот процесс, может объяснить прекрасная характеристика анийцев, данная Н. Я. Марром—„По своему общественному развитию и вообще по духовным запросам анийские армяне стояли выше отживших еще тогда свой век феодально-христианских вероисповедных идеалов, отстаивавшихся духовенством".* В городах влияние постепенно переходило к новой энергичной знати из торговых слоев населения, которая к моменту прихода Долгоруких оказалась готовой взяться за строительство, соответствовавшее ее вкусам. И действительно, страна и в первую очередь Ани украсились многими прекрасными постройками, открывшими новую страницу в истории армянского зодчества.

Гражданская архитектура

Новая торговая знать заботилась о своих „загробных" делах и строила церкви, где должны были молиться о спасении грешных душ ее представителей. Но, конечно, архитекторы теперь чаще получали заказы на постройки, приносившие пользу здесь на земле, в повседневной жизни, как, например, гостиницы и караван-сараи, обслуживавшие приезжих и проезжих купцов, жилые дома, отделанные с подобающим поло-

* Ани, стр. 35.

жению хозяев богатством и т. п. Материалы по гражданскому зодчеству для багратидского времени весьма скудны и не дают возможности исследователю воссоздать вид жилых кварталов и отдельных зданий. В отношении XII—XIII вв. дело обстоит лучше; помимо развалин, обнаруженных раскопками, на поверхности земли сохранилось значительное число сооружений, изучая которые можно высказать соображения об армянских гражданских постройках этого времени.

Во внешнем оформлении самых разнообразных по своим функциям зданий, будь то дворец, гостиница, монастырский притвор и даже церковь, армянские зодчие охотно обращаются к прямоугольному порталу, появляющемуся в своеобразной армянской трактовке не ранее XII в. Корни этой формы уходят в глубь веков, в парфянское и сасанидское время, когда начинают вырисовываться контуры так называемого айвана мусульманской архитектуры. В Ктесифонском дворце грандиозный сводчатый приемный зал открывался непосредственно наружу, прорезая разбитую на ярусы стену во всю ее высоту двадцатисемиметровым проемом, завершенным аркой. Центральная часть здесь еще не выделена из общего массива стены, выполняющей в основном декоративную функцию, так как по бокам проема помещения имеются только в нижнем этаже, а выше возведены контрфорсы. В сасанидском дворце в Аммане схема открытого с одной стороны зала с декоративной стеной повторена в меньших раз-

мерах четыре раза по сторонам квадрата. Значительно позднее с идеей амманской композиции, развитой и усложненной, встречаемся в иранских мечетях. В них вокруг большого прямоугольного двора расположены в двух этажах кельи или галереи, открывающиеся наружу аркадами. Посредине каждой стороны двора высятся над примыкающими к ним строениями большие, открытые подобно ктесифонскому залу, сводчатые помещения разной глубины, фасады которых разрешаются в виде мощного портала с громадной стрельчатой аркой, отвечающей расположенному за ней своду. По сторонам проема фасад обычно отделывается одним вертикальным рядом плоских декоративных ниш со стрельчатым верхом, помещаемых в несколько ярусов одна над другой. Все свободное поле портала в ранних памятниках остается без украшений, а позднее покрывается узорчатой рельефной кирпичной выкладкой, росписными изразцами, красочной мозаикой. Так же обрабатывается и главный вход. В каменном сельджукском зодчестве Конии, а позднее и Азербайджана идея этой композиции, известной под названием айвана, находит применение на фасадах в оформлении входа. Здесь портал уменьшается и изменяется в пропорциях, вытягиваясь вверх, особенно в азербайджанских постройках (Баку). Просторное помещение иранских айванов обращается в богато убранную нишу со сводчатым, обычно сталактитовым верхом и дверью посредине; изразцы, мозаика здесь не к месту,—их заменяет резьба по камню.

В архитектуре Армении тема портала трактуется двояко: либо как нарядно убранное вертикальное членение фасада у главного входа, либо как обрамление только самой двери, выделяющее ее на гладкой поверхности стены. Оставляя стены без украшений, зодчие все свое внимание сосредоточивают на этой части здания и отделывают ее богато, не скупясь в выборе декоративных приемов.

В первом случае, как это можно видеть в анийских памятниках, портал, не выделяясь по высоте из всего массива постройки, часто заключает в себе два этажа и потому вытянут вверх, укладываясь по своим пропорциям примерно в два квадрата. В двухэтажных порталах, разработанных оригинально, без подражаний и заимствований, мастера обычно окаймляют прямоугольными рамами каждый этаж отдельно, как бы ставя один портал на другой. В нижнем помещается вход, в верхнем — большое широкое окно без подоконной стенки; глубокой ниши в этих случаях нет и обрамление двери сохраняет знакомые формы с тимпаном над проемом, украшенным резьбой и окаймленным сверху циркульной или стрельчатой аркой. Прямоугольный портал, как обрамление двери, знаком нам уже по памятникам багратидского времени (Ани, Мармашен, Хцконк), но там он был разработан на основе западной схемы с наличником и сандриком. В рассматриваемое время в нем несомненно нашла отражение форма айвана, сближающая его по строению и архитектурным деталям с михрабами мечетей.

Анийские дворцы, жилые дома, гостиницы; подземные кварталы

В Ани над обрывом Цветникового ущелья, где с ним соединяется Гайладзор, возвышаются развалины, известные под названием дворца князя или парона (барона), построенного в XII—XIII вв. Это трехэтажное со стороны ущелья здание имело в верхних этажах несколько просторных зал и комнат с плоскими потолками, от которых в стенах сохранились только балочные гнезда. Нижний, частью подземный этаж, куда можно пробраться по узкой тропке к югу от дворца, состоял из комнат и коридоров, покрытых прекрасными сводами. Со стороны города на главном фасаде двухэтажный портал срезает угол между двумя глухими стенами (табл. 60). Нижний его этаж, из-за уклона почвы соответствующий второму этажу со стороны обрыва, выделен широкой прямоугольной рамой, украшенной рельефным геометрическим узором, замысловато сплетенным из двухрубчатой ленты. Посредине—большой пролом на месте двери, над которым сохранилась часть циркульного верха наличника, состоящего из орнаментированной плетением выкружки, ограниченной с одной стороны валиком, а с другой, внешней—валиком и полкой (табл. 61). Судя по характеру остатков раствора под архивольтом, здесь был тимпан, набранный из фигурных камней, вероятно украшенных резьбой. Он мог покоиться на перемычке из каменных клиньев, как это сделано на окне второго этажа; возможно также, что клинья были

двух цветов—черного и розового, как в анийской гостинице (табл. 62) и на новых воротах анбердского замка со стороны р. Архашяна. Дверной проем имел прямоугольную форму; что было по бокам его—трудно сказать, так как не сохранилось ни одного камня, но по аналогии с другими постройками можно полагать, что здесь продолжался наличник того же профиля, что и над тимпаном. Вся свободная поверхность нижнего прямоугольника была облицована набором из каменных восьмиконечных звезд и крестов, покрытых тончайшей резьбой, геометрический рисунок которой отличается исключительным разнообразием. Для того, чтобы выделить рисунок звездчатого набора, который мог потеряться в сплошном ажуре резьбы, художник делает кресты из черного, а звезды из розового камня, усиливая этим пышность и красочность отделки Наверху, где к узору нельзя было подойти, где не за чем было в резьбе понапрасну терять труд, ему помогают чудесные расцветки камня, которыми он пользуется с тактом большого мастера. Верхний этаж, так же как и нижний, ограничен рельефной прямоугольной рамой, но без резьбы. Расположенное посредине окно помещено в очень плоской нише со стрельчатым верхом, подчеркивающим устремление всей композиции вверх. Оно перекрыто легкой перемычкой, над которой в тимпане выложены шестиконечные звезды с розовыми шестиугольниками в центре и черными треугольными лучами. Все поле второго этажа портала облицовано черными и розовыми плитка-

ми в виде шахматной доски, поставленной по диагонали. Внутри дворца имеется еще один вход, украшенный также двухцветными выкладками из фигурных камней, но без резных украшений.

К северо-западу от храма Гагика в Ани при раскопках в 1905 г. обнаружены развалины богатого дома, от портала которого сохранились только разрозненные фигурные облицовочные камни, покрытые мелкой резьбой. По реконструкции Т. Тораманяна он был одноэтажный, прямоугольной формы с дверью посредине. Все свободное поле между ограничивающей его рамой и дверью было в свое время облицовано резными шестиконечными красными звездами и черными ромбами. Рисунок резьбы, по крайней мере на звездах, не повторяется. В лучах одной из них помещены армянские буквы, составляющие имя „Саркис", которое носил владелец дома или мастер. Обрамление двери состояло из колонок и переброшенной между ними арки. Н. Я. Марр допускал возможность, что это нарядное здание принадлежало одному из двух анийских архиепископов—Саркису I (1209—1211) или Саркису II (1245—1276). *

Многолетние раскопки в Ани позволяют судить не только о наружном убранстве, но и о внутреннем устройстве жилого здания в период расцвета здесь городской жизни в XII—XIII вв.

Состоятельные слои населения жили в домах с несколькими покоями, которые образовы-

* Ани, стр. 66.

вали городские кварталы. Улицы видимо имели довольно унылый вид, так как на них выходили глухие стены, только изредка оживленные порталом входной двери или лестницей, ведшей во второй этаж. Внутри помещений стены не всегда даже одевались тесаным камнем. Н. Я. Марр считал, что в богатых домах в этом не было особой необходимости, так как владельцы были в состоянии покрыть стены дорогими коврами и тканями, что наверное предусматривалось уже при постройке. Штукатурка, хотя бы и украшенная росписью, являлась суррогатом, недостойным богатого человека. Теперь о достатке былых хозяев домов, вскрытых при раскопках, говорят только щедро украшенные резьбой по камню ниши и камины, которые были разбросаны между висевшими в свое время на стенах изделиями армянских рукодельниц.

В кампанию 1912 г. в Ани был вскрыт целый квартал жилых домов под Вышгородом. Эти раскопки показали, что в XII—XIV вв. при устройстве ниш широкое распространение нашло подражание прямоугольному порталу, обрамление которого охватывает „выемку в стене“— патухан (*պատուհան*), как называют ее сами армяне. В прямоугольном камне, перекрывающем нишу, высекались арка или сводик стрельчатой или затейливой фестончатой формы, сменившей более раннее циркульное очертание. Поверхность этого камня над нишей отделывалась различно: ее оставляли гладкой, украшали несколькими розетками, покрывали сплошной резьбой, помещая

часто в углах еще две маленькие ниши того же очертания. Резной орнамент в соответствии с общим характером наряда нередко встречается и на обрамлении, придающем всей композиции вид миниатюрного портала.

Одна из лучших, нарядно убранных ниш была открыта Н. Я. Марром в большой комнате богатого анийского дома, пристроенного с севера к бо́льшей, раскопанной в 1912 г. церкви. Стенку в углублении украшала облицовка из черных и светлых камней, расположенных в шахматном порядке. Обрамление состояло из колонок, жгутов и орнаментированных поясов, среди которых выделяется пояс с гирляндой гранатов на плетеном фоне. В другом конце этой комнаты было устроено возвышение, где хозяин вероятно принимал почтенных гостей. Его передняя стенка имела несколько углублений для обуви, которую снимали прежде чем подняться на разостланный здесь ковер.

В полах, кроме обычных тондиров (очагов с поддувальной гончарной трубой, врытых в землю), были обнаружены и в Ани и в Двине многочисленные глубокие колодцы, которые служили не только амбарами для зерна, но и тайными хранилищами на случай вторжения врагов.

Беднота ютилась в маленьких лачужках, на которые она, так же как ремесленники, торговцы и содержатели гостиниц, даже не имела права собственности; кварталы таких жилищ были открыты в 1893 и 1904 гг. около анийских ашотовых стен. Не от большого, конечно, достатка

забирались некоторые слои анийского населения и в пещеры, искусственно вырубленные в окружающих город ущельях. Ими сплошь изрыты обе стороны Цагкоцадзора; имеются они также в Игадзоре и ущелье Ахуряна. Жители устраивали себе здесь довольно большие комнаты, а иногда и целые квартиры из нескольких помещений с коридорами и пр. В комнатах встречаются примитивные „альковы" для постелей, которые скрывались за занавесами; и сейчас еще видны в стенах круглые лунки для концов горизонтально укрепленного деревянного шеста, к которому подвешивали ткань. Утварь хранили в нишах разных размеров; для светильников вырубали небольшие углубления, на которых до сих пор сохранились следы копоти; часто попадаются очаги. В некоторых пещерах, расположенных около поверхности земли, потолкам придан вид вытянутого вверх сомкнутого свода, в вершине которого пробито световое отверстие (по-армянски—е р т и к). Несмотря на простоту этих сооружений, обитатели кое-где стремились придать им архитектурную форму, явно подражая тому, что видели наверху в городе.

Пещерные кварталы Ани имели свои подземные лавки, церкви. Для собирания голубиного помета, являющегося прекрасным удобрением, устраивались большие пещерные голубятни, стены которых были сплошь покрыты правильными рядами „гнезд" наподобие пчелиных сот. В 1915 г. при поездке по древним западным областям Армении совершенно такое же сооружение, но

выстроенное из камня, было обнаружено в крепости над сел. Хувах около Олт. По поводу его назначения участниками поездки высказывались самые хитроумные предположения, и только после ознакомления с Ани стало ясно, в чем тут дело. Правый склон Цветникового ущелья богатые анийцы облюбовали для устройства фамильных усыпальниц, расположенных в нескольких этажах, среди которых выделяется покрытое росписью место погребения Тиграна Оненца. Почти все могилы хищнически раскопаны кладоискателями. В одной из них, однако, посчастливилось обнаружить остатки богатого детского погребения; найденные здесь прекрасные вышивки хранятся в Государственном Историческом Музее в Ереване.

Из надписей на стенах анийских зданий было известно о существовании в городе гостиниц или постоялых дворов, называемых по-армянски —**ханабар**. Владельцами часто являлись церкви, получавшие их в дар от знатных и богатых горожан (наприм. церковь Оненца). На притворе церкви Апостолов имеется надпись, указывающая, что одним из таких ханабаров владела эта церковь. И может быть именно эту гостиницу, находившуюся по соседству с храмом, посчастливилось открыть Н. Я. Марру при раскопках в 1908 году. Она состояла из двух расположенных рядом больших зал или дворов, вымощенных тесаными плитами; посредине каждого из них стояло по водоему, вырубленному в целом камне. По пе-

риметру дворов шли широкие возвышения вроде тротуара—мастаба, на которые открывались двери крошечных комнаток, покрытых в свое время сводами и украшенных кое-где фигурными выкладками из черного и красного камня; в некоторых из них были подполья и очаги. Входы комнаток не имели дверных полотен и вероятно завешивались занавесами из плотной ткани. Южная половина ханабара безусловно имела второй этаж, так как сохранились остатки каменной консольной лестницы, ступени которой снизу были облегчены сталактитами. Фасад, выходивший на улицу, имел вероятно глухую стену, из которой выступали два портала с проходами вроде сеней, ведшими во дворы. У стен ханабара между порталами находились мастерские и лавки; здесь в одной комнатке обнаружены остатки медницкой мастерской, в другой вырабатывались кожаные изделия. На другой стороне улицы в одной из лавок торговали туалетными флаконами, в которых хранили ртуть.

Хотя постройка и представляла всего постоялый двор, порталы были украшены столь богато, что вначале, когда были обнаружены первые фрагменты орнаментации, даже думали, что это дворец Долгоруких. Все здание совершенно разрушено,—сохранились лишь несколько рядов кладки и многочисленные облицовочные камни, покрытые очень тонкой резьбой. На основании этих находок архит. Т. Тораманян исполнил предположительную реконструкцию южного портала (табл. 62), на которой в орнаментации автором

ничего не прибавлено от себя и все показано в согласии с наличными материалами.

Так же как и во дворце парона (который должен был подсказать Тораманяну общий характер и пропорции фасада ханзбара) портал по высоте разбит на две части, окаймленные рельефными рамами, каждая отдельно. Рама нижнего этажа состоит из трех резных полос: внутренняя, широкая—покрыта в плоскости стены замысловатым прямолинейным плетением; следующая, более узкая начинается в плоскости стены и переходит в выкружку,—украшена довольно сложным криволинейным плетением с очень условно исполненными листьями; наконец, выступающая полочка несет полукруги с полурозетками. Проезд помещен в плоской нише со стрельчатым верхом, окаймленной двумя витыми валами с базами в форме сплюснутого шара, опирающегося на плинт. Проем перекрыт перемычкой из чередующихся клиньев розового и черного цветов, на которой покоится красочный тимпан из пятиконечных черных плетеных звезд и резных пятиугольников и ромбов розового цвета. Наверху в треугольниках по сторонам ниши—рельефные изображения барсов и драконов с заплетенными в кольца туловищами. Судя по находкам, на соседнем портале в этом месте были помещены крылатые сфинксы в коронах. Схема отделки второго этажа та же, что и внизу. Здесь, в противоположность паронскому дворцу, архитектор использует резьбу. Широкая рама состоит из двух полос: внутренняя в плоскости стены покрыта

сплошным резным плетением из двухрубчатой ленты, в основу которого положены шестиугольники, наружная—без резьбы, с сильным рельефом. Среднюю часть занимает ниша, обработанная пучками из трех колонок с шаровидными базами и капителями, на которые опирается скошенная стрельчатая арка, сплошь покрытая резным плетением. В нише помещено широкое окно без подоконной стенки с плоским перекрытием в виде тимпана, набранного из розовых шестиконечных звезд и черных ромбов, щедро украшенных ажурным неповторяющимся орнаментом. Треугольники по сторонам ниши имели, как и во дворце парона, шахматную облицовку из розовых и черных плит. Столь же богато был украшен и второй портал ханабара, судя по обнаруженным остаткам резной облицовки.

Из приведенных примеров гражданских портальных построек видно, что в них анийские зодчие нашли свое собственное, новое решение фасада без входной „сельджукской" ниши со ступенчатым сталактитовым верхом, широко распространенной в Малой Азии и встречающейся (преимущественно в XIV в.) кое-где в Армении даже в церквах. Это новое решение фасадов открыло широкую дорогу на стены зданий резьбе по камню. Прежде к ней обращались преимущественно для того, чтобы акцентировать архитектурную деталь—арку, наличник, карниз. Теперь она начала переходить на поверхность стены, заполняя часто сплошным узором значи-

тельную площадь, главным образом как раз в порталах, где украшаемое поле, охватывавшее парадный вход, было четко ограничено рамой. Несомненно в порталах и выработались замечательные по нарядности и техническому совершенству армянские каменные облицовочные наборы, подсказавшие путь, по которому должны были пойти мастера, работавшие за рубежом над возрождением забытого с ахеменидских времен изразца. Для того чтобы покрыть стену орнаментом, можно было на земле подогнать обычные облицовочные камни и вырезать на них облюбованный сюжет, а затем установить их на место. Армянские художники выбрали однако другое решение, при котором самая форма камней стала элементом узора, подчеркнутого и обогащенного вдобавок контрастами окраски (рис. 62). Вернемся еще раз к классическому памятнику армянской светской архитектуры XII—XIII вв.— анийскому дворцу парона. Издали, конечно, не видна кружевная резьба его стройного портала, но восьмиконечные звезды теплого розового тона, чередующиеся с черно-серыми крестами в первом этаже, шестилучевые двухцветные звезды над перемычкой окна и шахматный набор второго этажа уже с почтительного расстояния приковывают внимание к играющему пока только расцветкой камня наряду здания. С приближением к нему в каждой звезде, в каждом кресте возникают смутные блики резьбы, сходные между собой по интенсивности света и тени, и кажется, что во всех элементах узор одинаков, вырезан

по одному шаблону, и проходящему во дворец посетителю не придется тратить времени на рассматривание сходных подробностей. Нет,—здесь нельзя просто пробежать глазами по каменному кружеву стены, так как каждый камень является самостоятельным, законченным произведением высокого мастерства армянских ваятелей. Один за другим следуют неповторяющиеся узоры, говорящие не только о прекрасной технической выучке, но и о неистощимой творческой фантазии.

В декоративных наборах из фигурных камней можно встретить звезды различного вида. На портале дома Саркиса они были шестиконечные, розового цвета и чередовались с черными ромбами, а в анийской гостинице над проездом—пятиконечные с черными лучами, в сложной комбинации с розовыми пятиугольниками и ромбами.

Этот звездчатый узор, родившийся вероятно на стенах армянских дворцов, получил широкое распространение в искусстве Передней Азии. Он встречается в самых разнообразных материалах, обогащенный резьбой, расцветкой камня, яркими красками поливы, мерцанием золотистого люстра. Его вырезают на глиняных плитах в постройках эпохи Караханидов в Средней Азии (XII в.), набирают из кирпича, как это сделано, например, в айване соборной мечети 1322 г. в Верамине, переносят в дерево, кость и металл (киликийская серебряная чаша Эрмитажа, вывезенная мною в 1925 г. с Урала, табл. 80). Наконец, кто как не восточные, вероятно киликий-

ские, мастера украсили звездчатым узором Палатинскую капеллу в Палермо (XII в.).*

В тех случаях, когда резьба не могла быть хорошо видна или была неуместна по самому назначению построек, зодчие украшали их облицовками из камня разных цветов. Мы уже приводили в качестве примера анийский дворец парона, где во втором этаже совсем нет резного орнамента. Там на тимпане окна набраны врастающие одна в другую шестиконечные звезды, составленные из розовых шестиугольников и черных треугольных лучей, хорошо видные, несмотря на значительную высоту здания. В Анберде на воротах, к которым ведет дорога из ущелья р. Архашян, тимпан не сохранился. Он несомненно был наборный, а не из целого камня, так как в последнем случае не стали бы делать под ним перемычку, которая стоит на месте и поныне. Составлять тимпан из резных камней в месте, где можно было ожидать самых горячих схваток в случае осады замка, не имело смысла; оставить же главные ворота совсем без украшений было не в характере армянских зодчих. Самое практичное и в меру нарядное решение давал узорчатый набор из камня двух цветов, который, видимо, и был здесь применен. Действительно на территории замка участники I анбердской археологической кампании 1936 г. обнаружили черные облицовочные камни, имеющие форму правиль-

* И. Орбели. Киликийская серебряная чаша конца XII в. Памятники эпохи Руставели, стр. 261.

ных шестиугольников, которые по своим размерам укладываются над перемычкой целое число раз и, следовательно, в свое время могли входить в состав таких же, как на паронском дворце шестиконечных звезд; треугольные лучи их, к сожалению не найденные, наверное были красные, так как перемычка тоже сложена из чередующихся черных и красных клиньев.

Шахматными облицовками из камня двух цветов украшали поле портала, а иногда и целые участки стен, например щипцы церквей. В Ани сохранились даже две постройки с шахматной облицовкой стен, по которой их условно называют шахматной церковью* и шахматным домиком, о котором И. А. Орбели в Путеводителе говорит: „Случайные раскопки архим. о. Михаила осенью 190? г. открыли у северо-западного угла кафедрального собора небольшой, но очень интересный двухэтажный домик. В каждом этаже было по одной комнате. Фасад был украшен мозаичной кладкой чисто тесаных красных и черных камней. Нижняя комната, покрытая каменным сводом, сохранилась хорошо и была реставрирована. Стены ее представляли собой шахматную доску из красных и черных квадратов. Это—единственная пока известная комната в Ани, сохранившаяся вполне“ (стр. 40). В шахматном наборе горизонтальными рядами нельзя соблюсти основное правило каменной кладки—перевязь

* И. А. Орбели. Краткий путеводитель по городищу Ани. С.-Петербург. 1910. Список развалин, № 50.

швов и потому такая облицовка, не лишенная беспокойной красочности, производит впечатление искусственного, надуманного приема, чуждого архитектуре. Авторы лучших анийских зданий не могли этого не чувствовать и избрали другое решение. Повернув шахматную доску на 45°, они надежно вклинили один в другой ряды поставленных на вершину квадратов и с большой легкостью обратили неудачную облицовку в превосходный декоративный мотив, украсивший порталы дворца парона, гостиницы и новые ворота анийских стен.

Караван-сараи. Монастырские здания: притворы, трапезные, книгохранилища.

Устройство анийского ханабара вполне соответствовало характеру его работы. Приехавший в город на несколько дней купец предпочитал иметь отдельный угол, а не ютиться в общежитии. Ханабар предоставлял ему самостоятельный „номер", где он с известными удобствами мог поговорить о делах и отдохнуть. Раскопанное в 1908 г. анийское здание по своим функциям приближалось к гостинице, чем и должно быть объяснено наличие комнаток. Совсем не то требовалось от заезжих дворов—караван-сараев, которые строились на караванных путях, часто в стороне от селений. Там торговый люд задерживался недолго, располагаясь только на ночлег или укрываясь от непогоды, а иногда и от нападавших на обозы любителей легкой наживы. Постоялец мог обойтись без отдельной комнаты,—ему

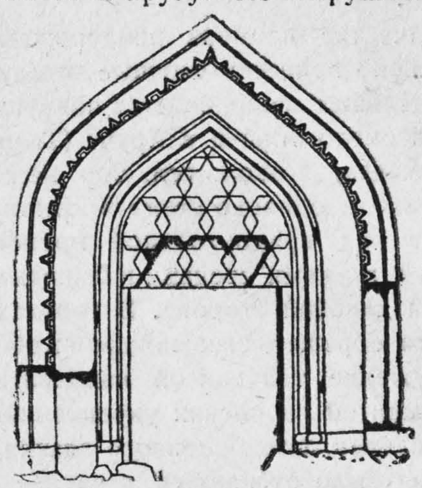
было нужнее удобно и безопасно разместить свое добро и животных. Потому эти здания по своей структуре заметно отличаются от городской гостиницы.

В качестве примера придорожных караван-сараев можно привести сходные между собой даже в отдельных подробностях полуразрушенные постройки около Зора и в Аруче (Талише).

Караван-сарай около сел. Зор между Араратом и Араксом одиноко стоит в открытом поле. Он имеет вид прямоугольной крепости, разм. 65×25 м, с глухими стенами и башнями—по пяти на каждой длинной стороне. В городах не было надобности обращать заезжий двор в оборонительное сооружение, так как он находился под надежной защитой городских укреплений. На дороге же владелец незащищенного здания, в котором нельзя было отсидеться в случае разбойного нападения, неизбежно потерял бы постояльцев.

Главный фасад с единственным богато убранным входом—восточный. Посредине стены помещена очень неглубокая плоская ниша со стрельчатым верхом, обведенная широким наличником; в ней расположена плоско перекрытая дверь, над которой из шестиконечных звезд и ромбов, заполненных тонкой резьбой, набран тимпан (рис. 64), заставляющий вспомнить окно анийского ханабара. С внутренней стороны наличник окаймлен полочками и валиками, заканчивающимися, так же как в анийской гостинице, шаровидными базами с высокими плинтами. Сред-

няя полоса наличника сплошь покрыта очень мелким плетеным орнаментом, не показанным на рисунке, в виде звезд, приближающихся из-за дробности элементов к кругу. По наружному краю

64. Зор. Портал караван сарая.

идут две полки, из которых одна украшена рельефными зубцами такой же формы, как на арках большого притвора в Гегарде (табл. 69) и притвора церкви Оненца в Ани. Получается интересная комбинация из элементов убранства с разных построек XIII в., что позволяет и сам караван сарай отнести к этому же времени.

Вход ведет в крытое сводами помещение, облицованное чисто тесаным камнем, состоящее из трех просторных отделений, расположенных одно за другим. Каждая из внутренних продольных стен имеет вид аркады с девятью низкими проемами, через которые можно попасть в располо-

женные по обоим сторонам средней части более узкие помещения, покрытые циркульными сводами на подпружных арках (табл 63). Такие же арки, вероятно, были и в центральном своде. В кратком описании постройки (Христ. Вост., т. III, вып. 1, стр. 102) сведений по этому поводу нет, но такое предположение само собой напрашивается при сравнении ее с аручской. На первый взгляд может показаться, что перед нами—трехнефное сводчатое здание, засыпанное землей и обломками перекрытий на всю высоту столбов до пят арок. Однако ознакомление с развалинами в Аруче покажет, что на самом деле эти постройки не имели столбов, обычно поддерживающих арки.

Каравансарай в Аруче стоит справа от дороги на Талин за садами селения. Местные жители называют его развалины „почтой". От него сохранилась лишь сильно пострадавшая угловая часть бокового помещения, прилепившаяся на скале над ложбиной, окаймляющей селение с востока. В свое время он имел три нефа, разделенные аркадами и покрытые циркульными сводами на подпружных арках, опертых на кронштейны (табл. 63). Число проемов до раскопок трудно установить, но вероятно их было не менее пяти или шести. Вторая аркада, как и продольная стена со стороны дороги, совершенно разрушена и только одиноко торчащие камни одной пары смежных арок дают возможность составить представление о размерах среднего помещения. Об-

следование поверхности земли в боковом нефе и скалы за наружной стеной у оврага показало, что насыпь здесь менее одного метра и арки основаны не на столбах, а на низких каменных стульях. Вследствие этого высота проемов не могла быть большой и вероятно человек среднего роста, проходя под аркой, должен был нагибаться. Такое решение аркад, по нашему мнению, было продиктовано не соображениями экономии, а особенностями назначения здания, служившего одновременно пристанищем как для людей, так и для вьючных животных. Караваны везли дорогостоющие товары, которые, как и люди, требовали при ночлеге отделения от животных, что было легко сделать при конструктивно необходимом разделении на нефы. Вьючный скот вероятно оставлялся в средней части, куда попадали непосредственно с улицы, а люди и вьюки размещались в боковых помещениях, не имевших выходов наружу. Возможно, что пол боковых нефов был несколько приподнят, как в анийских гостиницах, что вместе с нарочито небольшой высотой аркад препятствовало животным проникать в помещения, занятые людьми и товарами. Подъем пола кроме того не допускал затекания сюда нечистот из средней части. Небольшие раскопки могут показать, насколько справедливы высказанные нами соображения. Так же как и в Зоре, продольные стены имели снаружи полукруглые башни-контрфорсы, из которых сравнительно хорошо сохранились две—над

обрывом, причем характерно, что угловые башни помещены одинаково на обоих постройках: они выдаются только на продольных стенах, заканчивая поперечные плавной кривой без каких-либо выступов. Такое сходство обоих караван-сараев позволяет считать, что в Зоре насыпь также невелика по высоте и не скрывает в себе столбов под арками.

Как был отделан вход в аручском памятнике—сказать нельзя, так как обе поперечные стены разрушены и погребли под своими обломками все, что могло сохраниться от убранства, если только оно не было растащено на новые постройки. Но даже не зная его характера, который, по нашему мнению, наверное, был близок с зорским, можно, без боязни впасть в грубую ошибку, отнести сооружение караван-сарая в Аруче, как и в Зоре, к XIII в.

Известный караван-сарай 1332 г. на Селимском перевале также трехнефный и сходен по плану с зорским и аручским. Надо полагать, что подобное устройство заезжих дворов на караванных путях считалось наиболее удобным и потому получило широкое распространение.

Не исключена возможность, что на главных путях караван-сараи строились по общему плану либо крупными предпринимателями, либо властями. Хамдаллах Казвини отмечает, например, что в Иране на дороге из Карабага в Табриз три станции для караванов были построены министром ильханов Улджайту и абу-Саида Тадж ад-

дином Али-шахом Табризи.* При такой системе оборудования путей становится понятным и единообразие построек.

В двенадцатом и главным образом в тринадцатом веках в монастырях появляются очень интересные постройки светского характера, служившие местом собраний, трапезными, книгохранилищами, в которых армянские зодчие вновь с большим блеском показывают свой художественный талант и конструкторскую изобретательность, основанную на солидных инженерных знаниях.

В это время стало очень распространенным, преимущественно в монастырях, возведение притворов при церквах, не исключая и ранее построенных. Что многие из них, если не большинство, пристроены позднее, особенно хорошо видно по расположению их кровель, которые часто прикрывают окно церкви. В единичных случаях (здание Амазаспа в Ахпате, притвор Папака и Рузукан в Гегарде) притворы представляли отдельно стоящие помещения, не связанные с церквами и другими монастырскими постройками. Н. Я. Марр следующим образом определяет их назначение:

„Притворы у армян часто пристраивались к церквам впоследствии, именно тогда, когда церк-

---

* И. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья. Изв. Академии Наук СССР. № 4. 1937, стр. 915.

ви начинало не хватать на умножавшийся приход: молящиеся, не находившие места в самом храме, во время службы церковной, становились в притворе. В притворах предавались погребению выдающиеся прихожане или вообще горожане, и они представляли своего рода Пантеон. Кроме того, в притворах собирались для обсуждения вопросов не только церковных, но и общественных и политических. В частности в притворах анийских церквей выяснялись отношения анийцев к тем или иным мероприятиям правительства, равно как оглашались новые законы или распоряжения правителей и начальствующих лиц. Вот почему все свободные от орнаментов места в притворе церкви Апостолов покрыты армянскими надписями, которые рядом с сообщением о вкладах в названную церковь трактуют о фактах, имеющих общеанийское значение; так, например, одна надпись (1263 года) говорит о воспрещении торговли на улицах по воскресным дням, другая (1320 г.)—о сложении с анийцев известных поборов с вводимых в Ани коров и ослов, с угрозой проклятия за нарушение этого решения, будет ли нарушитель армянин, или грузин, или мусульманин. Особенно много надписей касательно льгот, предоставлявшихся анийцам в несении повинностей".*

Одной из причин, вызвавших появление притворов, безусловно мог быть недостаток ме-

* Н. Я. Марр. Ани, столица древней Армении. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. 2-е изд. Москва. 1898, стр. 210.

ста в церквах, размеры которых в XII—XIII вв. в большинстве случаев были сравнительно невелики. Не меньшее значение имели их функции, связанные с развитием общественной жизни, что видно из приведенных сведений о притворе при церкви Апостолов. Известны кроме того случаи, когда подобные сооружения возводились при зданиях, не имевших прямого отношения к церковной службе. Так, по свидетельству Киракоса Гандзакского, в монастыре Нор-Гетике (сел. Гош), основанном в конце XII в., было построено обширное помещение при книгохранилище, называемое историком тоже притвором. Ясно, что оно предназначалось не для молящихся; здесь наверное вели свои занятия над рукописями члены братии и ученые посетители со стороны; здесь же, возможно, работали и переписчики книг.

Притвор представляет из себя большое, почти квадратное помещение, сводчатое перекрытие которого обычно поддерживается четырьмя столбами, расположенными посредине, и реже—перекрещивающимися арками, опирающимися на пилястры стен. В обоих случаях арки образовывают в центре притвора квадрат, на котором основывается своеобразный, характерный именно для этих построек, каменный свод или шатер со световым отверстием наверху. Эти особенности композиции показывают, что здесь зодчие облекли в изысканные, новейшие каменные формы одну из самых древних народных архитектурных схем—

четырехстолпный крестьянский дом с деревянным шатром в центре.

Столбы в притворах—обычно круглые или многогранные, иногда—в виде пучка колонок (Ахпат, Агарцин); такую же форму имеют и расположенные напротив их пилястры. Есть постройки, в которых рядом стоят столбы и пилястры разного сечения. Массивные базы и капители по своим основным элементам сходны между собой; чаще всего базы состоят из высокого квадратного или многоугольного плинта и вала, капители—из вала и абаки, нижние углы которой часто имеют срез в форме трилистника или сталактита (табл. 55). Между столбами и от столбов к пилястрам стен переброшены арки с легким изломом у замкового камня, на которых возведены стенки, поддерживающие своды; арки идут также по стенам между пилястрами. Покрытие центральной части бывает самой разнообразной формы; оно всегда выше боковых и имеет наверху световое отверстие, над которым иногда возводится небольшая ротонда с арками между колоннами и островерхой кровлей. В поздних церквах (XVII—XVIII вв.) эта ротонда перерождается в тощую колоколенку на тонких колонках, неуклюже поставленную на конек двускатной крыши. Имеются примеры, показывающие, что при разработке центральной части притворов зодчие несомненно отталкивались от форм крестьянского дома. В старых жилых постройках Армении и Грузии хорошо известны деревянные кровли, состоящие из нескольких ря-

дов брусьев, уложенных многоугольниками так, что углы каждого из них приходятся над серединами сторон нижележащего (табл. 64). В притворе монастыря Апостолов (Аракелоц) близ селения Геташен (Кунен) зодчий явно повторяет деревянную форму, укладывая подобным же образом каменные плиты над квадратом перекрещивающихся арок (табл. 61). В колокольне, надстроенной в 1291 г. над книгохранилищем монастыря Нор-Гетик, конструкция куненского памятника приобретает изысканный архитектурный наряд и только отдаленно напоминает свой прототип. Здесь выше арок центральной части крестообразного помещения выведен невысокий восьмигранный пояс, поддерживаемый в углах своеобразными „парусами"—треугольными отрезками цилиндрического свода (табл. 65). Над ним идут шестнадцатигранники из крупных блоков, расположенных подобно брусьям деревянной кровли. Свешивающиеся части блоков облегчены превосходными четырехлопастными тромпами, вершины которых уходят в углы нижележащего пояса. Так уменьшаясь с каждым рядом в поперечнике, вся система подходит к завершающему ее отверстию, над которым высилась ротонда.

В наиболее ранних притворах, как, например, в Нор-Гетике—там же в книгохранилище, построенных в конце XII в., покрытие центральной части имеет форму многогранного сомкнутого свода со световым отверстием в вершине. Широкое распространение в этих постройках полу-

чило покрытие в виде каменного шатра. В простейшем виде шатер представляет восьмигранную усеченную пирамиду с отверстием наверху, грани которой либо оставляются без убранства, либо украшаются резным орнаментом, гуртами и геометрическими фигурами из поясков и валиков (табл. 66, 67), двухцветной (красной и черной) шахматной выкладкой, как это сделано в Айриванке на берегу озера Севан. Иногда шатру придают форму многогранного свода с небольшой кривизной у основания и срезом при вершине (здание Амазаспа в Ахпате, табл. 66). В углах квадрата, образованного арками, опирающимися на колонны, зодчие помещают сводики различной формы, создающие переход к низкому восьмиграннику, который служит основанием шатру или своду, отделенному иногда карнизом (табл. 66). В некоторых памятниках, наоборот, карниз пробегает между арками и угловыми сводиками, которые в XIII в. зодчие особенно охотно строят по оригинально разработанной ими сталактитовой системе. Некоторые строители, переходя от квадрата к многогранной пирамиде, обходятся без угловых сводов. Так в Сагмосаванке двенадцатигранный шатер, сложенный из каменных трапеций с резными гуртами и розетками, поддерживается в каждом углу двумя треугольными каменными плитами (табл. 67). Через отверстие в вершине шатра видны колонки небольшой ротонды.

В находящемся по соседству с Сагмосаванком монастыре Ованнаванке видно явное стремление архитектора увенчать притвор куполом. Но

поставить простой глухой барабан с узкими окнами он не мог, так как это нарушило бы основы архитектурной композиции притвора, от которых или нельзя, или не принято было отступать. Способный, изобретательный мастер нашел интересный выход из затруднительного положения: с помощью сталактитов он переходит от квадрата к двенадцатиугольнику и в вершинах его ставит поочередно колонны и граненые столбы, образующие стройную ротонду, в просветах которой сверкает небесный свод (табл. 68). Колонны соединены арками, окаймленными снаружи архивольтами и фестончатой линией расположенных над ними декоративных фронтонов; пирамидальная кровля завершает этот своеобразный купол.

Среди весьма разнообразных решений покрытия центральной части притвора особо выделяются сплошные каменные сталактитовые своды, окончательно сформировавшиеся, как показывают даты памятников, к середине XIII в., прекрасные образцы которых можно видеть, например, в знаменитом Гегардском монастыре (Айриванке), славящемся своими иссеченными в скалах сооружениями. В большом притворе и подземной церкви с источником, построенных в 1283 г. (табл. 69, 73), сталактиты уже не являются только нарядным переходом к шатру, а из них ряд за рядом от квадратного основания, покоющегося на арках, до многоугольного светового отверстия наверху составляется целиком весь свод. Кое-где армянские мастера декоративно повторяют в кам-

не формы, ведущие свое происхождение от выработанной в Иране кирпичной конструкции угловых сводов (наприм. входная ниша в притворе анийской церкви Апостолов, табл. 42). Сталактиты, которыми украшены своды Гегарда и ряда других построек древней Армении, разработаны по-другому, как оригинальный каменный вариант этого строительного приема, получившего в архитектуре Передней Азии столь широкое распространение. В основу сталактитовой конструкции, зародившейся в кирпиче и в конце концов чисто декоративно перенесенной в самые разнообразные материалы, был положен сомкнутый стрельчатый свод, через который аналогично тромпу совершался переход к куполу (наприм., соборная мечеть и мечеть Хейдарие в Казвине, XII в.). В обоих купольных помещениях соборной мечети в Исфахане, в Ардистанской мечети (XII в.) строители дробят угловую конструкцию, составляя ее из трех основных частей так, что центральный сводик как консолями поддерживается расположенными по бокам половинками такого же свода. Постепенно число составных частей растет, размеры их уменьшаются и вся система принимает вид сложной комбинации из остроконечных отогнутых наверху „листьев" (наприм. свод в айване Вераминской соборной мечети). Но сколько бы ни усложняли персидские зодчие эту систему, увеличивая число элементов, как бы их ни комбинировали—структура кирпичного сталактитового свода существенно не меняется, так как ее диктует сама природа ма-

териала. Подобный свод от начала до конца конструктивен, и в этом заключается его красота, не без расчета подчеркнутая безукоризненным рисунком превосходной кладки; скульптурная декоративность свода могла быть достигнута лишь с помощью фигурных изразцов или гипсовой лепки, что и применили зодчие несколько позднее на обширном пространстве от Средней Азии до Пиренейского полуострова.

В иных условиях находился армянский мастер; сталактиты его свода высекались из камня,— следовательно он мог придать им пластичную, скульптурную форму. Это было прекрасно учтено, и армянская архитектура получила свой каменный сталактитовый свод, в котором простая и ясная конструкция была обогащена полным жизни скульптурным нарядом. Структура подобных сводов во всех постройках одинакова и для ознакомления с ней можно обратиться к любому из образцов, хотя одним из лучших, пожалуй, нужно признать Гегард (табл. 69). Здесь сразу же над квадратом карниза идет ряд кронштейнов в виде острых трилистников, на которые опираются выступающие вершинами вперед сомкнутые сводики, украшенные направленными друг другу навстречу трилистниками; в первом ряду между кронштейнами обычно помещаются тоже широкие трилистники. Следующие ряды состоят из чередующихся ребристых кронштейнов, опирающихся на вершины нижележащих сводиков, и тромпов со своеобразной нервюрой в середине, несущих сомкнутые сводики такого же вида,

как и в нижнем ряду. В углах помещается элемент, сходный по своему виду с отмеченными ребристыми кронштейнами; переход к окну, венчающему свод, совершается плавно без нарочитого подчеркивания. Создается впечатление, что над головой, как в тенистом саду, раскинулся трепещущий лиственный шатер, в ветвях которого словно золото, рассыпанное рукой незримого волшебника через просвет в вершине, играют яркие солнечные блики.

Прекрасные сталактитовые своды в притворе церкви Апостолов в Ани, в трапезной Агарцинского монастыря и других памятниках по своей структуре сходны со сводами Гегарда и только в разработке отдельных деталей показывают индивидуальные особенности творчества создавших их мастеров.

Восемь секций, охватывающих центральную часть притвора, перекрывались сводами различной формы: крестовыми, сталактитовыми, сомкнутыми, зеркальными. Но какую бы форму свода ни брал зодчий, он не ограничивался простым воспроизведением образца; он обогащал ее своей выдумкой, создавая самые затейливые комбинации из известных ему систем. В зеркальных сводах в Ариче и Сагмосаванке зодчие, например, с большой охотой применяют в центральной плоской части выкладки, составляющие рельефные геометрические узоры, и резной орнамент в виде сложного плетения. В зданиях, где потолок был разбит на квадратные поля арками, переброшенными между колоннами или пилястрами, пере-

крытие полностью или в отдельных квадратах делалось плоским и очень часто представляло из себя мозаичный набор из камня красного и черного цвета.

В колонном здании у анийских Ашотовых стен была произведена капитальная перестройка в связи с обращением его в мечеть. Над новыми капителями с характерными срезами абак возведены арки и стены, на которых покоятся плоские мозаичные потолки, поддерживаемые сталактитами (табл. 37). Для придания им большей красочности, кроме набора разнообразного рисунка из черного и красного камней, пущена в ход еще и синяя краска. Так же, не исключая и применения краски, исполнены плоские части перекрытия в притворе церкви Апостолов.

Это стремление избежать повторений в перекрытии отдельных квадратов, заключенных между колоннами, показывает, что армянские зодчие шли в ногу со своим временем и развивали в камне те же приемы, которые применялись их собратьями в соседних странах. Вспомним хотя бы Исфаханскую соборную мечеть, где в галереях даже самые простые, конструктивно одинаковые своды кажутся разными, так как каждый имеет свой собственный узор кладки.

Наряду с четырехколонной схемой в монастырских постройках—в притворах, трапезных, библиотеках зодчие оформляют пространство без дробления на части промежуточными опорами, перекрывая его остроумной, эффектной системой на перекрещивающихся арках. У каждой стены

помещается по две различно обработанных пилястры; между пилястрами противолежащих стен перебрасываются арки, которые, пересекаясь в центральной части помещения, образуют квадрат, несущий шатер или сталактитовый свод с обязательным световым отверстием в вершине. Наиболее ранней постройкой этого типа можно считать книгохранилище в монастыре Нор-Гетике (около Дилижана), которое до последнего времени принимали за усыпальницу, хотя внешний вид здания вполне соответствует описанию Киракоса Гандзакского, жившего здесь долгое время. Историк сообщает, что до церкви св. Григория, законченной в 1231 г., были построены из больших необтесанных камней книгохранилище и притвор при нем, имевший деревянное перекрытие. Эти две постройки существуют и ныне: книгохранилище с надстроенной в 1291 г. колокольней, а притвор в полуразрушенном виде, без кровли, которая несомненно была деревянной, так как в стенах видны гнезда для балок. Книгохранилище представляет из себя небольшое квадратное помещение, перекрытое сводами, основанными на парных перекрещивающихся арках, со световым отверстием в центре, которое теперь открывается в колокольню. Опоры арок не в меру массивны и настолько сильно выдаются из толщи стен, что нарушают квадратный план постройки, образуя в углах тесные закутки вроде полутемных келий, в которых едва мог разместиться один писец. В ахпатской библиотеке этого композиционного недостатка нет: там пиля-

стры стройны, не загромождают помещения и несут легкие арки, на которых в центральном квадрате возведен изящный шатер из целых плит. Очень хорошо разработана и выполнена церковка Гегардского монастыря, высеченная в скале в 1283г. по заказу князя Проша (табл. 73).

Для увеличения размеров помещения иногда соединяют два зала с перекрытиями на перекрещивающихся арках, как это сделано, например, в трапезных Ахпата и Агарцина (табл. 74). В этом случае стена, разделяющая залы, прорезается внизу тремя проемами. В Ахпате между проемами стоят колонны, а в Агарцине столбы прямоугольного сечения; на них и опираются с каждой стороны две главных арки перекрытия зал. В центральных квадратах сводчатого потолка в Ахпате возведены многогранные купольные своды, а в агарцинской трапезной, построенной в 1248 г. мастером Минасом,—сталактитовые своды со световыми отверстиями в вершине.

Очень интересно перекрытие большого притвора в Ахпате, где система перекрещивающихся арок применена дважды, одна над другой. Здесь на центральном квадрате, образованном главными арками, основаны еще две пары пересекающихся под прямым углом арочек, которые несут небольшую ротонду над квадратным световым отверстием.

Перекрытия между параллельными арками от стен до центрального квадрата состоят либо из бочарных сводов, либо из отрезков цилиндрического свода, причем в этом случае под их

пятами обычно идут карнизы. Угловые части зала покрываются сомкнутыми сводами, поддерживаемыми иногда арочками, переброшенными по стенам от пилястр к углам. Благодаря отсутствию промежуточных опор и стрельчатой форме арки с изумительной легкостью уходят на большую высоту, создавая то ощущение простора, которое с особой силой охватывает в постройках, подобных трапезной Агарцинского монастыря. Эти совершенно новые архитектурные решения, найденные без влияний извне, подсказанные формами народной архитектуры, могут считаться лучшими проявлениями творческой мысли армянских зодчих не только для своего времени; их авторов должно поставить рядом с прославившими армянскую архитектуру, к сожалению неизвестными нам мастерами предшествующих времен. Разрабатывая конструкции из пересекающихся арок, архитекторы не ограничиваются попарно крестообразным их расположением, а придумывают и другие комбинации. Так в притворе анийской церкви Апостолов арки идут между пилястрами диагонально по отношению к стенам, вследствие чего образованный ими квадрат со сталактитовым куполом, завершаемым световым отверстием, также располагается под углом в 45°. В Айсаси в сильно пострадавшем от времени притворе перекрытие со сталактитовым сводом в центре покоится на двух параллельных арках, переброшенных между пилястрами продольных стен, и упирающихся в них полуарках, идущих к пилястрам, помещенным в середине поперечных стен. На

обрыве к югу от сел. Узунлар (древн. Одзун) прилепился миниатюрный архитектурный комплекс Оромайр, состоящий из двух часовен, соединенных между собой крошечным притвором. Создать комбинацию из перекрещивающихся арок с куполом в центре зодчему было трудно из-за малых размеров постройки,—но в то же время ему видимо не хотелось решить перекрытие притвора по старому и он находит своеобразный выход, перебрасывая арки, поддерживающие своды, по диагонали с угла на угол, с пересечением их в центре помещения. Задачу, правда, можно было решить и с куполом, поступив так же, как это сделал строитель древнего книгохранилища в Санаинском монастыре; там, как мы уже видели, сводчатое перекрытие с открытым сверху куполом в центре основано на четырех арках, диагонально перекинутых между богато изукрашенными пилястрами, расставленными посредине всех стен.

Наружный вид притворов отличается простотой. Гладкие поверхности стен, украшенные лишь нарядным порталом входа, да иногда незатейливыми наличниками окон, завершаются щипцами, как в Агарцине (табл. 56), Ованнаванке, Кечаруке (табл. 57) и других монастырях, или горизонтальной полосой карниза (Ахпат; Гегард, табл. 70). В первом случае над сводами располагаются двускатные кровли, образующие на пересечении разжелобки, идущие к углам; при отсутствии щипцов притворы покрываются на четыре ската. В центре здания из кровли выступают невысокий, в один-два ряда облицовки, граненый барабан

с карнизом, несущий усеченный шатер, или же небольшая ротонда на колонках, прикрывающая световое отверстие центрального свода. Благодаря такому распределению масс здание снаружи приобретает приземистый вид. В Айриванке (на Севане) и Тегере (Дгире) верх притвора, как в церквах, имеет в плане форму креста, крылья которого заканчиваются на фасадах щипцами и возвышаются над низкими угловыми частями, опоясанными горизонтальным карнизом. Талантливые зодчие, превосходно разработавшие интерьеры, стремились придать зданиям более стройный вид, но не довели своего замысла до конца, так как, не решившись отойти от шаблона, завершили постройки обычным низким, как бы вросшим в кровлю барабаном с шатром. Сводчатая ротонда, заменяющая купол на притворе в Ованнаванке, представляет исключение, имеющее, насколько нам известно, аналогии в двухэтажных церквах в Егварте и Нораванке (табл. 88, 89) и в колокольне монастыря Нор-Гетик, с которыми познакомимся далее. Только в отдельных случаях наблюдается стремление зодчих смягчить суровость внешнего вида притворов и придать ему более нарядный вид. В Ованнаванке, например, над входным порталом помещено очень хорошо разработанное двойное окно с колонкой посредине, обрамленное сталактитовым наличником; кроме того по обеим сторонам от входа западная стена притвора украшена полуколонками и фигурными декоративными арочками. В Тегере (Дгире) над сводами в западных углах притвора воз-

ведены две купольные часовни, придающие фасаду вид, сходный с триумфальными воротами на плато около монастыря Оромос (табл. 91).

Трапезные, вероятно ввилу их бытового, утилитарного назначения, снаружи еще более скромны, чем притворы; даже в отделке входного портала, как, например, в Агарцине, не видно резного орнамента. Но зато в разработке интерьеров и в трапезных и в притворах зодчие доходят до виртуозности; у них есть чему поучиться и современному армянскому архитектору, наделенному родной природой столь богатым выбором строительного камня.

Церковная архитектура

Композиционные новшества совершенно не затронули церковной архитектуры XII—XIV вв. Здесь, кроме единичных исключений, бесконечно повторяется одна и та же архитектурная схема — купольная зала без восточной пары пилонов. Так же часто встречаются церкви анбердского типа с приделами в двух этажах во всех четырех углах. Такое обилие самостоятельных моленен в одном здании, где богослужения могли совершаться одновременно, едва ли вызвано только архитектурными соображениями; имеются данные, позволяющие полагать, что оно было продиктовано чисто экономическими факторами. В очерке об анийских стенах было показано на основании разысканий И. А. Орбели, что они строились по общему плану, а затем отдельные башни и прясла выкупались частными лицами для получения

права именоваться строителем в надписи, которая вырезалась на заранее вделанной для этой цели в стену плите.* То же самое видимо практиковалось и в церковном строительстве. И. А. Орбели при списывании и чтении надписей в Джухтакванке (близ Дилижана) обратил внимание на следующее обстоятельство: на тимпане двери небольшой церковки вырезана надпись, в которой сообщается, что она вместе с двумя приделами построена в 1201 г., а в надписи над входом в северный придел строителем его уже названо другое лицо и указана дата 1207 г. Так как изучение кладки показало, что церковь и входящий в ее состав крохотный придел построены одновременно, приходится придти к заключению, что и при сооружении церквей право именоваться строителем, за которого в дальнейшем совершалось обусловленное (часто в надписи) число поминовений, могло быть выкуплено даже через несколько лет после окончания постройки.** С подобным фактом, отраженным в надписях, встречаемся и в большой церкви Гегарда. Страна и прежде всего Ани, по мнению Н. Я. Марра, переживали время, когда происходил переход княжеских и дворянских владений в руки крупных богачей, с которыми могло соперничать только духовенство, особенно монастырское. Теперь церковное строительство велось людьми, знавшими цену деньгам и очень хорошо

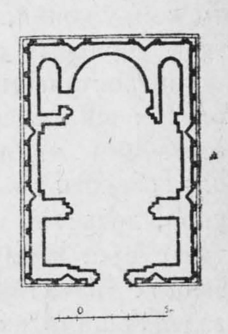
* И. А. Орбели. О двух терминах в надписях Ани. Известия Российск. Академии Истории Материальн. Культуры, том I, 1921, стр. 114.

** Там же, стр. 116.

умевшими их считать, людьми, которые охотно шли навстречу богатому покупателю церковного придела, заботившемуся о спасении своей души, так как это помогало покрыть часть расходов по постройке. Ясно, что при такой практике было выгоднее соорудить под одной кровлей не один, а восемь приделов, что и делалось без изменения привычного вида храма. Духовенству подобное увеличение числа „рабочих мест“ было тоже на руку, так как давало возможность в известной мере смягчить затруднения, которые возникали при распределении доходных статей среди весьма многочисленных членов своего сословия.

Мастера XII—XIII вв. в церковном зодчестве идут проторенными путями, придерживаясь выработанной и получившей повсеместное распространение еще в багратидское время формы церковного здания. Они направляют свое внимание главным образом на убранство, обогащая привычные массы затейливой декорацией; при этом забота об украшении построек, по мнению И. А. Орбели, иногда даже отпадает от архитектора, благодаря разграничению функций цехов зодчих и резчиков по камню, приводившему зачастую к стычкам между ними и вызывавшему жалобы одного цеха на другой. В результате прекрасная сама по себе работа резчиков иногда пропадала от неумелого применения; так, например, в Ованнаванке тончайший резной узор оказывается помещенным на столь большой высоте, что его нельзя рассмотреть и оценить по достоинству.

Богатый оживленный Ани так же, как и в багратидское время, несомненно привлекал к себе лучшие творческие силы, находившие здесь достойное применение. Многочисленные постройки, возведенные в XII—XIII вв., показывают, что зодчие не составляли исключения и выполняли заказы богатых и знатных горожан, украсивших город не только нарядными светскими зданиями, но и несколькими превосходными церквами. Тигран Оненц в 1215 г. построил над Ахуряном у восточного конца смбатовых стен одну из лучших анийских церквей, известную также своими фресками (рис. 65, табл. 76, 77). С ней соперничала фамильная церковь Бахтагеки, отличающаяся особенной пышностью резного убранства, которое во фрагментах, открытых при раскопках 1892 г., сохранилось с такою полнотой, что архитектору Т. Тораманяну удалось выполнить не вызывающую разногласий реконструкцию памятника. К тому же кругу и времени относится и возведенная неизвестным лицом церковь на южной оконечности анийского мыса на утесе, известном под названием Девичьей крепости. В этих постройках анийские архитекторы не отступают от распространенной схемы

65. Ани. План церкви постр. Тиграном Оненцом.

церковных зданий, но и не замыкаются в рамки шаблона, которому следует большинство рядовых мастеров, строя десятки похожих одна на другую церквей. Видимо считаясь с желаниями и возможностями заказчиков, а также учитывая, что церкви строились теперь на небольших площадках среди жилых домов, анийские зодчие отказываются от грандиозных масштабов багратидского времени и все свое незаурядное мастерство обращают на отыскание новых пропорций, соответствующих сравнительно скромным размерам сооружений, а искусные резчики покрывают стены нарядным орнаментом. Отношение высоты к горизонтальным размерам теперь становится больше: щипцы круто подымаются вверх, соответственно увеличивая высоту основания купола, барабан вытягивается, шатер, венчающий купол, делается острее. Система убранства соответствует этому стремлению вверх. Стены названных памятников украшены полуколонками, разделяющими их поверхность на сильно вытянутые поля, окаймленные сверху арочками. В церкви Оненца они ритмично следуют одно за другим, почти не отличаясь друг от друга по ширине и высоте; только на западном и восточном фасадах этот ритм перебивается широкими панелями у главного входа и алтарного окна. В церкви Бахтагеки членение фасадов близко к мармашенскому; так же, как и там, расстояние между средними полуколонками под щипцами значительно больше остальных и идущие между

ними центральные арки соответственно возвышаются над соседними.

Треугольные ниши прорезают все четыре (церковь Оненца) или по меньшей мере три стены (церковь Бахтагеки); они теперь неглубоки и носят скорее декоративный, чем конструктивный характер, тем более, что зодчие на ряде памятников снабжают их верх различными украшениями. Часто встречаются широко распространенные в грузинской архитектуре ажурные фестоны под арочкой, составленные из следующих друг за другом дуг, заканчивающихся тремя крестообразно расположенными лепестками, как, например, в Гегарде (табл. 70), Ованнаванке и Макараванке, где они связаны с замысловатым орнаментом, покрывающим арку; в большой церкви агарцинского монастыря в сводиках помещены сталактиты. Углы ниш иногда обрабатываются в виде валиков, как и углы здания,—теперь все четыре, а не только два западных, как это делалось в постройках VI—VII вв. (Аван, Мрен, Птгни и др.).

Основой убранства куполов в анийских церквах XII—XIII вв. служат также колонки; их размещают по поверхности круглого или многогранного барабана либо попарно, либо пучками из трех стержней, разбивая ее на двенадцать, а чаще на шестнадцать вытянутых по высоте панелей. В первом случае они соединяются профилированными или украшенными резьбой арочками (церковь Оненца, табл. 76), во втором—их доводят до карниза зонтичной кровли (церковь Бахтагеки, Девичий монастырь), как это было сделано уже в X—XI вв.

в Мармашене и Хцконке (табл. 47, 48). Между арочками и карнизом барабана в церкви Оненца протянута лента резного плетения; этот прием, известный ранее (церковь Просветителя в Кечаруке), применялся и вне Ани и с ним можно встретиться не только в церквах с колонками на барабане (Макараванк, Гегард, табл. 70), но и в постройках с гладкой поверхностью купола (монастырь Нор-Гетик в сел. Гош и др.). Такой же плетеный пояс, как на церкви Оненца, виден на анийской церкви Спасителя (табл. 45), где он помещен в комбинации с парными полуколонками и резными арочками. Несмотря на отсутствие здесь резьбы в антрвольтах, наряд куполов в обоих постройках настолько сходен, что напрашивается предположение, что верхняя часть церкви Спасителя построена заново в XIII в., когда было произведено ее обновление. Это подтверждает и украшающее основание барабана плетение из двух жгутов,—так называемая „сельджукская цепь", которое было широко распространено в XII—XIV вв.

Названные анийские церкви по своеобразию приемов убранства, примененных за пределами Ани только в единичных случаях, можно выделить в особую группу, прибавив к ней изящную шестиабсидную церковку так называемого Девичьего монастыря на утесе над Ахуряном (табл. 75). Подобно авторам Звартноца и Гагикова храма зодчие покрывают арочки резьбой и помещают в „треугольниках" между ними резной орнамент (табл. 77). Но характер его уже не тот.

По составным элементам композиции (растительные побеги, звери, птицы) он, на первый взгляд, может показаться сходным с ахтамарскими рельефами. Однако сходство это кажущееся. В Ахтамаре, несмотря на грубоватый примитивизм рисунка, „виноградный" фриз пронизан искренним реализмом: люди и животные изображены в действии, и это определяет их позы и размещение; виноград—не декорация, не пассивный фон, а необходимый участник сцен, без которого они потеряли бы смысл; потому-то и фигуры и виноградные лозы изваяны в одной плоскости (табл. 59). В анийских церквах растительный сюжет разработан в виде узора, покрывающего фон, *на* котором помещены фигуры, исполненные более высоким рельефом. Побеги геометризованы, свернуты в спирали с завитками и условными листьями и цветами; звери и птицы декоративны и их позы продиктованы конфигурацией пространства между арками. В западном углу южной стены церкви Оненца помещено, например, рельефное изображение птицы (табл. 77); так как с одной стороны границей является арка, а с другой угол,—раскрыть ей оба крыла не представилось возможным, и художник вырезал ее с одним простертым и вторым отпущенным крылом, мастерски заполнив все имевшееся в его распоряжении пространство. В убранстве XIII в. часто появляются изображения фантастических зверей и птиц с человеческими головами. Мы уже упоминали сфинксов, изваянных на портале гостиницы; на „фризах" церквей Оненца и Бахтагеки мож-

но видеть парных сиренов, хорошо умещающихся между арками (табл. 7). Такая композиция из двух фигур, вероятно, была подсказана не только формой отведенного для нее места, но и распространенными еще в сасанидское время геральдическими изображениями. В рельефах церкви Оненца нашел отражение и излюбленный в это время сюжет звериного гона, который мастера чеканили и гравировали на металлических изделиях, в рельефе и красках наносили на керамику, вырезали в дереве и кости. Правда, мы здесь не видим цепи бегущих друг за другом зверей, как, например, на наличнике двери из Муша (табл. 94), но несомненно элементарное звено этого сюжета можно усмотреть в фигурах хищника и преследуемого им козла.

Трактовка фигур, как чисто декоративного элемента, обогащающего орнамент, нашла яркое выражение в изваяниях птиц на церкви Бахтагеки, помещенных так же, как и в церкви Оненца между арками на фоне растительных побегов. Художник здесь не стремится к правдивости изображений,—его больше привлекает нарядная узорчатость, и он вырезает на крыльях розетки и спирали, из-под которых вырастают уложенные правильными рядами перья. Такие же ряды перьев, словно туго накрахмаленный, наплоенный воротник, охватывают шеи и следуют за причудливыми контурами пышных хвостов.

Заказчик, несомненно очень состоятельный человек, не жалел средств на украшение затеянной им постройки; возможно даже старался пре-

взойти в ней Оненца и потому наказал мастеру не ограничиваться повторением того, что можно было видеть на церкви св. Григория, а сделать наряд еще богаче, еще пышнее. В церкви Бахтагеки орнамент заполнял не только антрвольты; как показано на реконструкции Т. Тораманяна, весь щипец южного фасада (а, возможно, и северного) был сплошь покрыт мелкой резьбой, так же как и треугольные поля под односкатными кровлями на западном фасаде. Подобное украшение представляет исключение: обычно, и то не везде, ограничивались постановкой на щипце небольших орнаментированных треугольных плит под нижними концами карниза.

Не так расточителен был неизвестный строитель церкви в Девичьей крепости (Ахчикаберде) на конце анийского мыса. Он старался не отстать от своих сограждан и потому в убранстве применил все, что было модно в его время; но сделал это очень расчетливо, учтя особенности топографии крепости. Церковь—широко распространенного в XII—XIII вв. анбердского типа с приделами в двух этажах во всех четырех углах и треугольными нишами на всех фасадах. Она сильно пострадала от времени,—потеряла купол и почти целиком западную и южную стены, как раз те, которые имели наряд, состоявший из парных полуколонок, резных арочек и растительного орнамента без фигур в антрвольтах. Северная стена возведена на краю отвесной скалы над Ахуряном и видна лишь с тропы, ведущей из Вышгорода. Она вдобавок весь день находится в

тени и строителю незачем было на нее тратиться. Обрамление окна с парными полуколонками по сторонам проема, да квадратный камень с загадочными сочетаниями армянских букв вокруг круглого окна северо-западного придела, — вот все, что оживляет гладкую поверхность этой стены. Нет украшений и на восточной стороне. Западный и южный фасады, ярко освещенные солнцем, в которых находились входы, сразу же бросались в глаза богомольцу, поднявшемуся на крепостную площадку, и их убранства было вполне достаточно, чтобы оценить добротность постройки и „щедрость" жертвователя.

В другом конце Ани, тоже на утесе над Ахуряном, за древним мостом, прилепилась крохотная церковка Девичьего монастыря, построенная тем же Тиграном Оненцом. Архитектор правильно учел положение площадки, выбранной под постройку, ее размеры, окружающий природной ансамбль и выбрал башнеобразную форму, отказавшись от распространенного типа „купольной залы" (табл. 75). Церковь состоит из шести абсид, которые кольцом охватывают центральный объем с куполом, основанным на их триумфальных арках. В разработке фасада автор не стал следовать имевшимся под рукой образцам и не скрыл внутреннюю структуру здания в многогранном массиве, как это сделано в церквах рода Абугамренц и Спасителя. Все шесть абсид пучком стройных цилиндров вырастают из скалы, дружно неся легкий, слегка вытянутый купол. Этому стремлению ввысь как нельзя лучше отвечает знако-

мый нам наряд из полуколонок, разбивающих стены на узкие, вытянутые поля, ограниченные сверху резными арочками, между которыми помещен орнамент. Миниатюрные размеры антрволтов не позволяли поместить в них какие-либо фигуры и резчику пришлось ограничиться растительным сюжетом. На барабане пучки колонок поддерживают фестончатый карниз „зонтичного" шатра, под которым в треугольниках щипцов поставлены орнаментированные плиты. В этом скромном по размерам произведении неизвестный художник с мастерством ювелира воплотил отмеченные особенности богатого, но не грешащего излишествами анийского стиля времени Долгоруких (XII—XIII вв.).

Монастырские и сельские церкви

Приемы убранства, выработанные анийскими зодчими, не получили одновременно широкого распространения за пределами Ани, может быть из соображений экономии, а вернее, по причине установленного Марром и Орбели отставания феодальной провинции в своем развитии от городов. Обычное убранство церквей в XII в. и первой половине XIII в. составляют обрамления окон и ниш, да входной портал, в котором мастер по преимуществу и показывает блеск своего творчества, как это было уже отмечено при ознакомлении с памятниками гражданского зодчества XII—XIII вв. Кое-где, как, например, в Гегарде, купола украшены полуколонками и арочками; сделано это, надо думать, под влиянием

анийских образцов, так как здесь, как в церкви Оненца, в облицовку вделаны отдельные камни с рельефами, изображающими птиц, головы животных, утварь. Узкий проем окна небольших размеров с циркульным верхом окаймляется наличником в виде широкой прямоугольной рамы, составленной из тяг или украшенной плетеным геометрическим орнаментом. Мелкие окна часто делаются круглыми и также обводятся наличником; иногда им придается форма креста, образуемого четырьмя полукругами. Бровка не выходит окончательно из обихода мастеров, но теперь это уже второстепенный элемент убранства, который даже не украшают резьбой, а составляют из нескольких простеньких тяг. Только на единичных памятниках, как, например, в Ованнаванке, можно увидеть тот вычурный архитектурный наряд, который получает широкое распространение с середины XIII в.

К тому времени, когда влияние анийской архитектурной школы могло сказаться на творчестве провинциальных мастеров, стране опять было не до строительства. В 1225 г. по Армении прошли рати Хорезмшаха Джелал-ад-дина, а десятилетием позже в нее вторглись полчища монголов, утвердивших здесь свое господство. Ани пал, не выдержав их натиска, в 1236 г. От строительства на первых порах пришлось отказаться. Новый перерыв, однако, не был очень длительным, так как довольно скоро с монголами установились отношения, не препятствовавшие его возобновлению. Так поступили, например, умные,

деятельные сюникские князья из рода Орбельянов, которые своевременно поняли, что вступать в единоборство с сильными монгольскими правителями бессмысленно, что сопротивление в данный момент до добра не доведет, и избрали политику добрососедских отношений с ними, смягчившую невзгоды подневольного существования Очень показателен, например, тот факт, что при дворе Хулагу-хана (втор. полов. XIII в.), причинившего немало хлопот государствам Ближнего Востока, были приняты виднейшие армянские историки Вардан (Великий) и Киракос Гандзакский, с которыми хан, а в особенности его жена Дохуз-хатун советовались. Дохуз-хатун была христианка и ее заступничество перед мужем часто избавляло армян от религиозных преследований со стороны монголов. Орбельяны исполняли различные, часто ответственные, поручения монгольских правителей, которые не мешали им в то же время заниматься внутренними делами своих владений и в частности вести весьма интенсивное церковное строительство. Здесь в конце XIII в. и в начале XIV в. было возведено значительное число построек, в которых вновь вспыхнул творческий огонь средневековых армянских зодчих. Как бы желая наверстать потерянные из-за военных неурядиц десятилетия, сюникские мастера и их соседи жадно набрасываются на все, чем можно было украсить свои постройки, прибегая иногда к приемам, несовместимым с архитектурной логикой. В композициях убранства теперь наблюдается перегрузка

большим количеством различных украшений, не всегда вяжущихся с архитектурной формой, но разработанных весьма тонко, с незаурядным мастерством. На стенах церквей кое-где вновь появляется наряд из колонок и арочек, уснащенный орнаментом, но уже в весьма беспокойном по рисунку сочетании с новыми декоративными элементами.

С середины XIII в. композиция убранства обычно завязывается в центральной части фасада у обрамления окна и разрастается по вертикали вверх и вниз, производя впечатление стоящей на цоколе здания. Так на разрушенной ныне южной стене церкви в Ованнаванке, весьма близкой по наружному убранству к памятникам грузинским, два соприкасающиеся валика, подымаясь от цоколя вверх, на пути к окну расходились в стороны и образовывали квадрат, заполненный круглой розеткой, затем окаймляли прямоугольный наличник окна, опять сходились, охватывали квадратом расположенное выше круглое окно и, наконец, складывались в большой крест в щипце; кроме того эти валики образовывали крестообразные наличники двух окон, расположенных по бокам центрального окна. Такую же форму оконных обрамлений видим и в ахпатской колокольне, где наличники охвачены тягой, образующей крестообразные розетки, придающие самому обрамлению вид вычурно разработанных крестов. На южном и северном фасадах эти тяги подымаются от цоколя, а на западном входят составной частью в раму дверного портала, расположенного

настолько близко от окна, что мастеру негде было поместить четвертую розетку, и ему пришлось ограничиться только тремя, размещенными по бокам и наверху. На восточном фасаде место окна занимает большой крест, образованный такими же валиками, идущими от основания постройки (табл. 54).

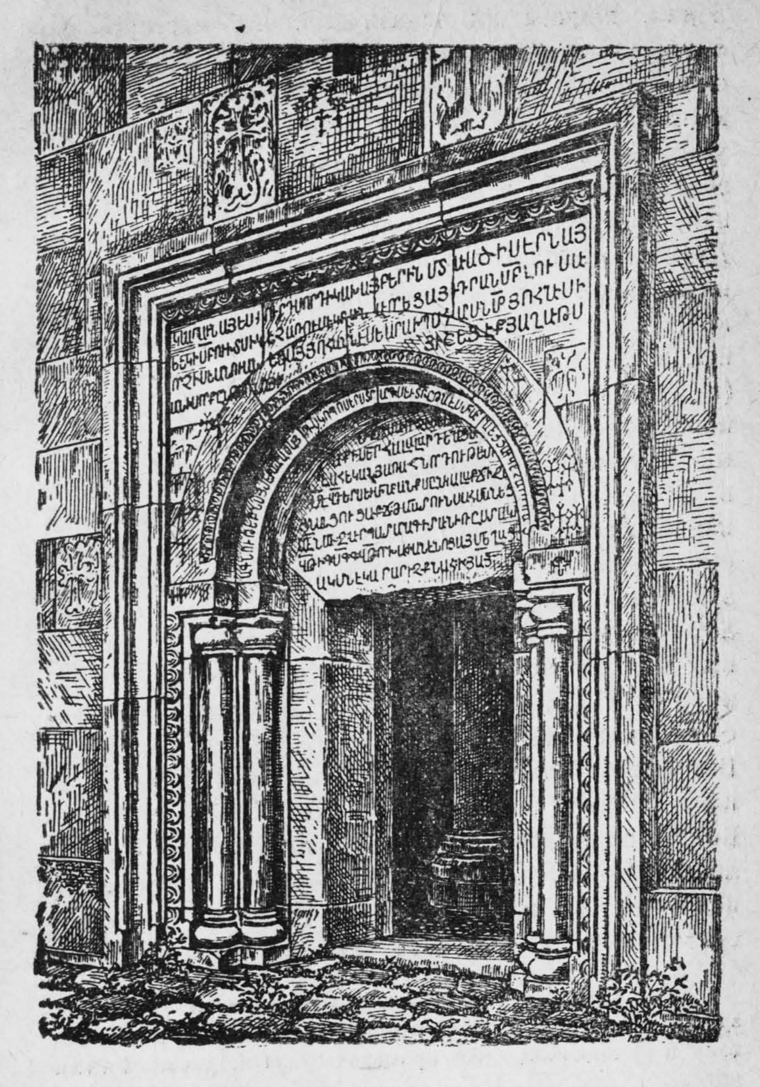
Украшениям в виде крестов придавались разнообразные формы. В некоторых памятниках они имеют спокойные прямолинейные очертания и, будучи связаны с окнами, в той или иной мере могут считаться оконными обрамлениями. Таков, например, крест, оконтуренный сильно выступающими тягами, над входом в притвор одной из агарцинских церквей (табл. 56); сходный с ним по форме крест в нижнем этаже егвартской церкви, наоборот, даже при наличии в нем оконного проема, производит впечатление самостоятельного украшения, в котором на орнаментированное поле внутри рамки окно попало совершенно случайно (табл. 88). В церкви монастыря Спитакавор крестообразные рельефы на стенах настолько велики по сравнению с крошечными проемами, теряющимися среди прихотливо изломанных тяг, что совершенно не приходится говорить о композиции, связанной с окнами: были бы они или нет—хозяйничавшие на стенах церкви декораторы, чуждые архитектуре, все равно вырезали бы эти кресты (рис. 63). Иногда и самим отверстиям придавали крестообразную форму, как сделано, например, в Арпе, где алтарь освещается двумя рядом поставленными окнами,

имеющими вид продолговатых прямолинейных крестов.

Все эти элементы, характерные для армянского зодчества монгольского времени, нашли широкое применение в двухэтажных церквах Нораванка и Егварта (табл. 88, 89), в убранстве которых можно встретить различные комбинации из колонок, арочек и тяг, то охватывающих обрамления окон, то выделяющих на стенах медальоны и вытянутые по высоте панели, заполненные различными украшениями, среди которых на центральном месте появляются геральдически трактованные барельефы—борющиеся звери, орлы, терзающие добычу и др. Искусные, но мало сведущие в архитектуре ваятели оттесняют на второй план зодчих, создавая пышно убранные, но носящие признаки архитектурного упадка постройки, в которых уже нельзя найти ни строгости до-арабской классики, ни благородной нарядности захаридского времени.

Входы отделываются, как в светских зданиях, в виде прямоугольных порталов различных пропорций, более или менее щедро украшенных резным орнаментом. Общие принципы их композиции не претерпевают существенных изменений на протяжении XII—XIV вв. и потому описания их объединяются в одном очерке, где будут приведены главнейшие местные формы этой архитектурной детали, а также и исключения, носящие явно импортный характер.

Портал обязательно состоит из входной ниши и охватывающего ее прямоугольного обрам-

66. Кечарук. Портал притвора в монастыре. Рисунок с натуры.

ления, причем ни заказчиков, ни мастеров не смущает то обстоятельство, что дверь христианского храма часто становится похожей на мусульманский михраб. Правда, в это время никого не удивляет и появление на стенах мечетей и мавзолеев крестов в звездчатых изразцовых облицовках, подражающих резным каменным наборам. Дверь помещается в неглубокой плоской нише с циркульной или стрельчатой профилированной аркой, чаще всего опирающейся на колонки с одинаковыми шаровидными базами и капителями (наприм. притвор в Кечаруке, рис. 66). Колонки иногда заменяются гладкими или витыми валиками, идущими по всему периметру ниши (притвор в Сагмосаванке, табл. 85; анийская гостиница, каравансарай в Зоре).* Перекрытие дверного проема обычно устраивается из целой плиты, образующей под аркой ниши тимпан. Иногда его делают составным из нескольких крупных каменных блоков; примером тому могут служить церковь в Нор-Гетике (Гоше) и ворота в анбердском замке на склоне под башней с калиткой. Встречаются также тимпаны, набранные из крупных фигурных камней (церковь в Каянберде). Вокруг ниши идет широкое прямоугольное обрамление, концы которого у основания отгибаются вовнутрь, к проему и заканчиваются прямыми срезами (табл. 62). Эта деталь примечательна

* В убранстве порталов гражданских и церковных зданий XII—XIV вв. имеется очень много общих черт и потому в приводимых здесь примерах будут встречаться и те и другие.

тем, что она встречается всюду, начиная с михраба иранской мечети и кончая обрамлением двери грузинской церкви в Ахтале.

Тимпаны иногда оставляются гладкими без украшений, иногда их поле используется для надписи. Там, где они покрыты резьбой, на них можно встретить самые разнообразные сюжеты.

Зодчие охотно помещают на тимпанах звездчатый узор (Арич, Сагмосаванк, Дсех), причем интересно, что одновременно с наборами из отдельных фигурных камней (Арич) появляются и их имитации, вырезанные на больших плитах. Так, например, тимпан в притворе Сагмосаванка сделан из одного камня и украшен знакомым уже орнаментом, в который входят пятиконечные звезды (табл. 86). В цвете их можно было выделить только окраской, но чуткий мастер конечно не мог прибегнуть к такому ложному приему, от которого пострадала бы естественная прелесть превосходного камня. Он знал, что в разрешении задачи ему поможет южное солнце, которое лучше всяких красок расцветит яркими бликами и глубокими тенями задуманный узор, и потому вырезал звезды более высоким рельефом.

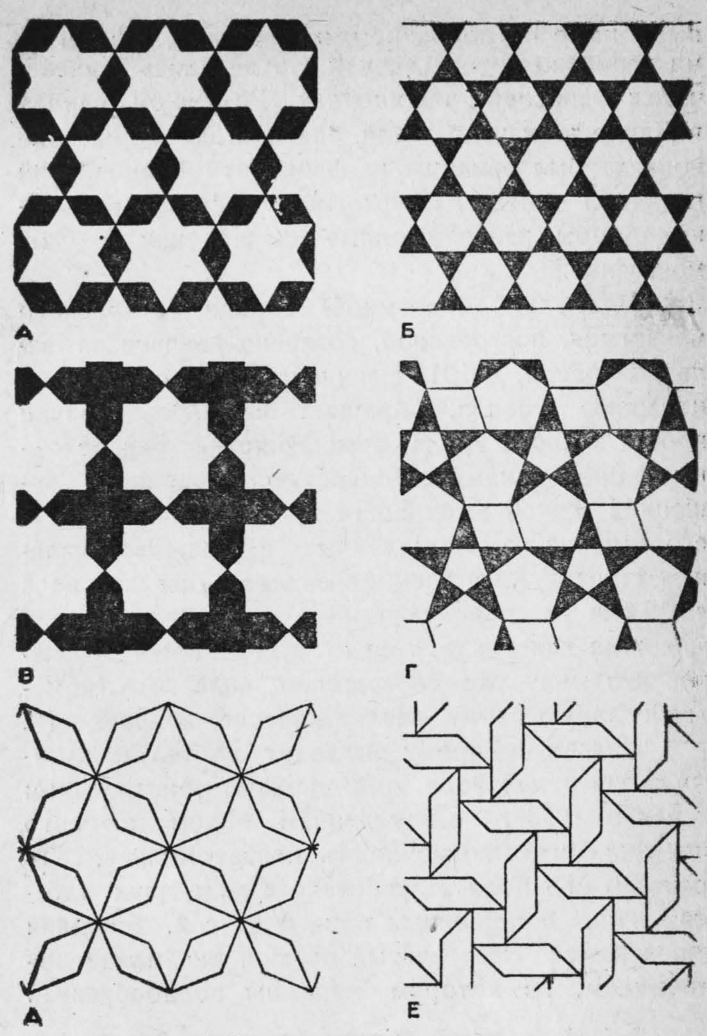
Попутно можно отметить, что подобные имитации нашли применение на передних стенках алтарных возвышений. Так поступил архитектор в Нораванке, который воспроизвел каменный набор из восьмиконечных звезд, вырезав на плитах возвышения церкви Григория рельефные кресты. В Имирзике на разрозненных ныне плитах солеи звезды выделены плетеным

геометрическим орнаментом, а кресты оставлены гладкими, без резьбы, совсем как в изразцовых облицовках, где голубые кресты чередуются со звездами, украшенными росписью, а иногда и рельефным рисунком (напр. мавзолей Пир-Хусейна XIII в. в азербайджанской Ханаке). Это не случайное совпадение—связи между звездчатыми каменными и фаянсовыми облицовками, как показал И. А. Орбели в очерке об изразцах,* прослеживаются на многочисленных примерах. Можно даже найти имитации изразцовых наборов, вырезанные, подобно каменным, на больших глиняных плитах, покрытых красочной поливой (Средняя Азия).

Наряду со звездами на порталах и алтарных возвышениях появляется орнамент из рельефных ромбов, вырезанный на каменных плитах (рис. 67 Д). В Ованнаванке и часовне Петра и Павла в монастыре св. Степаноса близ Гегарда он сплошь заполняет поле портала между нишей и обрамлением, а в Сагмосаванке им украшена центральная часть портала между арками внутренней и внешней ниш (табл. 85). Здесь вероятно также имеем дело с подражанием облицовке из камней в виде ромбов и остроконечных крестов, судя по тому, что подобные наборы несомненно существовали в изразцовых облицовках кирпичных зданий. В Двине в 1934 г. были найдены обломки покрытых голубой поливой ромбических плиток, из которых составлялся узор в сочетании с утрачен-

---

* Мусульманские изразцы. Петербург, 1923, стр. 17 и сл.

67. Узорчатые облицовки из фигурных камней и их имитации. Схема.

ными ныне остроконечными крестами, покрытыми вероятно росписью, как это делалось в звездчатых фаянсовых облицовках. Во всяком случае в Двине этот узор знали, так как здесь при раскопках был обнаружен фрагмент облицовочной глиняной плиты, на которой вырезаны рельефные ромбы, расположенные так же, как в Сагмосаванке.*

В главной (наземной) церкви гегардского монастыря, построенной, согласно надписи на западной двери, в 1215 г. одновременно с анийской церковью Оненца, обращает на себя внимание портал южного входа, отличающийся превосходными пропорциями и тонкостью спокойной, лишенной всякой вычурности резьбы (табл. 71). На его тимпане из поставленных в ряд вертикальных стволов вырастают переплетающиеся ветви с листьями и чередующимися плодами граната и гроздями винограда; только выдающийся мастер рисунка мог так совершенно вплести в геометризованную схему реалистические подробности.

Совсем по-иному выглядит портал западного входа в притворе этой церкви, пристроенном к ней в 1283 г., с внутренним видом которого мы уже имели возможность познакомиться. Убранство его поля разработано в виде двух плоских ниш, помещенных одна в другой. Внешняя ниша имеет ступенчатый верх и окаймлена наличником, на котором вырезана волнообразная

---

* Н. М. Токарский. О местонахождении Даран-дашта, Известия Арм. Филиала Академии Наук СССР, № 9 (14), Ереван, 1941, стр. 52 и сл.

ветвь с цветами сложного вида Внутренняя, заключающая прямоугольную дверь, завершается стрельчатой аркой, переходящей у своего основания в наличники, спускающиеся до плинтов. Профиль арки и наличников составлен из полочки и двух валиков с орнаментированной цветами полосой между ними. По бокам арки вырезаны круглые розетки, представляющие сложное сплетение побегов и листьев. Особенно богат рисунок резьбы на стрельчатом тимпане. Здесь в спиралях ветвей и длинных узких листьев помещены крупные цветы с лепестками разнообразной формы, весьма сходные с теми, которые часто украшают серебряные изделия далекого сасанидского времени.

В горах, неподалеку от Дилижана, в небольшом селении Гош стоят постройки древнего монастыря Нор-Гетик. Строительство этого монастыря связано с именем просвещенного деятеля Мхитара Гоша (ум. в 1212 г.), составившего известный судебник и сборник чудесных басен, обличительная мораль которых в значительной мере направлена по адресу имущих и сильных мира сего. Здесь в 1191—96 гг. была построена большая церковь Аствацацин с четырехколонным притвором, который наряду с санаинским является, по нашему мнению, одной из ранних построек этого типа. К югу от большой церкви стоит церковь св. Григория, законченная при настоятеле Мартиросе в 1231 г. До нее было сооружено уже знакомое нам книгохранилище с „читальным залом". С южной стороны притвора при

церкви Аствацацин, бок-о-бок с ним, в 1237 г. была выстроена вторая, небольшая бескупольная церковь св. Григория (Лусаворич). Внутренняя отделка ее явно не удалась мастеру: она вычурна и перегружена различными украшениями невысокого качества. Снаружи этих недостатков нет, может быть потому, что мастер пошел по пути, намеченному анийской архитектурной школой начала XIII в., украсив ее стены полуколонками, арочками и резьбой в антрвольтах. В разработке же богато убранного портала единственного входа, около которого слева красуется один из лучших крестных камней (хачкаров) Армении работы мастера Погоса (табл. 84), автор памятника показал несомненный талант и яркую индивидуальность. На стрельчатом тимпане его искусной рукой сплетен тончайший узор. Посредине камня вырезана розетка, состоящая из шести сложных трилистников, образующих шестилучевую звезду, концы которой вплетаются в окаймляющий ее круг. Из него между лопастями звезды вырастают новые трилистники, обращенные вершинами к центру. Остальное поле тимпана покрыто переплетающимися спиральными побегами с небольшими весьма условными по своему рисунку „цветами“ на концах. По верху вся композиция окаймлена резной плетеной полосой с фестонами из дуг, распускающихся на концах пальметками из двух завитков с листком посредине (табл. 83).

В постройках, возведенных в конце XIII в. и первой половине XIV в. во владениях Орбельянов, убранство входов также состоит из ставшего

традиционным портала, но на тимпане место надписи или орнамента занимают барельефы различного достоинства, изображающие Христа или деву Марию с младенцем. В монастыре Нораванке (сел. Амагу), где хоронили членов княжеского дома Орбельянов, в очень нескладно перестроенном притворе при церкви св. Григория, относящемся в нижних частях к XIII в. и имевшем первоначально перекрытие на перекрещивающихся арках или четырех колоннах, поставленных в центре, над западным двойным окном изваяно поясное изображение благословляющего Христа, с одной стороны которого помещено распятие с предстоящими и ангелами, а с другой—серафим. В двухэтажной церкви Богородицы (Аствацацин), построенной в первой половине XIV в., на тимпане двери второго этажа Христос изображен с двумя фигурами по сторонам (табл. 89). Барельефы, изображающие Богоматерь, видим над западной дверью притвора 1270 г. в Айсаси, над входами в церквах XIV в. в монастыре Спитакавор, в Арпе и, наконец, в тех же памятниках Нораванка. Здесь очень интересен тимпан над входом в притвор. Барельеф девы Марии с младенцем помещен на фоне мелкого орнамента из побегов с листьями, в который в той же плоскости вплетены большие прекрасно прорисованные армянские буквы и изображения святых по сторонам; характер орнамента и букв, самое их сочетание заставляют вспомнить фризы из резного алебастра, украшающие мусульманские постройки в Иране, на которых тоже большие плоские буквы в нарядном

стиле куфи идут по орнаментированному фону. На этом камне в полном соответствии со сложившимися в стране отношениями между коренным и пришлым населением переплелись разнородные и, казалось бы, несовместимые именно на церковной постройке элементы — христианский барельеф и сошедший со стен мечети „эпиграфический“ орнамент. Барельефные изображения над входами можно встретить и за пределами владений Орбельянов. В Ованнаванке над западной дверью изображена сцена „мудрых и неразумных дев“; в Агарцине сохранился тимпан с грубоватым изображением Богородицы и двух стоящих по сторонам фигур, украшавший вход несуществующего ныне притвора при большой церкви 1281 г.

Прямоугольные обрамления входных порталов отделывались различно в соответствии с общим характером убранства. Их часто оставляли гладкими, составляя из нескольких обломов несложного профиля, особенно в тех случаях, когда и тимпан и поле вокруг ниши тоже не имели резьбы. В притворах монастырей в Дгире на Арагаце (1232 г.), св. Степаноса около Гегарда (втор. полов. XIII в.), в егвартской церкви Богородицы 1321 г. (табл. 88) и ряде других памятников по краю портала идет своеобразное плетение—так называемая „сельджукская цепь“, которую в это время можно встретить на многочисленных памятниках, не исключая и светских зданий (дворец Сахмадина 1286 г. в Мрене).

„Сельджукская цепь“ состоит из двух па-

раллельных валиков, заплетающихся в удлиненные звенья, чередующиеся в большинстве случаев с короткими, ромбическими (табл. 53). Ею окаймляют основания барабанов (церковь Спасителя в Ани, Гегард, Егварт и др.); в Ереване на памятнике XIII в. Катогике она только прочерчена резцом по основанию барабана. „Цепь“ нередко украшает различные архитектурные детали. Так сплетены, например, декоративные арочки на куполе церкви в Гегарде; в Нораванке, в церкви Аствацацин „цепь“ идет по карнизу, а в притворе санаинского монастыря ею опоясаны капители стройных колонн, поддерживающих своды и купол (табл. 53).

В тех постройках, где убранству входа хотели придать особую нарядность и прибегали к орнаменту, обрамление тоже украшалось резьбой разного рисунка. В гегардской церкви, в соответствии со строгим характером известного уже орнамента на тимпане, портал оконтурен широкой плоской полосой, покрытой прямолинейным плетением, образующим четкий узор, основанный на восьмиугольниках в верхней, горизонтальной части и на шестиугольниках по бокам (табл. 71).

Подобное плетение, дающее различные комбинации геометрических фигур, особенно часто встречается на куполах, где, как уже было отмечено, им опоясывают барабан на некотором расстоянии от карниза. Так в Гегарде над арочками идет рельефная лента из выступающих жгутов, которые, изламываясь и переплетаясь, об-

разуют ряды излюбленных восьмиконечных звездочек и крестов.

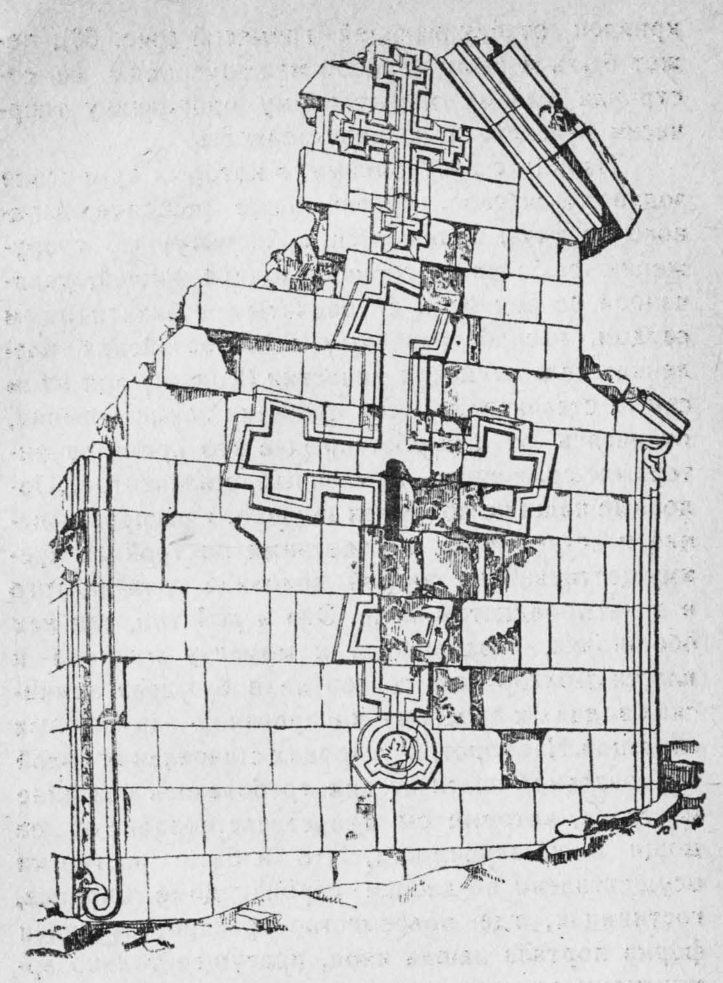
Звездчатый орнамент, родившийся в фигурных облицовках порталов, нашел применение и в их обрамлениях. Он украшает широкую кайму, идущую или по самому краю портала, или несколько отступающую от него в тех случаях, когда имеется профилированный борт (табл. 83). Композиционно он остается без изменений и как бы вырезается из сплошного звездчатого набора с таким расчетом, чтобы получилась полоса из одного ряда звезд. Остальные, заполняющие элементы—кресты при восьмиконечных звездах, шестиугольники и ромбы при шестиконечных, естественно, входят в эту полосу только частично, половинками. Так как обрамления обычно составлялись не из фигурных камней, как облицовки, а из продолговатых плит, на которых были вырезаны целые звенья орнамента, звезды выделить цветом камня было нельзя, и мастера должны были прибегнуть к тому приему, который применен на тимпане в Сагмосаванке, т. е. выполнить резьбу в двух плоскостях для получения игры света и тени на их контурах. В Нор-Гетике на церкви Просветителя (табл. 83) и на портале западной двери в Дехцнут-ванке вырезаны шестиконечные рельефные звезды,—чаще же встречаются восьмиконечные. В Егварте на портале и в Ованнаванке на наличнике западной двери церкви звезды исполнены более высоким рельефом, чем кресты, а в Нораванке на портале второго этажа церкви Богородицы, наоборот, они западают и вы-

даются расположенные по краям половинки крестов, также как и на стенке алтарного возвышения находящейся здесь церкви св. Григория. Звездчатый узор обрамлений, как и в облицовках, украшается резьбой очень тонкой работы, причем рисунок ее в каждом элементе представляет вполне самостоятельный, законченный сюжет, состоящий или из геометрического плетения, следующего за формой элемента, или из переплетающихся побегов с условно трактованной листвой.

Входная ниша является центральной, определяющей частью портала и потому в ее отделке, при отсутствии художественного такта, было особенно легко впасть в известную неумеренность в использовании орнаментации и различных архитектурных деталей. Армянские мастера удачно обошли подстерегавшие их здесь опасности и нашли необходимое равновесие всех составных элементов оригинально задуманной и разработанной композиции. Там, где убранство портала разрешалось без орнамента, ниша тоже имела весьма скромное обрамление, состоявшее из колонок и циркульной или стрельчатой арки несложного профиля, как, например, в притворе Кечарука (рис. 66); в богато отделанных порталах ее иногда окаймляли архивольтом, украшенным резьбой, которую можно также встретить на внутренней поверхности арки и на капителях колонок (табл. 83). В конце XIII в. на арках порталов появляются новые мотивы, положенные в основу армянских сталактитовых систем.

Один из них—геометризованный трехлопастный лист, изображенный на заставке последней главы и знакомый уже из очерка о сводах, помещают в арках в два-три ряда в шахматном порядке так, что каждый ряд нависает над нижележащим, образуя плавный переход от тимпана к плоскости портала. В качестве примеров можно назвать церкви в Агарцине, Дехцнут-ванке и притвор в Нораванке, причем в Агарцине рядами подобных трилистников украшена не только арка, но и обрамление. Убранство портала в Дехцнут-ванке очень интересно как образец комбинации из распространенных, характерных для XIII в. сюжетов, встречающихся на других постройках порознь: на арке—ряды трилистников, в обрамлении—кайма из шестиконечных рельефных звезд и профилированный борт, украшенный по наружному краю орнаментом, заставляющим вспомнить фрагменты ниши, найденные в упомянутом уже анийском жилом доме.

В арке портала зодчими были использованы не только отдельные элементы армянских сталактитовых систем; на некоторых постройках арка представляет вполне законченную, нарядную сталактитовую композицию, обогащенную вдобавок кружевом резьбы. Так поступили, например, строители церквей Богородицы в Нораванке и монастыре Спитакавор (табл. 87). В последнем портал столь хорош, что никак нельзя понять, откуда могли взяться рядом с ним на стенах памятника безвкусные нагромождения декоративных рельефных крестов, один из которых к тому же ис-

68. Спитакавор. Восточный фасад церкви.

кривлен отталкивающей гримасой (рис. 68); может быть в пылу цеховой междоусобицы ее состроила своему талантливому противнику творчески бессильная посредственность.

Наряду с постройками, в которых армянские зодчие дали свое, оригинальное решение входного портала, появляются архитектурные сооружения с более глубокой входной нишей, увенчанной не аркой, а ступенчатым сталактитовым сводом, распространенным в малоазийских владениях сельджукской династии (Кония); при этом самые сталактиты носят признаки заимствования, отличаясь от разработанных в это время характерных армянских лиственных сталактитов. Подобные ниши не получили широкого распространения и встречаются в отдельных постройках преимущественно во второй половине тринадцатого и в четырнадцатом веке. Это и понятно, так как обстановка, создавшаяся к моменту прихода к власти Долгоруких, совсем не побуждала армянских зодчих к простому копированию зарубежных образцов. Наоборот, в условиях становления новой национальной знати от них требовалось создание построек, которые бы свидетельствовали об ее мощи и независимости, что и было мастерски осуществлено во дворце парона, доме Саркиса, гостиницах, где повсеместно распространенная форма портала нашла иное, присущее только армянскому зодчеству выражение.

Не то стало во второй половине XIII в., когда Армения оказалась под властью монголов. Армянские пароны пошли на ханскую службу.

Одни из них участвовали в монгольских походах, другие выполняли хозяйственные поручения, третьи обогащались на сборе поступлений в казну. Интересную характеристику анийских правителей XIII—XIV вв. дает Н. Я. Марр: „Правители Ани, хотя и армяне по происхождению, были не особенно тверды в национальных принципах. Национализм их не выходил за порог церкви. В церкви и на церкви (в надписях) обязательный для них священный армянский язык терял свою притягательную силу в реальной жизни. Арабская, иногда персидская надпись, но никогда ни одной армянской буквы на роскошных сосудах, несомненно принадлежавших последним владетелям Ани, христианам по вере, армянам по национальности. Не только письмо, но, повидимому, и сюжеты выбраны и трактованы вне церковных армянских традиций, вне заветов древней армянской церковной живописи. Нигде не находим и намека на какие-либо армянские народные бытовые черты.

Значение этого чрезвычайно характерного обстоятельства еще более усиливается, когда его мы сопоставляем с тем, что на обломках многочисленных сосудов из простой глины и сравнительно простой работы, вращавшихся в обиходе средних и низших классов общества, армянская надпись, армянские типы и христианские сюжеты обычное явление...

Таким образом, нераздельное господство мусульманских изделий материальной культуры в среде армянской аристократии непосредственно

характеризует происшедшие за XIII—XV вв. перемены".*

Неудивительно поэтому, что парон Сахмадин, начав в 1276 г. постройку своего дворца в Мрене, на который было истрачено сорок тысяч золотых динариев, берет за образец не анийские дворец парона или гостиницу, а мечеть Караман-капусу в Конии, где он несомненно бывал, так как „начертал своим умом, без мастера, план, заложил основание этого дворца и сада и окончил в десять лет". В постройке Сахмадина повторены все элементы фасада конийской мечети: над ступенчатым верхом ниши выведена почти во всю ширину портала декоративная стрельчатая арка, в углах прямоугольного поля, охваченного мулюрованным обрамлением, помещены две розетки и даже надпись, из которой мы узнаем историю и стоимость постройки, вырезана на том же самом месте над порталом.** Парон Сахмадин не задумывался над тем, чтобы создать что-либо новое на основе родных форм, разработанных армянскими зодчими в начале века, так как ему— ханскому чиновнику прежде всего нужно было придать своей резиденции вид, соответствовавший положению при дворе новых правителей. Национализм верхушки армянского общества действительно „не выходил за порог церкви", так как

* Ани, стр. 43, 44.

** Небезынтересно вспомнить, что строителем мечети Караман-капусу—одного из лучших памятников сельджукской архитектуры в Конии—является, судя по арабской надписи, армянин Галуст.

подобная отделка портала нашла свое место не только во дворцах, караван-сараях (Селим) и притворах (Тамджирлу), но и на самих церквах, как это можно видеть, например, в Егварте (табл. 88). Характерно, однако, что заимствованное нововведение коснулось главным образом внешней стороны зданий, а в интерьере армянские зодчие попрежнему проявляют свою самостоятельность, ставя и удачно решая сложные по конструкции и отделке задачи, среди которых особо выделяются знакомые нам композиции притворов и трапезных.

Оставляя в стороне мало освещенный вопрос, когда возникла надобность в притворах и каковы были их первоначальные формы, в отношении притворов с освещением через центральный свод, мы полагаем возможным считать, основываясь на статистике дат, что наибольшее распространение их падает на середину и вторую половину XIII в., когда их стали повсеместно пристраивать к существовавшим церквам. Может быть отход армянской знати от национальных форм, о котором говорит Н. Я. Марр, как раз вызвал своеобразную, подчас подсознательную реакцию творческой мысли зодчих против требуемого заказчиками механического копирования зарубежных образцов, реакцию, выразившуюся в том, что в основе нового типа построек этого времени была широко использована давнишняя народная схема жилого дома с верхним светом. Нет основания полагать, что причины, приведшие армянскую знать на последние ступени денационализации, в

такой же мере и непосредственно действовали на мастеров, которых, по нашему мнению, с бо́льшим основанием нужно причислить к тем слоям населения Армении, про которые Н. Я. Марр говорит: „Армянский национализм, приходится заключить, в этой стадии развития выношен был и спасен в реальной жизни средним и низшим слоями армянского общества, сословием торговых людей и ремесленников.“*

Обращаясь к образцам народной архитектуры в то время, когда особенно усилился импорт зарубежных форм, армянские зодчие делали это без тупого упорства староверов. Впервые воплощенная в камень схема народного жилища была обогащена деталями, распространенными в зодчестве стран Передней Азии. Так в переходе от квадрата между колоннами к восьмигранному шатровому покрытию притворов можно встретить сталактитовые тромпы, напоминающие свод ниши сельджукского портала. Но если сравнить каменные тромпы, например, здания Амазаспа (табл. 66), построенного в 1257 г. в Ахпатском монастыре, с кирпичными тромпами мечети в Гюльпагане (Иран), тоже имеющими ступенчатый сельджукский рисунок, становится ясным, что армянские мастера даже чужеземной форме, выработанной за рубежом не без участия их земляков, у себя дома старались дать иную, собственную трактовку.

В связи с характеристикой верхушки армянского общества монгольского времени, данной

---

* Ани, стр. 44.

Н. Я. Марром, особый интерес приобретает открытый в Двине небольшой архитектурный памятник, дополняющий ее новыми штрихами. Здесь у подножия северного склона главного холма при раскопках в 1938 г. посчастливилось обнаружить остатки нарядно отделанной ниши в развалинах кирпичного здания, погибшего много веков назад от пожара. Этот двинский вариант обычного аксессуара жилого дома при внимательном ознакомлении со всеми его мелочами позволяет набросать весьма красочный этюд из жизни армянского города XIII—XIV вв., пополнив к тому же наши сведения из истории самого Двина.

Ниша находится в одном из раскопанных помещений, от которого сохранились только нижние части двух стен и небольшой участок кирпичного пола с глубоким колодцем-тайником. Она полукругла в плане и, начиная у самого пола, выведена из обожженных кирпичей так, что за каждым рядом кирпичей, поставленных вертикально боковой гранью наружу, следуют два ряда кирпичей, уложенных плашмя. Верхняя часть со сводиком исчезла, что не мешает, однако, восстановить в общих чертах первоначальный вид ниши по найденным при раскопках фрагментам ее отделки, которая была исполнена из гипса. У основания ниши на месте сохранились обрывки двух орнаментированных гипсовых поясов: один из них, внутренний, украшенный бегущими друг за другом зверями на фоне из побегов с листьями, идет немного отступя от ее края, второй— „сельджукская цепь" с пуговками внутри звеньев—

расположен на некотором расстоянии от первого. Эти пояса входили в прямоугольное обрамление, охватывавшее нишу, убранство которой таким образом было скомпановано опять-таки по принципу портала. Основанием для подобной реконструкции служит оказавшийся среди фрагментов облицовки обломок гипсовой плитки с изображением крылатого льва с человеческой головой в трезубой короне на заплетающихся в спирали растительных побегах (табл. 79). Верх и бок плитки прямолинейны и сходятся под прямым углом; нижняя часть обломана, но несомненно имела криволинейное очертание, о чем свидетельствует поза фигуры. Значит, эта плитка могла быть помещена только слева от ниши между левой половиной ее арки и внутренним, „звериным" поясом обрамления. Найденные тут же в земле куски гипсовых брусков, имеющих профиль в виде сильно выгнутой выкружки с арабской надписью из повторяющихся фраз рельефными буквами на фоне побегов, заставляют предполагать, что обрамление имело еще третий выступающий пояс, следовавший за цепью, или по крайней мере карниз, снабженный надписью.

Таким образом, открытая в Двине ниша прежде всего показывает, что их устраивали повсеместно как в каменных, так и в кирпичных постройках, придавая излюбленную форму портала, и украшали одними и теми же декоративными сюжетами, соответственно подбирая отделочный материал и технику выполнения.

Попробуем теперь разобраться, кто и когда построил двинский дом и кто потрудился над его украшением.

Гипсовые орнаментированные облицовки в сочетании с чистой, нередко узорчатой кирпичной кладкой в рассматриваемое время были одним из основных декоративных приемов персидских зодчих, к которому они прибегали для украшения мавзолеев и многочисленных мечетей. Богатейшие михрабы, панно, панели и фризы с вязью куфических надписей мастерски вырезались в пластичном гипсе, покрывавшем в нужных местах кирпичную кладку стен. Понятно, что и в кирпичном Двине этот удобный для обработки, нарядный отделочный материал должен был найти применение, так как город в строительстве шел в ногу с временем, используя все новое, что создавалось в кирпичной архитектуре. Как показали раскопки, глазурованный кирпич, узорчатые выкладки из обыкновенного кирпича, утопленные в белый раствор, резные терракотовые плиты, фигурные изразцы украшали в свое время стертые теперь с лица земли двинские здания, от которых не сохранилось даже фундаментов.

Гипсовая отделка ниши в доме на склоне главного холма, однако, существенно отличается от отделки общественных зданий: орнамент ее не вырезан, а отлит, причем найдены звенья поясов, в которых, даже в дефектах, наблюдается полнейшее сходство фигур зверей, завитков побегов и листьев и букв надписи, явно вышед-

щих из одной и той же формы.* Значит рисунок на поясах, так же как и надпись, систематически повторялся по всему периметру обрамления, которое составлялось из отдельных, заранее изготовленных звеньев. Подобные гипсовые пояса с литым изображением „звериного гона“ на фоне закручивающихся побегов были известны и ранее: обломки их были найдены в подвале северо-восточного зала дворца в анийском Вышгороде, несколько разрозненных звеньев хранятся в Оттоманском музее. В Двине они впервые были обнаружены в таких условиях и в таком количестве фрагментов, что оказалось возможным не только правдоподобно воссоздать первоначальный вид украшенной ими ниши, но и выяснить технику выполнения подобной отделки. Отливка обходилась, конечно, значительно дешевле кропотливой, трудоемкой резьбы, и это должно было обеспечить ей широкое применение внутри зданий, натолкнув предприимчивых людей на мысль об организации мастерских, где можно было по сходной цене заказать или купить готовую приглянувшуюся отделку для покоев, подобно тому как в наши дни, правда по иллюстрированному прейс-куранту, выбираются кафельные камины и печи или „лепные“ украшения потолков. Такое стремление упростить и удешевить отделочные работы в рас-

* В Двине знали и резной гипс. В средней части южной половины патриарших палат были найдены куски колонок и гипсовой арки с нарядной резьбой, вероятно от михраба, который был устроен в южной двери после переоборудования здания в мечеть при мусульманских правителях.

сматриваемое время наблюдается во всех отраслях художественного производства: наборы из фигурных камней и изразцов заменяются их имитациями на больших плитах, резьба по глине уступает место формовке, с мозаикой, составленной из мельчайших элементов замысловатого узора, выпиленных из разноцветных глазурованных фаянсовых плиток, начинает конкурировать росписной изразец (см. И. А. Орбели, Мусульманские изразцы). Успеху новинки содействовал и подбор декоративных сюжетов, показывающий насколько внимательно относилось производство к запросам потребителя, давая ему самый модный товар. „Звериный гон", сельджукская цепь, декоративная надпись, крылатый сфинкс—все это встречалось на каждом шагу, начиная с общественных построек и кончая домашней утварью. Не случайно поэтому их присутствие и на двинской нише—этого требовал „хороший тон" в доме. Владелец не оставил надписей на стенах подобно парону Сахмадину,—о нем не упоминают историки, но развалины его жилища дают нам основание высказать соображения о том, когда он жил и к какому сословию принадлежал. Время правления Захарии и Иване Долгоруких отмечено возведением в Ани ряда превосходных светских зданий. Неизвестный по имени парон, Саркис, возможно архиепископ анийский Саркис I (1209—1211), богатый купец, финансист, а может быть и просто ростовщик, построивший нарядную гостиницу, обращаются к первоклассным мастерам, которые не следуют какому-либо шаблону, а да-

же в резьбе на каменных фигурных облицовках стараются не повторяться. Ясно, что Долгорукие, имевшие значительно большие возможности, чем названные горожане, не пошли бы в лавку ремесленника покупать стандартную гипсовую отделку для своих палат в анийском Вышгороде. Найденные здесь обломки с литым изображением „звериного гона", может быть тоже из обрамления ниши в северо-восточном зале, надо отнести ко времени их преемников, на вторую половину тринадцатого или на четырнадцатый век, когда, по нашему мнению, жил и владелец двинского дома. Такой датировке не противоречит и характер убранства ниши. Странное на первый взгляд соседство декоративной арабской надписи с крылатым сфинксом, нашедшим свое место не только в убранстве и утвари жилья, но и на стенах церквей и страницах древних рукописных евангелий, становится вполне понятным, если вспомнить приведенное мнение Н. Я. Марра об армянской знати монгольского времени. Владелец двинского дома не был ни купцом, ни ремесленником, раз он жил под цитаделью в огражденной стенами центральной части города, где могли быть сосредоточены административные учреждения. Он вероятно в них служил, являясь чиновником монгольских ханов значительно меньшего ранга и достатка, чем, например, парон Сахмадин, имевший собственную резиденцию в купленном им „царственном" месте—Мрене. Для такого-то потребителя и был изготовлен оборотистыми предпринимателями своеобразный концентрат из ход-

ких сюжетов, вплоть до декоративной и может быть непонятной ему надписи.

Значение раскопок на северном склоне главного двинского холма для истории Двина весьма велико; полученные результаты наносят удар теории, основанной на отсутствии свидетельств историков, что город, оставленный жителями, уже в начале XIII в. пребывал в развалинах и запустении. На самом деле здесь и в XIII—XIV вв. люди еще строились, украшая жилища в соответствии с вкусами своего времени. Двинский урок полезно запомнить всем, кто признает лишь писаную историю и игнорирует вещественные памятники по незнанию или, что еще хуже, сознательно.

Приведенные примеры показывают, что в рассматриваемое время резной орнамент играет первостепенную роль в убранстве фасадов. Строгие узоры до-арабского и багратидского времени сменяются теперь сложным плетением, пышными растительными сюжетами и декоративными изображениями животных и птиц, подчас в фантастической трактовке. В облицовочных наборах из фигурных камней и их имитациях поле каждого элемента заполняется сложными геометрическими фигурами, сплетенными из двухрубчатой ленты и различными комбинациями из побегов, листьев и „цветов". В орнаментированных полосах, обрамляющих порталы и оконные и дверные проемы, также видим плетение и растительные мотивы. Простой и ясный геометрический орнамент, кото-

рый украшает, например, дверь в гегардской церкви, позднее, после появления монголов, заметно меняет свою структуру; он усложняется, становится мельче и замысловатее, — его элементы концентрично расходятся от следующих один за другим центров (подчеркнутых иногда „пуговками“) и, переплетаясь между собой, образуют сплошное кружево резьбы трудно читаемого рисунка. Таковы, например, обрамления входов каравансарая в Зоре и притвора в Тамджирлу (Апаранский район), где мастера развили лепестковый звездчатый мотив, покрывающий створки двери из Муша (табл. 94). Старым сюжетам времени Долгоруких приходится видимо иногда уступать место новым, импортным, занесенным с далекого юга после походов туда монголов, взявших в 1258 г. Багдад.

Основа формы главнейших элементов растительного орнамента—листьев и условно прорисованных цветов постоянна, что не мешает, однако, мастерам разрабатывать узор по-разному, в зависимости от того, какие архитектурные детали он заполняет. В подобном орнаменте побеги часто образуют несколько переплетающихся систем. Одиночные удлиненные листья плавно разворачиваются из стеблей, переплетаются с ними и заканчиваются завитками; они уширены у основания и часто имеют рубчатое строение. На концах спиралей распускаются „цветы“ различного вида,— либо симметричные с небольшим средним лепестком, либо изогнутые в соответствии с направлением побега, за которым следует удлиненный

средний лепесток, образующий на конце завиток. Разработанный по такой схеме орнамент видим в начале XIII в., например, на сплошь покрытой резьбой стенке алтарного возвышения в Ариче (табл. 82) и в антрвольтах анийской церкви Тиграна Оненца, где он фигурирует и как самостоятельный сюжет и как фон, на котором располагаются вырезанные более высоким рельефом фигуры животных и птиц (табл. 77). В Нор-Гетике узор лишен листвы и образован сложным сплетением побегов, в завитках которых разбросаны цветы (табл. 83). В Макараванке (XIII в.) на алтарном возвышении орнамент, наоборот, пышен и разнообразен (табл. 81). Здесь вся передняя стенка возвышения заполнена двумя рядами медальонов в виде восьмиконечных звезд, между которыми располагаются украшенные сложными розетками восьмиугольники и гладкие ромбы. Медальоны окаймлены сильно выступающими полочками и валиками, в контур которых мастерски вписаны резные изображения сиринов, сфинксов, птиц, рыб и даже сцена Ионы с китом. Там же, где их заполняют растительные мотивы, листья и цветы образуют нарядные букеты, в которых стебли и ветви имеют второстепенное значение.

Фантастические фигуры сиринов и сфинксов с женской головой в короне или ином уборе, а иногда и без него, можно встретить всюду; они украшают стены построек, богатую утварь, ценнейшие рукописи армянских монастырей. И везде они трактуются одинаково. Разве не проявляют близкого сходства изображения сиринов в

антрвольтах церкви Тиграна Оненца и на чаше из Вильгорта (табл. 80) и разве не похожи друг на друга фигуры сфинксов в Нораванке и Двине (табл. 79), на обломке восточного серебряного сосуда, найденного на северном Урале (табл. 78), и в миниатюрах рукописей ванской школы XIV в. Особое постоянство проявляют художники в начертании крыла, вырастающего над лопаткой, обязательно охваченной характерной „шпорой“ с завитком, которую мы видим еще на серебряных изделиях сасанидского времени в изображениях фантастической собаки-птицы. Столь же постоянны они и в разработке растительного фона, на котором располагаются фигуры; достаточно сравнить между собой фрагменты из Нораванка и Двина и чеканные звенья вильгортской чаши, чтобы убедиться в ближайшем сходстве рисунка листьев и „цветов“, одевающих побеги. Сфинксов нет на этой чаше,—их заменяют парные грифоны; нет их и на анийских церквах начала XIII в. (Тиграна Оненца, Бахтагеки и др.). Вероятно они к этому времени еще не получили такого распространения, как сирины, так как иначе едва ли мастера удержались бы от соблазна украсить ими стены церкви и драгоценное серебряное изделие. А вот в XIV в. в богато убранной церкви Богородицы в Нораванке, где на фасадах, как в анийских церквах, применены декоративные колонки и арочки, эти крылатые фигуры заполняют несколько антрвольтов, указывая на время, к которому они вошли в творческий обиход мастеров.

Особо тонкая, ажурная резьба нашла свое

место на крестных камнях—хачкарах. Эти орнаментированные каменные плиты с обязательным изображением креста либо устанавливались вертикально на постаменте, либо заделывались в стену постройки; иногда для них устраивали обрамление в виде ниши с циркульным верхом и двускатной кровлей, основанной также на высоком пьедестале. Их сооружали по разным поводам. Мы уже упоминали два крестных камня, находящихся в Санаине и Ахпате. Первый был поставлен в 1205 г. по случаю постройки монастырской гостиницы, второй воздвигнут в 1273 г. парону Садуну в „долгоденствие", еще при жизни. В 1200 г. Захария Долгорукий ознаменовал сооружением крестного камня с соответствующей надписью освобождение Анберда от иноземцев. Ставили их также у дорог и мостов. Чаще же всего крестные камни являются надгробными памятниками, сменившими древние стелы. На ранних образцах (один из древнейших хачкаров огромных размеров с архаическим орнаментом и датой 952 г. был обнаружен Н. Я. Марром в новой части Ани) резьба была весьма проста и ограничивалась по преимуществу изображением креста, украшенного у основания крупными пальметами. В рассматриваемое же время неистощимая фантазия, блестящая техника и упорный труд армянских мастеров особенно ярко проявляются на бесчисленных крестных камнях, которые можно встретить во всех концах армянской земли. Теперь все поле плиты сплошь покрывается тончайшим кружевом резьбы, часто в нескольких

плоскостях, как это сделано, например, в Нор-Гетике, где более высоким рельефом вырезаны крест, большая розетка под ним и звездчатая кайма по бокам (табл. 84). Верх камня защищается от стекающей воды сильно выгнутым вперед резным карнизом.

От резчиков по камню не отстают в творческой выдумке и совершенстве исполнения мастера, покрывающие своими узорами деревянные части построек. Створки двери из Муша (XIII в.) украшены превосходным звездчатым орнаментом, а на наличнике особое внимание привлекают мастерски вплетеные в волнообразную ветвь фигуры бегущих друг за другом животных (табл. 94). Севанская дверь 1176 г., сплошь покрытая искусной резьбой с большим крестом в центре, по композиции напоминает лучшие образцы крестных камней.

Двухэтажные церкви в Нораванке и Егварте. Войсковая церковь в Алаязе. Колокольни.

Оправившись от разрухи и застоя, неизбежных в годы кровопролитных битв с таким сильным и жестоким противником, как монголы, и приспособившись к новым условиям, страна нашла в себе силы для продолжения строительства, прерванного их вторжением. Творческий огонь армянских зодчих вновь вспыхнул в знакомых уже нам, превосходно разработанных притворах, которые повсюду стали пристраиваться к церквам. В отношении самих церквей зодчие попрежнему находятся в тисках какого-то канона,—

не то церковного, не то строительного, и за немногими исключениями повторяют шаблонные формы, теперь все более и более вытягивающиеся по высоте. Высокий барабан и преувеличенно крутая остроконечная кровля купола, как, например, в небольшой аштаракской церкви Мариане, постр. в 1281 г., особо подчеркивают это стремление вверх, хорошо отраженное также в нескольких двухэтажных постройках. Таковы церкви Богородицы в Егварте 1321 г. (табл. 88) и Нораванке, постр. предположительно в 1339 г. (табл. 89). Нижние этажи их прямоугольны в плане и несут на арках и сводах верхнюю вытянутую часть, крылья которой, покрытые двускатными кровлями, заканчиваются на фасадах щипцами. Узкие неудобные лестницы со ступенями, заделанными как консоли в стену, ведут во второй этаж. В Нораванке две такие лестницы, охватывающие портал входа в нижнее помещение, начинаются у самой земли. В Егварте ступени видны только у площадки второго этажа; вероятно к ним подставлялись деревянные лестницы, которые можно было убирать в случае возникновения какой-либо опасности. Своеобразный купол в виде ротонды на двенадцати колоннах, соединенных между собой арками, покрытой сводом под конусообразной кровлей, имеется только в Егварте. В Нораванке разрушено даже основание купола, но, несмотря на это обстоятельство, композиционное сходство обоих памятников натолкнуло нас на мысль, что он тоже имел вид ротонды, от которой, надо думать, и сохра-

нились некоторые разрозненные, но очень интересные детали. Здесь среди обломков перекрытий верхнего этажа церкви были найдены три колонны, обратившие на себя внимание изваянными на них барельефами. Найдено также несколько баз от этих колонн и сталактитовая капитель. При попытке набросать реконструкцию ротонды над этой церковью, подобной егвартской,—размеры колонн, баз и капителей оказываются вполне масштабными и не препятствуют такому разрешению вопроса о куполе, тем более, что и вся система убранства обоих памятников принципиально одинакова.* Чем же объяснить присутствие барельефов на колоннах, которые мы склонны поставить на столь большую высоту. Тут на помощь приходят они сами; на каждой колонне имеется по одной фигуре, из которых при соответствующей расстановке получается вполне законченная ктиторская группа: посредине—Богоматерь, которой посвящена церковь, стоящая прямо, по бокам—мужские фигуры в богатых одеждах, повернутые к ней, причем левая подносит модель церкви. Такое размещение ктиторов, находившихся, по нашему мнению, над западным входом, несколько необычно, но если принять во внимание, что щипцы, где их обычно помещали, были заняты рельефными крестами, которыми в это время украшались стены церк-

---

* Наше предположение о ротонде подтвердило специальное обследование архит. Л. Садояна. На зарисовках барельефов ясно видны колонны, венчающие модель церкви.

вей, то придется признать, что автор вышел из положения, проявив большую находчивость.

В связи с появлением двухэтажных церквей особый интерес приобретает двухэтажная постройка в Нор-Гетике, стоящая к северу от большой церкви, в нижней части которой, возведенной из больших едва обтесанных камней, нужно усмотреть то монастырское книгохранилище, о котором говорит Киракос Гандзакский.

В 1291 г., как видно из строительской надписи, над книгохранилищем была построена колокольня с двумя часовнями в восточном крыле. Так как сводчатое перекрытие центральной части старого здания значительно возвышалось над его углами, то сначала надстроили его наружные стены настолько, чтобы световое отверстие в своде нижнего этажа расположилось на уровне пола колокольни, а затем уже возвели стены самой колокольни на перекрещивающихся арках книгохранилища, благодаря чему план ее приобрел крестообразную форму. Крылья новой постройки были покрыты двускатными кровлями, которым на фасадах отвечают щипцы. Центральная часть ее завершалась ротондой (от колонн которой на месте сохранились только базы), основанной на той превосходной конструкции из рядов нависающих друг над другом плит, с которой читатель был познакомлен ранее (табл. 65).

Здание, полученное в результате надстройки, по своим общим формам весьма сходно с церквами в Егварте и Нораванке, хотя в нем соотношение высот нижней и верхней частей

несколько иное; большая высота нижнего этажа здесь объясняется необходимостью скрыть за стенами старое объемистое перекрытие, которое строители решили сохранить. Колокольня была построена в монастыре, пользовавшемся большой известностью, на тридцать-сорок лет ранее названных церквей, и это позволяет думать, что она могла натолкнуть зодчих как на идею двухэтажного церковного здания, так и на замену купола ротондой. Сравниваемые памятники на первый взгляд резко отличаются наружной отделкой. Стены церквей в Егварте и Нораванке изукрашены колонками, арочками, крестами и резным орнаментом; можно подумать, что здесь мастера задались целью собрать воедино все, что было в ходу в убранстве XIII—XIV вв., когда богатый, но спокойный архитектурный наряд анийских церквей начала XIII в. уступил место декоративным элементам, подчас без органической связи с архитектурными линиями заполнявшим поверхность стен. В Нор-Гетике стены колокольни облицованы чисто тесаными плитами без всяких украшений, но это не является результатом творческого замысла зодчего, а произошло против его воли из-за каких-то посторонних причин. Дело в том, что на двух нижних рядах облицовки верхней крестообразной части видны полуколонки с базами, которые по первоначальному проекту должны были украсить стены так же, как это сделано позднее в Егварте и Нораванке. Постройку на этом, видимо, пришлось прервать на продолжительное время,

после чего возможности, которыми располагали строители, оказались более ограниченными, не позволившими даже блеснуть отделкой входа, который скромно обрамлен колонками и слегка надломленной арочкой.

Экскурсию по памятникам церковного зодчества XIII—XIV вв. можно завершить ознакомлением с единственной в своем роде церковью, находящейся на холме около селения Алаяз в бывших владениях рода Орбельянов. С востока она имеет обычный вид: повышенный щипец средней части с круто подымающейся двускатной кровлей, односкатные кровли по бокам, две треугольные ниши, прорезающие чисто тесаную гладь стены. С запада же мы оказываемся непосредственно перед алтарем, так как помещения для молящихся вовсе нет и его заменяет естественная площадка. Как полагают, подобные церкви строились для обслуживания войска, располагавшегося во время богослужения под открытым небом. Так как постройка заключает в себе лишь алтарь и два придела по сторонам—ширина ее значительно больше глубины по направлению с запада на восток (10,6×5,7). Алтарь состоит из абсиды, покрытой конхой, и неглубокой сводчатой бэмы. Он не открыт, как в обычных церквах, со стороны, где собирались богомольцы, а имеет западную стенку с тремя проемами, перекрытыми арками, через которые можно было следить за совершением ритуала. В настоящее время уже нет столбиков между проемами, и они

слились в одну громадную брешь в стене, над которой высится остроконечный щипец с небольшим оконцем. Алтарное возвышение приподнято над землей примерно на 1 м и на него ведет небольшая каменная лестница, расположенная перед средним проемом; по другой лестнице в три ступени, скрытой в амбразуре двери, можно подняться в алтарь из северного придела, пол которого, как и в южном, находится на уровне земли. Оба придела прямоугольны в плане и имеют в восточной части небольшие абсиды; входы расположены в западной стене по бокам солеи и украшены снаружи стрельчатыми арками над тимпанами. На восточной стене имеются надписи, из которых видно, что эта церковь построена не позднее 1303 г., так как среди членов дома Орбельянов, причастных к постройке, упоминается сюнийский митрополит Степанос, скончавшийся в 1303 г.

Более ранних церквей этого вида (напр. багратидского времени) мы не знаем,—да едва ли они были. По нашему мнению, к такому решению церковной постройки, предназначенной для войска, могли придти именно в XIII в. В самом деле уже при Багратидах начала намечаться тенденция к сокращению размеров церквей, приведшая в конце концов к созданию нового типа небольшой „купольной залы" без восточной пары пилонов. В XIII в. большинство новых церквей могло вместить немногим более сотни человек и, конечно, никак не подходило для

многолюдных воинских частей. Н. Я. Марром уже отмечено, что предпринятая повсеместно во второй половине XIII в. пристройка к церквам обширных притворов отчасти была продиктована стремлением восполнить этот недостаток церковной площади. Но в закрытые церкви и притворы могли иметь доступ только пешие воины,—для напутствия же и благословления отправлявшихся в поход всадников вместе с их четвероногими боевыми спутниками нужна была открытая площадка, как в Алаязе. Сооружение специальной военной церкви во владениях Орбельянов в монгольское время тем более понятно, что эти энергичные князья строили благополучие своих областей на широком сотрудничестве с монгольскими правителями, не исключая и деятельного участия в их военных предприятиях, требовавшего содержания многочисленного войска.

Древнейшие колокольни относятся к XIII в., когда повидимому их и начали строить при церквах и в монастырях. Более ранних построек или, по крайней мере, свидетельств о них мы пока не знаем. Одним из древнейших упоминаний И. А. Орбели считает дошедшую до нас надпись о построении колокольни у церкви Спасителя в Ани, представляющую сейчас груду развалин (Путеводитель, стр. 45). Она была сооружена в 1291 г. (в том же году, что и колокольни в Нор-Гетике), возможно одновременно с возобновлением церкви, и имела целый набор колоколов, которые, по мнению Н. Я. Марра, в это

время еще были предметом ввоза.* В XIII в. были возведены колокольни в знаменитых монастырях Санаине и Ахпате, которые стоят и по сей день, давая полное представление о характере этих построек. Обе они не связаны с церквами, как это можно видеть позднее (в XVII в.), когда колокольни стали пристраивать перед западным входом, используя их одновременно как небольшую паперть. Санаинская колокольня примыкает к северо-западному углу комплекса монастырских построек, а ахпатская стоит совершенно отдельно к востоку от церквей и здания Амазаспа.

Колокольня в Санаине квадратна в плане и имеет вид высокой башни, стены которой заканчиваются щипцами. На пересечении двухскатных кровель поставлена стройная ротонда, венчаю-

* В отчете о раскопках 1912 г. (XI анийская археологическая кампания. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XIII, С-Петербург, 1913, стр. 36 и сл.) Н. Я. Марр высказывает соображения о том, какой могла быть колокольня, о которой говорит надпись, найденная при раскопках большей раскопанной церкви в квартале под анийским Вышгородом. Он считает, что эта колокольня, возведенная братьями Уканом Каримадином и Бабканом Фахрадином и женой первого Даптахатуной, людьми богатыми, построившими прекрасную церковь в Кармир-ванке и делавшими щедрые вклады в монастырь Оромос, относится приблизительно к 1272 г. и была не капитальным сооружением (как и при церкви Спасителя), а имела вид звонницы—может быть навеса. В монастыре Оромос колокольня, судя по надписи, была построена в 1286 г. Таким образом ахпатская колокольня 1245 г. является древнейшим сооружением этого типа.

щая помещение верхнего этажа, куда ведет узкая каменная лестница (табл. 52). Убранство этой постройки весьма скромно и состоит из строгого портала двери, простых обрамлений окон и большого резного креста на западной стене.

В Ахпате архитектор мастерски перевел крестообразный план нижнего этажа в квадрат со срезанными углами наверху, получив в углах башнеобразной колокольни своеобразные ниши, увенчанные превосходными сталактитовыми тромпами. Такое решение сократило поперечник постройки по диагонали и придало ей особую стройность, подчеркнутую треугольниками щипцов, завершающих стены основного массива и грани шестиколонной ротонды (табл. 54). Мы уже имели случай остановиться на убранстве этой интересно разработанной постройки. Оно в верхней части дополняется парными окнами с колонками, что сближает колокольню с группой двухэтажных построек в Нораванке, Егварте и Нор-Гетике, наталкивая в то же время исследователя на мысль,—не была ли замена барабана ротондой в первых двух произведена для подвески колоколов над самой церковью.

Колокольни, которые несколькими столетиями позже стали пристраивать к древним церквам, имеют уже иной вид. Они состоят из двух этажей, из которых нижний представляет открытый сводчатый портик на четырех массивных устоях в углах квадрата, а верхний—ротонду с островерхой кровлей. Все сооружение бывает щедро, а то и сверх меры уснащено резь-

бой, в которой можно встретить сочетание сюжетов, заимствованных из средневековой архитектуры без всякого разбора. В большинстве случаев подобные пристройки воспринимаются как досадные помехи, вызывающие искреннее желание от них избавиться.

Знакомясь с памятниками Санаина и Ахпата, выросших за три века в крупные архитектурные комплексы, нельзя пройти мимо небольших, скромных построек, в которых было найдено прекрасное оформление водоразборных точек. Прославленные монастыри привлекали многочисленных паломников, которым было нужно дать возможность освежиться чистой родниковой водой и отдохнуть после долгого пути в летний зной. Задачу, конечно, можно было решить устройством фонтана под сенью тенистых деревьев, но зодчие предпочли ввести воду в крытые галереи, где путник мог напиться и посидеть на каменных скамьях. Санаинская постройка весьма пострадала от времени и людской небрежности, и это сильно осложняет вопрос об ее первоначальном виде. Она состоит из двух сводчатых нефов, открывающихся на фасадах большими проемами, перекрытыми арками, которые опираются на стены и приземистую колонну, стоящую между ними. От постамента за колонной к задней стене переброшена арка, несущая поперечную стену, на которой покоятся своды обоих нефов. В Ахпате прямоугольная галерея, ограниченная с трех сторон глухими стенами, открывается на фасаде тремя проемами, разде-

ленными стройными колоннами, несущими арки, над которыми стена образует большой щипец (табл. 90). Точных дат обоих построек не имеется, но некоторые характерные черты в отделке капителей и формы самих колонн позволяют безошибочно отнести их к XIII в.

Мосты

Территория Армении с давних пор была покрыта сетью самых разнообразных путей от вьючных троп местного значения до больших благоустроенных трактов, по которым шла оживленная торговля между крупнейшими переднеазиатскими центрами. Многочисленные караваны, следовавшие по этим трактам, нуждались в безопасной стоянке и удобной переправе через реки; неудивительно поэтому, что сейчас во всех концах армянской земли, часто на забытых уже древних путях можно встретить давным давно возведенные заезжие дворы и мосты, где в развалинах, а где и поныне несущие службу.

Средневековые армянские строители в совершенстве владели техникой возведения арок и сводов, и это позволило им при постройке мостов в большинстве случаев избегнуть хлопотливых работ по кладке промежуточных устоев в стремительных водах горных рек. Чаще всего берега соединялись одной аркой, либо циркульной, либо двухцентровой с небольшим изломом в вершине.

В Ани было два моста через Ахурян, время

постройки которых неизвестно. От нижнего почти ничего не осталось, развалины же верхнего позволили Т. Тораманяну набросать реконструкцию этого замечательного памятника инженерного искусства древних мастеров (табл. 92). Между береговыми устоями была переброшена мощная четырнадцатисаженная арка, подымающаяся над водами реки на большую высоту, что одновременно смягчало подходы к мосту для караванов и всадников и затрудняло форсирование переправы при военных действиях, тем более, что со стороны города, видимо, была устроена разводная часть, защищенная воротами на устое, которые в случае внезапного нападения должны были сдерживать натиск противника до окончания разводки моста. В мирное время эти ворота могли обслуживать сторожевой пост и таможенную заставу. Следы небольших (караульных?) помещений прослеживаются также в развалинах одного из двух мостов через Ахурян у селения Чрплу, расположенного выше Ани. Примечательно, что в этом селении имеется древний караван-сарай; видимо он обслуживал караваны и путников, почему-либо задерживавшихся на переправах.

Широко известен эксплоатируемый и в наши дни одноарочный Санаинский мост на р. Дебеде, построенный царицей Ванени в XIII в. (табл. 93). Он расположен на дороге, соединяющей левый берег реки у нынешней железнодорожной станции Алаверды с Санаином, Ахпатом и дру-

гими селениями. Правый берег здесь круто уходит из воды ввысь, и потому дорога, огражденная ступенчатыми парапетами, на первой половине моста подымается, а затем идет горизонтально; упершись за мостом в гору, она делает резкий поворот и ложится на косогор. В этом чрезвычайно легком сооружении строитель успешно преодолел трудности, сопряженные с переходом через реку в неудобных топографических условиях, которые, кстати, очень умело использованы для избежания каменных работ в студеной воде горной реки и уменьшения объема каменной кладки. Так правый устой заменяет вдающаяся в русло скала, на которую опирается превосходно прочерченная циркульная арка, украшенная простым, спокойным обрамлением.

В приведенных примерах древних мостовых сооружений мы встречались с циркульными арками; но строители вообще не избегали применения и стрельчатых, начавших входить в их творческий обиход в архитектуре на рубеже десятого и одиннадцатого веков. При этом выбор той или иной формы, по нашему мнению, обусловливался не только эстетическими или стилевыми соображениями, а и практической необходимостью. Так, например, при переходе через речки с крутыми высокими берегами целесообразнее было применить стрельчатую арку, которая, имея при том же пролёте большую высоту, позволяла облегчить спуски к переправе. Таков один из двух мостов у Лорийской крепости. Его арка

построена по принципу стрельчатой со смягчением перелома при вершине с помощью небольшой дуги, плавно соединяющей между собой обе основные кривые. Вид второго моста восстановить, к сожалению, нельзя, так как от него сохранились только остатки среднего устоя.

Строительные приемы древних мастеров

Строители, работавшие на территории, где расселились армяне, с давних пор имели дело с разнообразными породами камня, что и определило характер армянского зодчества. Кирпич и дерево являлись материалами второстепенными и потому не оказали существенного влияния на конструкции и формы, если не считать притворов, где была выполнена целиком в камне традиционная схема народного жилища с деревянным шатровым покрытием. Уже в урартское время техника каменных работ стояла на большой высоте. В строительстве одновременно существовали две системы. Одна, сходная с месопотамской, имела основным стеновым материалом сырцовый кирпич. Как показали раскопки на Кармир-блуре, кирпичные стены крепости-дворца были возведены на мощном высоком цоколе из громадных грубо обделанных каменных глыб, что однако не значит, что здесь работали каменщики, не умевшие чисто обрабатывать материал, так как в одной из раскопанных комнат были найдены превосходно отесанные камни, былое назначение которых пока не совсем ясно; возможно, что они венчали стены, ограничивая на фасаде земляной покров плоской кровли. Вторая—чисто каменная,

известная нам как по развалинам построек (Армавир, храм на Топрах-кале в Ване), так и по древним изображениям (храм в Мусасире). Камни чисто отесывались и укладывались правильными рядами, отделанными иногда рустовкой. Известны такие случаи полихромной кладки камней разных цветов.

Древнейшая и пока единственная из известных в пределах Советской Армении значительных построек, возведенных в то время, когда уже существовало армянское государство,—языческий храм в Гарни (I—II вв.) свидетельствует о большом искусстве строителей, воплотивших благородные формы ионического ордера в твердом базальте. Самый факт использования этого материала, непривычного для иноземцев, не оставляет сомнений в том, что это превосходное сооружение, украшенное тончайшим орнаментом, не могло быть возведено без опытных местных мастеров. Большие чисто тесаные блоки были скреплены между собой железными скобами, а фусты колонн бронзовыми и железными штырями, залитыми свинцом. Раскопками в анийском Вышгороде были обнаружены стены, сложенные из огромных каменных глыб твердой породы, которые, судя по вырубленным в них углублениям, были связаны между собой железными пластинами, имевшими форму сдвоенных ласточкиных хвостов. По мнению И. А. Орбели эти связи были заложены в римское время при перестройке древней урартской крепости. Позднее, вероятно при князьях Камсараканах (V в.), владевших краем, когда город еще

не существовал и здесь высилась только крепость, стены были снова переложены, что видно по неправильному положению гнезд для скреп. Железные связи употреблялись и в последующее время там, где камень являлся несущим материалом. Железные штыри, залитые свинцом, были применены в VII в. в Звартноце для предотвращения сдвига частей колонн в абсидах. В центре массивных баз высверлены глубокие гнезда, куда вставлялись стержни; от них к краям идут четыре желобка, расположенные крестообразно, по которым, надо думать, и производилась заливка железных скреп расплавленным свинцом после постановки колонны.

В церковных сооружениях первых веков христианства уже можно видеть способ кладки стен из двух параллельных рядов камней, пространство между которыми заполнено известковым бетоном. В таких грандиозных постройках, как багаванский храм, это внутреннее пространство еще весьма незначительно, и нагрузку несет камень; по наблюдению И. А. Орбели там крупные, с лицевой стороны чисто тесаные блоки почти соприкасаются своими тыловыми, едва обработанными частями, так что плоский рваный камень заполнения, залитый раствором, приходилось укладывать вертикально на ребро. В дальнейшем толщина лицевых камней даже при значительной их величине уменьшается, и нагрузка переносится также на заполняющий толщу стены известковый бетон. Камень становится облицовкой и служит при постройке своеобразной опалубкой,

в которую забрасывают крупный щебень, заливаемый потом раствором, причем притеска и пригонка на месте облицовочных плит производится настолько тщательно, что раствор не просачивается наружу. В древнейших частях анбердского дворца и укреплений стены выложены из не совсем чисто обработанных камней, отдаленно напоминающих по форме усеченные пирамиды, обращенные основанием наружу и потому здесь была опасность вытекания раствора через щели.* Строители нашли выход из положения, промазав предварительно швы густым раствором, замешанным подобно штукатурке на мелком песке. Эта обмазка была пройдена шлифующим инструментом и обработана фальцами, что придало ей очень аккуратный и даже изящный вид. В древнейших постройках, особенно в отличающихся большими размерами, величина облицовочных плит весьма значительна, и высота их колеблется в пределах 0,6—1,0 м. Вероятно для предотвращения поломки кромок, вполне возможной при наклоне и передвигании во время установки, у плит стали срезать фаски шириною до 1 см для получения более стойкого тупого угла. Едва ли это делалось из декоративных соображений, хотя швы при срезе стали поблескивать на ярком южном солн-

---

* Из камней такого же вида были сложены и Ашотовы стены 964 г. в Ани. Кладка стен из грубо обработанных камней в конце IX в. была в ходу в районе озера Севан, где в церквах ее сочетали с чисто тесаной облицовкой барабанов и такими же карнизами, арками и тромпами (церкви—малая на острове, в Алучалу и Айриванке).

це. Подобный прием прожил, по нашим наблюдениям над анийскими памятниками, до XI в. В багратидское время и позднее, когда в разных местах страны было построено большое число рядовых по своим достоинствам и размерам церквей, величина камней уменьшается, снижаясь по высоте до 0,5 и даже 0,3—0,4 м. Конечно, встречаются постройки, возведенные видными деятелями, в которых ряды исключения облицовки выполнены из крупных плит, как, например, в Анберде или Мармашене, построенных овеянным славою Вахрамом Пахлавуни, где высота рядов достигает 1,35 м. В XII—XIII вв. в анийских постройках, преимущественно в крепостных стенах, был применен весьма своеобразный прием кладки: облицовочные камни отесывались с таким расчетом, чтобы при установке на место их верхние кромки находились на одной вертикали, а нижние отступали от нее на 0,5—1,0 см, образуя узенькую полочку. Надо полагать, что и в этом случае заботились о целости кромок, которые благодаря отступу при аккуратной установке и передвижке камней на месте не подвергались ударам и неравномерной, преувеличенной нагрузке. Система монолитных стен, ограниченных с двух сторон нетолстыми облицовочными плитами, с честью выдержала испытания на протяжении многих веков, подвергаясь не раз жестоким ударам со стороны беспокойной тектоники страны. Когда же устоять было невозможно, когда внутренние силы не выдерживали, сооружение не рассыпалось в прах, оно падало гордо, подобно

церкви в Таргманчац-ванке, башне дворца в Анберде или анийскому минарету Абу-л-Маамрана, огромные блоки которых с абсидами, нишами и лестницами, даже поверженные на землю, свидетельствуют о поразительном инженерном искусстве создавших их строителей.

Южные стены церквей в ясные дни с утра до вечера залиты солнцем. На гладкой поверхности их облицовки каждый выступ дает четкую тень, что прекрасно использовали древние мастера при устройстве солнечных часов, необходимых причту для соблюдения установленного распорядка церковных служб. Своеобразный циферблат обычно представляет обращенную дугой вниз половину круга с укрепленным в центре стержнем, который отбрасывает тень, скользящую от часа к часу по обозначающим их радиусам. Циферблат иногда бывает всего лишь прочерчен резцом; чаще же ему придают нарядную форму раскрытого веера, рельефно выступающего из облицовки. Великолепные часы, найденные разбитыми при раскопках, украшали в свое время фасад Звартноца. На большой квадратной плите вырезан круг, разделенный горизонтальным диаметром на две части; в нижней половине от стержня, дававшего тень, расходятся двенадцать радиусов, заканчивающихся колечками с пуговками в середине, под которыми вырезаны буквы алфавита, обозначающие цифры; верхняя половина занята наставительной надписью, призывающей к молитве.

Оконные проемы обычно имеют наверху

арку, которая даже при сравнительно большой их ширине в ранних памятниках составляется не из мелких узких клиньев, а из двух-трех, реже одного, фигурных камней, охваченных сверху самостоятельно сложенной бровкой. Позднее, когда окна утратили былую ширину, циркульный верх стали вырубать в целой прямоугольной плите вместе с бровкой, а в некоторых случаях и резными украшениями, помещенными в углах. Двери перекрывались плоско, каменными брусьями и плитами (тимпанами) с циркульным, а позднее и стрельчатым верхом. В отдельных случаях архитравные камни над проемом достигали значительных размеров; например в Багаване И. А. Орбели зарегистрировал камни размером 3,58 м, 3,38 м, 3,02 м, 2,85 м. Обрамление дверей сверху заканчивалось выступающей аркой и потому даже при перекрытии брусом над ним обычно помещался еще тимпан из целого камня. В ранних памятниках, начиная с ереруйской базилики, середину архитрава освобождали от непосредственной нагрузки, передавая ее на края у опор (косяков), для чего в средней части основания тимпана вырубали так называемую разгрузную щель— узкую полоску во всю толщину плиты, предотвращавшую их соприкосновение. Над входами в угловые приделы церкви в Аване имеется даже по две таких щели; здесь над первым архитравом помещен второй со срезом внизу, а над ним выложена плоская клинчатая перемычка, несущая стену, средние камни которой не касаются второго архитрава. В XII--XIII вв. плоское перекры-

тие дверей и широких окон на порталах делали составным, в виде перемычки, используя ее одновременно как элемент красочного убранства, для чего брали камень двух цветов. Основные ворота в крепостных стенах устраивались без тимпанов, с арочным верхом, что вполне понятно, так как они должны были пропускать не только пешеходов, но также всадников и нагруженные повозки, имевшие нередко значительную высоту. Здесь кстати будет вспомнить интересный, единственный на территории Армении образец ворот, представляющих совершенно самостоятельное сооружение, не связанное со стенами. Они стоят в районе монастыря Оромос (Хошаванк) на высоком незастроенном плато, заканчивающемся у Ахуряна крутым обрывом (табл. 91). Прямоугольный массив, окаймленный сверху карнизом, прорезан посредине широким проездом со сводчатым, ныне разрушенным, верхом. Над карнизом по сторонам проезда высятся две прямоугольные часовенки, стены которых заканчиваются щипцами. Обе часовни были увенчаны куполами (сохранился только один) с круглыми барабанами и коническими каменными кровлями, благодаря чему в свое время издали производили впечатление своеобразных башен, из которых было можно попасть на площадку над проездом.

Жилые дома на протяжении многих веков, как и в наши дни, перекрывались деревом по способу, который был применен еще урартами на Кармир-блуре, о чем свидетельствуют обгоревшие остатки потолков, найденные при раскопках.

На деревянных балках устраивался камышевый настил, накрытый соломой или травой, который нес на себе земляной покров, смазанный сверху хорошо перемятой глиной, не пропускающей воды. Подобные кровли можно и сейчас встретить в селениях. Многочисленные обломки и отдельные целые экземпляры черепицы, обнаруженные в развалинах двинских патриарших палат, показывают, что наряду с плоскими земляными кровлями в жилых зданиях применялись и черепичные на стропилах. Первые церкви по свидетельству историков тоже имели деревянное покрытие, которому на смену в V—VI вв. пришли своды, повсеместно вытеснившие дерево, особенно в связи с широким распространением купольных форм церквей. Трудно сейчас объяснить, почему на первых порах строители предпочитали дефицитное и мало эффектное дерево. Неумением сооружать арки и своды этого объяснять нельзя, так как сохранившиеся части ереруйской базилики свидетельствуют, что здесь в V в. работали не новички, а люди настолько солидно знавшие технику каменных работ, что в случае надобности без всяких затруднений могли бы возвести и любое купольное сооружение. Сирийские мастера были привезены сюда, конечно, не для обучения армян строительному делу, которое уже стояло на большой высоте, а для консультации по специфическим вопросам церковной архитектуры. Изучение построек V—VII вв. показывает, что в это время строители возводили свои внушительные по размерам постройки без страха за их

устойчивость и долговечность, а иногда, как в Звартноце, даже слишком смело, но не легкомысленно. Они каким-то неизвестным пока нам путем нашли то счастливое взаимоотношение между размерами сооружений и их отдельных частей, несших нагрузку, которое позволило обойтись без ненужных запасов прочности, и получить легкие и стройные, до конца конструктивные формы.

При возведении арок их не дробили на большое число клиньев,—скорее заметна тенденция сократить число элементов, которым придавалась форма криволинейных каменных брусьев с соответственно срезанными торцами. Злосчастные колебания почвы причиняли, конечно, немало забот зодчим, и вот тут-то в купольных постройках, где арки, несшие купол, особенно усиленно работали, пришли к мысли снабжать их камни зубом, который предотвращал выпадение клиньев в случае раскрытия швов при землетрясении. Такой прием был применен, например, в церкви Анании в Аламне (VII в.),—с ним же можно встретиться и в XIII в., когда он нашел место не только в арках, но и в плоских перемычках (ворота в Анберде). Цилиндрические своды, паруса, конхи и купола выкладывались горизонтальными рядами из камней небольшой толщины, вытесанных по лекалу, и установленных наружу постелью, а не ребром, чем они и отличаются от конструкций, сделанных из кирпича и каменных плит, положенных плашмя. Как исключение своды, выложенные по образцу кирпичных, можно от-

метить в обоих комнатах анбердской бани; если же принять во внимание, что в этой крохотной постройке угловые тромпы врезаются в купола, подобно тому как было сделано еще в сасанидских дворцах в Фирузабаде и Сервистане, то становится ясным, что здесь работал мастер, прошедший персидскую строительную школу. Конические паруса, ограниченные сверху арками, составлялись из плит, расходившихся веером из вершины конуса, где устанавливался фасонный камень. Много новшеств в сводах появилось в XII—XIII вв., когда они стали одновременно и элементом убранства в притворах и других гражданских постройках. Мастера в это время соревнуются в придумывании самых замысловатых комбинаций из тромпов, сталактитов и других элементов для того, чтобы разнообразить покрытия квадратов, окружающих центральную часть с верхним светом.

Наряду со сводами армянские зодчие применяли и плоские каменные перекрытия, преимущественно в притворах XIII в., где им придавали декоративный характер. В анбердской церкви (XI в.) все приделы, имеющие небольшой пролет, покрыты крупными хорошо отесанными и пригнанными друг к другу плитами, заделанными одним концом в стену наподобие консоли. Выступающие таким образом из обеих продольных стен камни посредине перекрытия образуют едва заметный стык. Эти плиты между приделами первого и второго этажей служат им одновременно и потолком и полом. Зодчих XII—XIII вв. не

удовлетворяет столь простая форма плоского перекрытия, так как в это время, как мы уже видели, потолки в притворах и других монастырских постройках являлись основным убранством здания, имеющего обычно снаружи очень скромный вид. Прекрасно разработанный декоративный плоский потолок из крупных плит можно видеть, например, в средней южной секции большого притвора Гегардского монастыря. Здесь плиты лежат на карнизе затейливой формы с рядами своеобразных кронштейнов. Нижняя часть его имеет вид обычного мулюрованного карниза, а верхняя образована идущими один за другим остроконечными кронштейнами, украшенными такими же трилистниками, как и в центральном сталактитовом своде. Благодаря кронштейнам контур потолка имеет не прямолинейную форму, а составляется из следующих друг за другом половин восьмиугольников, что соответствует орнаменту из плетеных восьмиугольных звезд, вырезанному на плитах. Досадный промах не то архитектора, не то мастера-исполнителя нарушает превосходно задуманную комбинацию из звездчатого узора потолка и кронштейнов карниза. Дело в том, что размер звезд несколько больше полей между кронштейнами и потому у концов потолка они частично прикрыты карнизом.

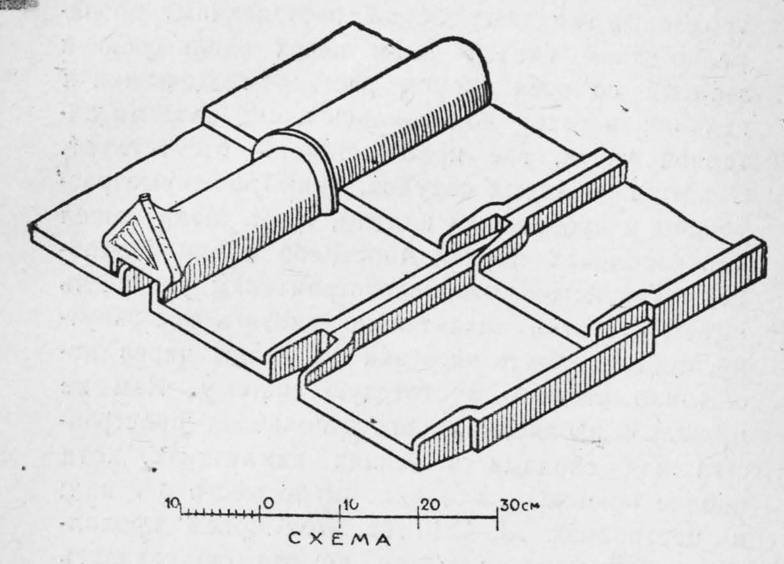
Особо обращают на себя внимание плоские потолки, выложенные из разноцветных фигурных камней, заклиненных в каменные гурты, образующие своеобразный каркас (мечеть Мануче в Ани).

При возведении арок и сводов армянские мастера применяли деревянные кружала. Можно привести пример, показывающий, как достигали они при этом экономии лесных материалов и упрощали вспомогательные работы. В аручской церкви Григория Мамиконяна (VII в.) при значительной высоте, на которой располагались своды, возведение сплошных лесов повело бы к большому расходу бревен и досок, да кроме того и усложнило бы работы. Поэтому кружала были основаны на брусьях, уложенных над пролетом на первый ряд камней сводов; во втором ряду в камнях, установке которых мешали концы балок, были вырублены у нижнего края четырехугольные отверстия, что позволяло их надеть сверху на основу кружал; следующие ряды выкладывались уже без осложнений (табл. 20). В абсиде было устроено четыре таких гнезда: два — во втором ряду камней конхи у триумфальной арки и два — в средней части конхи для полукружал, причем они были вырублены несколько выше с таким расчетом, чтобы дополнительные брусья одним концом легли на основной брус. Теперь эти гнезда открыты, но в свое время они были заделаны точно пригнанными каменными вставками, одна из которых сохранилась на месте в своде между юго-восточным пилоном и стеной юго-восточного придела. В Птгни была применена такая же система, с той лишь разницей, что брусья укладывались не только на первый, но и на второй ряд камней свода. Кровли в ранних сводчатых постройках устраивались преимущественно из чере-

пицы, которая укладывалась по легкому раствору, заполнявшему пазухи между сводами и их скатами. Черепичные кровли куполов первоначально не имели пирамидальной и конической формы, а следовали за кривизной свода, как видим, например, в аштаракской церкви Кармиравор (VII в.). На модели ахтамарского храма, которую держит перед Христом царь Гагик Арцруни, усматривается не пирамидальное, а сферическое завершение купола, что позволило И. А. Орбели обоснованно считать существующую каменную кровлю не первоначальной. Возможно, что переход от черепицы к каменным плитам был одной из причин, приведших к появлению характерных для архитектуры Закавказья островерхих кровель.

Черепицу изготовляли двух видов—плоскую с отогнутыми бортами и фасонную желобчатую, из которых и комбинировалось покрытие, не пропускавшее воду. Для укладки черепиц в нахлестку их нижние концы сужались и входили между бортами нижележащих плит, что при стоке обеспечивало перепад воды с одной черепицы на другую; продольные стыки в свою очередь накрывались желобами, как показано на схеме, изображающей черепичное покрытие двинских палат (рис. 69). Для предотвращения сползания и отрыва черепиц в них иногда делали отверстия, через которые пропускали железные гвозди. Армянские зодчие, никогда не упускавшие малейшей возможности принарядить свое творение, и в черепице показали пример, достойный подражания в наши дни, как можно

самыми скромными, дешевыми и доступными при массовом применении средствами получить нужный эффект. Каждый желоб, которым заканчивалась внизу кровля, они снабдили треугольным

69. Черепичная кровля палат католикоса в Двине.

торцом с отштампованным украшением, благодаря чему ее свес приобрел нарядную форму, с бегущими друг за другом орнаментированными фестонами.

В X в. вместо черепицы повсеместное распространение получили каменные плиты, которые также укладывались по забутке над сводами. Возможно, что в связи с значительным увеличением веса кровельного материала строителям пришлось подумать об уменьшении нагрузки на

своды за счет облегчения забутки. В анберской замковой церкви, построенной Вахрамом Пахлавуни, под коньком полуразрушенной кровли западного крыла были обнаружены крупные остродонные глиняные сосуды, поставленные поочередно дном вниз и дном вверх вдоль свода и залитые со всех сторон раствором. Донышки и венчики карасов сохранились и над сводами алтарной части, где кровля теперь отсутствует. Обломки глиняных сосудов, примороженные раствором к кровельным плитам, Н. Я. Марр нашел при раскопках церкви Апостолов в Ани. Подобное устройство позволило строителям увеличить объем пустот и значительно снизить вес забутки, передав часть нагрузки на своды через достаточно жесткую пустотелую систему. Нам не пришлось наблюдать такого заполнения пространства над сводами в ранних памятниках, хотя вполне возможно, что оно имело место и в них; в постройках XII—XIII вв. этот прием продолжали применять, и с ним не раз сталкивались исследователи. В армянском зодчестве заложенные над сводами сосуды играли только конструктивную роль и не трактовались как резонаторы (голосники). Обычные кровельные плиты имели прямоугольную форму и были снабжены с одной стороны гуртом, свес которого над краем образовывал четверть, в которую входила соседняя плита. Этим путем достигалось накрытие шва, предотвращавшее затекание воды. У конька помещались плиты с арочками, основания которых точно ложились на верхние концы гуртов. Такое

завершение скатов диктовалось не эстетическими соображениями, а необходимостью уложить коньковый брусок, что было бы невозможно сделать, если бы гурты доходили до него. Плиты, из которых составлялась кровля куполов, также имели

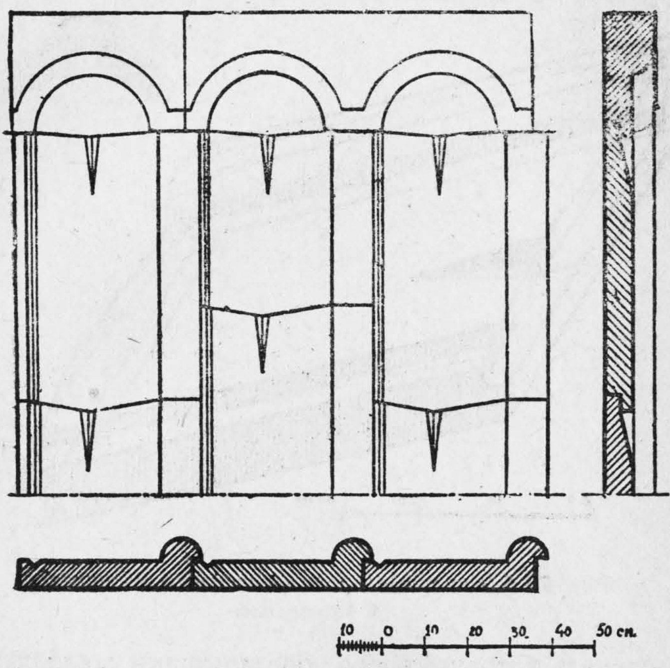

Рис. 70 а. Каменные кровельные плиты из притвора в Нораванке.

гурты, но были трапецоидальной формы. Многие памятники показывают, какую заботу проявляли строители в отношении водонепроницаемости кровли. Они придумывали разные комбинации из бороздок для отвода воды от сопряжений,

видимо не вполне доверяя простому накрытию их четвертями и гуртами. Иногда на каждой плите прорезались два желобка, начинавшиеся у ее верхних углов и сходившиеся под углом к середине в один—продольный, из которого вода

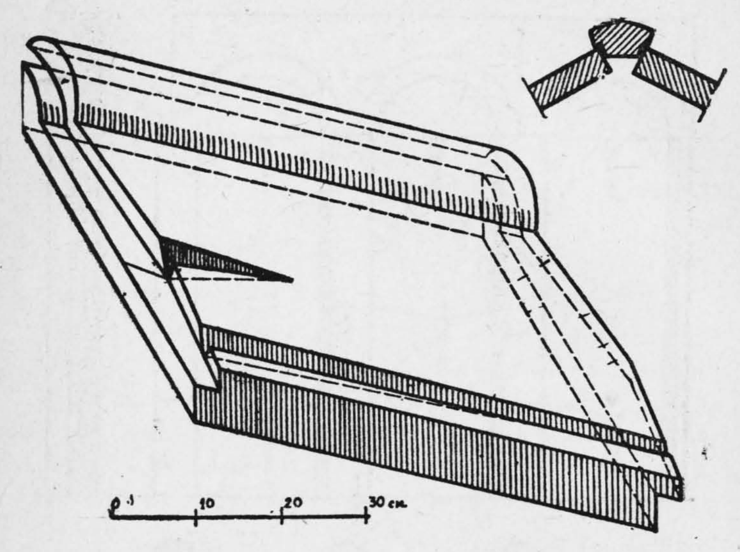

Рис. 70 б. Каменные кровельные плиты из притвора в Нораванке.

стекала в треугольник, образованный желобками нижележащей плиты; таким образом около гуртов могла скопляться только вода, падавшая на одну плиту. Образцом, где все было продумано до мельчайших подробностей, нужно признать кровлю притвора в Нораванке (рис. 70 а и б). Продольные стыки здесь накрыты полукруглыми гуртами, образующими четверти, и кроме того ограж-

дены желобками треугольного сечения, идущими вдоль гуртов. Невозможность затекания воды в поперечные сопряжения, расположенные в шахматном порядке, обеспечивают четверти, вырезанные в толще плиты в виде тупого зуба со стоком к его вершине. Если все же вода попадает, ее выводит на поверхность плиты остроконечный желобок. Конечно, эти меры приводили к нужному результату при небольших осадках,—во время ливня каждая секция кровли превращалась в сплошной поток, накрывавший все бороздки и желобки, начинавшие опять работать только по окончании непогоды, добросовестно освобождая сопряжения от попавшей в них воды.

Над созданием многочисленных архитектурных сооружений Армении потрудились на протяжении веков многие поколения талантливых зодчих. Но их творческие замыслы не вышли бы за пределы отвлеченных исканий, если бы рука-об-руку не работали многочисленные искусные мастера и рабочие-каменщики и наделенные завидным дарованием ваятели, не отстававшие от архитекторов в совершенствовании своей благородной профессии. Изучение древних памятников показывает, что техника в каменном зодчестве была доведена до совершенства; дальше, кажется, уже некуда было идти. Однако творческая фантазия зодчих и великолепная выучка исполнителей и тут нашли виртуозный выход за пределы обычных строительных норм, в область—если можно так назвать—изваянной архитектуры. В странах Передней Азии сдавних пор была из-

вестна техника вырубания в скалах различных сооружений. Уже упоминались урартские подземные покои с имитацией деревянных потолков и архитектурно обработанные гробницы Ахеменидов. Персидские цари из сасанидской династии в местах охоты устраивали себе в скалах охотничьи гроты, на стенах которых были изваяны величественные барельефы самих властителей и живописные охотничьи сцены (Так-и-Бостан). В Армении большие подземные строительные работы были произведены в багратидской столице. Но здесь мало заботились об архитектурной обработке помещений, служивших жильем городской бедноте. Лишь в немногих подземных церквушках, обслуживавших анийские „пещерные" кварталы, можно встретить скромные украшения, примитивно повторяющие виденное там наверху, в богатых постройках наземного города. Не то находим в знаменитом Гегарде или Айриванке,* славящемся своей скальной архитектурой, успешно соперничающей с наземными постройками. Монастырь расположен в 7 км от Гарни у истоков шумно играющей среди громадных камней речки на склоне почти замкнутого амфитеатра отвесных скал, врезающихся в синеву неба. Пейзаж оживляют красочные пятна сочной зелени и молочно-белые каскады, падающие с кручи боковых ложбин. На узкой площадке, огражденной стенами, у подножья утеса, выступающего из горного массива правого берега высится остро-

* Айриванк—в переводе пещерный монастырь.

верхая церковь 1215 г. с четырехколонным притвором, пристроенным примерно на 70 лет позднее к утесу, который заменяет ему северную стену (табл. 70). Почти одновременно с сооружением притвора строители углубились в толщу туфобрекчии,* изваяв в ней в два яруса несколько помещений, которые и по сей день вызывают неподдельное изумление у многочисленных посетителей своими архитектурными формами и богатой скульптурной отделкой, характерными для армянского искусства XIII в.

Две северные двери по сторонам ниши ведут из притвора в иссеченные в скале помещения первого яруса. Через левую посетитель проходит в небольшую церковку, высеченную в скале по распоряжению князя Проша в 1283 г., с планом в виде неполного креста без южного крыла, которое нельзя было поместить из-за недостаточной толщины оставшейся скалы, выходящей в притвор. Над головой—сталактитовый купол с окном в вершине, одинаковый по рисунку с куполом притвора и не уступающий ему по изумительной тонкости резьбы. Его несут две пары перекрещивающихся арок, которые опираются на полуколонны, выступающие из стен центральной части церкви (табл. 73). Три крыла, открывающиеся в подкупольную часть между колоннами, имеют вид глубоких сводчатых ниш, окаймленных наверху арками несколько вычурной формы, исполнимой лишь в монолите скалы. Восточное крыло

* Туфобрекчия—мелкозернистая горная порода, легко поддающаяся обработке.

занято алтарной абсидой, убранной полуколонками и арочками, с орнаментированной наподобие сталактитов конхой; в северном устроены два бассейна для воды, которая струится из подземного родничка, пользующегося суеверным уважением у женщин, лишенных радостей материнства; на месте южного крыла в стене высечены три небольшие ниши; они разделены полуколонками и охвачены общим обрамлением, украшенным тонкой резьбой.

Скала внизу имеет светлосерый оттенок, переходящий к куполу в теплые тона, что в сочетании с более ярким освещением наверху особо рельефно выделяет дуги арок и веера сталактитов.

Через правую дверь входим в сумрачный притвор—усыпальницу, слабо освещенный через отверстие в вершине усеченного восьмигранного шатра, венчающего своды помещения. Прямо перед входом—лоджия с массивным столбом, от которого перекинуты арки к стенам. Здесь, вероятно, были похоронены строитель князь Прош и члены его семьи, так как из надписи в алтаре главной церкви видно, что он соорудил в Гегарде фамильную усыпальницу. Над арками всю стену занимает барельеф, изваянный очень строго, без излишних подробностей. В тени под сводом—рогатая голова животного, которая держит веревки, охватывающие шеи двух львов, с повернутыми к входящему головами; между ними в антрвольте вырезан высоким рельефом орел с полураскрытыми крыльями, держащий в лапах ягненка. По-

лагают, что вся эта скульптурная группа представляет герб княжеского рода Прошьянов, владевшего Гегардом с восьмидесятых годов XIII в. Западная стена украшена полуколонками с арочками, восточная большим орнаментированным крестом между дверью и небольшой часовенкой; на сильно выветрившихся гранях шатра также различаются силуеты когда-то нарядного узора. Светлое пятно двери прорезает синеватый сумрак усыпальницы. Можно подумать, что за ней зажжена большая люстра, освещающая небольшую богато убранную резьбой церковь. На самом деле свет спокойно льется из окна в вершине купола, озаряя своеобразным сиянием свод и стройный барабан. Барабан разбит полуколонками с арочками на двенадцать частей, которым в своде отвечают сферические „трапеции“, заполненные резным орнаментом. Он основан на четырех арках и парусах, покрытых рядами резных трилистников обычного для армянских сталактитов вида, идущих в шахматном порядке точно пчелиные соты. Арки опираются на стройные полуколонны, которыми отделаны внутренние углы стен церкви, образующих в плане крест. Алтарная абсида основана на большом возвышении с украшенной орнаментом из ромбов передней стенкой. На полукружии абсиды высечены полуколонки с арочками и превосходный карниз, а по сторонам на стенах две панели, имитирующие большие крестные камни. Церковь имеет три придела,—два, как обычно, около алтаря и третий—рядом с северным крылом. Южное крыло помещено настолько близ-

ко к наружной поверхности утеса, что строитель смог сделать в нем окно, через которое видна северная стена стоящей рядом главной церкви.

Поднявшись по наружной лестнице к западу от притвора и пройдя через искусственный коридор в скале, на стенах которого вырезаны ряды крестных камней, попадаем в просторное подземное помещение с четырьмя колоннами посредине, соединенными арками между собой и со стенами. Центральные арки, охваченные трапецеобразными обрамлениями, образуют квадрат, над которым высится сферический купол со световым отверстием, посылающим достаточное количество света лишь в летние дни, когда солнце стоит высоко над головой. Это подземное сооружение, строителями которого являются, согласно надписи на одной из колонн, сын Проша князь Папак и его супруга Рузукан (1288 г.), имеет вид обычного притвора, как и называется в надписи. В нем особенно примечательно то, что колонны, поддерживающие центральную часть, также высечены в монолите утеса (табл. 72).

В скалах, окружающих монастырь, рассеяны многочисленные пещеры-кельи, где пребывали в уединении члены монастырской братии; в одной из них обитал известный армянский историк XIII века Мхитар Айриванкский.

Сейчас трудно сказать, как был технически осуществлен весь этот сложный архитектурный комплекс,—откуда начинали и как вели в скале работы, как производили подземную разбивку, которая должна была в строгой последователь-

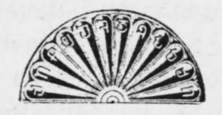
ности направлять инструмент мастера. Здесь нужно было работать наверняка, без брака, ибо стоило только сделать лишнее или неосторожное движение руки и на тщательно обработанной поверхности архитектурной детали или в узоре убранства появился бы непоправимый изъян, который в обычной наземной постройке можно устранить заменой испорченного камня. И действительно, тут все продумано, взвешено и аккуратно выполнено. Только в одном месте имеется несущественный просчет, вполне возможный при отсутствии точных геодезических инструментов: юго-западный угол пола верхнего притвора над лоджией усыпальницы, несмотря на то, что несколько приподнят, настолько близко подошел к стене с гербом, что оставшийся тонкий слой породы не выдержал, и в углу образовался небольшой пролом. Все высеченные в скале помещения имеют в вершине центрального свода световое отверстие, откуда, вероятно, и начинались работы. Наиболее целесообразно было пробить до будущего пола шахту и подвесить в ней отвес на месте центральной оси сооружения, относительно которой все точки подкупольной части располагаются симметрично. Одновременно для определения положения пола и высоты помещения было, по моему мнению, необходимо пройти горизонтальным ходом на надлежащем уровне от будущей двери до пересечения с шахтой. Поступая так, строитель получал возможность окончательно уточнить высотную часть проекта, а, следовательно, и основные пропорции. Далее можно было равномерно

уширять шахту во все стороны до получения очертания подкупольного объема в массах, конечно с учетом выступающих частей (полуколонн, пилястр, декоративных арок, резного орнамента). Расчертив на полученных таким порядком четырех плоскостях контуры второстепенных объемов и различных деталей, мастера могли продолжать выемку породы, шаг за шагом приближаясь к проектной форме помещения.

Сохранившиеся надписи дают возможность составить представление о том, сколько времени требовалось на выполнение подобных, весьма нелегких и кропотливых работ. В надписи князя Проша 1283 г. в алтаре главной церкви говорится, что он, купив Айриванк, построил церкви и соорудил усыпальницу для себя и для своего рода. Надо полагать, что это сообщение относится ко всему подземному комплексу первого яруса, где имеются две церкви и усыпальница, тем более, что здесь в церкви с источником тоже имеется надпись Проша, говорящая об ее построении и покупке Айриванка (с теми же подробностями, что и в главной церкви). Притвор второго яруса был высечен в скале уже его сыном Папаком. Прош жил еще в 1286 г. Папак закончил притвор, согласно надписи внутри его, в 1288 г. Значит, здесь продолжительность работ не могла быть более двух лет, так как в противном случае в надписи наверное был бы упомянут и Прош.

Интересно, что в летней резиденции Проша в сел. Мартирос (на высоте 1935 м над уровнем моря) вардапетом Матфеем в 1286 г., т. е. через

три года после завершения работ в нижнем ярусе Гегарда, было окончено сооружение пещерной церкви с куполом, а, возможно, и находящегося рядом пещерного притвора с верхним светом. Церковь по плану напоминает восточную подземную церковь в Гегарде. Монах-строитель, конечно, бывал там и, находясь под впечатлением от только что законченной постройки, а может быть и побуждаемый Прошем, предпринял такое же дело в своих краях.

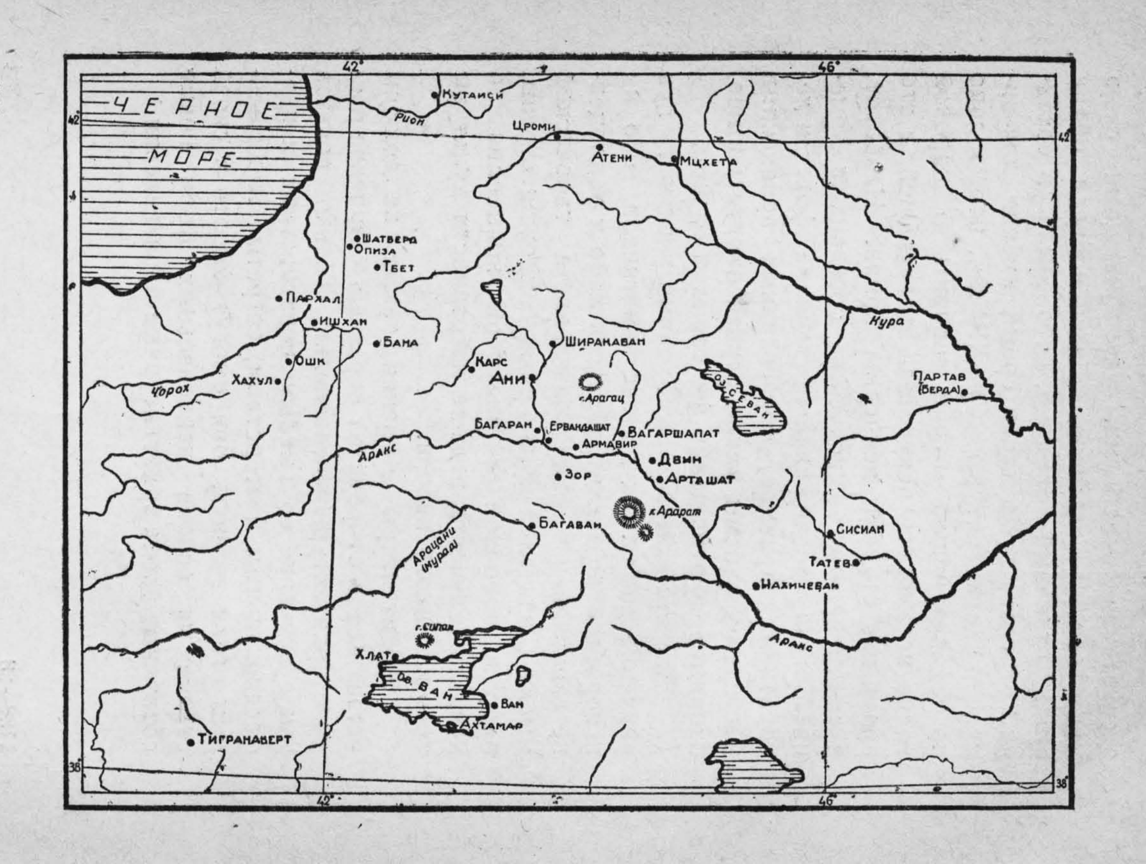

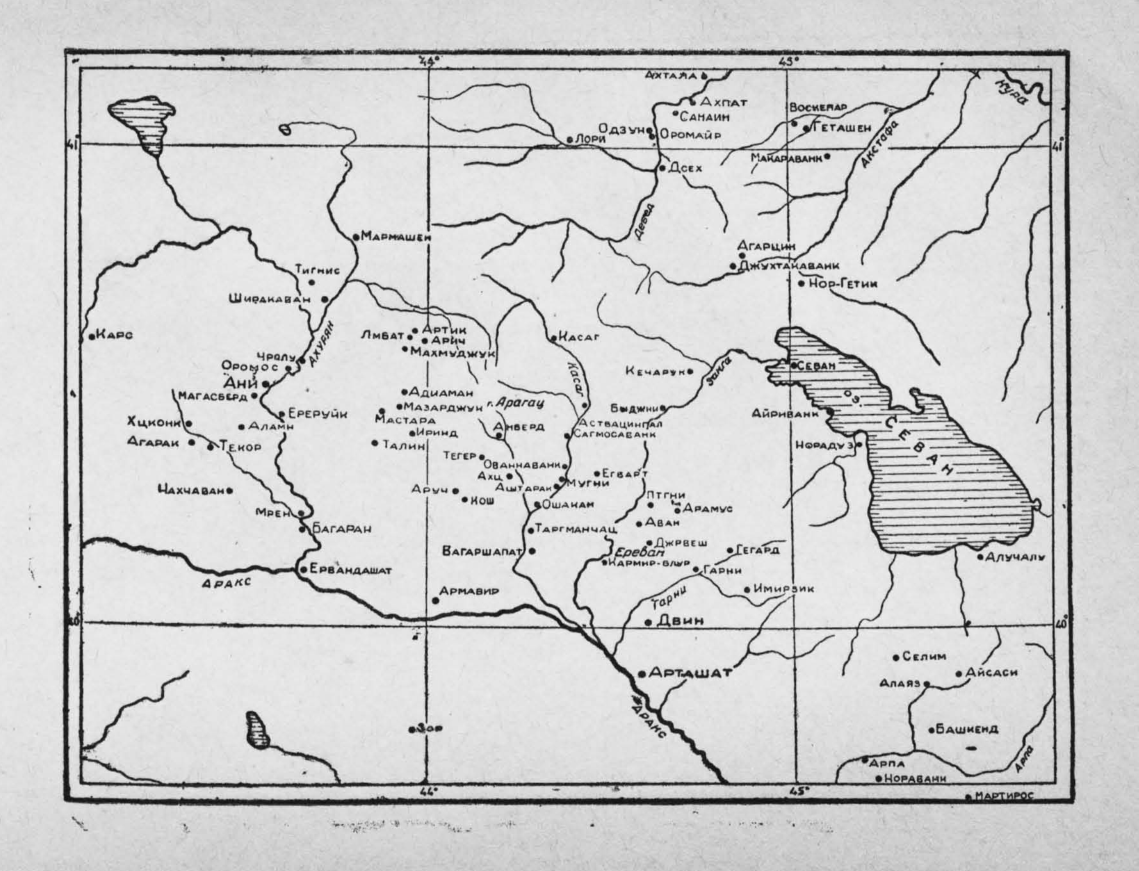
Изучение памятников показывает, что архитектура древней Армении в своем развитии нашла собственные пути, несмотря на наличие разнообразных влияний, неизбежных для страны, являвшейся постоянной участницей происходивших в Передней Азии событий. Она не осталась в стороне от этих влияний, но все, что заимствовалось от соседей, заимствовалось не механически, а перерабатывалось творческой мыслью армянских зодчих в соответствии с национальной традицией, от которой мастера не отступали, несмотря на жестокие потрясения, временами выпадавшие на долю страны. Так прерванная арабами оживленная творческая деятельность зодчих только замерла на время борьбы с ними и при первой же возможности (при Багратуниях) закипела с неменьшей силой, надежно опираясь на опыт предшественников и используя новшества своего времени. Наличие византийских элементов в Звартноце—несомненно, но никому не придет в голову считать его памятником одной из ветвей византийской архитектуры,—настолько в нем все ново и самобытно. С нашествием сельджуков в Армении появились совсем новые для страны архитектурные формы, но переработанные здесь—

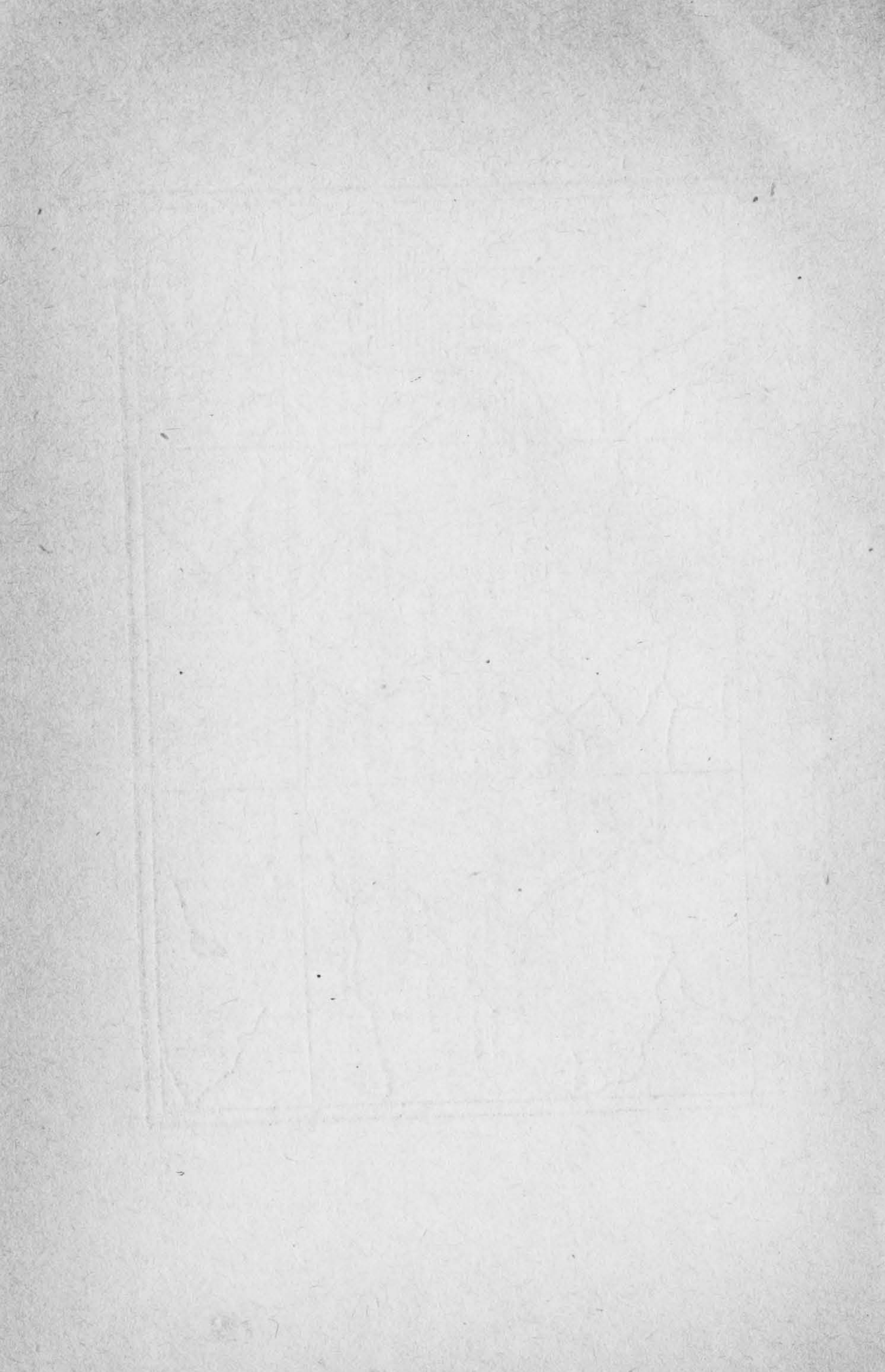
в сочетании с местными, уже имевшими свою многовековую историю, они приобрели облик столь отличный от того, что было в соседних странах, столь характерный именно для армянской архитектуры XII—XIV вв., что только по недоразумению можно говорить о широкой волне исламского искусства, захватившей в это время все стороны искусства армян. Наоборот, в самом исламском искусстве соседних с Арменией стран прослеживается влияние форм и декоративных приемов, выработанных армянскими мастерами, что мы имели случай отметить выше, например, в отношении фигурных изразцов.

Все эти моменты необходимо учитывать при изучении дошедших до нас памятников, ибо их игнорирование может привести либо к недооценке национальной самостоятельности творческой мысли создателей культурных сокровищ страны, либо к порочной антинаучной концепции об исключительности и даже избранности культуры того или иного народа.

Архитекторы Армении также не должны оставаться в стороне от серьезного изучения родного архитектурного наследия. Только сочетав такое изучение со смелым новаторством и профессиональным мастерством, согретым живительным огнем таланта, они смогут создать в своей стране на основе национальных форм новые созвучные эпохе архитектурные произведения.

ЧЕРНОЕ МОРЕ
Кутаиси
Рион
Цроми
Атени
Мцхета
Шатверд
Опиза
Тбет
Пархал
Ишхан
Бана
Ошк
Хахул
Чорох
Карс
Ани
Ширакаван
г. Арагац
оз. Севан
Кура
Партав (Берда)
Багаран
Ервандашат
Вагаршапат
Армавир
Двин
Арташат
Аракс
Зор
г. Арарат
Багаван
Арацани (Мурад)
Сисиан
Татев
Нахичеван
Аракс
г. Сипан
Хлат
оз. Ван
Ван
Ахтамар
Тигранаверт

Ахтала
Ахпат
Санаин
Одзун
Оромайр
Лори
Дсех
Дебед
Воскепар
Геташен
Макараванк
Акстафа
Кура
Агарцин
Джухтак餘ванк
Нор-Гетик
Мармашен
Тигнис
Ширакаван
Карс
Ахурян
Чралу
Оромос
Ани
Магасберд
Ереруйк
Хцкони
Аламн
Агарак
Текор
Цахчаван
Мрен
Багаран
Ервандашат
Аракс
Лмбат
Артик
Арич
Махмуджук
Адиаман
Мазарджун
Мастара
Иринд
Талин
г. Арагац
Анберд
Тегер
Ованнаванк
Ахц
Аштарак
Аруч
Кош
Касаг
Кечарук
Бджни
Занга
Аствацингал
Сагмосаванк
Егварт
Мугни
Ошакан
Таргманчац
Вагаршапат
Армавир
Птгни
Арамус
Аван
Джрвеш
Ереван
Кармир-блур
Гегард
Гарни
Имирзик
Двин
Арташат
Севан
оз. Севан
Айриванк
Норадуз
Алучалу
Селим
Алаяз
Айсаси
Башкенд
Арпа
Норавани
Мартирос
Зор
41°
40°
44°
45°

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абих Г. В.—Ани. Пятый Археологический Съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета. Приложение к I вып. IX т. „Древностей". Москва, 1882.

Авдеев А. А.—О планах церквей Грузии и Армении и их отношении к планам церквей византийских. Труды V Археологического Съезда в Тифлисе в 1881 году. Москва, 1887.

Андреев А.—На развалинах армянской Пальмиры. (Из путевых впечатлений). Исторический Вестник, т. XXXI. Январь, 1898. С.-Петербург.

Бакрадзе Дм.—Кавказ в древних памятниках христианства. Записки Общества любителей кавказской археологии, кн. I, Тифлис, 1875.

Бартольд В. В. и Смирнов Я. И.—Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани. Отдельный оттиск из Записок Восточного Отделения Имп. Русского Археологического общества. Том XIII. Петроград, 1916.

Брюсов В.—Летопись исторических судеб армянского народа. Ереван, 1940.

Буниатов Н.—Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни. Ереван, 1933.

Гордлевский Вл.—Государство Сельджукидов Малой Азии. Москва—Ленинград, 1941.

Гримм Д. И.—Памятники христианской архитектуры в Грузии и Армении. С.-Петербург, 1866.

Егиазаров Д. и Мартиросянц Р.—Памятники древне-армянской архитектуры. Под ред. Г. Д. Гримма, С.-Петербург, 1904.

Измайлова Т.—Архитектурные фрагменты из Анберда. Труды Отдела Истории Культуры и Искусства Востока Государственного Эрмитажа, том I. Ленинград, 1939.

Измайлова Т.—Севанские капители. Труды Отдела Истории Культуры и Искусства Востока Государственного Эрмитажа, том III. Ленинград, 1940.

Иоанн Крымский.—Описание монастырей Ахпатского и Санаинского. Mémoires de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, VII série, tome VI, № 6. St.-Pétersbourg, 1863.

Исторические памятники Армянской ССР.
Делижанский район. Ереван, 1937.
Гарни-Гегард. Ереван, 1937—1938.
Вагаршапатск. район. Ереван, 1938.
Аштаракский район. Ереван, 1940 (на арм. яз.).

История армянского народа. Часть I. Ереван, 1944.

Линч Х. Ф. Б.—Армения. Путевые очерки и этюды. Тифлис, 1910 (Перевод с английского).

Лисициан С. Д.—К изучению армянских крестьянских жилищ. (Карабахский карадам). Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, Том III. Тифлис, 1925.

Манандян Я. А.—О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Эривань, 1930.

„ Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943.

Марр Н. Я.—Кавказский культурный мир и Армения. Петроград, 1915. (Журнал Министерства Народного Просвещения, нов. сер. ч. LVII, № 6, июнь, отд. 2).

„ Кавказ и памятники духовной культуры. Известия Имп. Академии Наук. С.-Петербург, 1912.

„ Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Москва—Ленинград, 1934.

„ Ани, столица древней Армении. (Историко-археологический набросок). Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, 2-е изд. Москва, 1898.

„ Раскопки в [Карсской области и] Эриванской губернии. Отчет Имп. Археологической Комиссии за 1892 г. С.-Петербург, 1894.

„ Армения [о раскопках и археологических работах

1893 г.] Отчет Имп. Археологической Комиссии за 1893 г. С.-Петербург, 1895.

Марр Н. Я.—Раскопки в Ани в 1904 г. Известия Имп. Археологической Комиссии, вып. 18. С.-Петербург, 1906.

„ О раскопках и работах в Ани летом 1906 года. (Предварительный отчет). Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. X, С.-Петербург, 1907.

„ [О раскопках 1907 и 1908 гг. в Ани]. Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического Общества, Том XIX. С.-Петербург, 1909.

„ Восьмая Анийская археологическая кампания.
IX Анийская археологическая кампания.
X Анийская археологическая кампания.
Записки Восточного Отделения имп. Русского Археологического Общества, том XXI, вып. I. С.-Петербург, 1912.

„ XI Анийская археологическая кампания. Приложение к труду—Книжная история Ани и раскопки на месте городища. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XIII. С.-Петербург, 1913.

„ XII Археологическая кампания в Ани. Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического Общества, том XXII, вып. I—II. С.-Петербург, 1914.

„ Отчет Анийского Музея Древностей за 1915 г. Петроград, 1917.

„ Памятники армянского искусства. Ани. Дворцовая церковь. Под ред. акад. Н. Я. Марра по обмерам и чертежам архит. художн. Н. Г. Буниатова. Вып. 1. Петроград, 1915.

„ Описание Дворцовой церкви в Ани. Анийские древности I. Петроград, 1916.

„ Надпись Епифания, католикоса Грузии. Из раскопок в Ани 1910 г. Известия Имп. Академии Наук, VI серия. С.-Петербург, 1910.

„ Краткий каталог Анийского музея. Анийская серия № 1. С.-Петербург, 1906.

„ Реестр предметов древности из VI (1907) археологи-

ческой кампании в Ани. Анийская серия № 2. С.-Петербург, 1908.
Марр Н. Я.—Доклад об археологическом альбоме „Ани“, составленном художником-архитектором Торосом Тораманяном. Известия Академии Наук, т. XXIII, серия V, № 1 и 2. С.-Петербург. 1905.
„ Об учреждении Анийского Археологического Института. Известия Академии Наук, VI серия. С.-Петербург, 1910.
„ Эриванская губерния [о разведочных раскопках в Двине]. Отчет Имп. Археологической Комиссии за 1899 г. С.-Петербург, 1902.
„ Ереруйская базилика, армянский храм V—VI веков. Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического Общества, том XVIII. С.-Петербург, 1907.
„ Материалы к истории армянского искусства в Шираке. Камсаракановский период. Ереруйская базилика. Известия Имп. Академии Наук, VI серия, том III. С.-Петербург, 1909.
„ 1. По поводу работы архитектора Т. Тораманяна: „О древнейших формах Эчмиадзинского храма.
2. Новые археологические данные о постройках типа Ереруйской базилики.
Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического общества, том XIX. С.-Петербург, 1909.
„ К датировке ктиторской надписи Текорского храма. Христианский Восток, том III, вып. I. Петроград, 1914.
„ Армянская церковь в Аруче. Известия Имп. Археологической Комиссии, вып. 12. С.-Петербург, 1904.
„ Санаинская скульптурная группа ктиторов.
Фресковое изображение парона Хутулу-буги в Ахпате. Христианский Восток, том I, вып. III. С.-Петербург, 1912.
„ Батум, Ардаган, Карс исторический узел межнациональных отношений Кавказа. Петроград, 1922.
„ Дневник поездки в Шавшию и Кларджию. (Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Тексты и

разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII. С.-Петербург, 1911).

Меликсет-Беков Л.—Новооткрытая надпись на Севане от 874 г. Сборник памяти академика Н. Я. Марра.

Муравьев А. Н. Грузия и Армения. С.-Петербург, 1848.

Овсепян Гарегин.—Потомство Тарсаича Орбеляна и Мина-Хатуны. Христианский Восток, том II, вып. II. С.-Петербург, 1913.

Окунев Н.—Город Ани. „Старые годы", октябрь 1912, С.-Петербург.

Орбели И. А.—Армянское искусство. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, том III, С.-Петербург.

„ Развалины Ани. С.-Петербург, 1911. (Армянский перевод, Эчмиадзин, 1911).

„ Краткий путеводитель по городищу Ани. Анийская серия № 4. С.-Петербург, 1910.

„ О двух терминах в надписях Ани. Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры, том I. Петроград, 1921.

„ Каталог Анийского Музея Древностей. Анийская серия № 3. С.-Петербург, 1910.

„ Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII века. Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического Общества, том XX. С.-Петербург, 1910.

„ Багаванский храм и его надписи. Христианский Восток, том V, вып. II. Петроград, 1917.

„ Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в. Христианский Восток, том II, вып. I. С.-Петербург, 1913.

„ Шесть армянских надписей VII—X вв. Христ. Восток, том III, вып. I. Петроград, 1914.

„ Две строительские надписи князей Камсараканов. Христ. Восток, том III, вып. III. Петроград, 1915.

„ Надпись Санаинского моста. Христианский Восток, том IV, вып. II. Петроград, 1915.

Орбели И. А.—Баня и скоморох XII в. Памятники эпохи Руставели. Ленинград, 1938.
„ О первоначальной форме купола Ахтамарского храма. Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества, том XXV. Петроград, 1921.
„ Киликийская серебряная чаша конца XII в. Памятники эпохи Руставели. Ленинград, 1938.
„ Проблема сельджукского искусства. III Международный Конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Москва—Ленинград, 1939.
„ Мусульманские изразцы. Петербург, 1923.
Очерки по истории армянского искусства (сборник). Москва, 1939.
Павлинов А. М.—Экспедиция на Кавказ 1883 года. Материалы по археологии Кавказа, вып. III. Москва, 1893.
Пиотровский Б. Б.—История и культура Урарту. Ереван, 1944.
Романов К. К.—Развалины храма римского типа в Баш-Гарни. Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокапятилетию научной деятельности Н. Я. Марра. Москва—Ленинград, 1938.
Сивков А. В.—Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении. Известия Академии Наук Армянской ССР, № 1—2. Ереван, 1944.
Сысоев В. М. и Кучук-Иоаннесов Х. И.—[Материалы экспедиций в Армению в 1907 и 1908 гг.] Материалы по археологии Кавказа, вып. XIII. Москва, 1916.
Сычев Н. П.—Анийская церковь, раскопанная в 1892 г. Христианский Восток, том I, вып. II. С.-Петербург, 1912.
Такайшвили Е. С.—Бана. Материалы по археологии Кавказа, вып. XII. Москва, 1909.
Тер-Аветисян С. В.—Заметки о Воскепаре и Киранце. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. VII. Тифлис, 1937.
„ Резная дверь 1134 г. из окрестностей гор. Муша. Известия Кавказского Историко-Археологического Института в Тифлисе, том III. Тифлис, 1925.

Тер-Мовсесян Месроп.—Раскопки развалин церкви св. Григория близ Эчмиадзина. Известия Имп. Археологической Комиссии, вып. 7. С.-Петербург, 1903.

Токарский Н. М.—Капитель из Анберда. Труды Отдела Истории Культуры и Искусства Востока Государственного Эрмитажа, том III. Ленинград 1940.

» Об основной армянской линейной мере. Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры, том III. Ленинград, 1924.

» Предварительный отчет о поездке в Армению осенью 1923 г. Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры, том IV, Ленинград, 1925.

Тораманян Т.—О древнейших формах Эчмиадзинского храма. Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического Общества, том XIX. С.-Петербург, 1909.

Чубинашвили Г. Н.—Армянское искусство с конца IX и до начала XI вв. Сасунский Давид. Сборник под ред. Меликсет-Бека, Тбилиси, 1939.

Чубинашвили Г. Н. и Северов Н. П.—Пути грузинской архитектуры. Тбилиси, 1936. (Переиздано: Проблемы архитектуры, том II, кн. 1. Москва, 1937).

Чубинов Г. Н.—Отчет Анийского Музея Древностей за 1916 г. Анийские древности, III. Петроград, 1918.

» Декоративное убранство анийских карасов. Христианский Восток, том V, вып. 1. Петроград, 1916.

Шахназарян А.—Двин. Историко-географический очерк. Ереван, 1940.

Якубовский А.—Сельджукское движение и туркмены в XI в. Известия Академии Наук СССР, № 4. 1937.

Ալիշան Ղ.—Այրարատ, Վենետիկ, 1890.

» Շիրակ, Վենետիկ, 1881.

» Սիսական, Վենետիկ, 1893.

» Սիսուան. Վենետիկ, 1885.

Բարխուդարյան Ս.—Խորհրդային Հայաստանի նյութական կուլտուրայի հուշարձանները. Յերևան, 1935.

Առաքելյան Բ., Հարությունյան Վ.—Նյութեր Դվինի քաղաքի պեղումներից. «Սովետական արվեստ» № 4, Երևան 1940.

Երզնկյան Գ.—Կայան բերդ և Կայենո ձոր. Ազգագրական Հանդէս. Թիֆլիս, № 1, 1898.

Էփրիկյան Հ. Ս.—Պատկերազարդ բնաշխարհիկ բառարան. Վենետիկ, 1903—05.

Թորամանյան Թորոս—Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության. Երևան, MCMXLII. (Тораманян Торос. Материалы по истории армянской архитектуры, Ереван).

Լալայան Ե.—Սիսիան. Ազգագրական Հանդէս. Թիֆլիս, № 1, 1898.

» Գանձակի գաւառ, Ազգագրական Հանդէս, գ. V, № 1, 1899.

» Բորչալուի գաւառ. Ազգագրական Հանդէս, գ. VII—VIII, 1901.

» Սևան. Ազգագրական Հանդէս, գ. XVII, № 1, 1908.

» Վասպուրականի նշանավոր վանքերը. Աղթամարի սուրբ Խաչ վանքը. Ազգագրական Հանդէս, գ. XX, № 2, 1910.

» Վասպուրականի նշանավոր վանքերը. Ազգագրական Հանդէս, գ. XXI, 1911 և գ. XXII, № 1. 1912.

» Կեչառիսի վանքը. Ազգագրական Հանդէս, գ. XXII, № 1, 1912.

» Նոր-Բայազեդի գաւառ. Ազգագրական Հանդէս, 1913.

» Վայոց ձոր, Նշանավոր վանքերը. Ազգագրական հանդէս, գ. XXVI, 1917.

Լեոնյան Գ.—Նոր կարծիքներ Զվարթնոցի մասին. տեղեկագիր Հ. Խ. Ս. Հ. գիտության և արվեստի ինստիտուտի, № 1. Երևան, 1926.

Հարությունյան Ի.—Գոշայ վանք կամ նոր Գետիկ. Ազգագրական հանդէս, գ. X, Թիֆլիս, 1903.

» Սանահին. Ազգագրական հանդէս. Թիֆլիս, № 1, 1898.

Հայ ժողովրդի պատմություն. մասն I. Երևան, 1943.

Յովսէփյանց Գարեգին արքեպիսկոպոս—Նյութեր և ուսումնասիրություններ հայ արվեստի և մշակույթի պատմության. Պրակ Ա., Երուսաղեմ, 1935.

» Նյութեր և ուսումնասիրություններ հայ արվեստի և մշակույթի պատմության, պրակ գ. (3) Նու Յորկ, 1944.

» Հաւուց Թառի Ամենափրկիչը և նոյնանուն հուշարձաններ հայ արվեստի մեջ, Երուսաղեմ, 1937.

» Խաղբակյանք կամ Պռոշյանք հայոց պատմության մեջ. մասըն առաջին. Վաղարշապատ, 1928.

Հովսեփյանց Գար. արքեպ.—Խաղբակյանք կամ Պռոշյանք հայոց պատմության մեջ. մասն երկրորդ. Երուսաղեմ, 1944.
Ղաֆադարյան Կարո—Ավանի երկլեզվյան ծածկագիր արձանագրությունը. Երևան. 1945.
Մանանդյան Հ.—Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության. հատոր Ա. Երևան, 1944.
Շահխաթունյանց Հ.—Ստորագրութիւն կաթուղիկէ ս. Էջմիածնի և հինգ գաւառացն Այրարատայ. Էջմիածին, 1842.
Ջալալյան Ս.—Ճանապարհորդութիւն ի մեծն Հայաստան, Թիֆլիս, 1858.
Տէր-Մովսիսյան Մեսրոպ—Հայկական արձանագրություններ, Ազգագրական հանդես, գ. XXV, № 2. Թիֆլիս, 1913.
» Էջմիածին և հայոց հնագոյն եկեղեցիներ. Ազգագրական հանդես, գ. XV—XVI, Թիֆլիս, 1907.
Bachmann W.—Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Leipzig, 1913.
Baltrusaitis J.—Etudes sur l'art médieval en Géorgie et en Arménie. Paris, 1929.
Brosset M.—Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et l'Arménie, exécuté en 1847—1848. St.-Pétersbourg, 1849—1851.
„ Les ruines d'Ani, capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides aux X et XI siècles. Histoire et description. St.-Pétersbourg, 1860, 1861.
Der Nersessian Sirarpie.—Armenia and Byzantine Empire. Cambridge, Massachusets Harvard University Press, 1945.
Dubois de Montpéreax Frédéric.—Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1839—1843.
Grimm D.—Monuments d'architecture [byzantine] en Géorgie et en Arménie. St.-Pétersbourg, 1859—64.
Ker-Porter R.—Travels in Georgia, Persia, Arménia, ancien Babylonia etc. etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820. London, 1821.
Khanikof N.—Voyage á Ani, capitale de l'Arménie sous les Bagratides. Revue Archéologique. XV année. 1858—59.
Lehmann-Haupt C. F.—Armenien Einst und Jetzt. Berlin, 1910. 1928.

Macler Frédéric.—L'architecture arménienne dans ses rapports avec l'art syrien. „Syria", 1920.
Marr N.—Ani, la ville arménienne en ruines d'apres les fouilles de 1892—1893 et de 1904—1917. Revue des Etudes Arméniennes. I, 4, Paris, 1921.
„ Quelques termes d'architecture désignaut 'voûte' ou 'arc'. Яфетический Сборник, том II. Петроград, 1923. (Русский перев. Избранные работы, том III. Ленинград, 1934).
Millet G.—L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916.
Schwieger I.—Neue Wege zur Erforschung von Ursprungsfragen altarmenischer Kirchenbauten. Monumenta Armenologica. Wien, 1927.
Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918.
„ Origin of Christian Church Art. Oxford, 1923.
„ Ursprung der christlichen Kirchenkunst. Leipzig, 1920.
Texier Ch.—Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie. Paris, 1842.
Tschubinaschwili G. N.—Die grosse Kirche von Thalin in Armenien. Byzantinische Zeitschrift, t. XXIX. Leipzig, 1930.
„ Zur Frage der Kuppelhallen Armeniens. Byzantinische Zeitschrift, t. XXVIII. Leipzig, 1928.

Сборники трудов и материалов, журналы

Армянский Вестник. Москва.
Архитектура СССР. Москва.
Бюллетень Кавказского Историко-Археологического Института в Тифлисе. Тифлис.
Древности. Труды Имп. Московского Археологического Общества. Москва.
Древности Восточные. Труды Восточной Комиссии Имп. Московского Археологического Общества. Москва.
Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического Общества. С.-Петербург (Петроград).
Записки Кавказского Отдела Имп. Русского Географического Общества. Тифлис.

Известия Армянского Филиала Академии Наук СССР. Ереван.

Известия Имп. Археологической Комиссии. С.-Петербург.

Известия Кавказского Историко-Археологического Института в Тифлисе. Тифлис.

Известия Кавказского Отделения Имп. Московского Археологического Общества. Тифлис.

Материалы по археологии Кавказа. Москва.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. С.-Петербург (Петроград).

Ազգագրական հանդէս. Թիֆլիս.

Արարատ. կրօնական, բարոյական, պատմական, բանասիրական և ազգային պաշտօնական ամսագիր հայրապետական աթոռոյ Ս. Էջմիածնի. Էջմիածին.

Արաքս.– պատկերազարդ հանդէս. Պետերբուրգ.

Բազմավէպ. հանդիսարան, ազգային, բանասիրական, գրական, գիտական ամսաթերթ. Վենետիկ.

Բանասէր. հանդէս հնախօսական, լեզուաբանական և քննական (տնօրէնութեամբ Կ. Յ. Բասմաճեանի). Պարիս.

Գեղարվեստ —գրական, արվեստագիտական, երաժշտական պատկերազարդ հանդես. Թիֆլիս.

Լումա.—Գրական, քաղաքական, պատմական և հանրային ամսագիր. Թիֆլիս.

Խորհրդային (Սովետական) արվեստ. Երևան.

Հանդէս ամսօրեայ. բարոյական, ուսումնական և արուեստագիտական. Վիեննա.

Выдержки из сочинений древних армянских историков Моисея Хоренского, Себеоса, Степана Таронского, Вардана (Великого) заимствованы из изданных русских переводов Н. Эмина и К. Патканова. Отрывок из Истории Фомы Арцруни с описанием ахтамарского дворца переведен Л. Калантаром. Сведения об истории строительства в Нор-Гетике по армянскому тексту Киракоса Гандзакского сообщила Р. Джанполадян, подготовившая работу об этом монастыре.

УКАЗАТЕЛЬ

Список иллюстраций

Рисунки в тексте

Таблицы

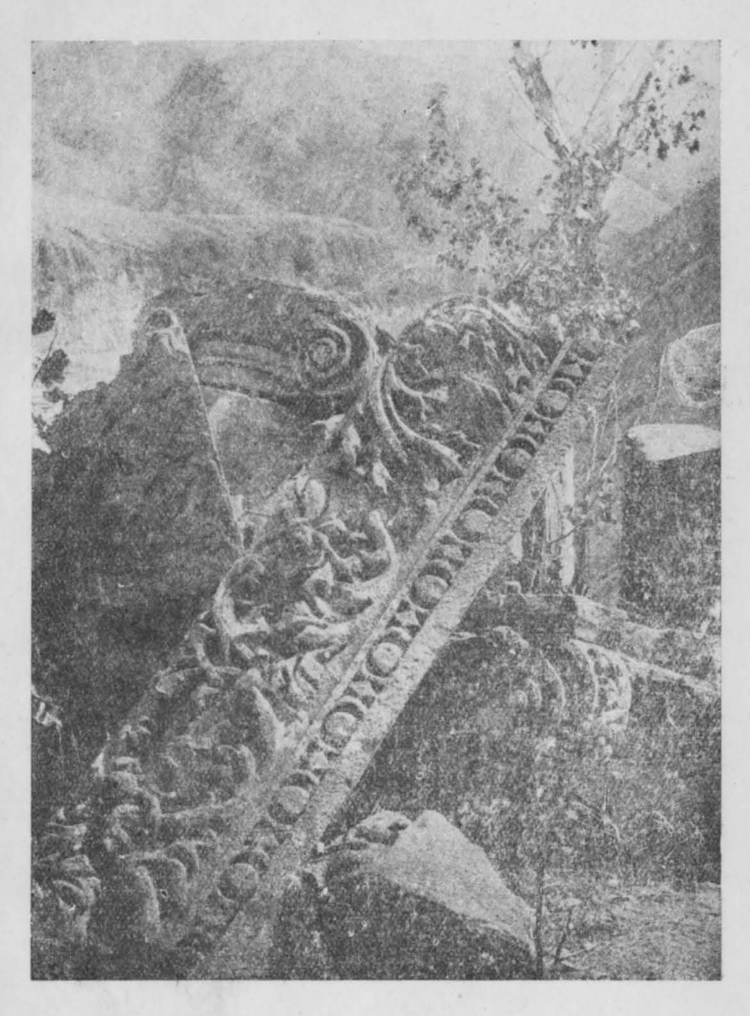
18 Птгни. Окна и карниз северной стены церкви
19 Аруч. Церковь
20 Аруч. Внутренний вид церкви
21 Лмбат. Церковь
22 Мастара. Церковь
23 Артик. Церковь
24 Багаран. Церковь
25 Аван. Западная стена церкви (после реставрации)
26 Вагаршапат. Церковь Рипсиме
27 Сисиан. Церковь
28 Ишхан. Древняя колоннада в алтаре собора X в.
29 Ишхан. Средние колонны в алтаре собора
30 Ишхан. Капители северных колонн в алтаре собора
31 Ишхан. Капители южных колонн в алтаре собора
32 Звартноц. Общий вид развалин церкви
Капитель из абсиды
33 Звартноц. Общий вид развалин церкви
Капитель одинокой колонны
34 Звартноц. Резное убранство фасада
35 Егварт. Церковь, постр. Григорием Мамиконяном
36 Талин. Собор
37 Ани. Мечеть Мануче
38 Ани. Смбатовы стены у Игадзора
39 Ани. Смбатовы стены у Главных ворот
40 Ани. Смбатовы стены у башни с греческим крестом
41 Ани. Собор
42 Ани. Церковь Апостолов с притвором
43 Ани. Церковь, постр. Гагиком I
44 Ани. Церковь рода Абугамренц
45 Ани. Церковь Спасителя
46 Ани. Развалины дворцового зала в Вышгороде
47 Хцконк. Монастырь
48 Мармашен. Большая церковь
49 Анберд. Деталь южного входа церкви
50 Анберд. Баня
51 Севан. Монастырская церковь
52 Санаин. Монастырь
53 Санаин. Колонна притвора в монастыре

Рисунки исполнены: 1 и табл. 77—М. Мохом: 2, 57, 68—Л. Садояном; 3, 69, 70—А. Еремян; 15, 17—автором и А. Еремян; реконструкция Кармир-блура, 22—52, 55, 62, 64, 66, 67 и табл. 7, 28, 63, 74—автором.

Переплет, выходной и титульный листы, заставки и концовки автора.

Чертежи памятников исполнены по изданным материалам Т. Тораманяна и обмерам автора (Мрен; дворец, церковь и баня в Анберде; Быджни, Ованнаванк). План монастыря Санаин заимствован из книги Д. Егиазарова и Р. Мартиросянца „Памятники древнеармянской архитектуры". Разрез церкви в Лмбате исполнил по своему новому подробному обмеру архит. Г. Агабабян.

ТАБЛИЦЫ

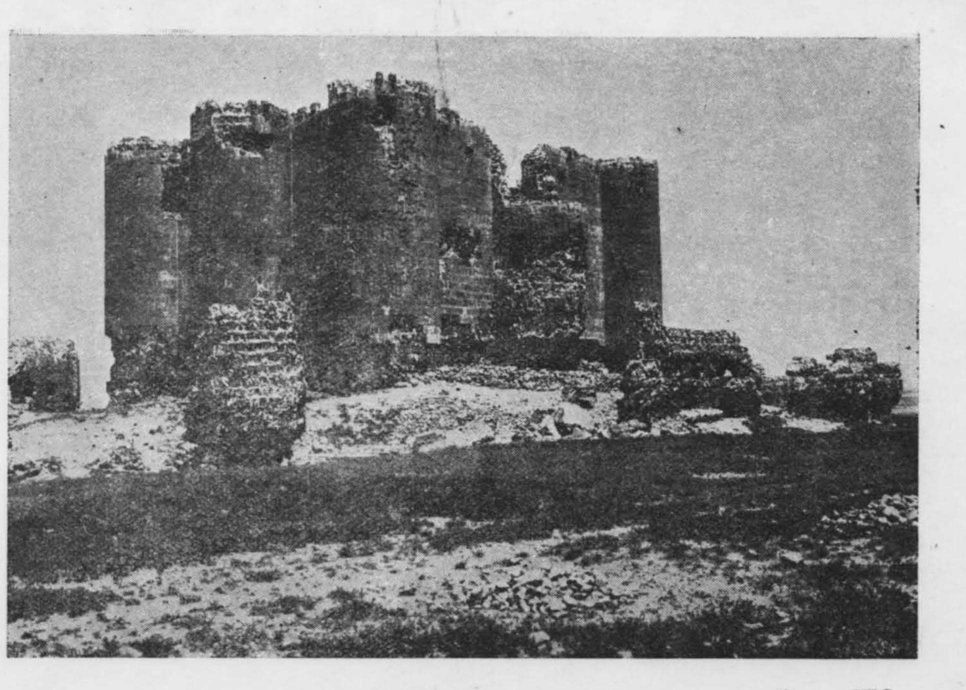
Гарни. Архитектурные фрагменты языческого храма

2

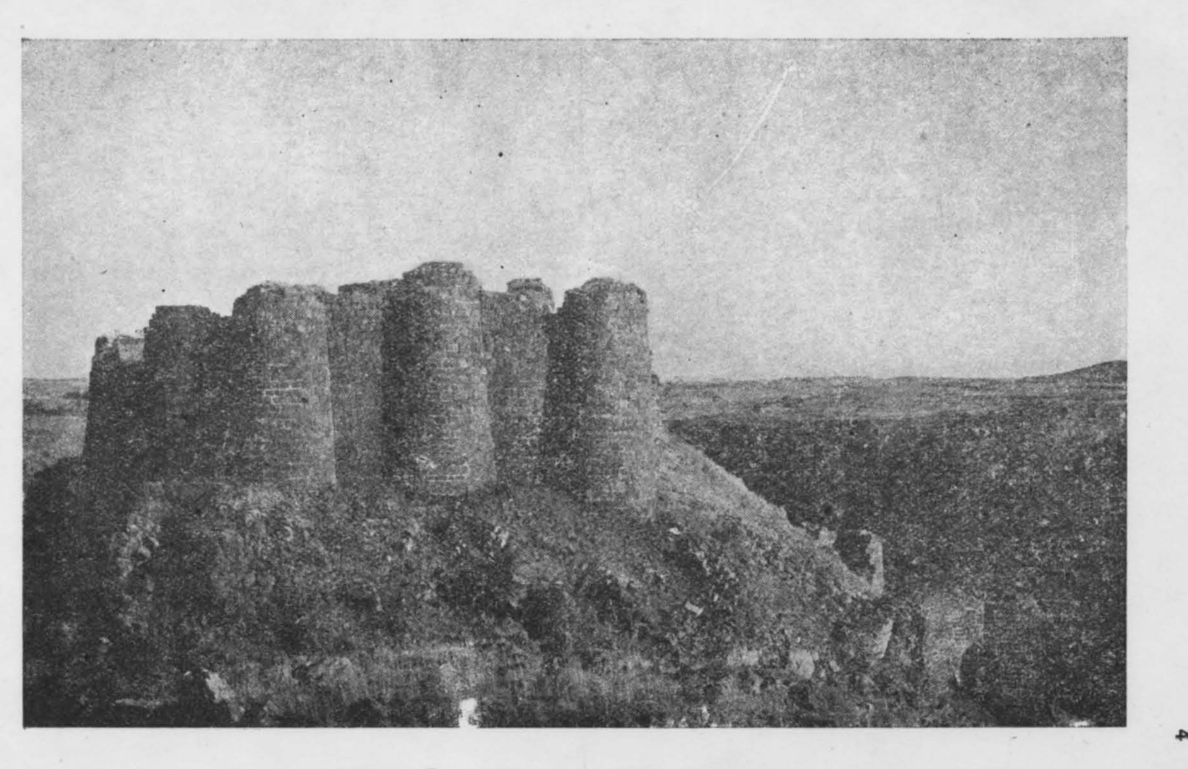
Капитель из Севана

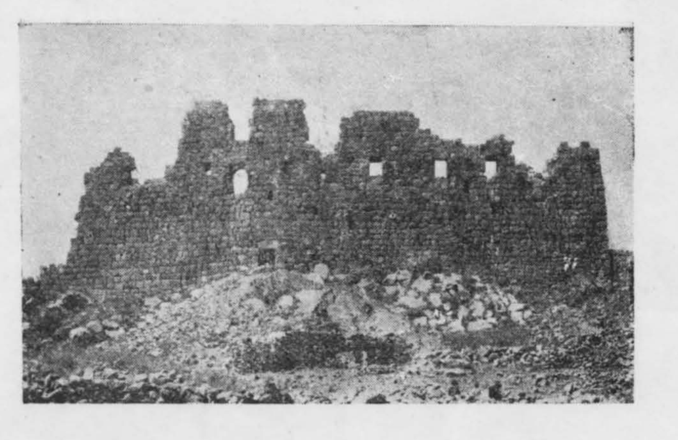
Тигнис. Замок

3

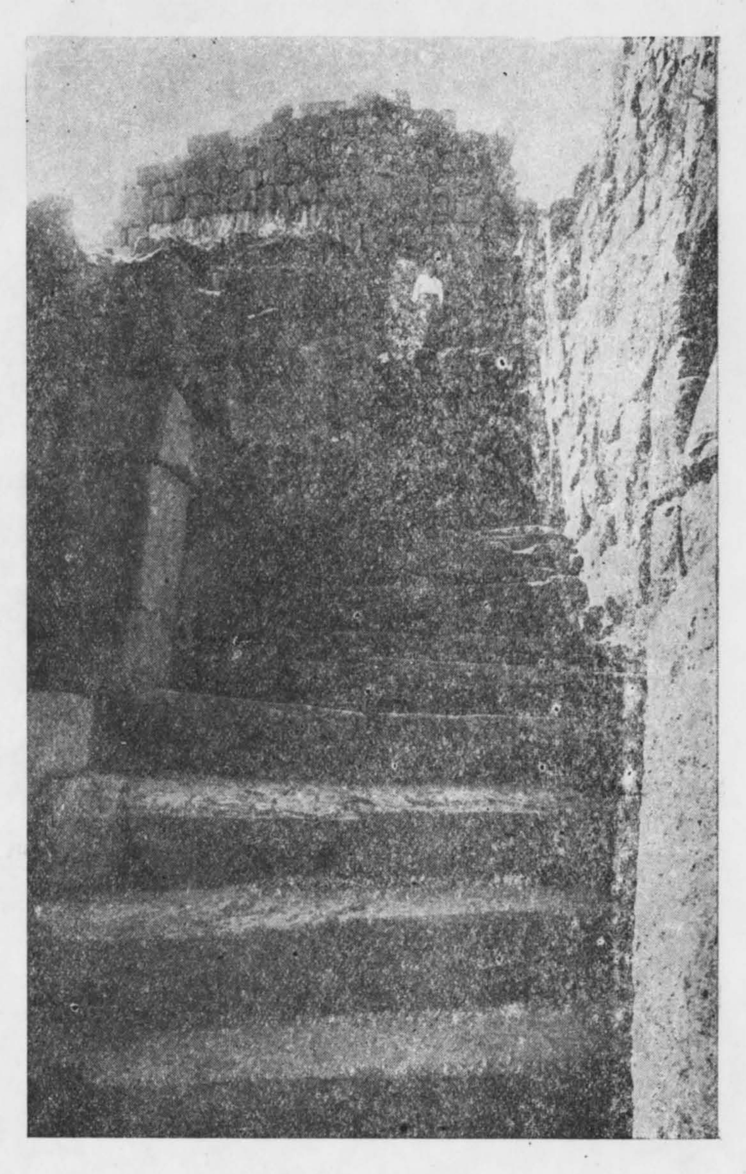
Анберд. Внешние укрепления дворца

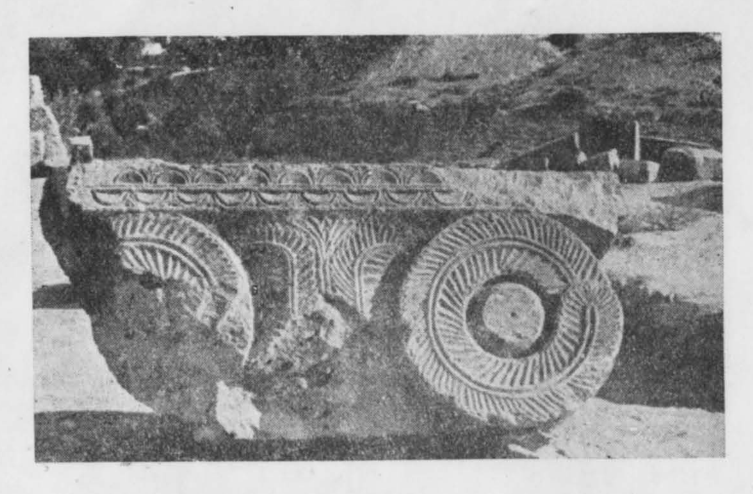
Анберд. Фасад дворца со стороны поселения

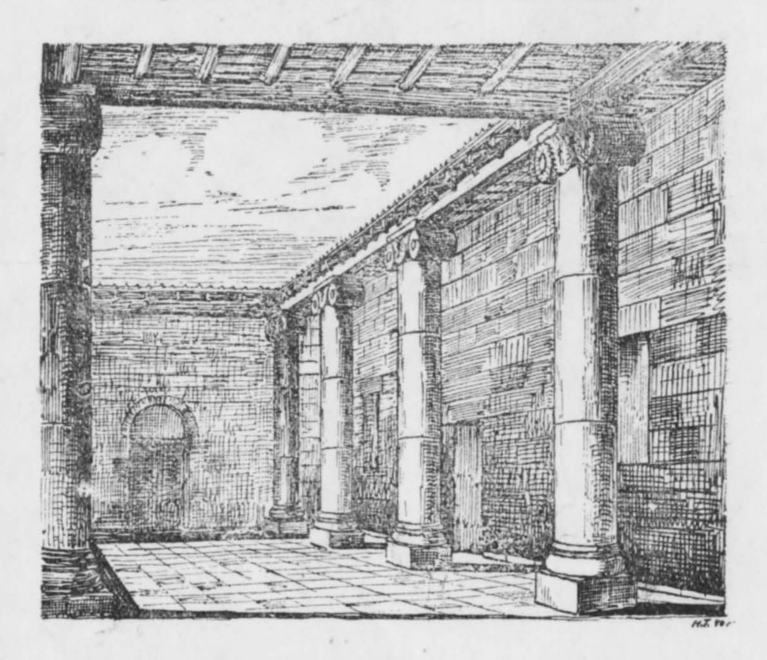

Анберд. Главная лестница дворца

Двин. Капитель колонны из палат католикоса

Дворик палат католикоса. Реконструкция Н. Токарского

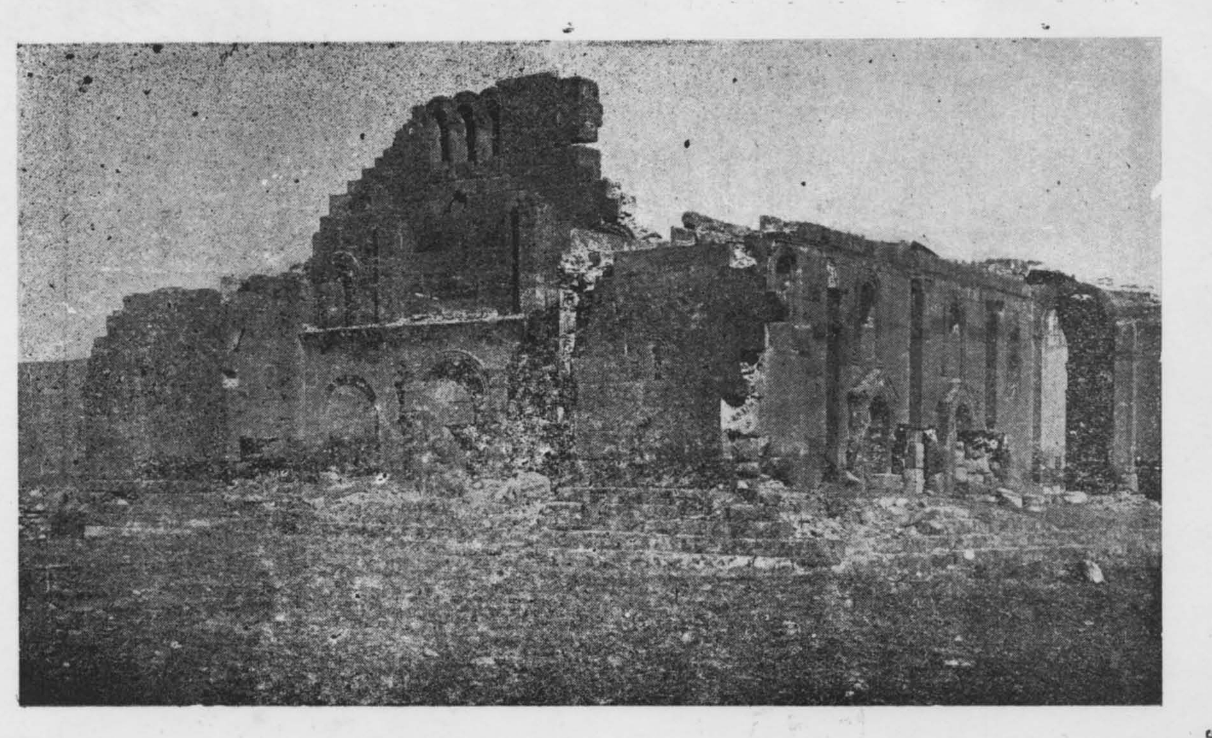
Двин. Капитель колонны из палат католикоса

Дворик палат католикоса. Реконструкция Н. Токарского

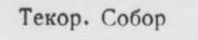

Двин. Архитектурные фрагменты.

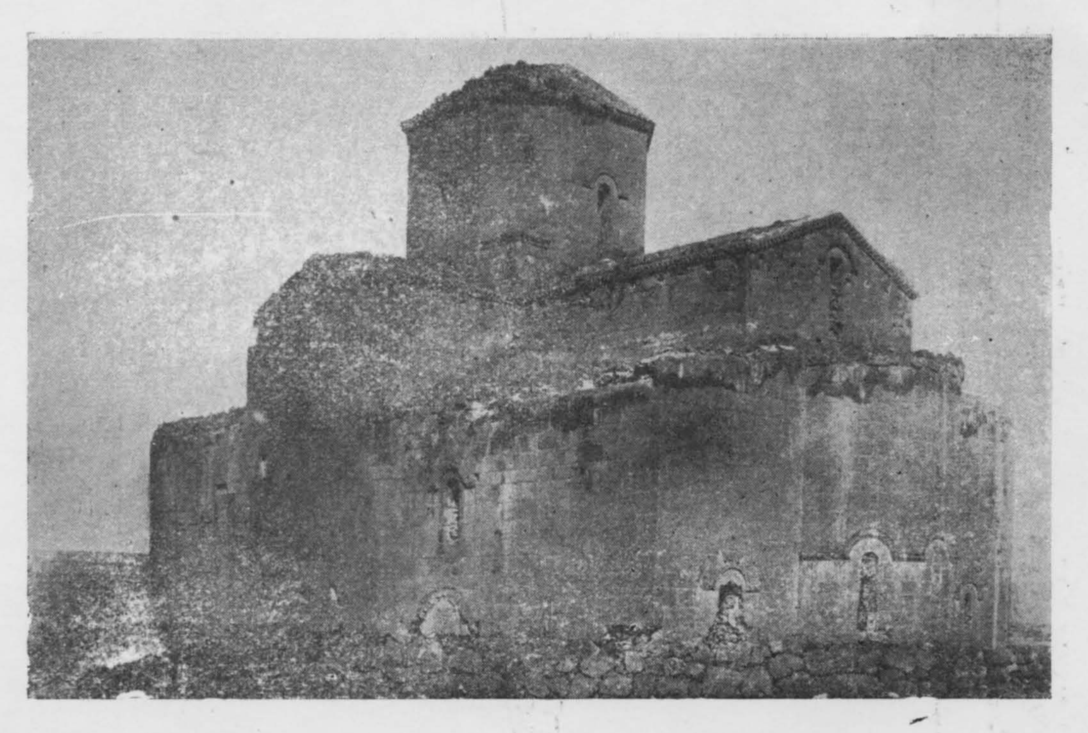

Ереруйк. Базилика

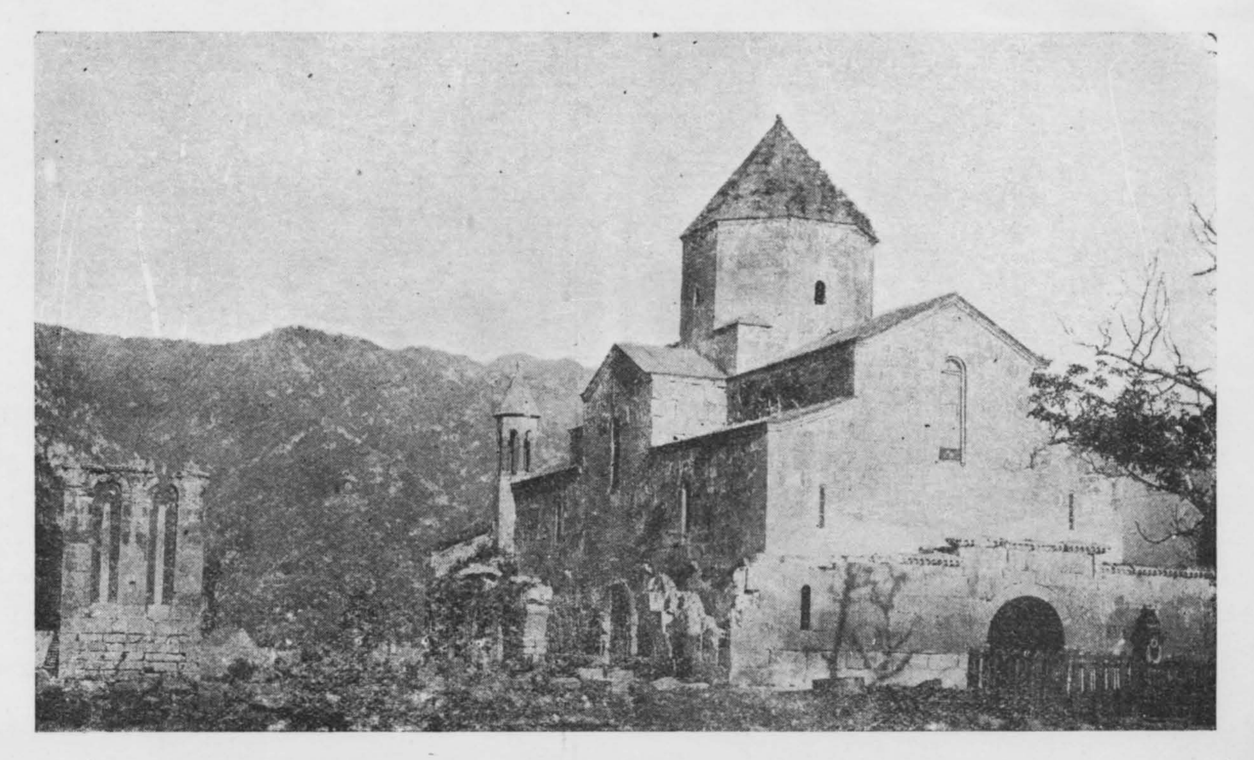

Текор. Собор

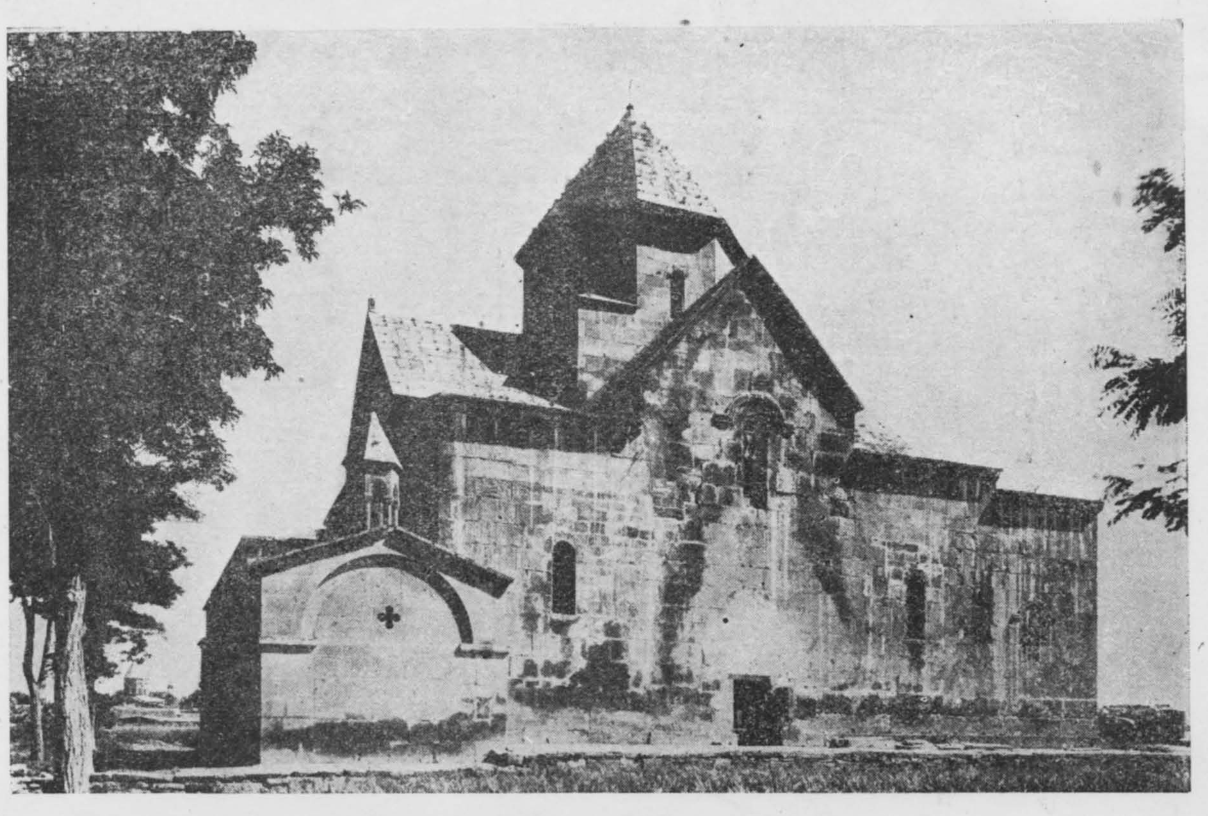

Мрен. Собор

Одзун. Церковь

Вагаршапат. Церковь Гаяне

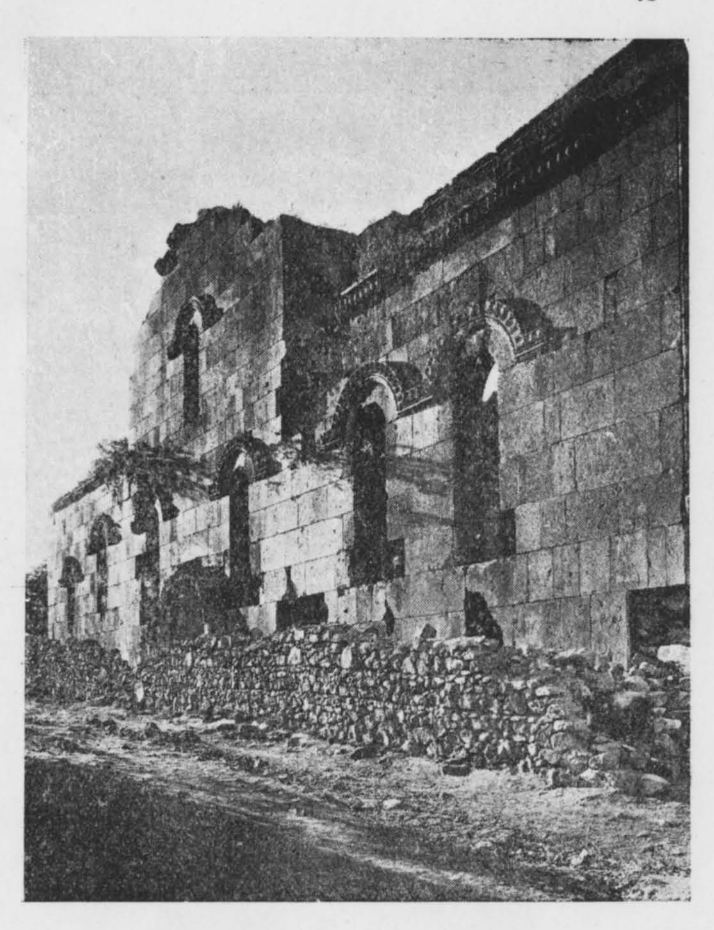
Вагаршапат. Церковь Гаяне

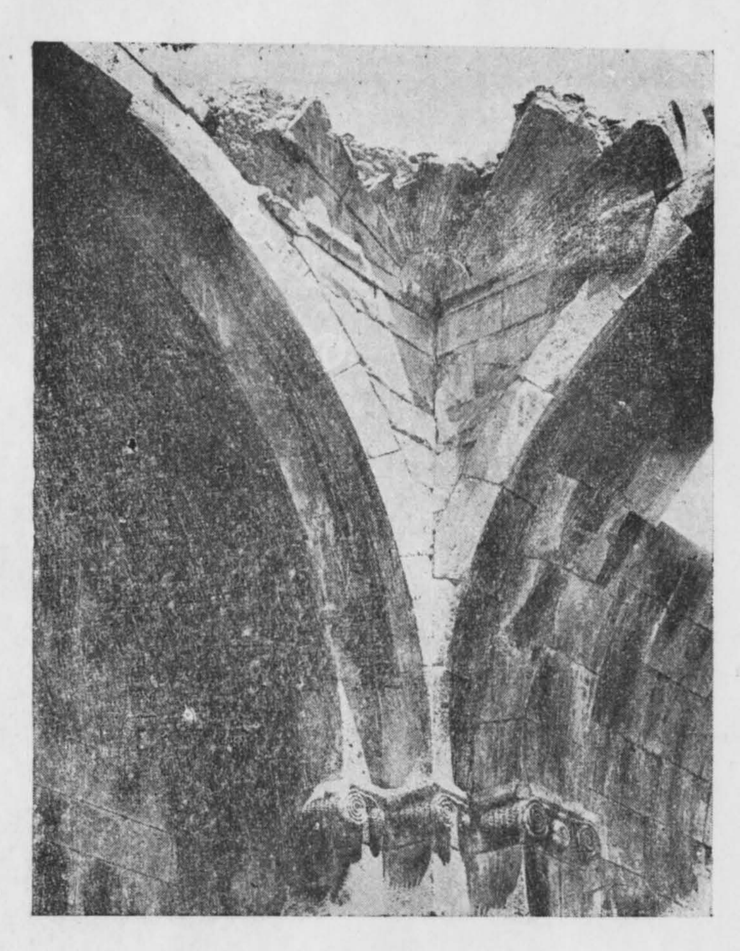
Танаат-ванк (Аравус). Церковь

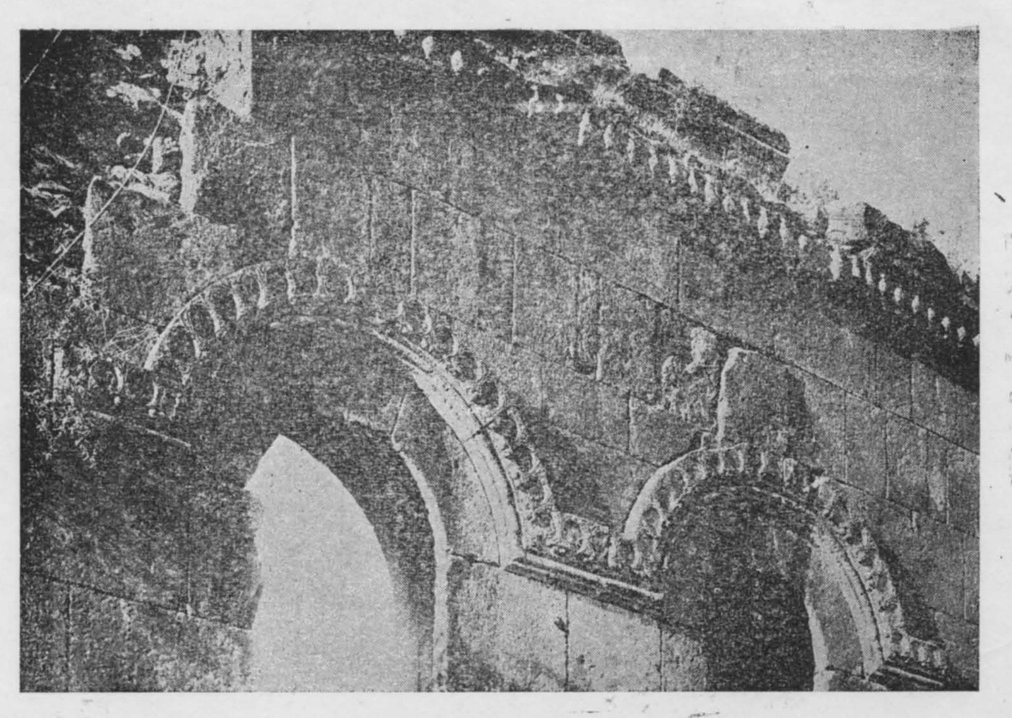
Птгни. Вид церкви с юго-востока

Птгни. Северная стена церкви

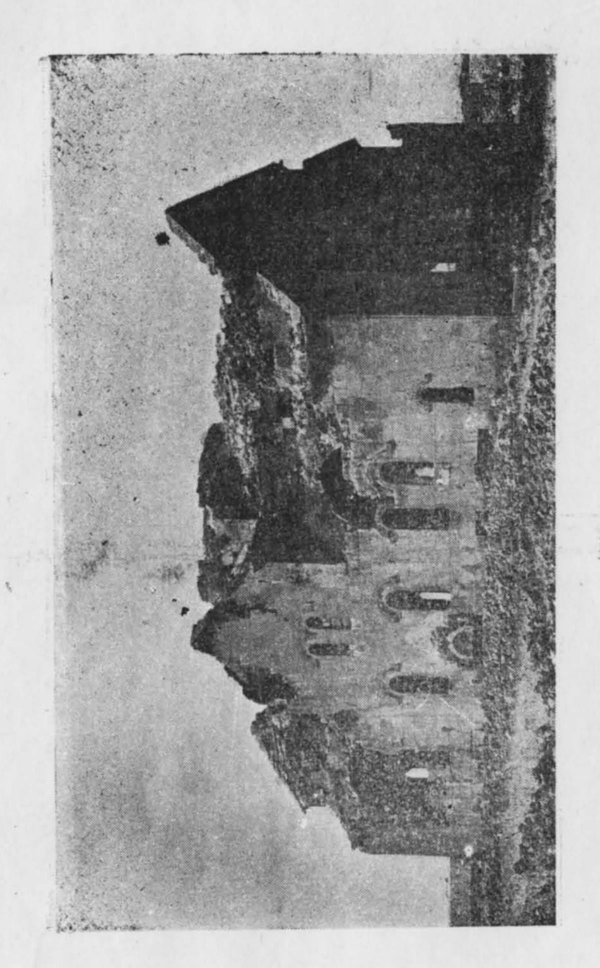

Птгни. Конический парус (тромп)

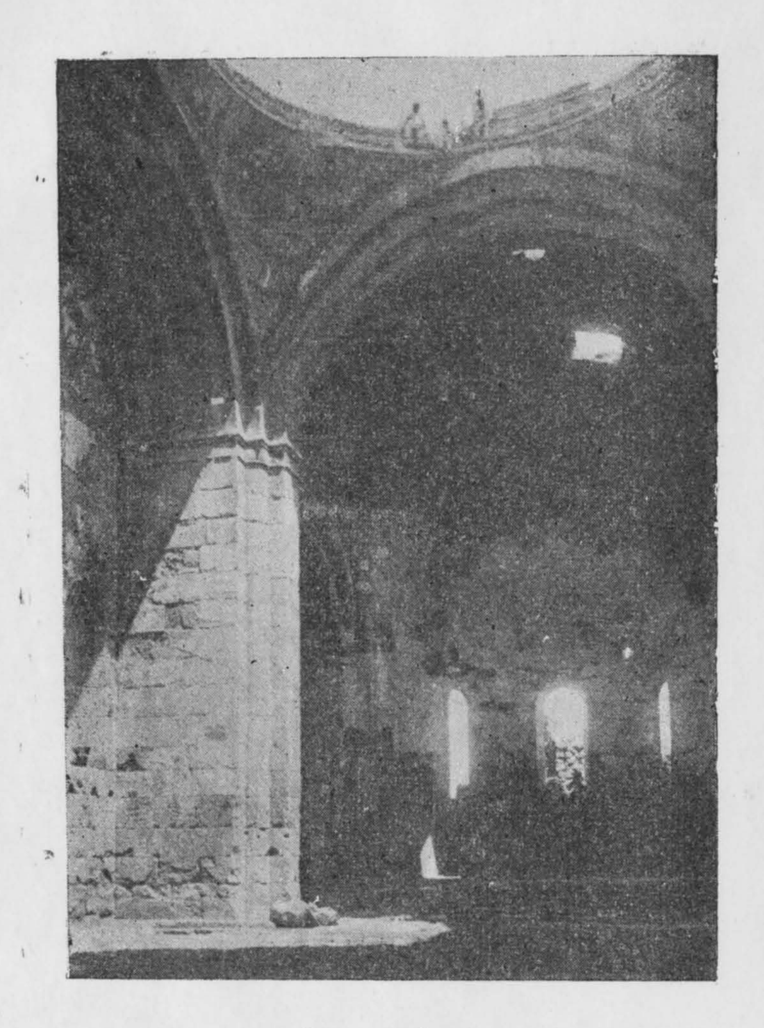
Птгни. Окна и карниз северной стены церкви

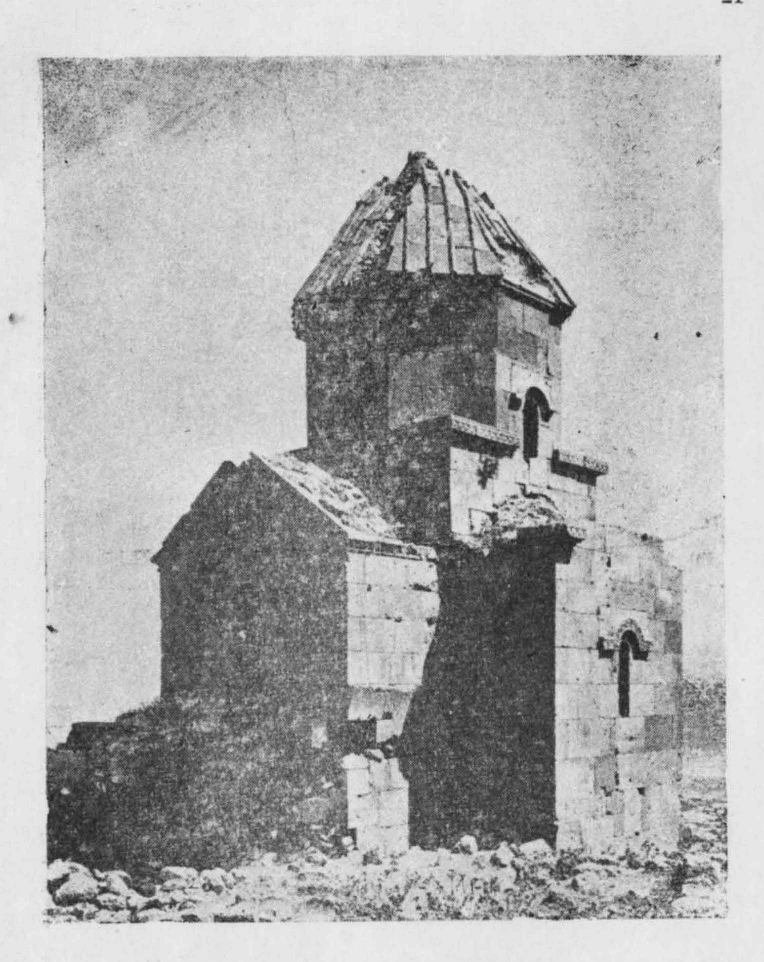

Аруч. Церковь

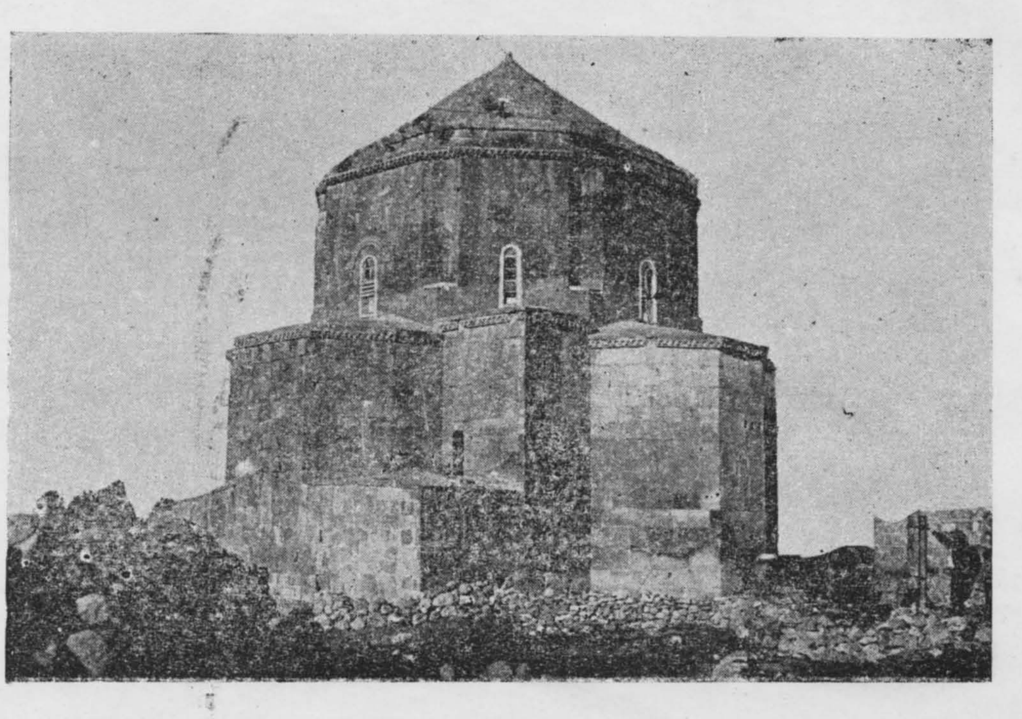

Аруч. Внутренний вид церкви

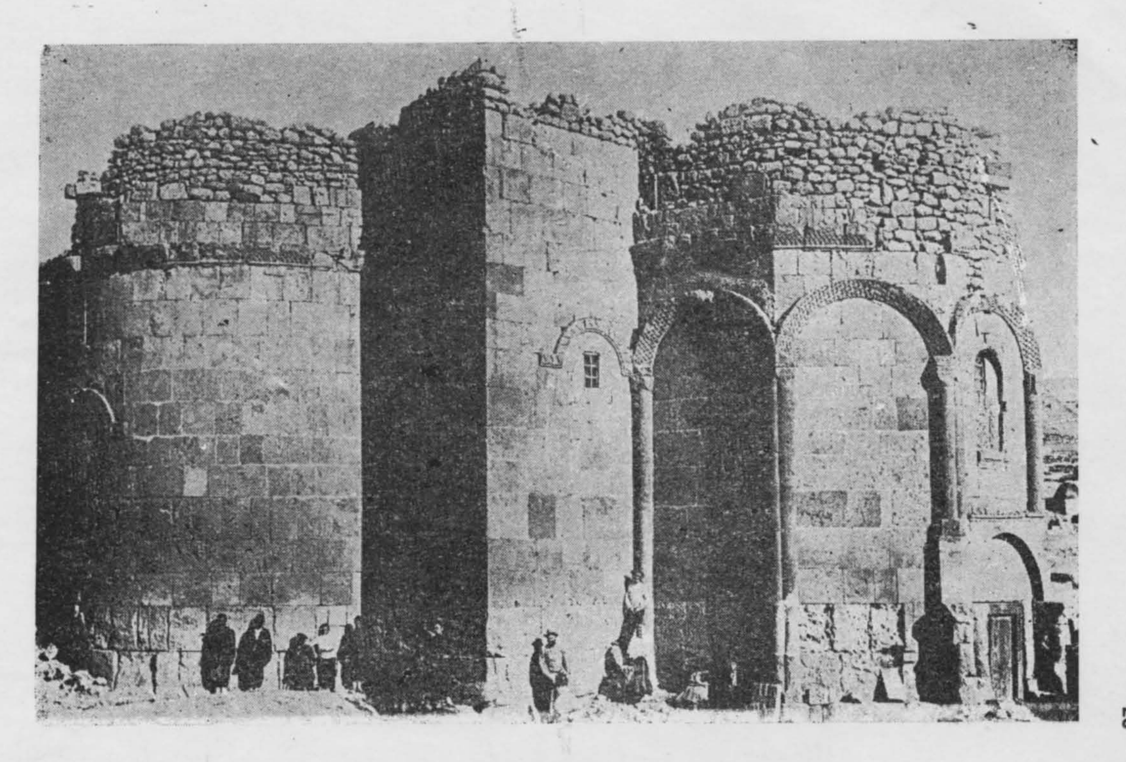

Лмбат. Церковь

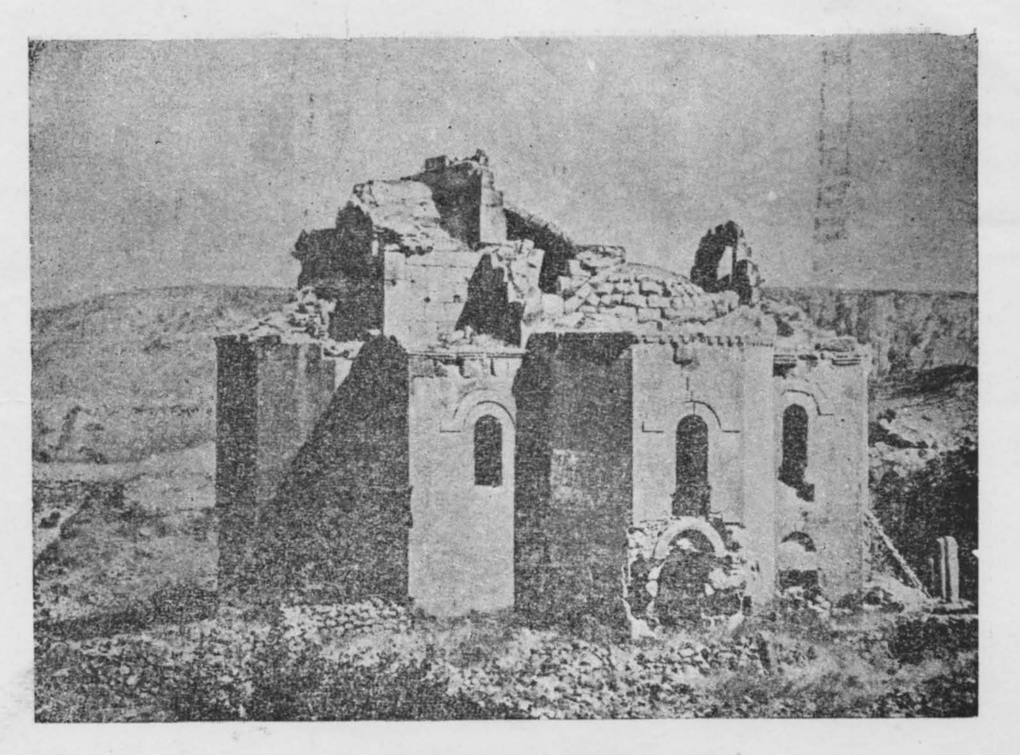

Мастара. Церковь

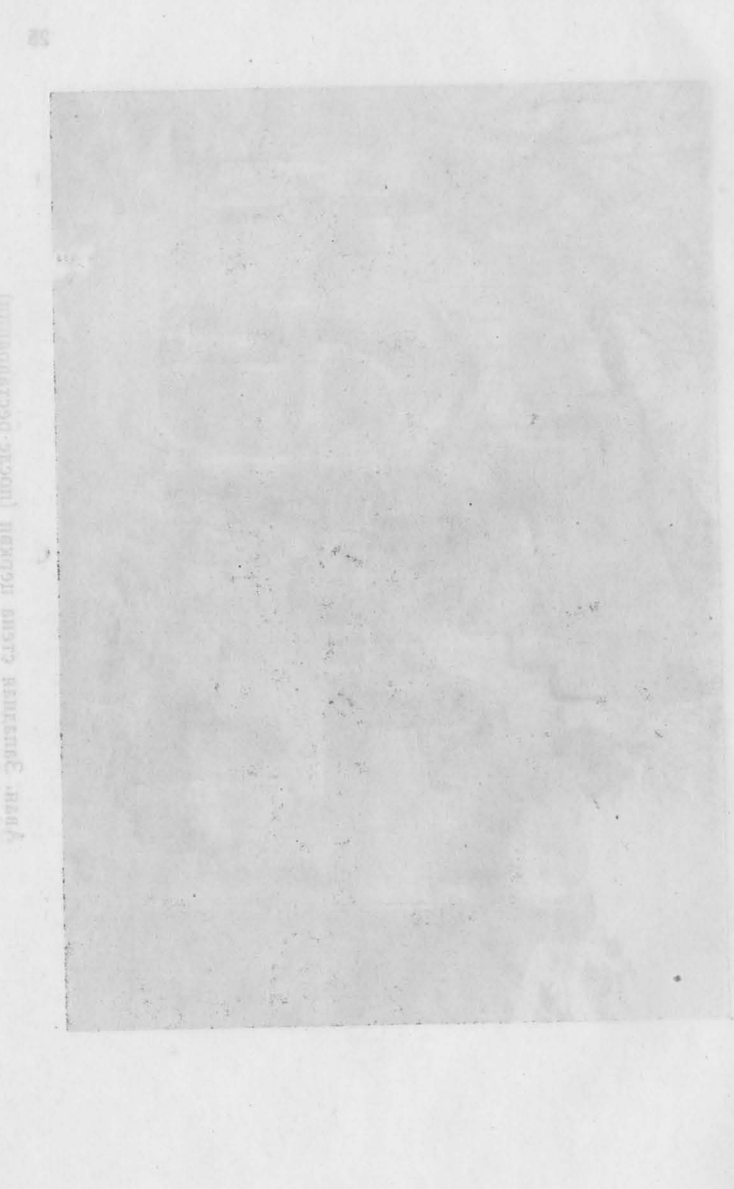
Артик. Церковь

Багаран. Церковь

Аван. Западная стена церкви (после реставрации)

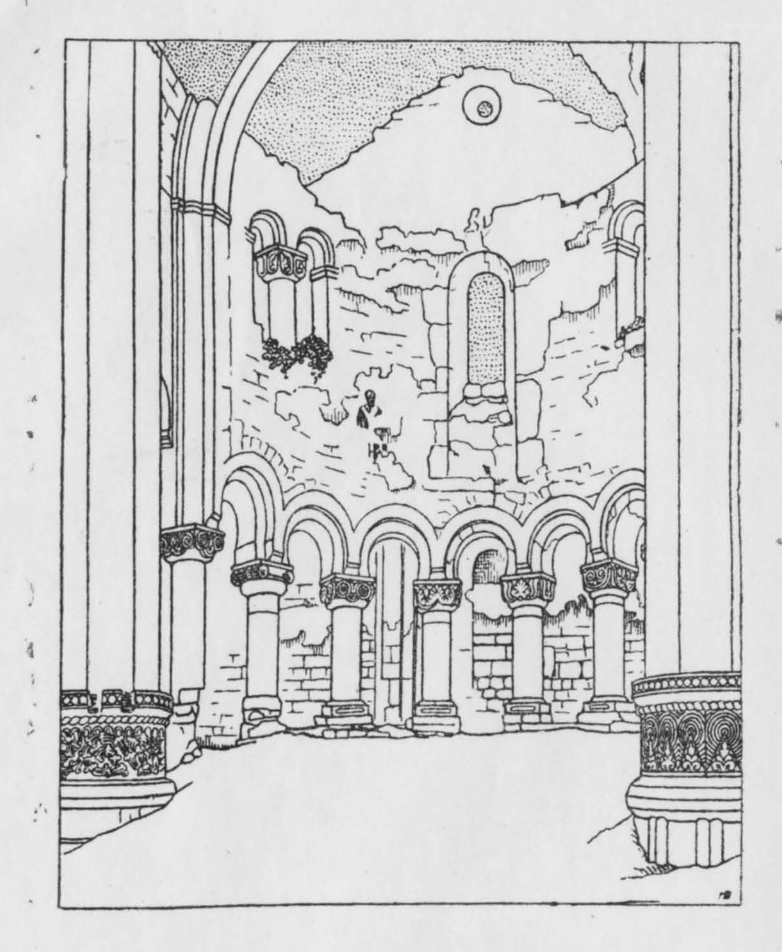

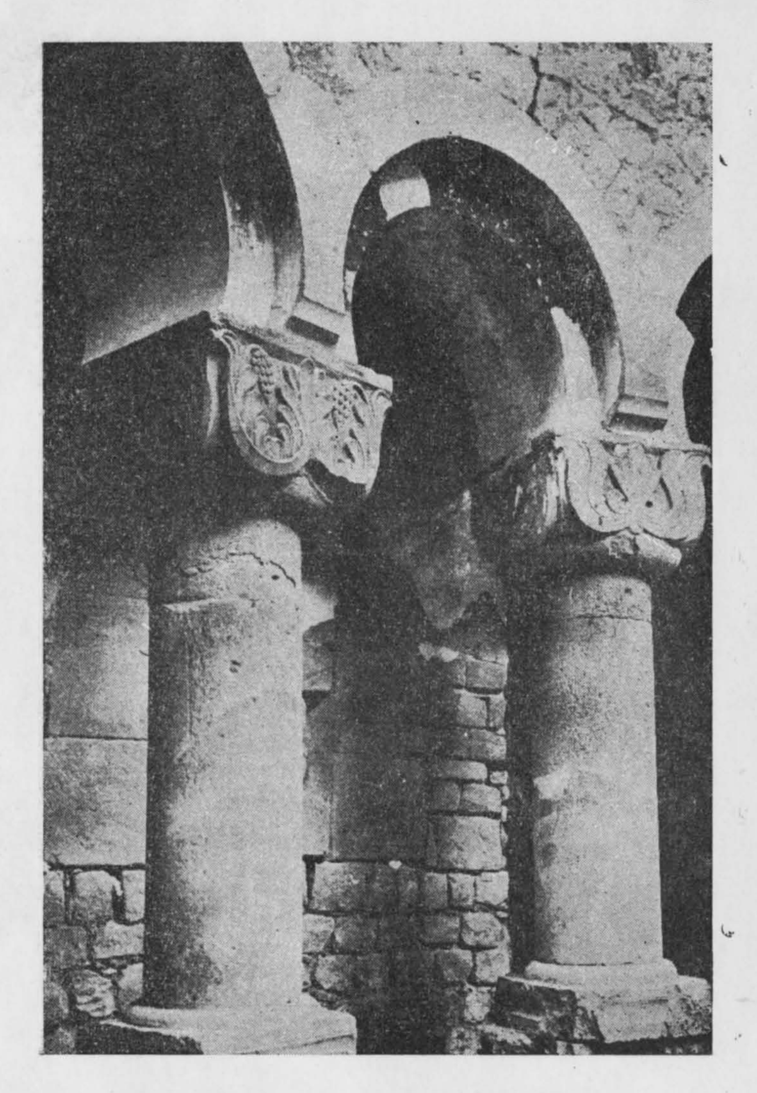
Вагаршапат. Церковь Рипсиме

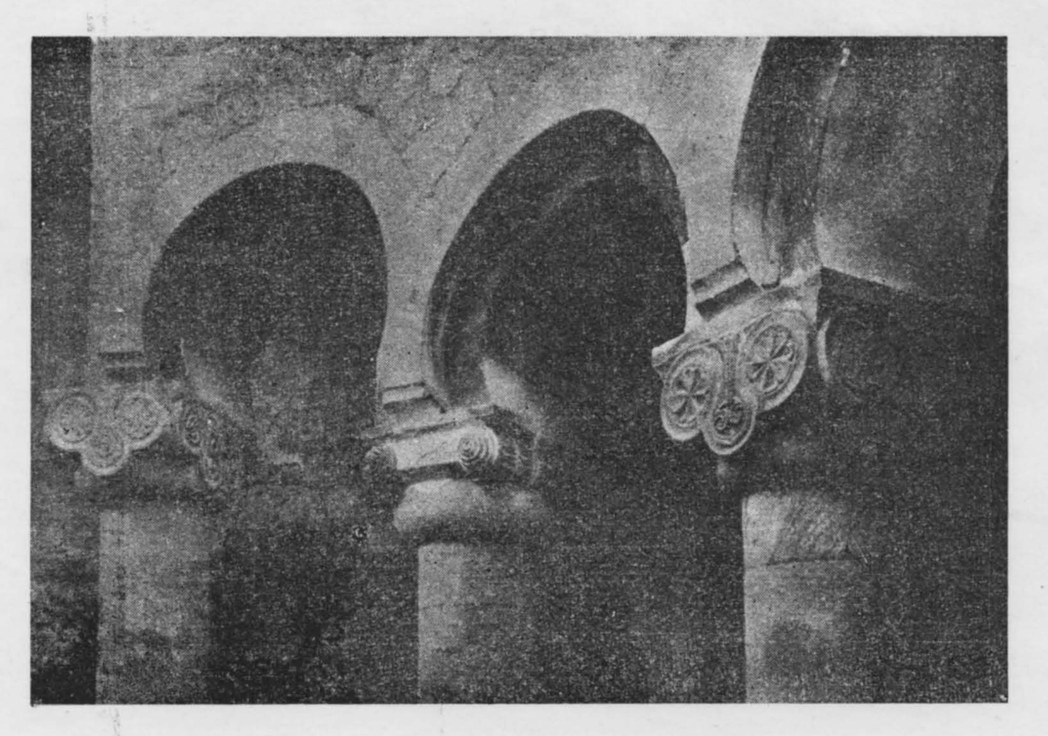
Сисиан. Церковь

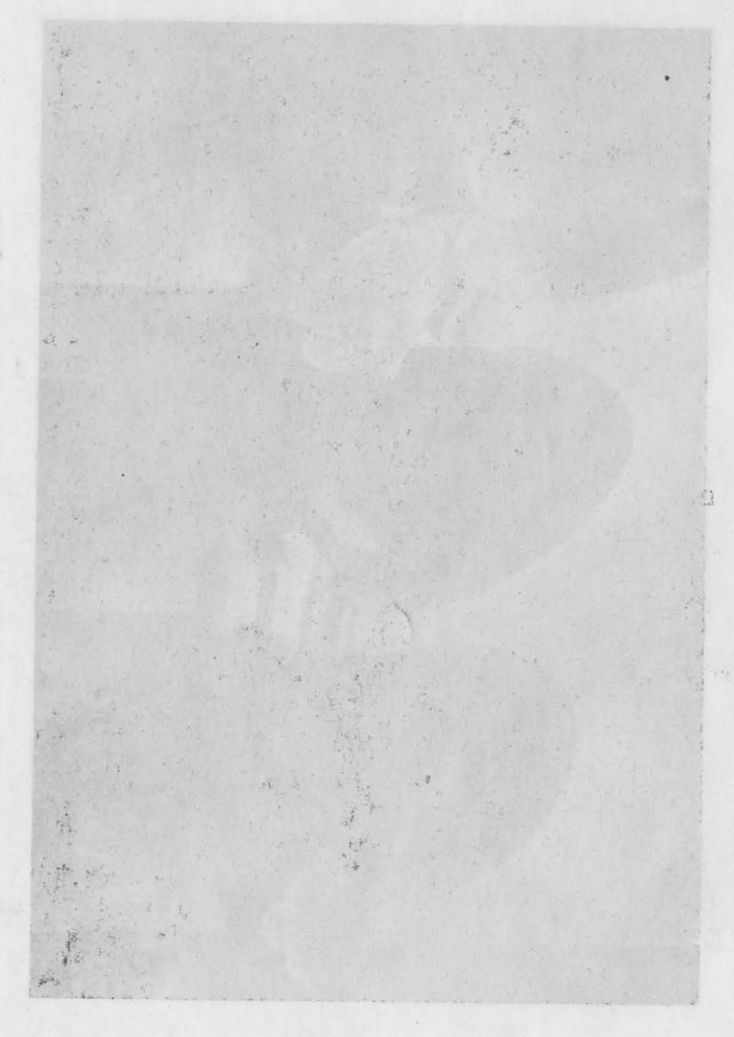
Ишхан. Древняя колоннада в алтаре соборе X в.

Ишхан. Средние колонны в алтаре собора

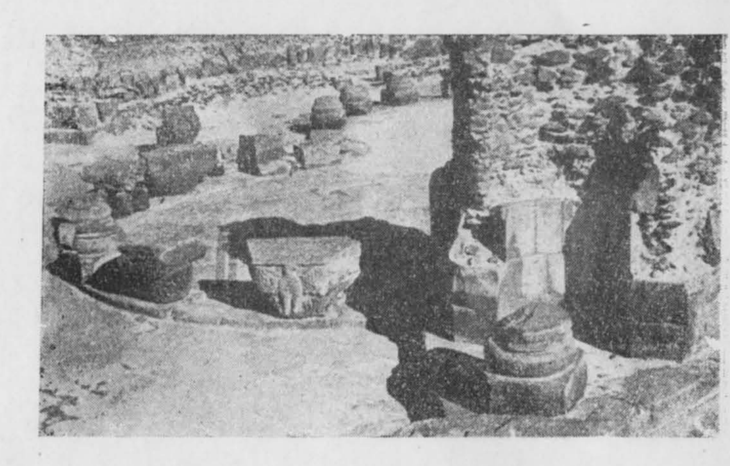

Ишхан. Капители северных колонн в алтаре собора

Ищхан. Капители южных колонн в алтаре собора

Звартноц. Общий вид

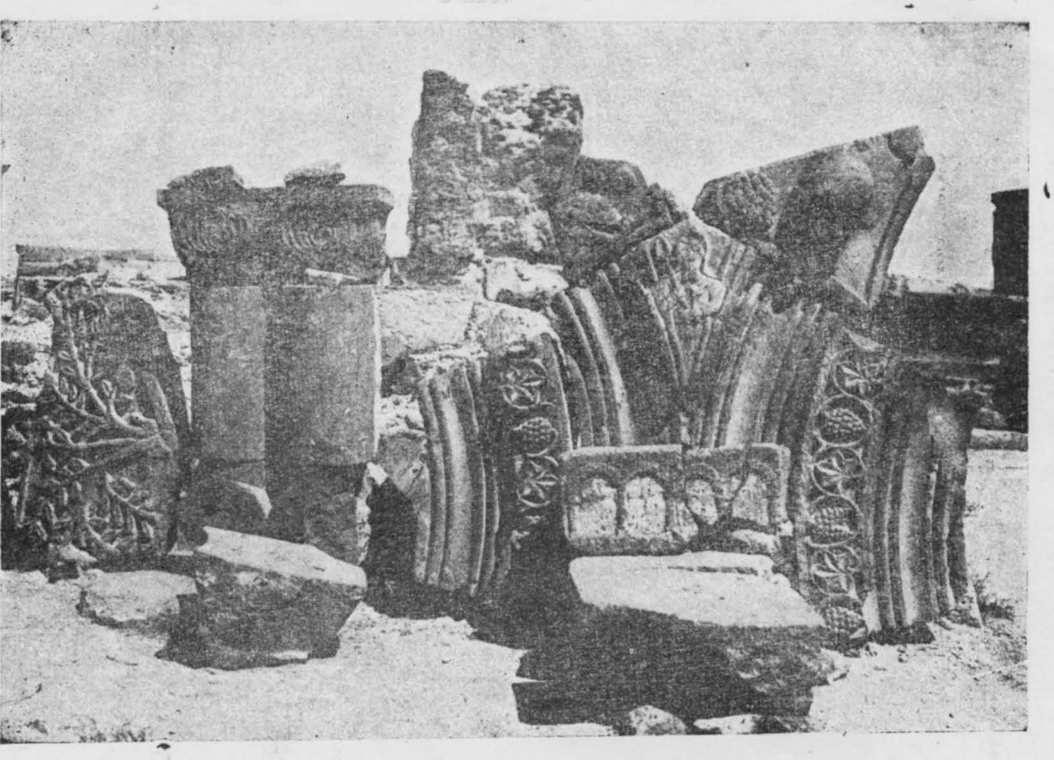
Звартноц. Капитель из абсиды

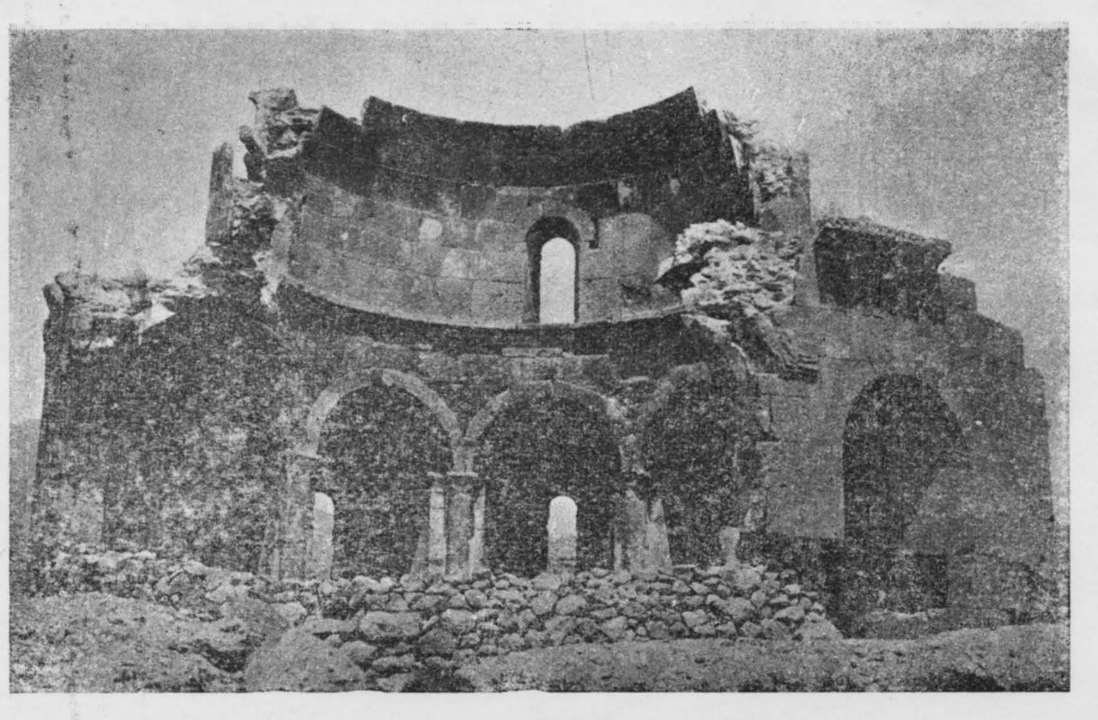
развалин церкви

Капитель одинокой колонны

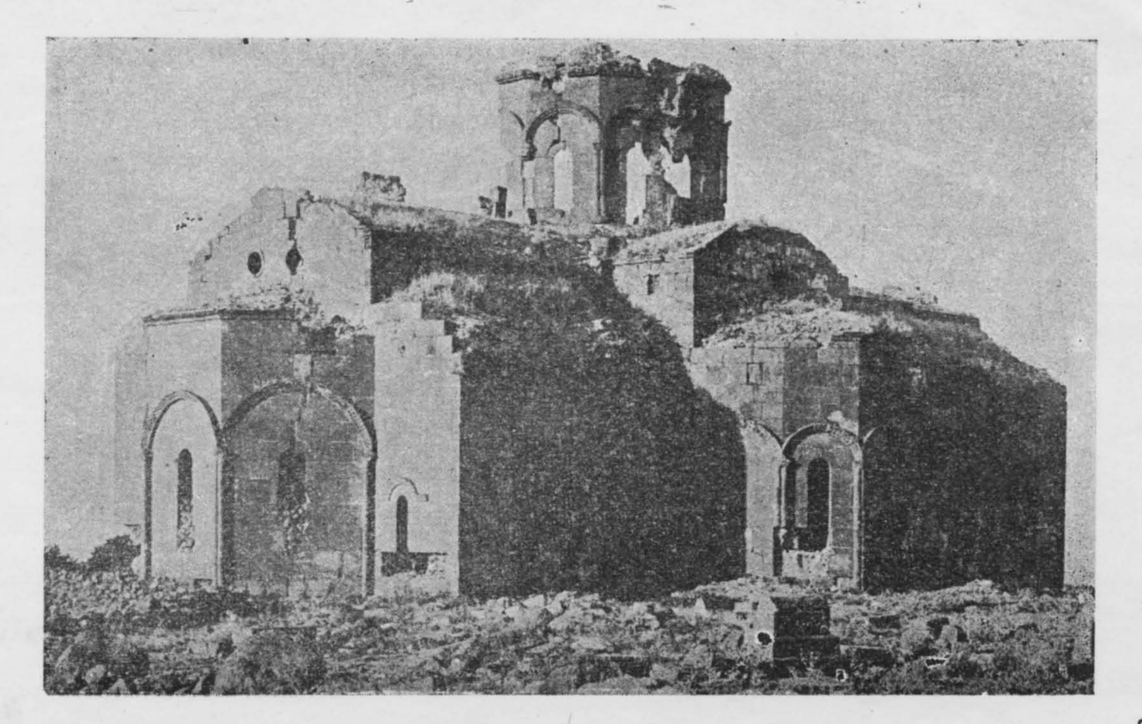

Звартноц. Резное убранство фасада

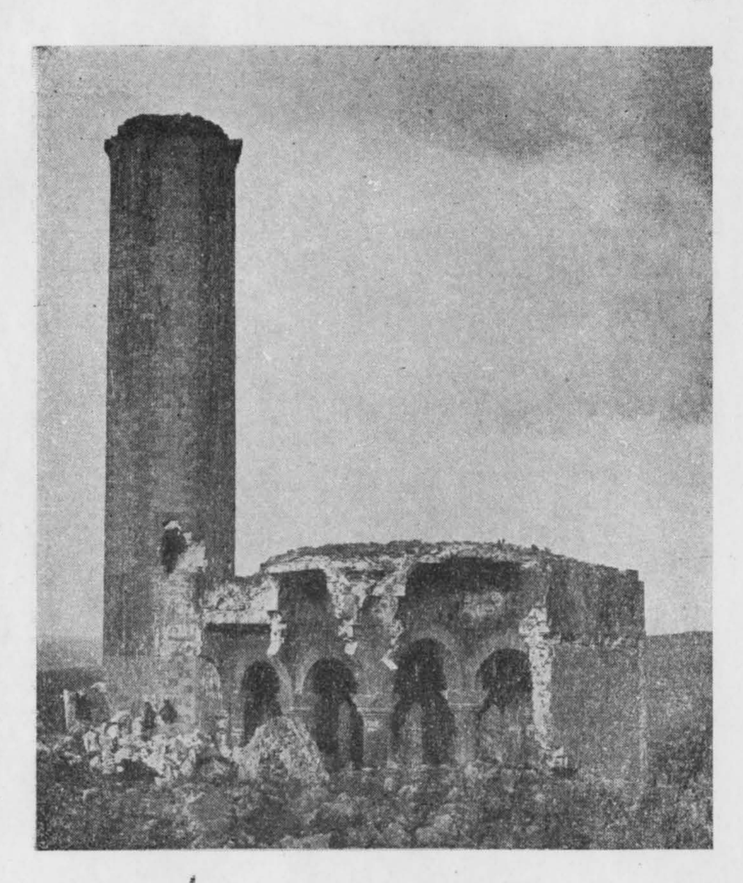

Егварт. Церковь, постр. Григорием Мамиконяном

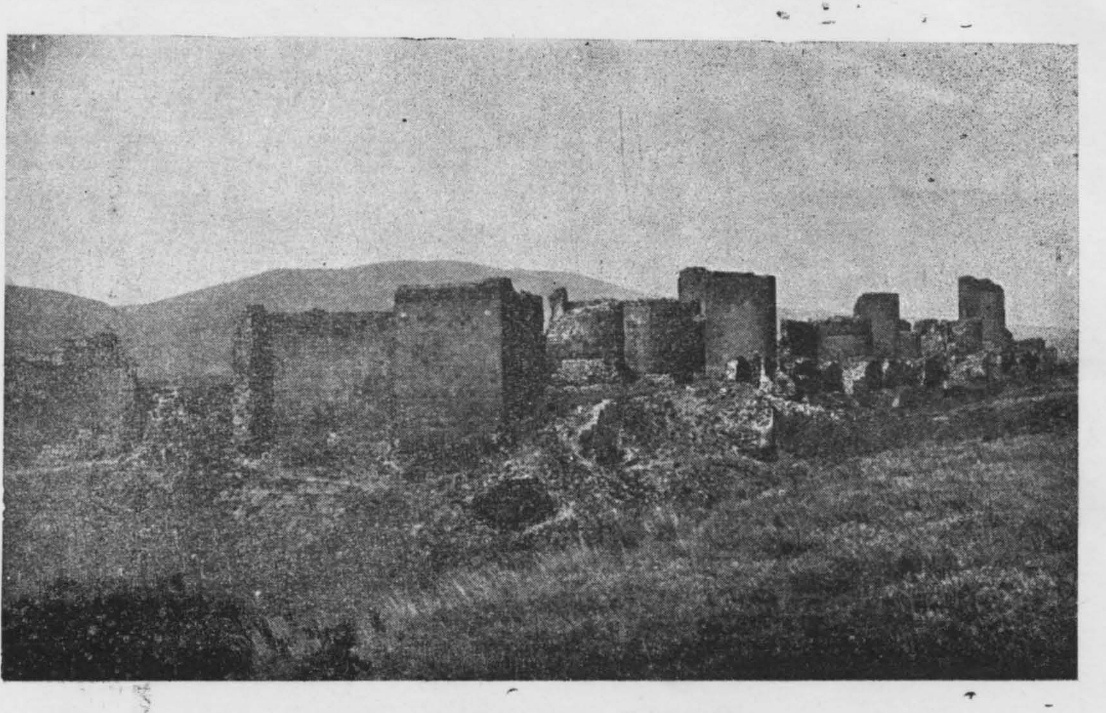

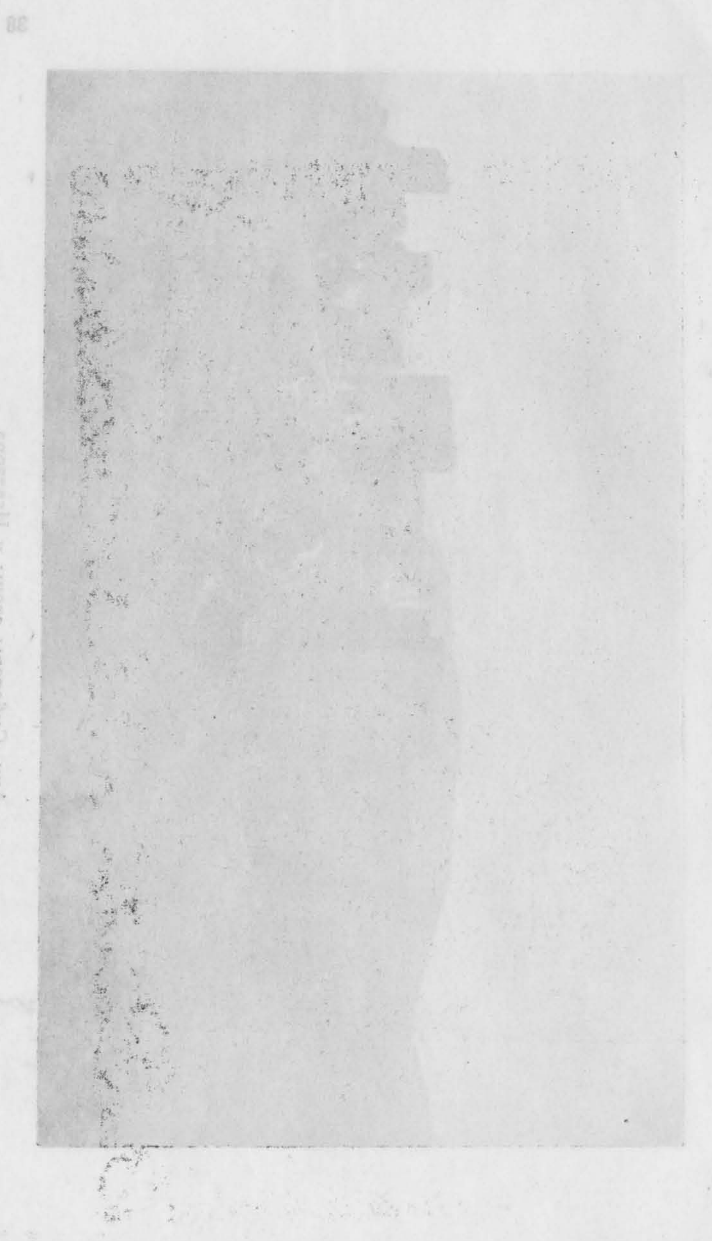
Талин. Собор

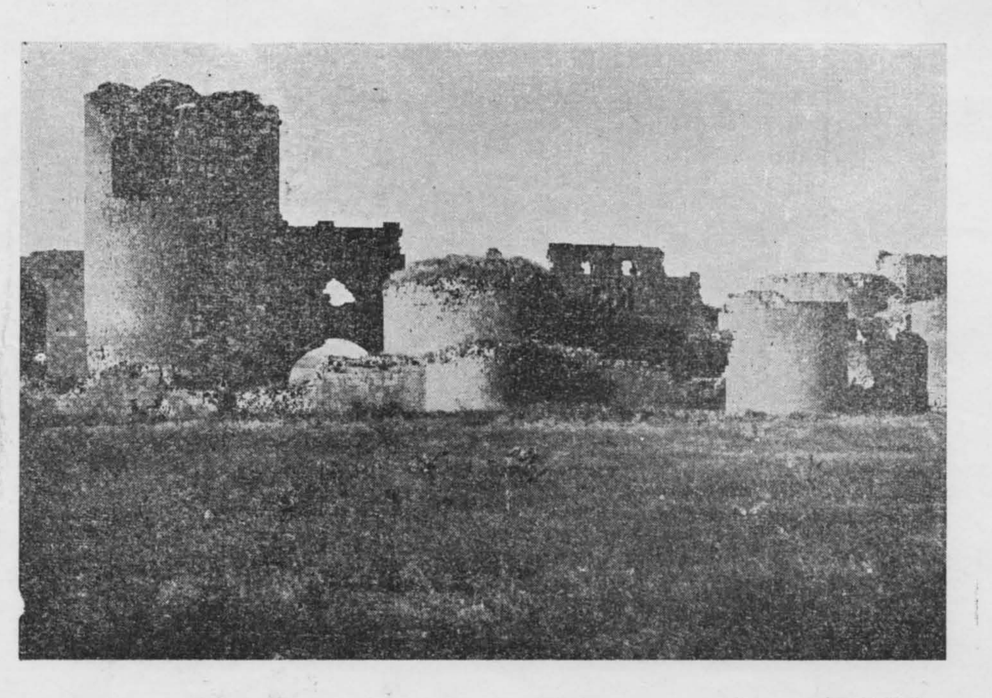

Ани. Мечеть Мануче

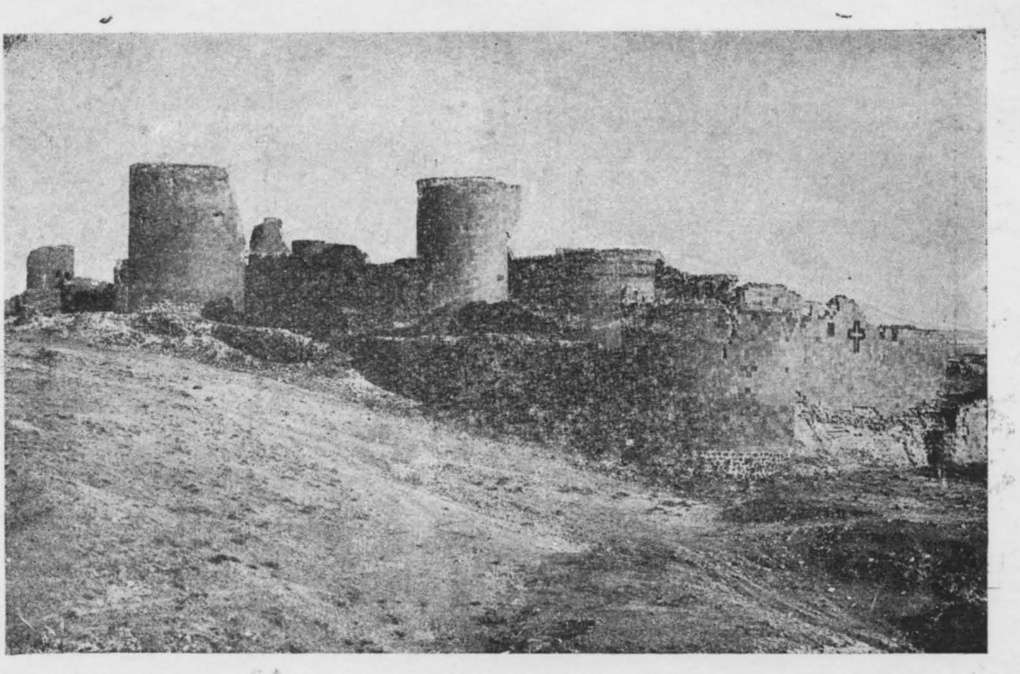

Ани. Смбатовы стены у Игадзора

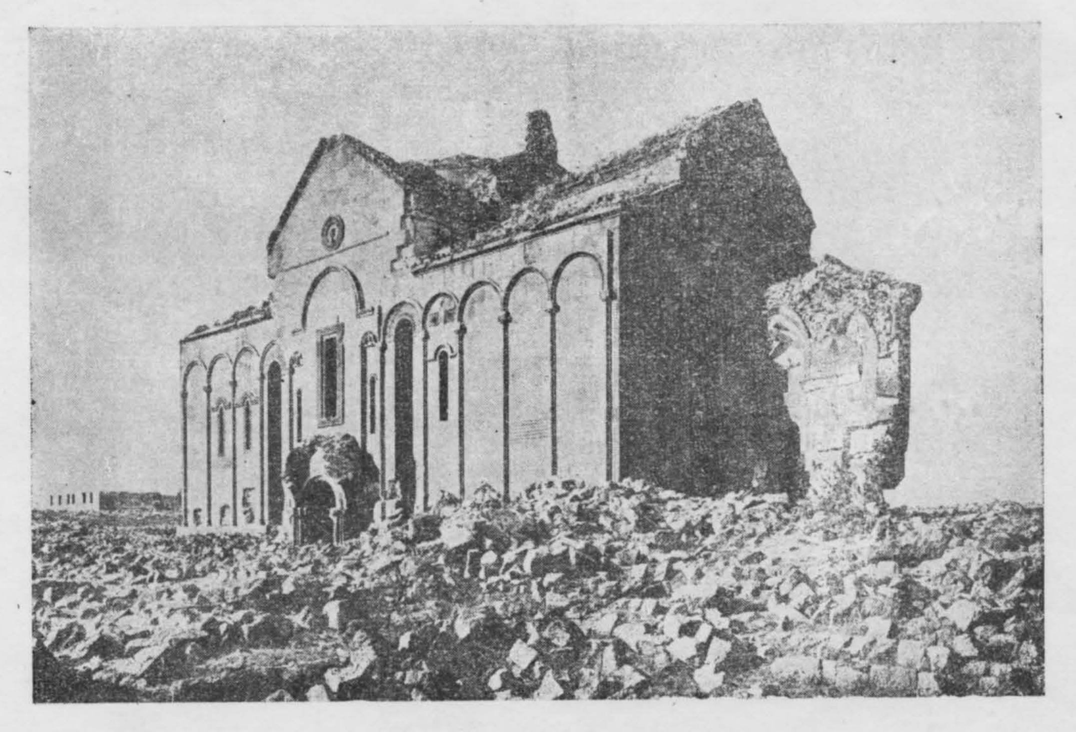
Ани. Смбатовы стены у Главных ворот

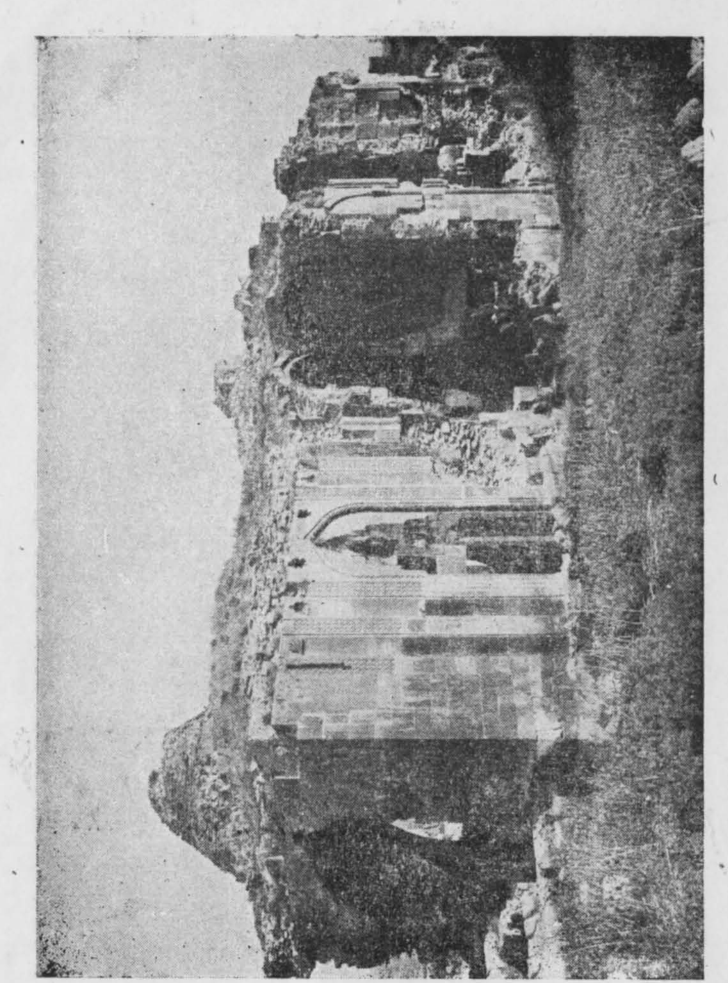
Ани. Смбатовы стены у башни с греческим крестом

40

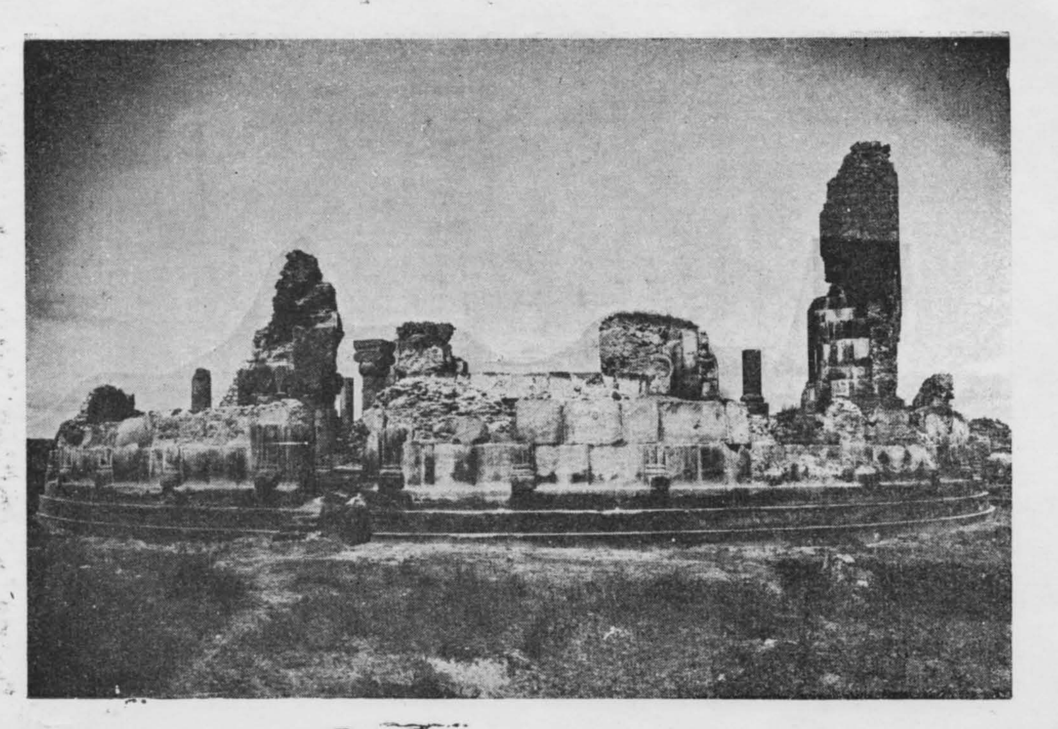

Ани. Собор

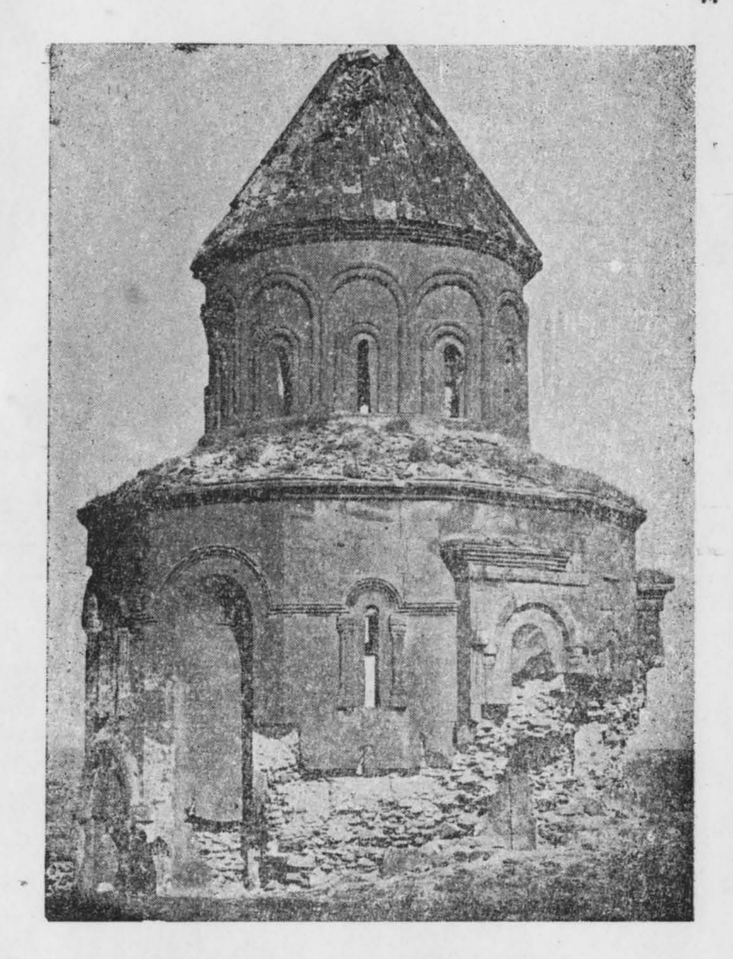

Ани. Церковь Апостолов с притвором

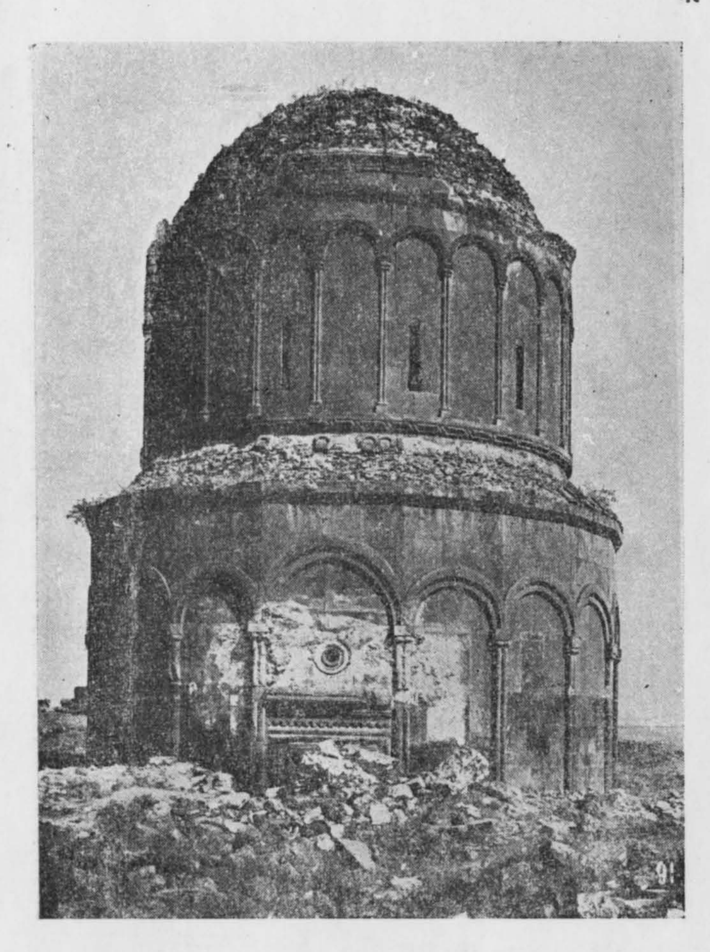

Ани. Церковь, постр. Гагиком

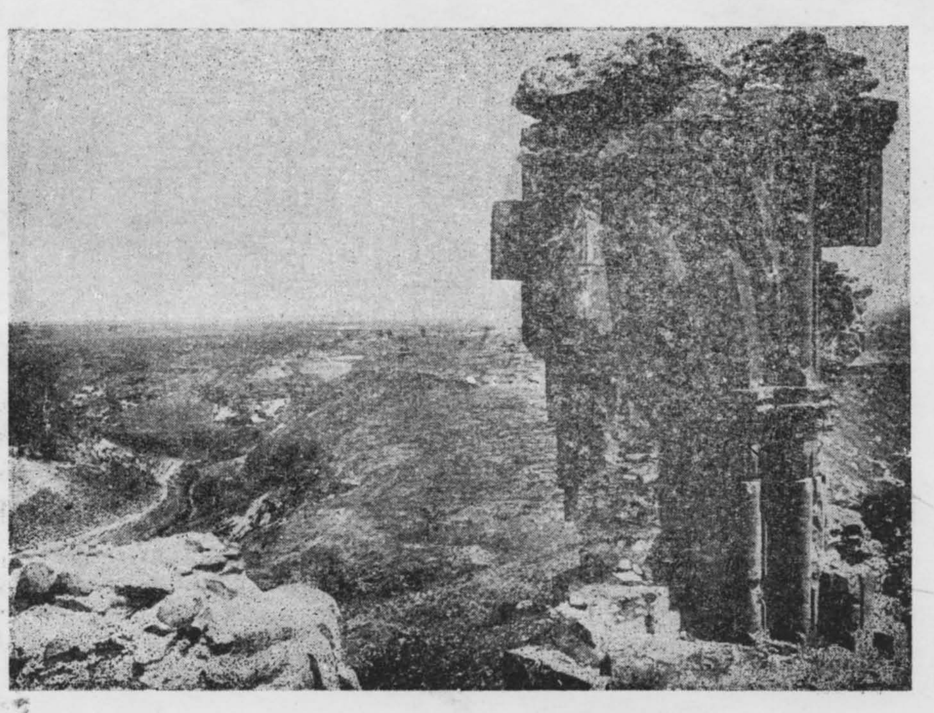

Ани. Церковь рода Абугамренц

Ани. Церковь Спасителя

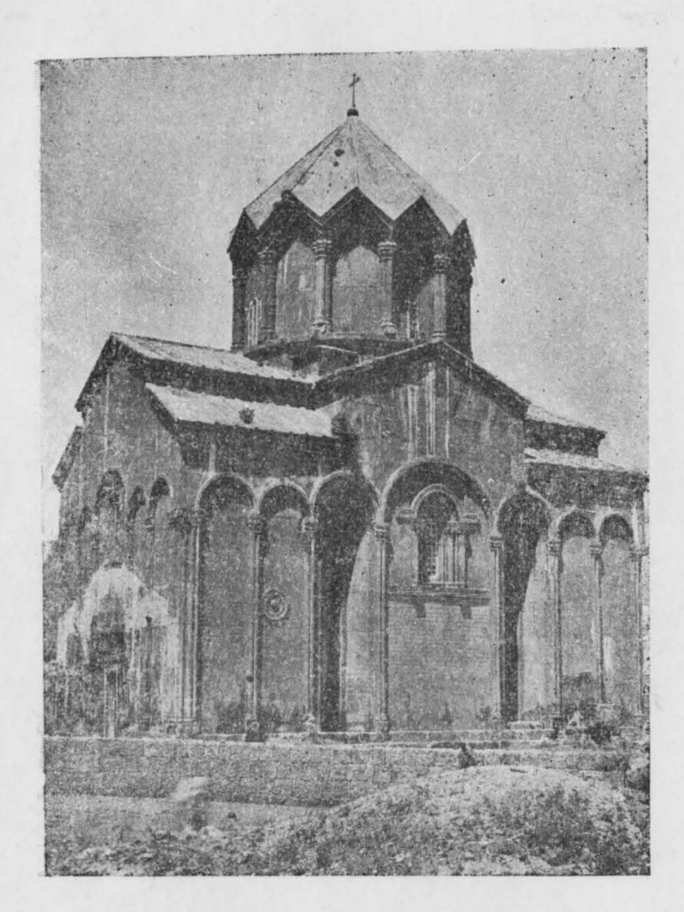

Ани. Развалины дворцового зала в Вышгороде

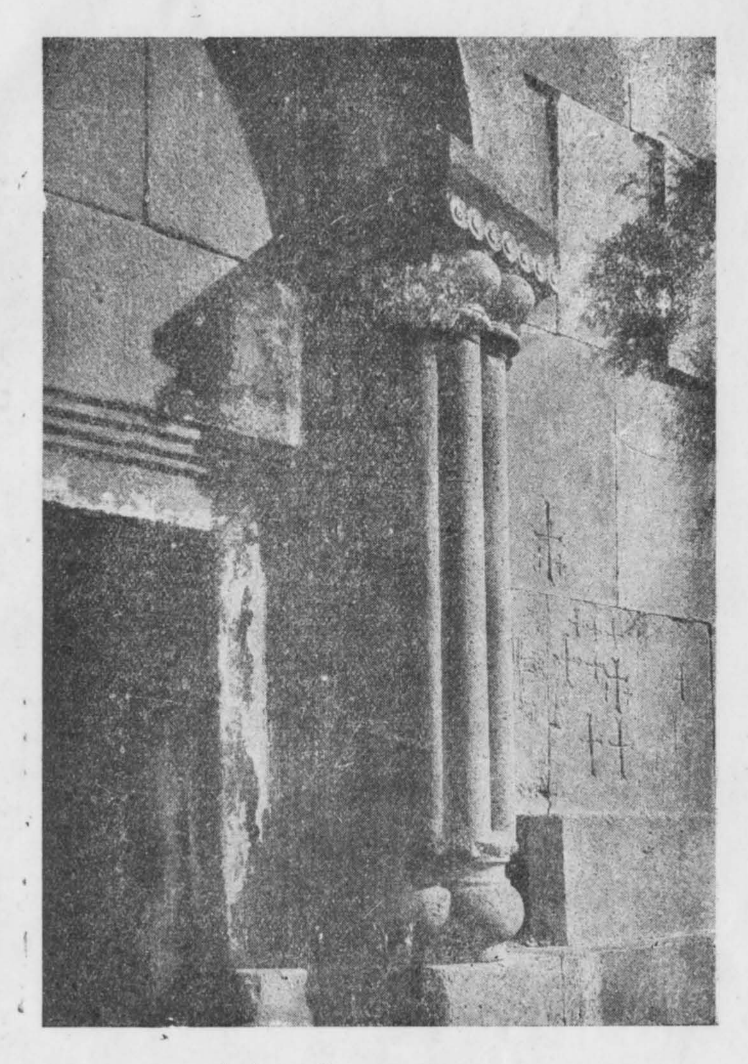

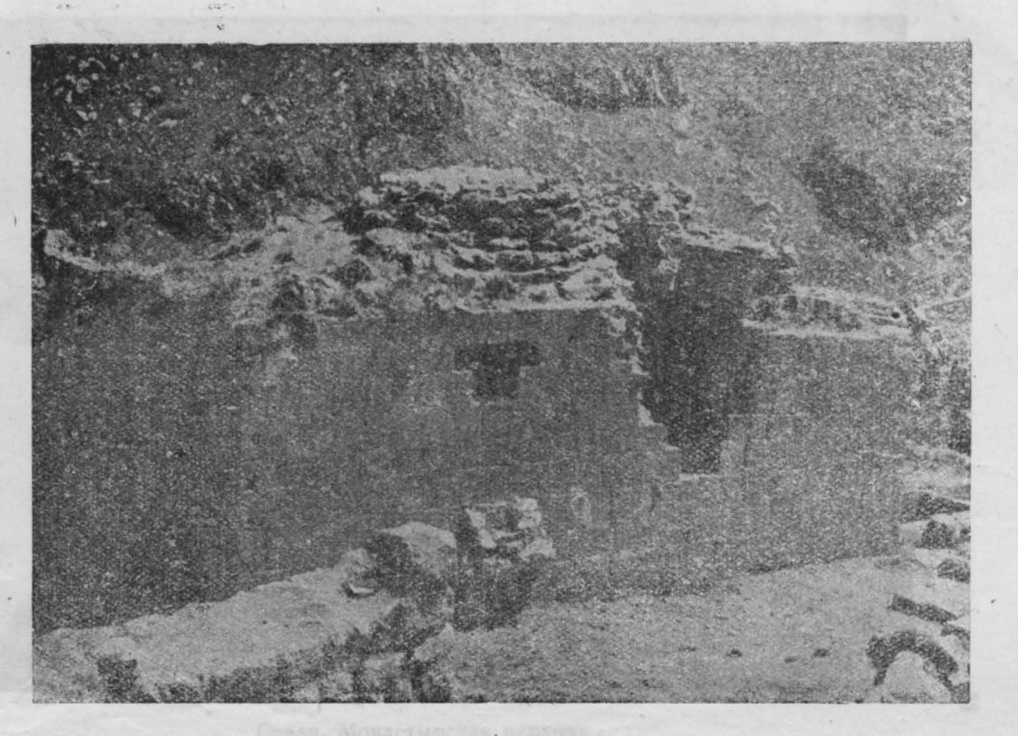
Хцконк. Монастырь

Мармашен. Большая церковь

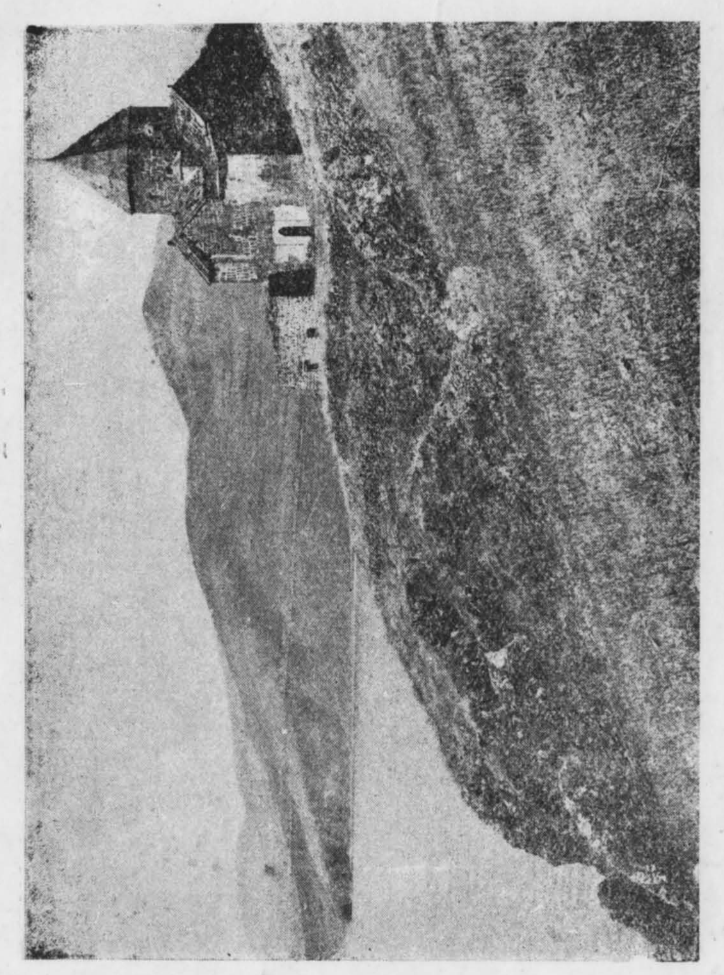

Анберд. Деталь южного входа церкви

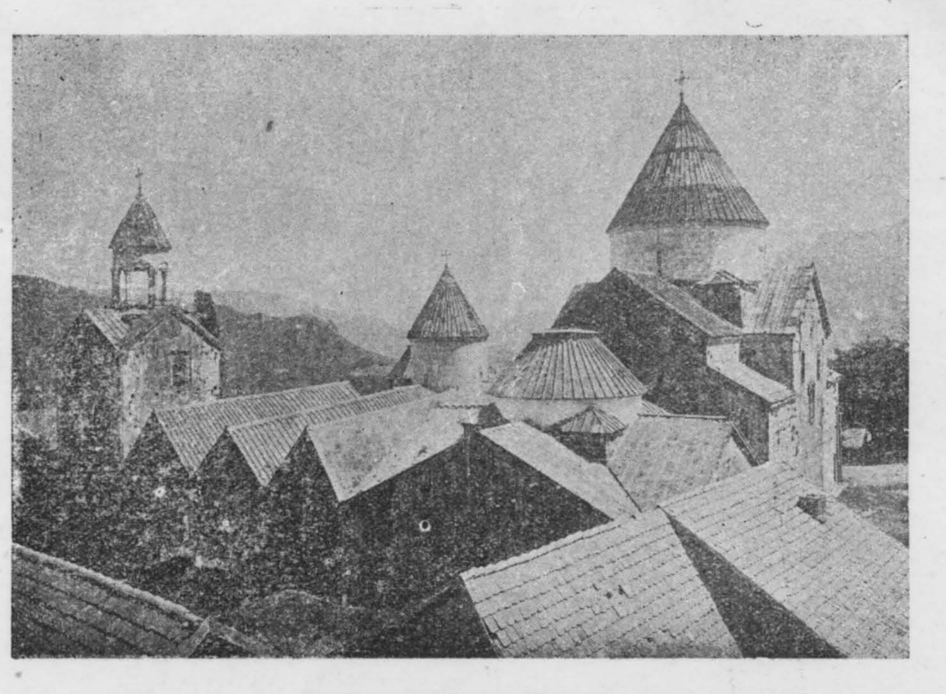

Анберд. Баня

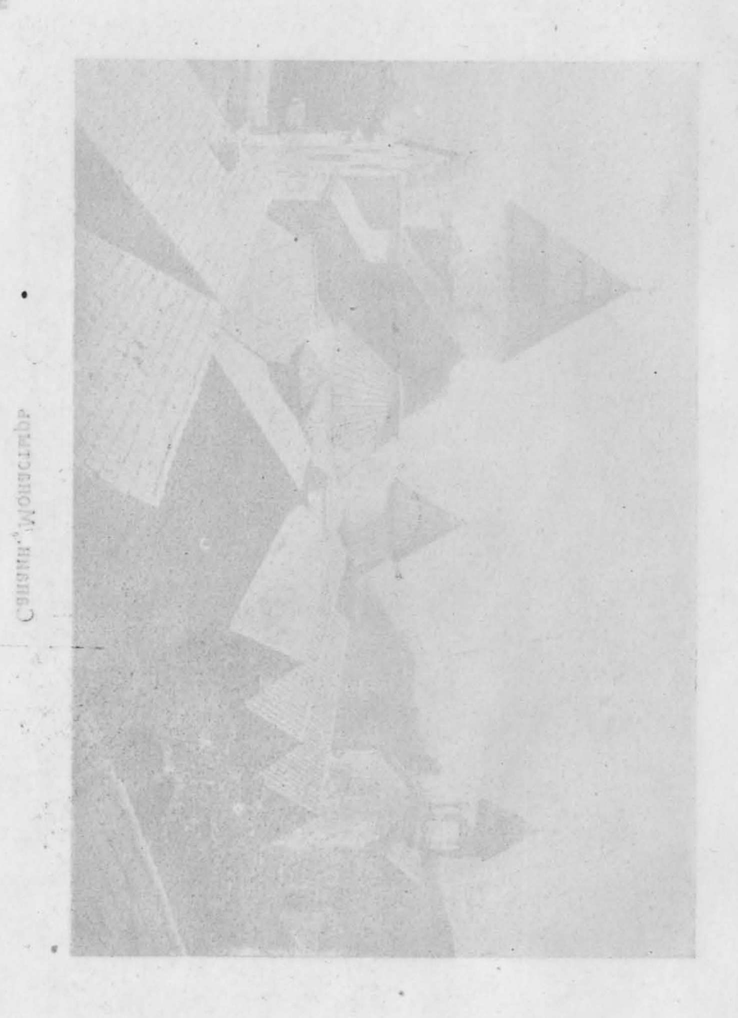

Севан. Монастырская церковь

Санаин. Монастырь

Санаин. Колонна притвора в монастыре

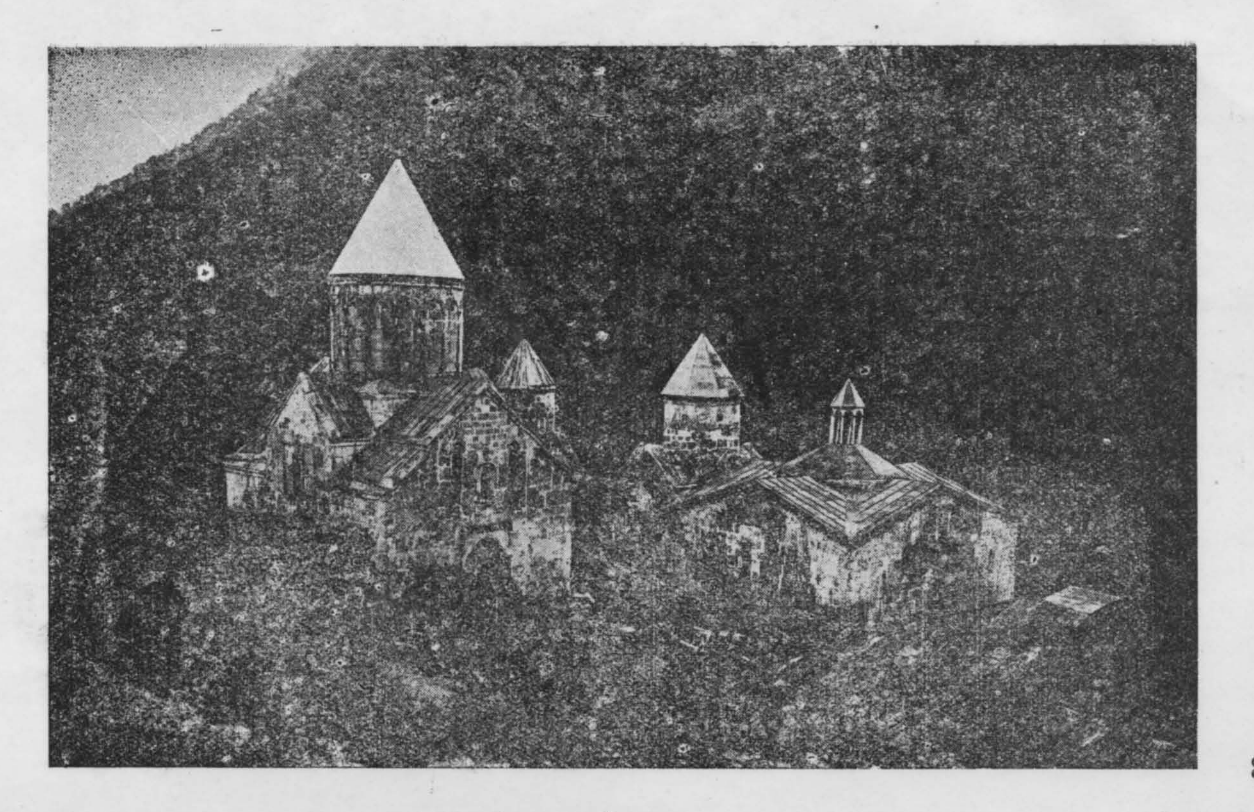
Ахпат. Монастырь

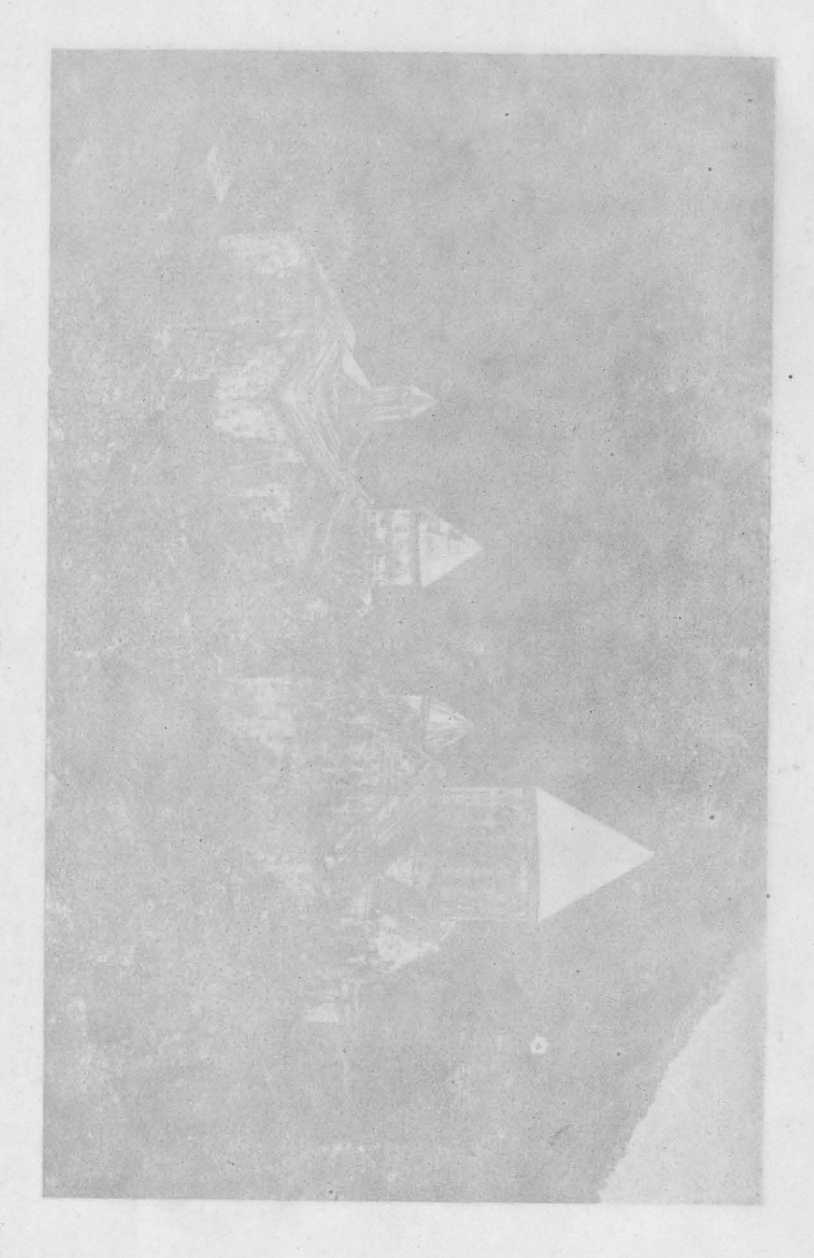
Аҳпат. Внутренний вид здания Амазаспа

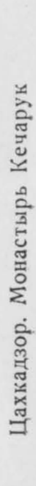

Ахпат. Внутренний вид здания Амазаспа

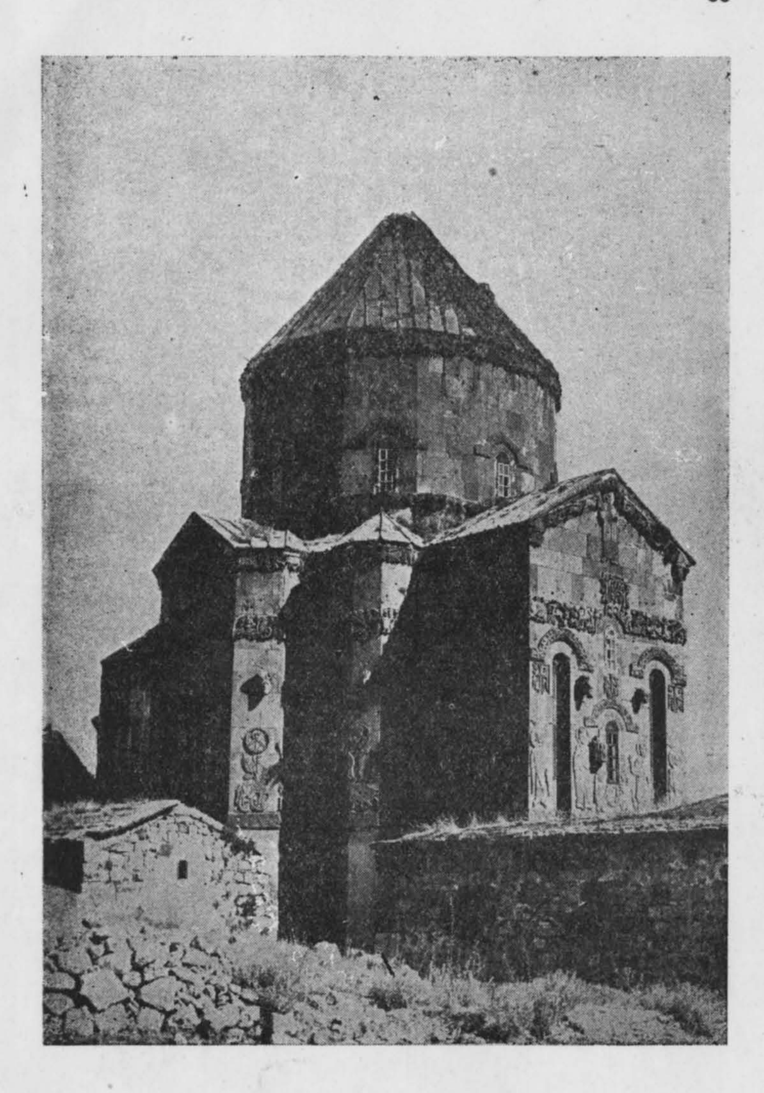

Агарцин. Монастырь

Цахкадзор. Монастырь Кечарук

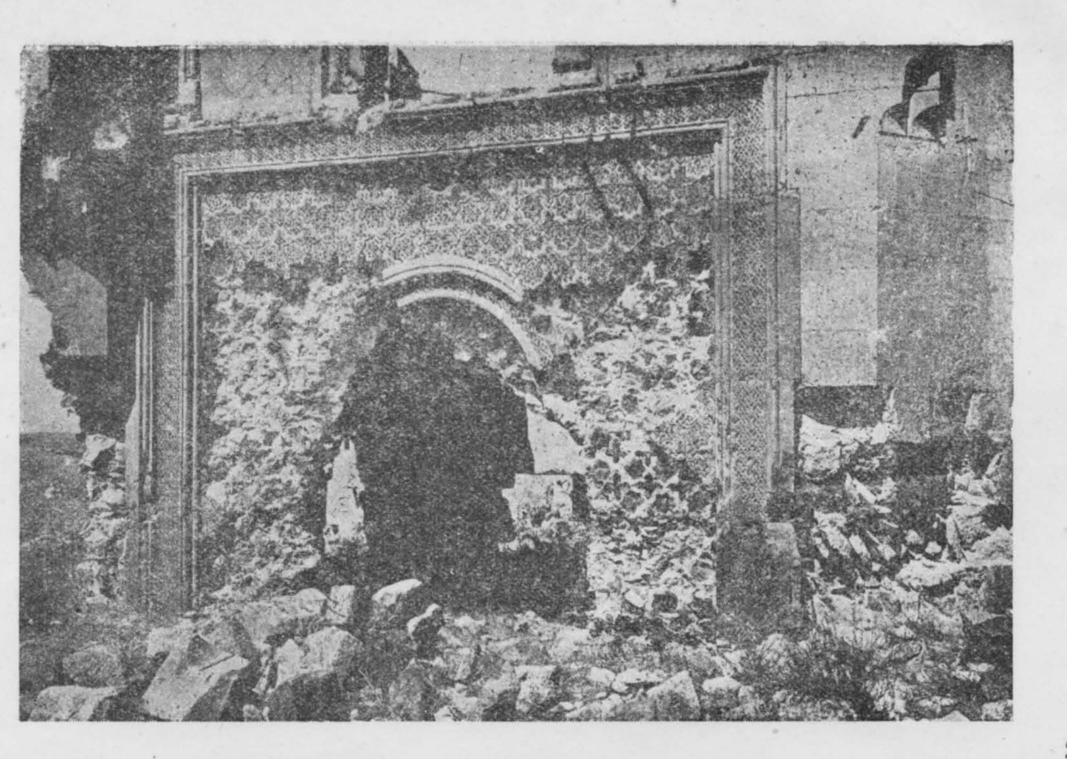
Ахтамар. Церковь

Ахтамар. Резное убранство стен церкви

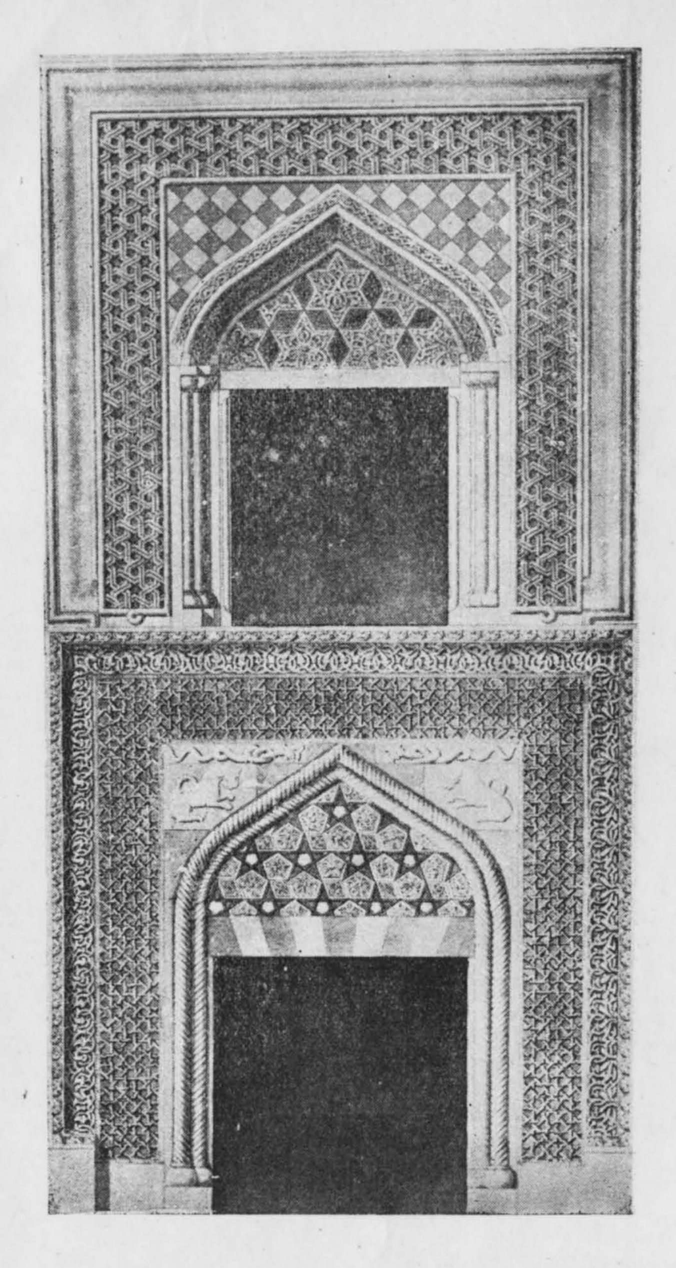

Ани. Дворец парона

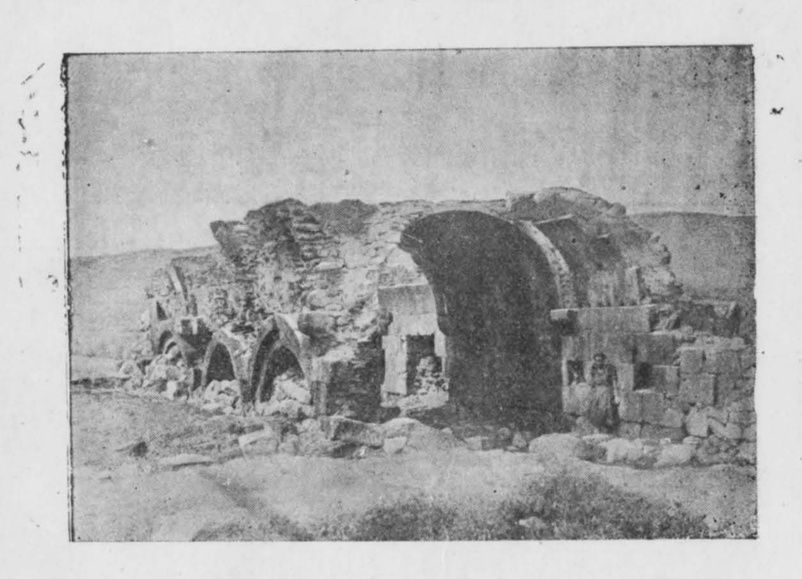
Ани. Нижняя часть портала дворца парона

Ани. Портал гостиницы. Реконструкция Т. Тораманяна

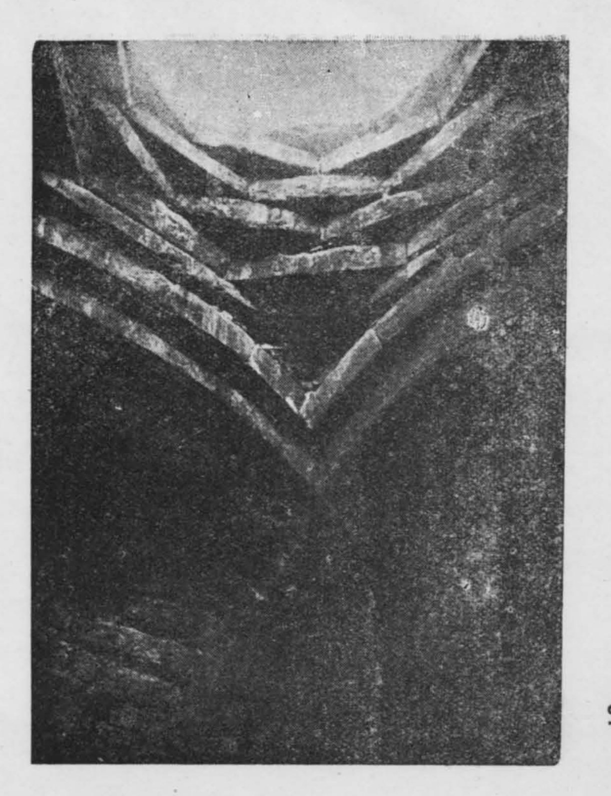

Зор. Каравансарай

Аруч. Каравансарай

Деревянный „шатер“ сельского дома

Геташен. Перекрытие притвора в монастыре Апостоло

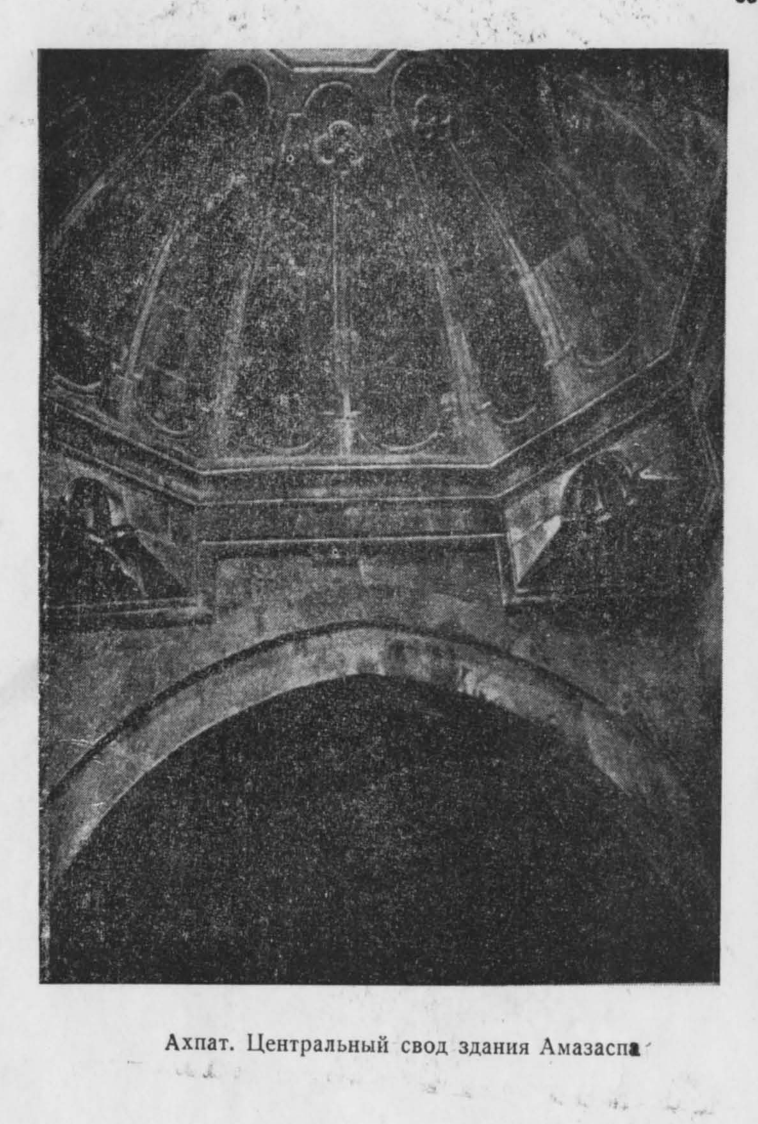

Деревянный „шатер" сельского дома

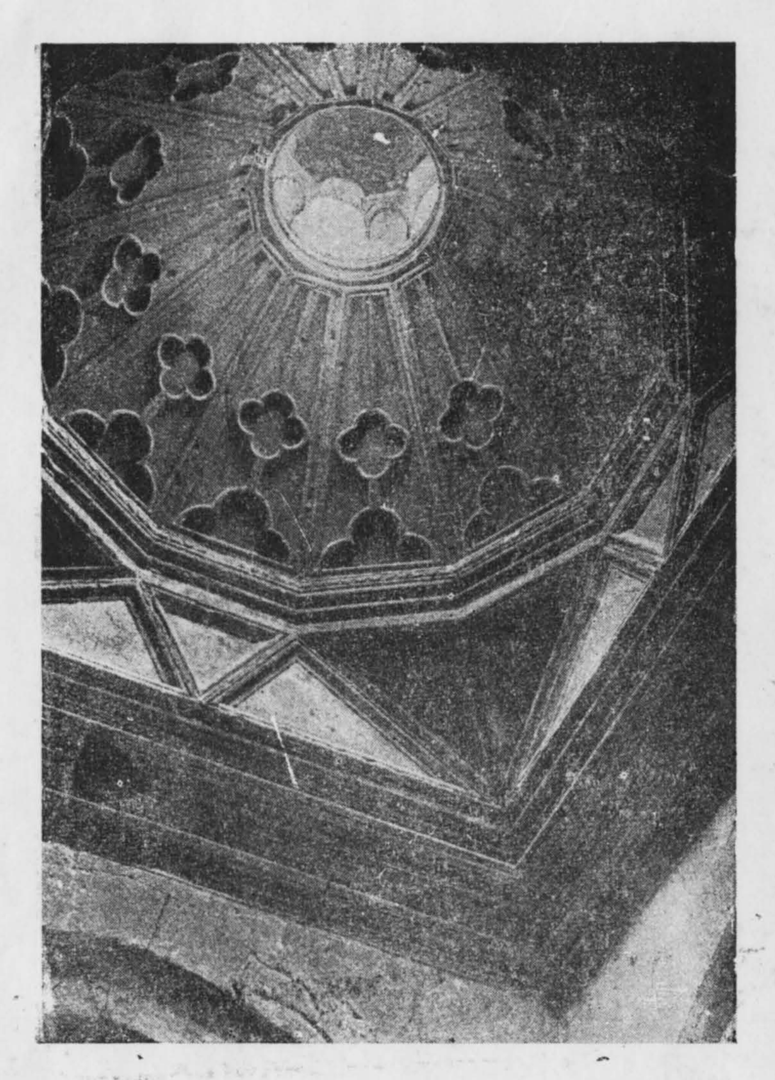
Геташен. Перекрытие притвора в монастыре Апостолов

Нор-Гетик. Основание разрушенной ротонды колокольни

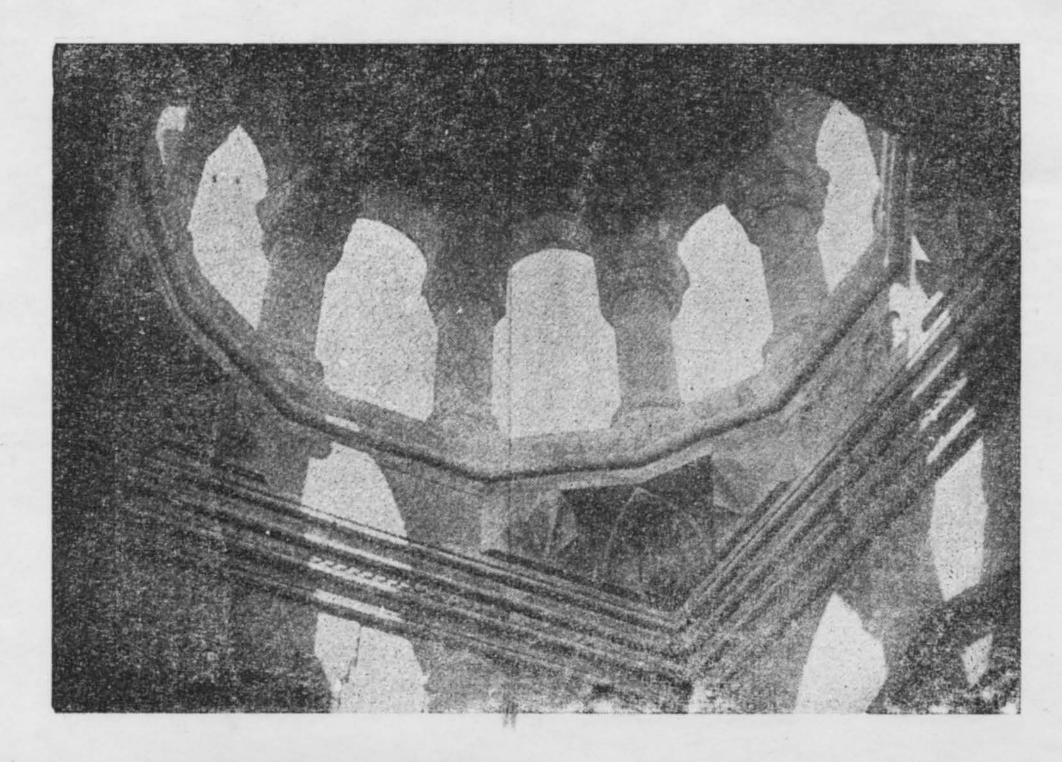

Ахпат. Центральный свод здания Амазаспа

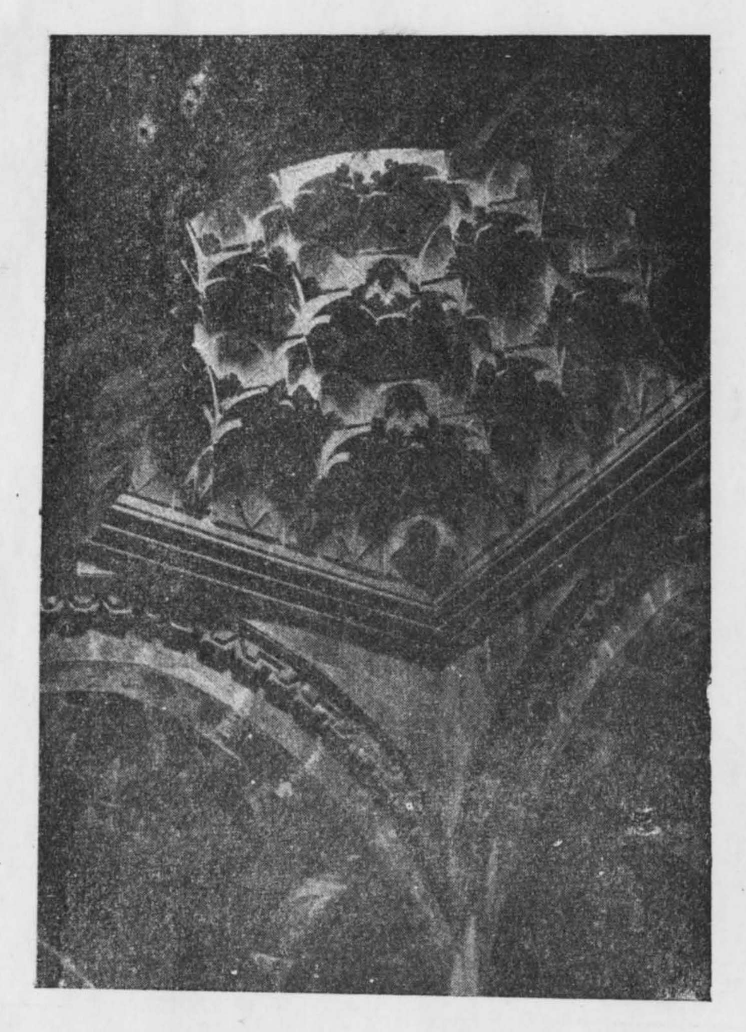
Сагмосаванк. Центральный свод притвора

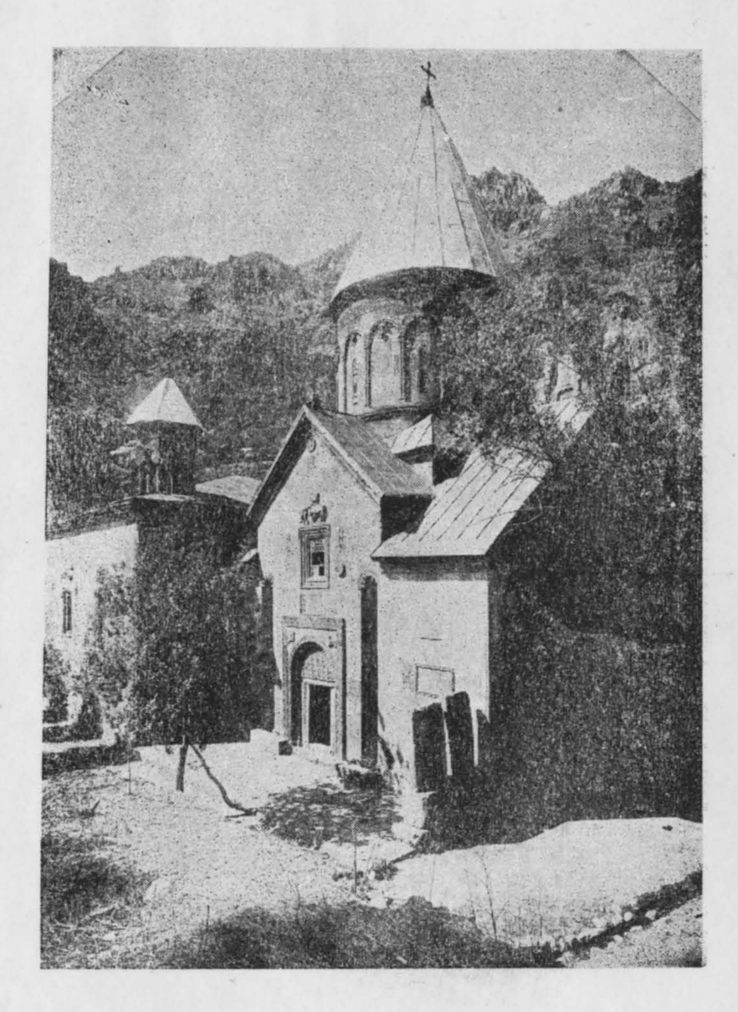
Ованнаванк. Центральная ротонда притвора

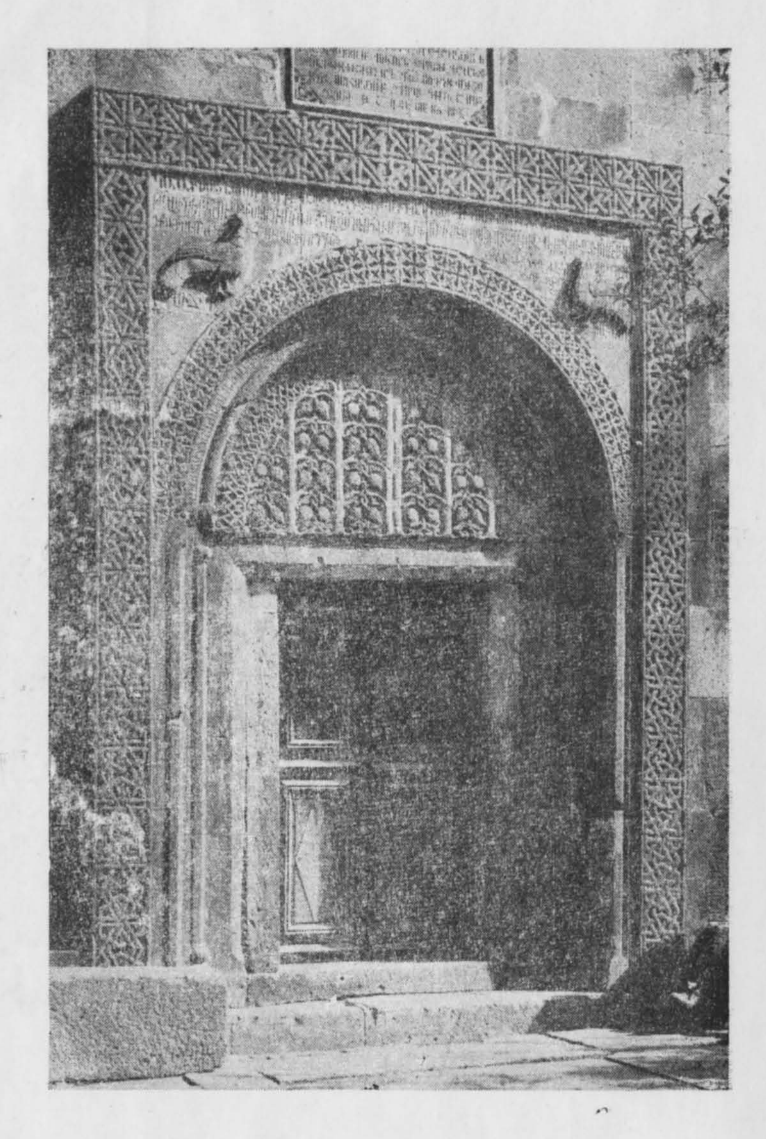

Гегард. Центральный сталактитовый свод притвора

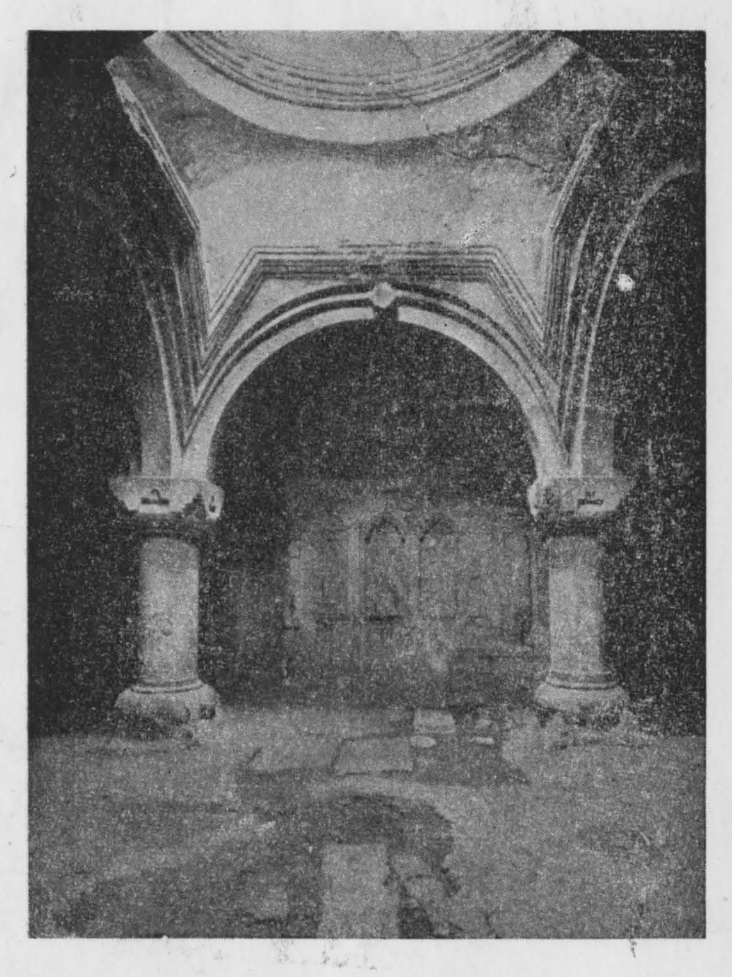

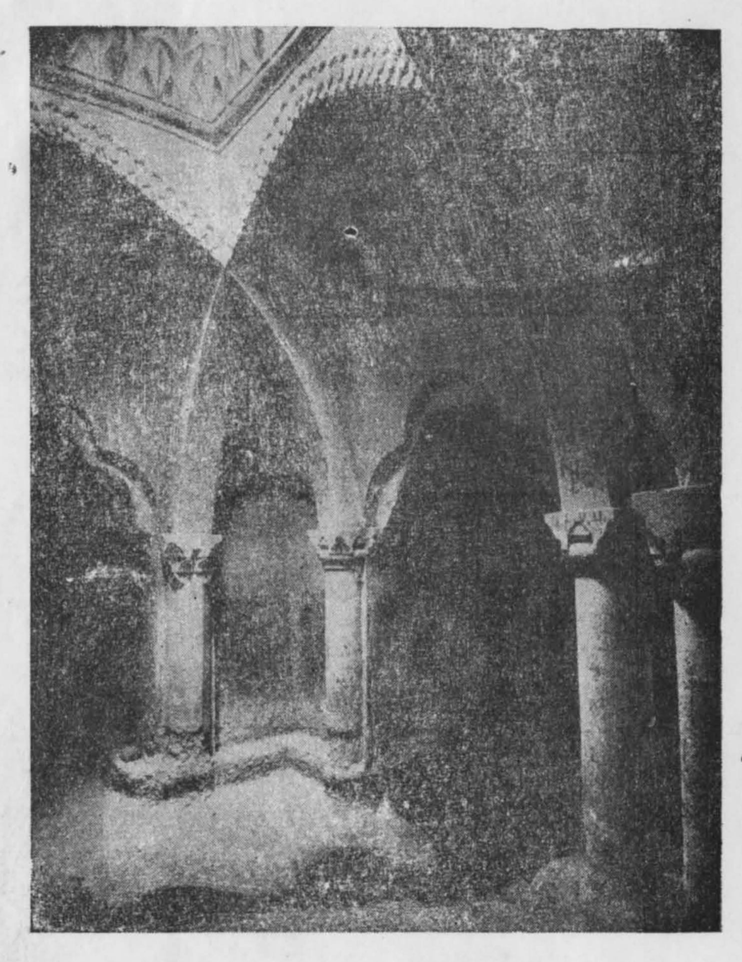
Гегард. Монастырь

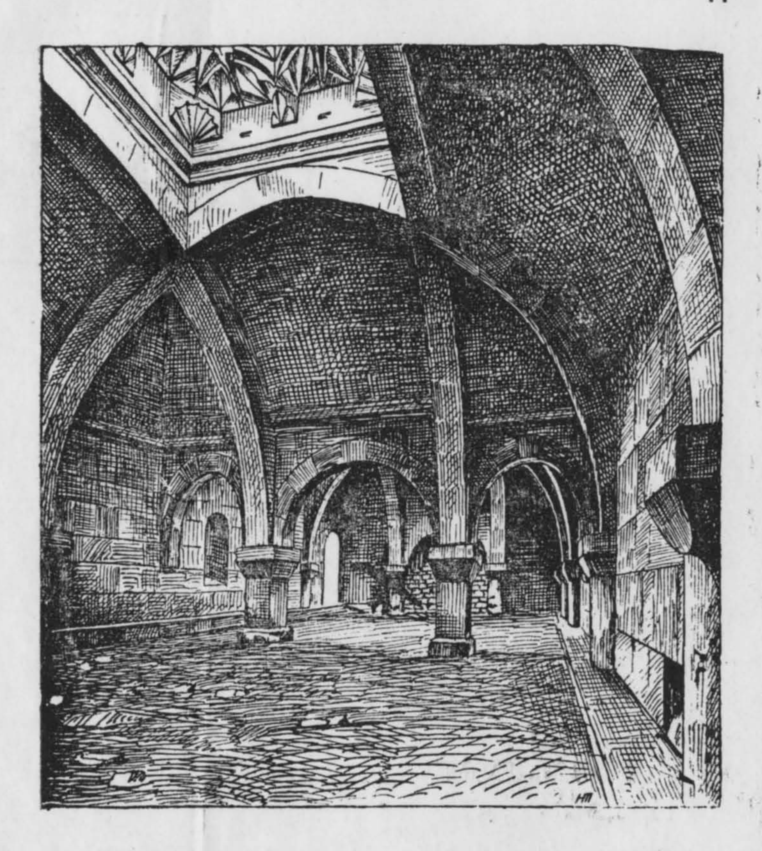
Гегард. Южная дверь главной церкви

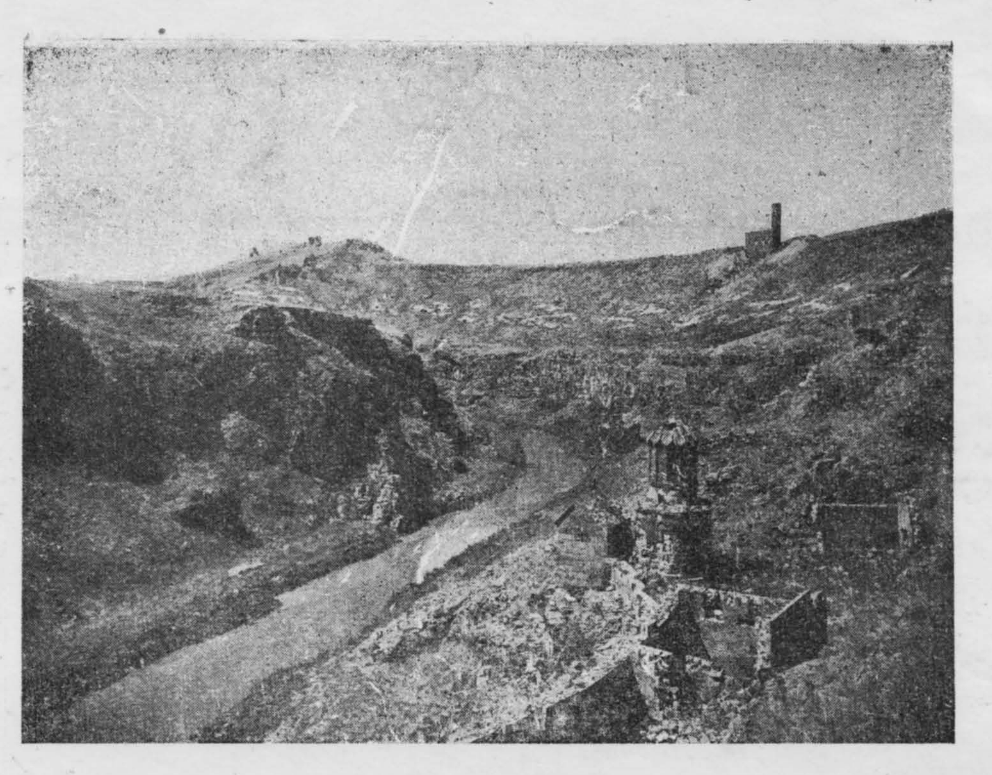
Гегард. Притвор Папака и Рузукан, высеч. в скале

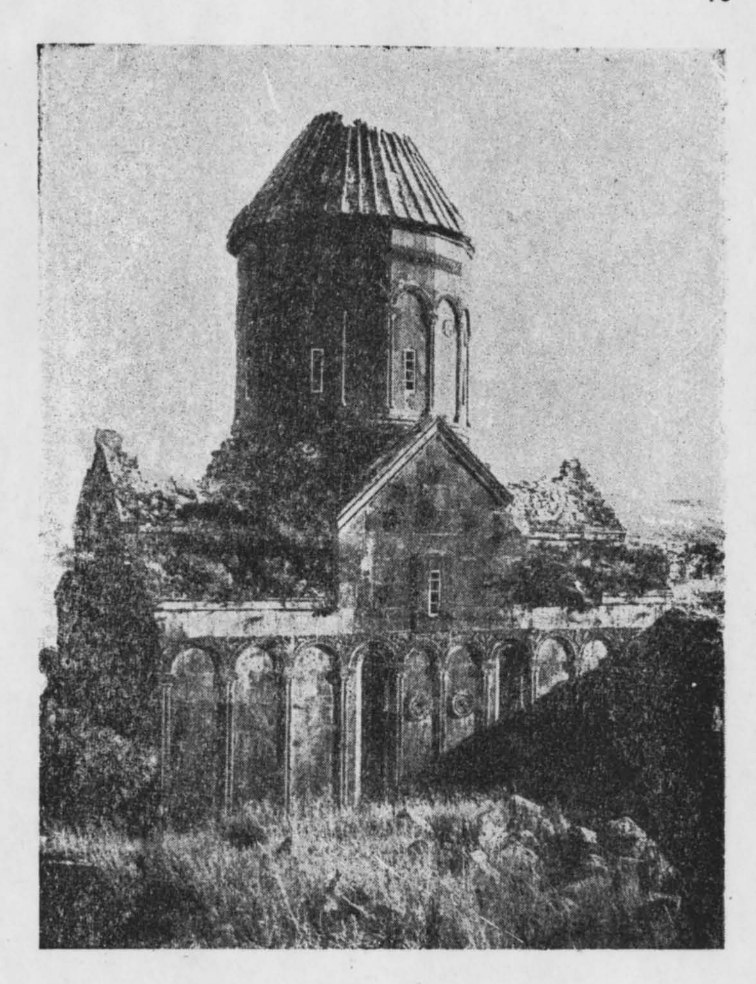
Гегард. Церковь с источником, высеченная в скале

Агарцин. Внутренний вид монастырской трапезной

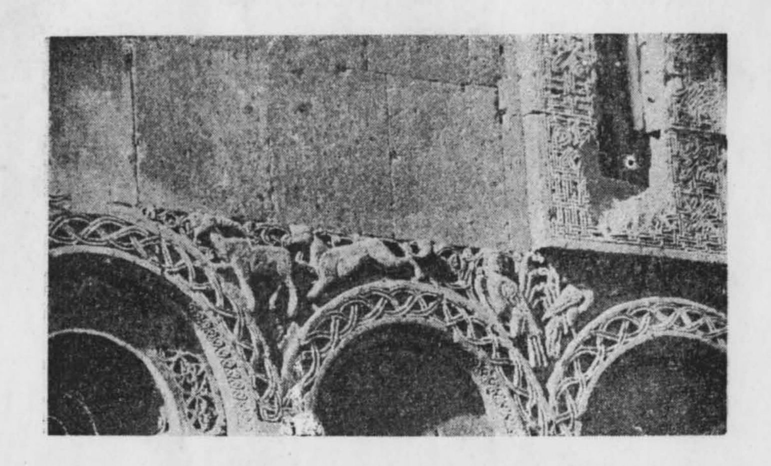

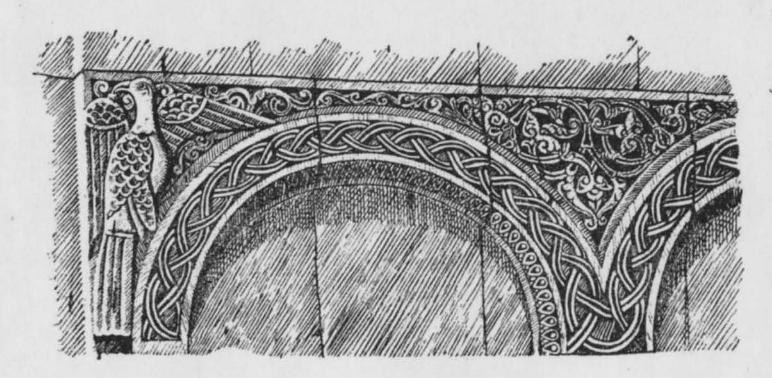
Ани. Девичий монастырь и вид на Ахурян с развалинами моста

Ани. Церковь св. Григория, постр. Тиграном Оненцем

Ани. Резное убранство церкви, постр. Тиграном Оненцем

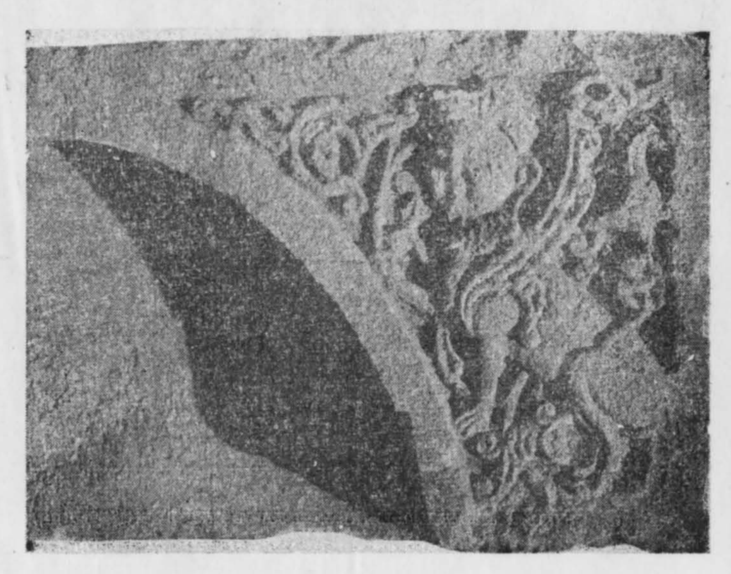

Архитектурный фрагмент из Эчмиадзина.
Фрагмент восточного серебряного сосуда, найденного на Северном Урале

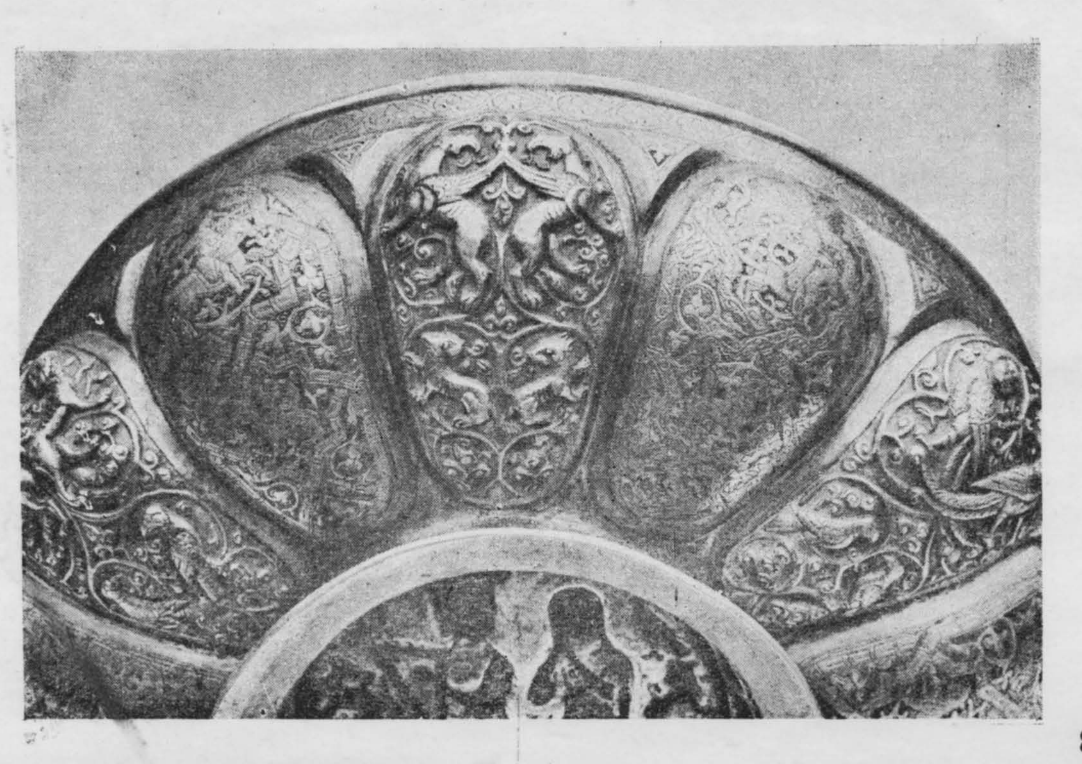

Двин (гипс)

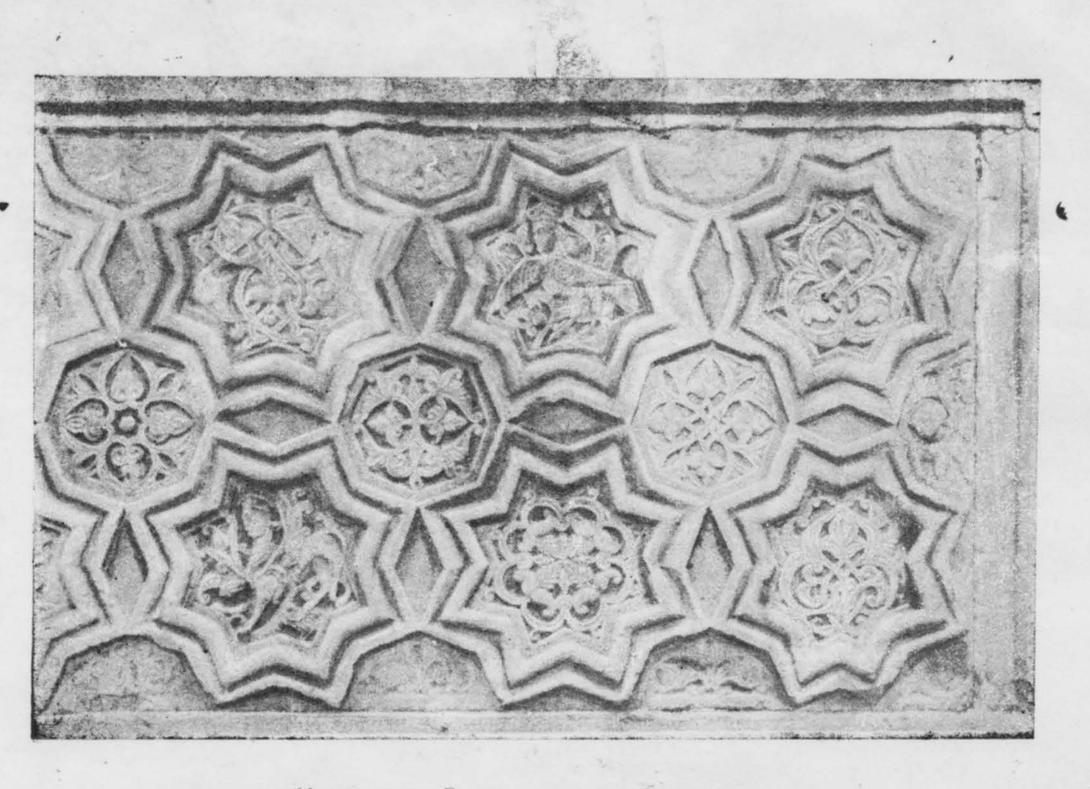
Нораванк (камень)

Архитектурные фрагменты с изображением сфинксов

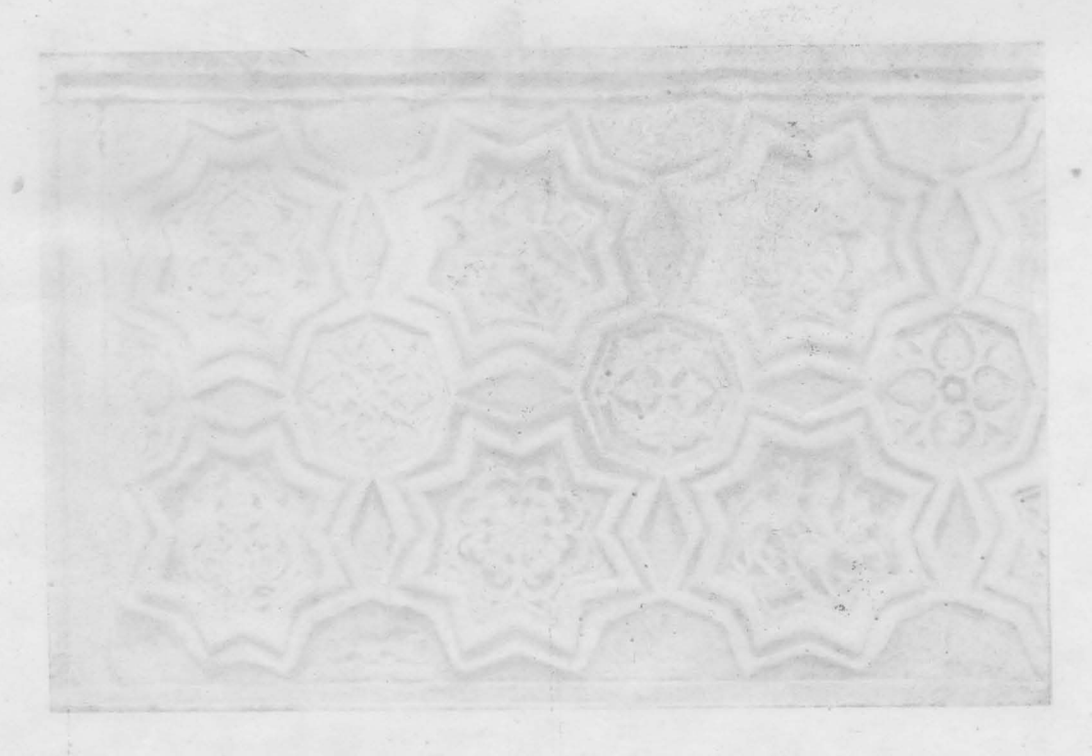

Киликийская серебряная чаша, найденная в сел. Вильгорт (Урал)

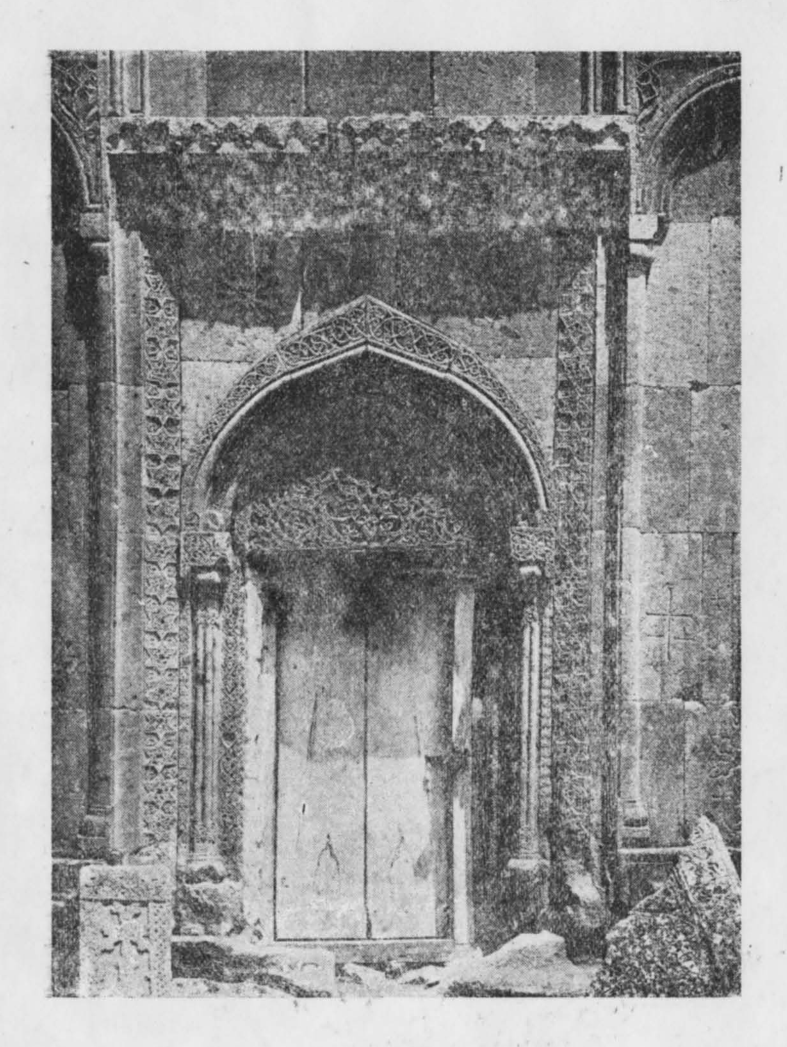

Макараванк. Стенка алтарного возвышения

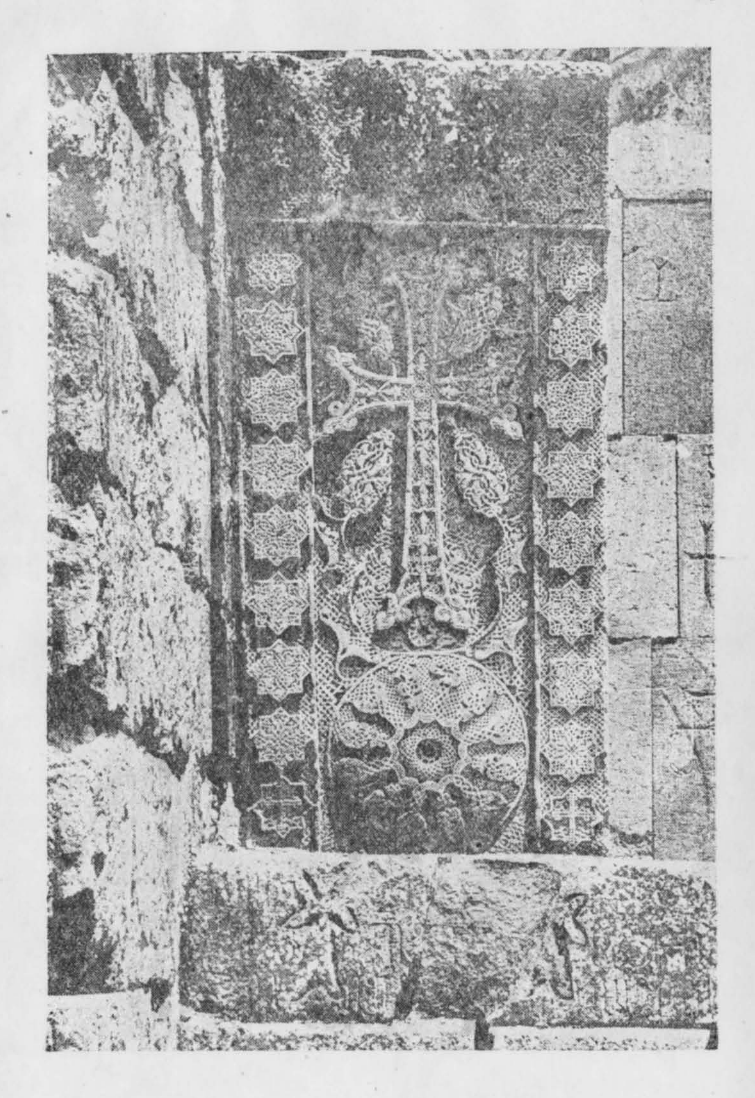

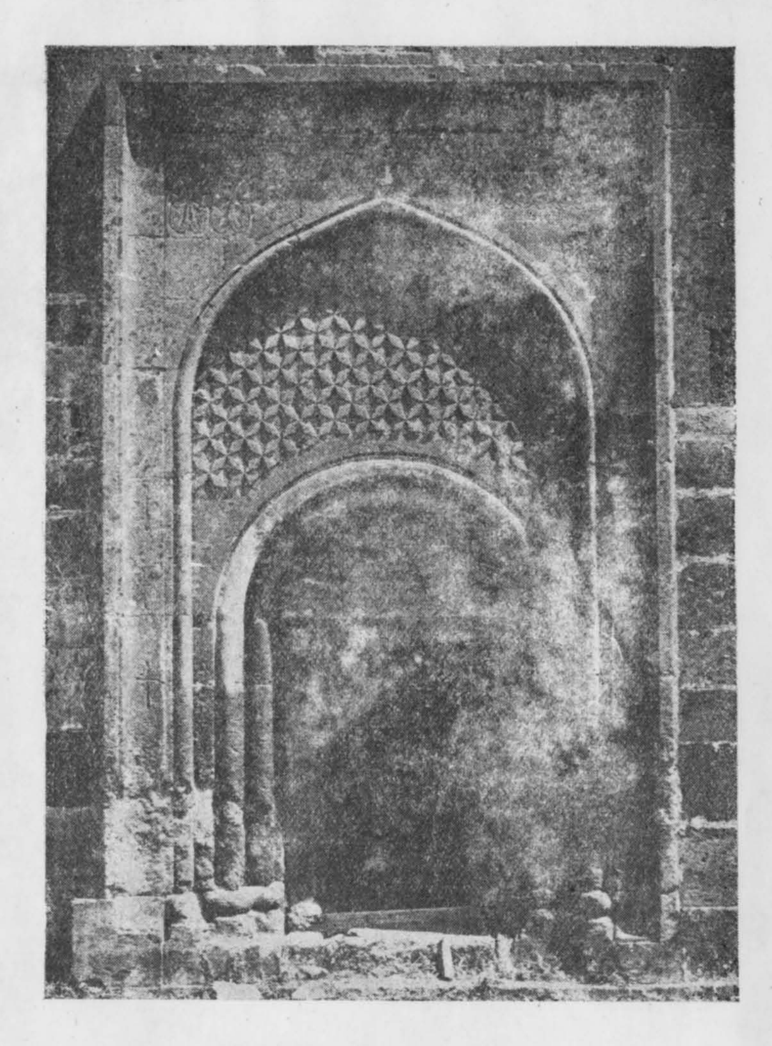
Арич. Стенка алтарного возвышения

Нор-Гетик. Портал церкви Просветителя

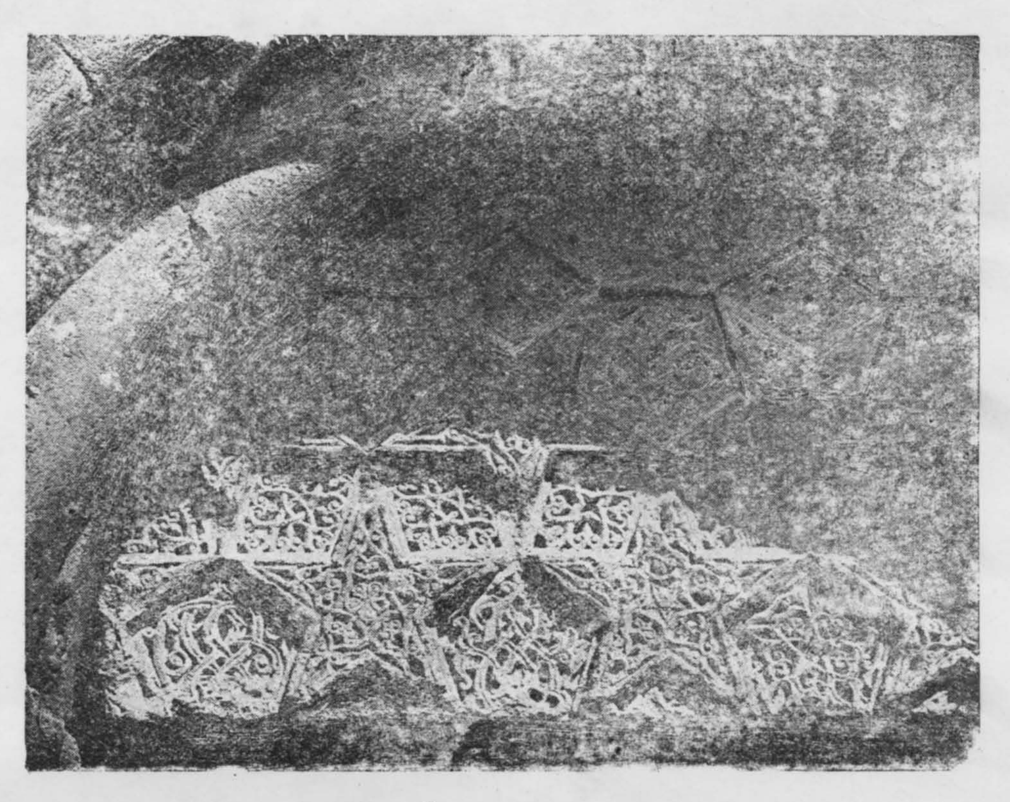

Нор-Гетик. Крестный камень

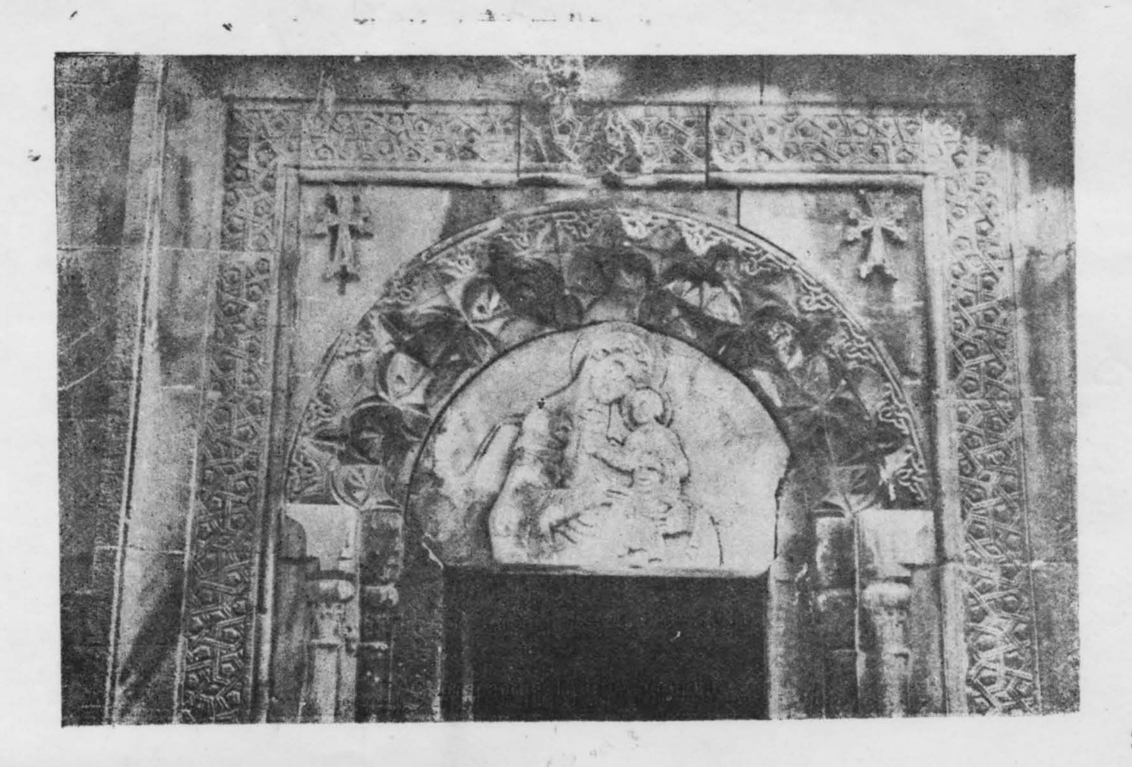
Сагмосаванк. Портал притвора

86

Сагмосаванк. Резной орнамент над дверью притвора

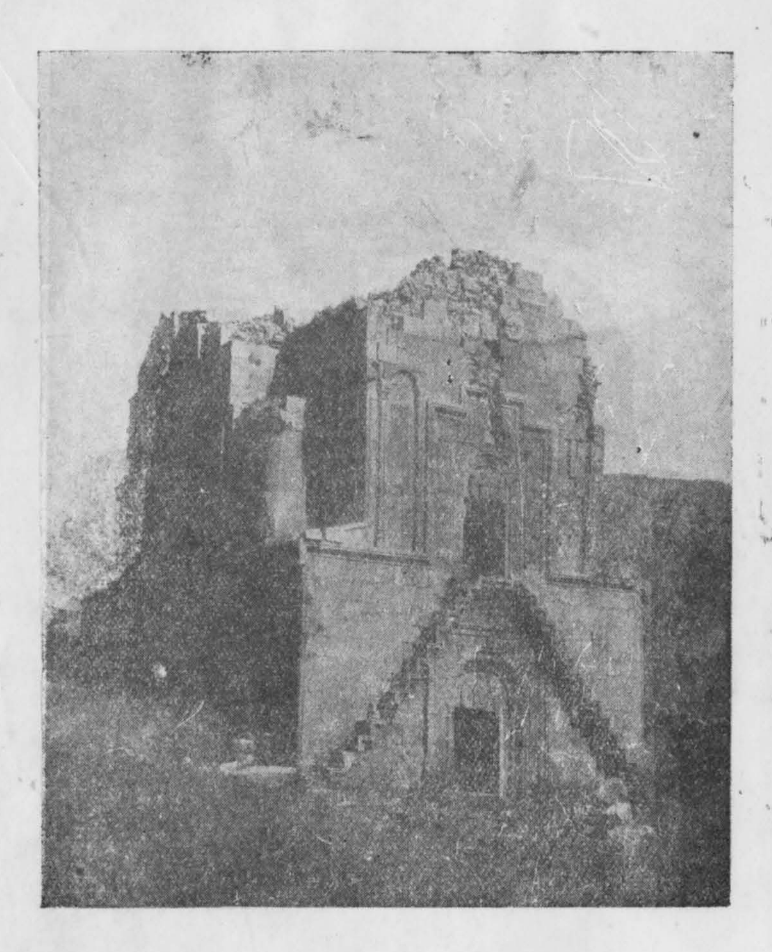

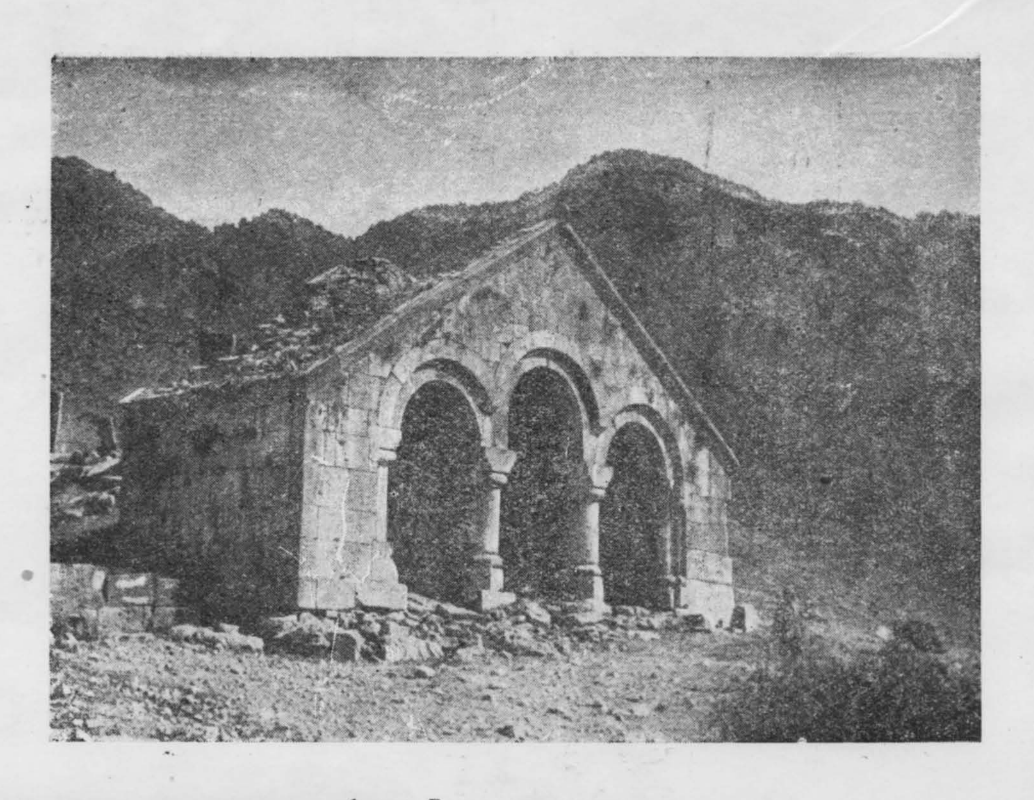
Спитакавор. Портал церкви

Егварт. Церковь Богородицы

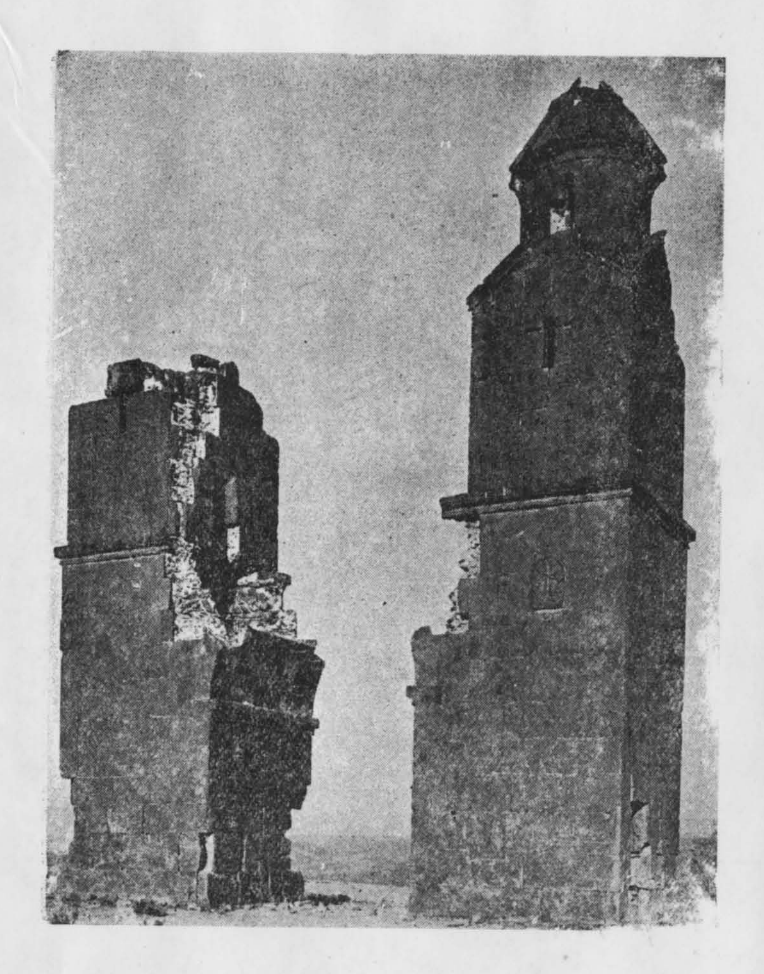

Нораванк. Церковь Богородицы

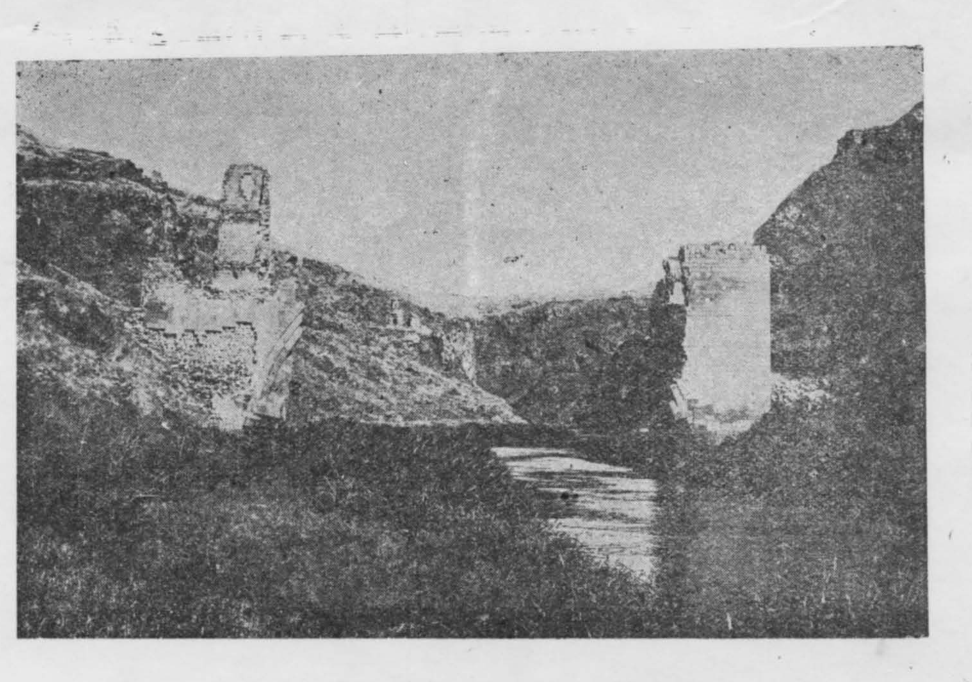

Ахпат. Водоем за монастырем

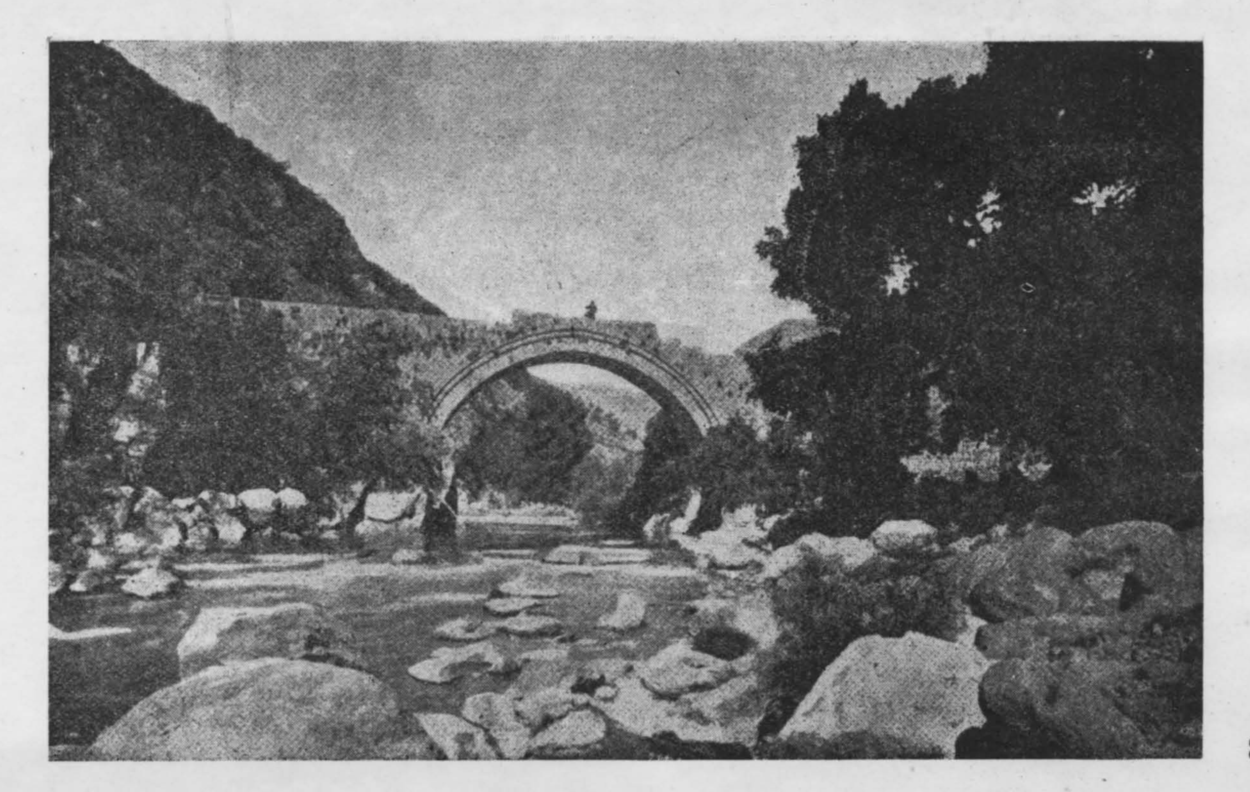

Оромос (Хошаванк). Ворота в районе монастыря

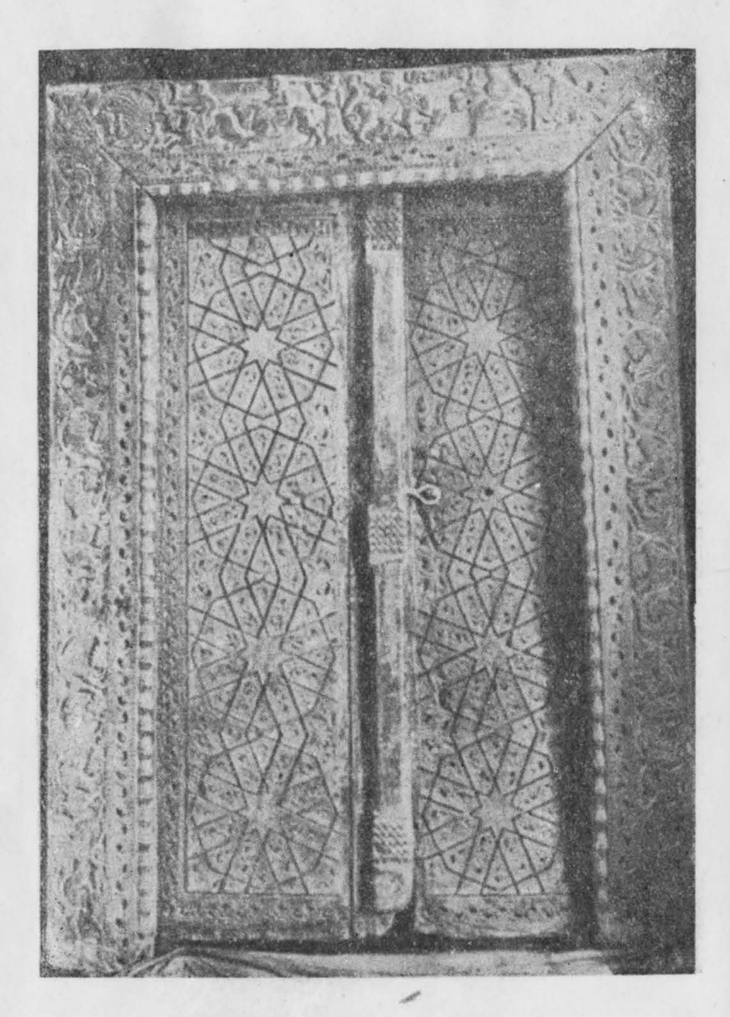

Ани. Развалины моста через Ахурян

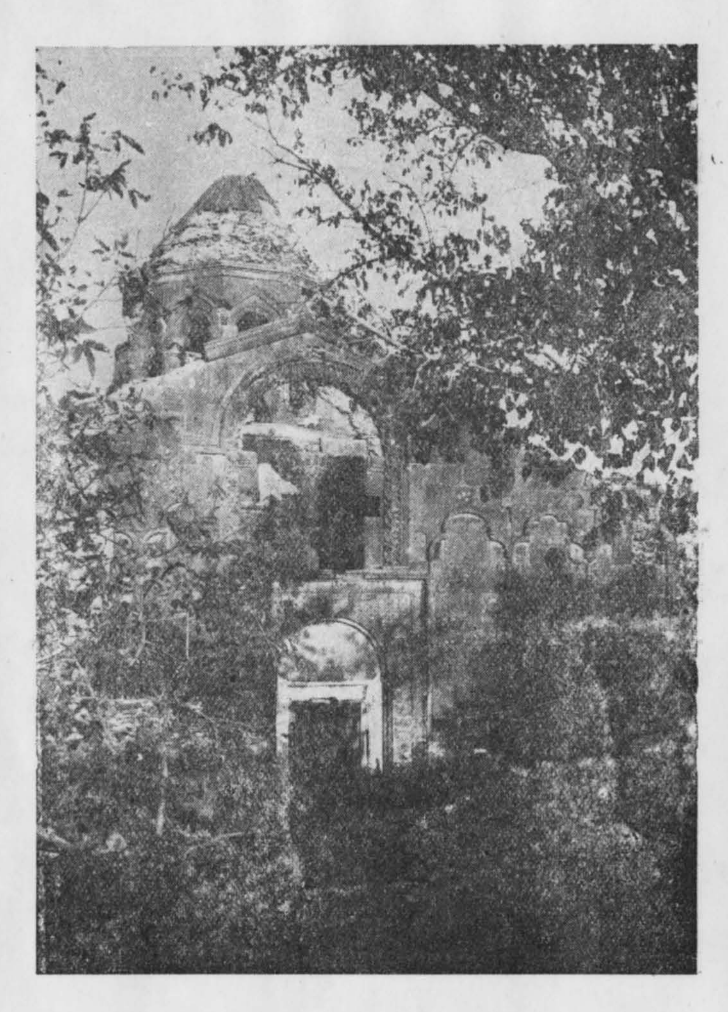

Санаинский мост

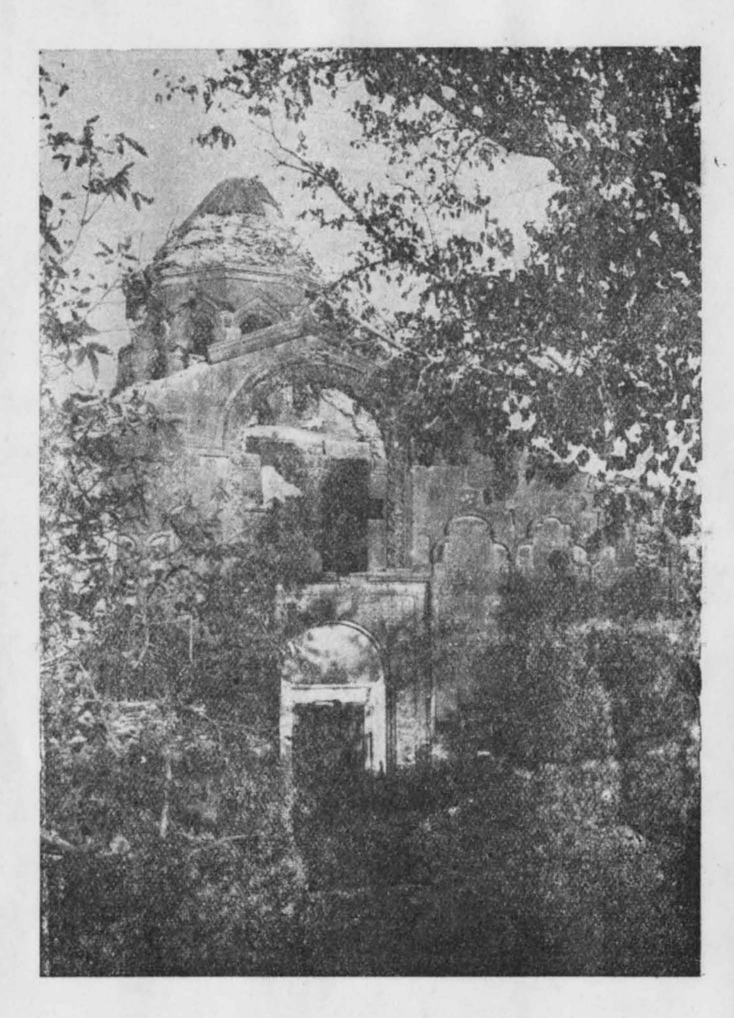

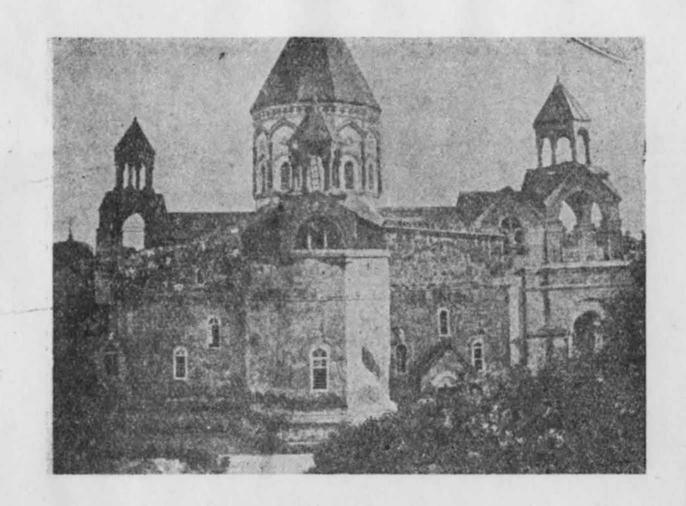
Резная дверь 1134 г. из Муша

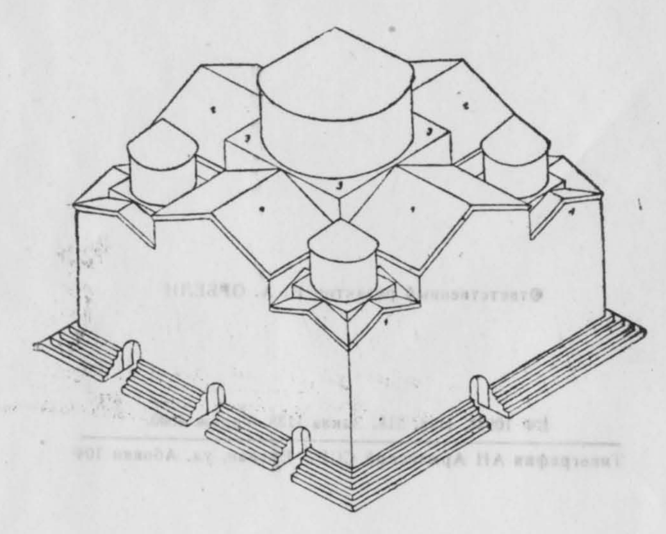
Ованнаванк. Притвор

Ованнаванк. Притвор

Собор Эчмиадзин
(после перестройки в XVII в.)

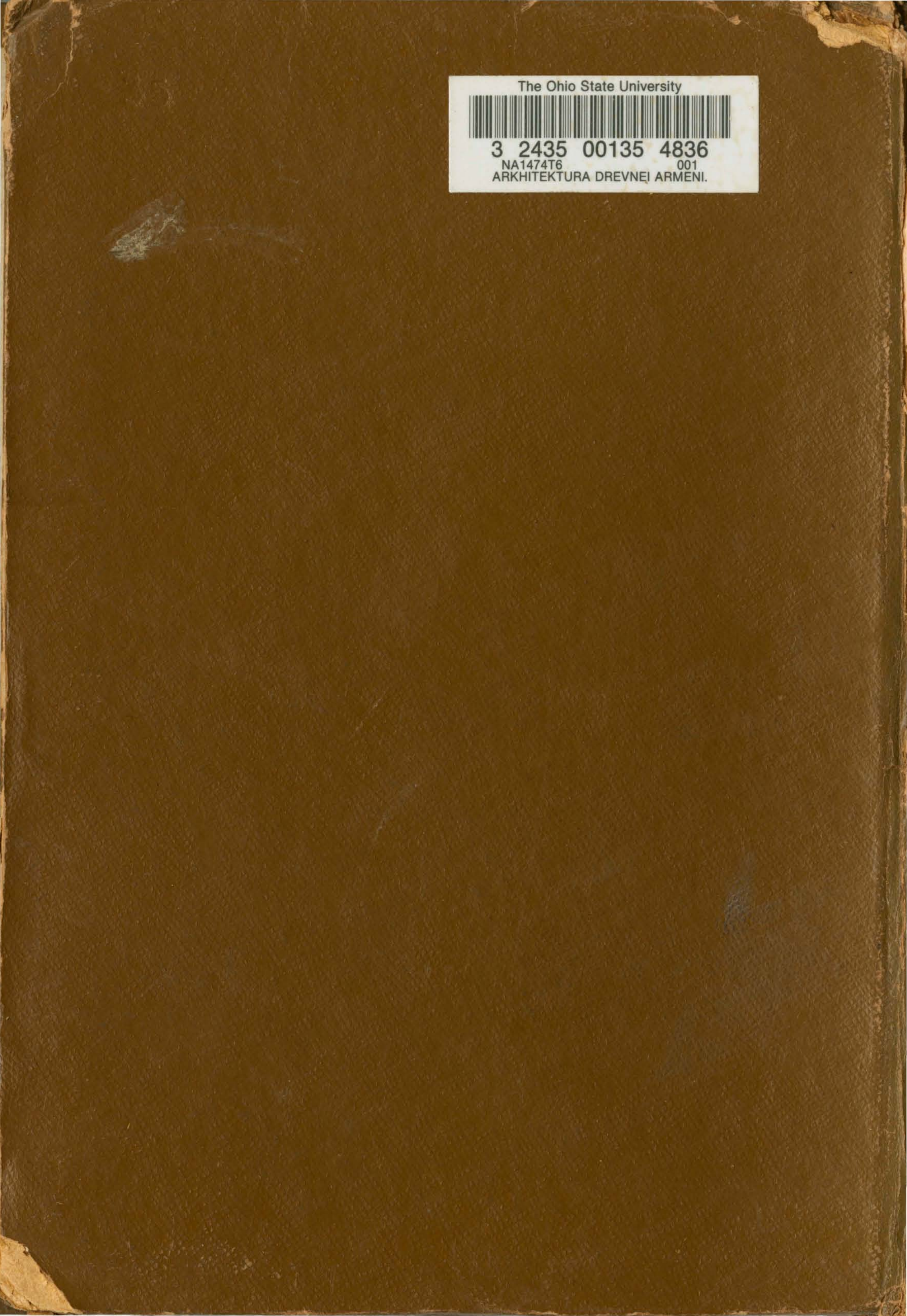

Собор Эчмиадзин
Первоначальный вид по Т. Тораманяну

Ответственный редактор И. А. ОРБЕЛИ

ВФ 10948, Изд. 318. Заказ 1138. Тираж 4000.

Типография АН Армянской ССР, Ереван, ул. Абовян 104

The Ohio State University
3 2435 00135 4836
NA1474T6 001
ARKHITEKTURA DREVNEI ARMENI.